И. А. КРЫВЕЛЕВ

РАСКОПКИ В „БИБЛЕЙСКИХ" СТРАНАХ

Советская
Россия

И. А. КРЫВЕЛЕВ

РАСКОПКИ В „БИБЛЕЙСКИХ" СТРАНАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ» МОСКВА — 1965

2
К85

Что в Библии исторически достоверно, а что относится к фантастико-мифологическим наслоениям?

Археологические исследования последних 150 лет в странах Средиземноморского бассейна дали огромный материал, проливающий свет на вопрос об историчности или мифичности ряда библейских повествований и персонажей.

Об этом и будет рассказано в настоящей книге. Издание богато иллюстрировано, рассчитано на широкие круги читателей и пропагандистов атеизма.

Художник
Е. А. МИХЕЛЬСОН

ВВЕДЕНИЕ

О ЧЕМ НАПИСАНА ЭТА КНИГА

Библия... Какие противоречивые представления и мысли вызывает в нашем сознании это слово и обозначаемое им понятие!

С одной стороны — священная книга. Религия — иудаизм, христианство. Раввины, попы, пресвитеры, синагога, церковь, молельный дом. Мифы о сотворении мира в шесть дней и о выходном для господа седьмом, об изготовлении первого человека из глины и женщины из ребра его, о всемирном потопе, о казнях египетских, переходе израильтян через Чермное море как посуху... И новозаветные мифы о зачатии Марией от духа святого, об исцелении болящих дуновением и плюновением, о воскрешении Лазаря, о распятии и воскрешении Иисуса Христа, о сошествии на апостолов святого духа в виде огненных языков. И обещание скорого второго пришествия Христа на землю и подробная, преисполненная бредовой фантастики, апокалиптическая картина грядущего конца света и страшного суда, после которого большинству людей не останется ничего другого, как вечно мучиться в огне адовом без какой бы то ни было надежды на помилование. А в ожидании неминуемого светопреставления—жить по Библии и свято соблюдать ее требования к поведению человека, что, впрочем, не так трудно, ибо в любом случае

есть возможность выбрать то, что представляется подходящим: можно — око за око, а можно — не убий и возлюби...

С другой стороны — величественный эпос, в религиозной фантастической форме содержащий сокровища духовной жизни ряда народов древности. Колоссальной ценности исторический источник. Один из важнейших культурно-исторических памятников, стоящий в одном ряду с Ведами и Авестой, с Илиадой и Одиссеей...

Можно ли разделить эти два противоположных по значению начала? Механически — так, чтобы одни главы, стихи или строчки текста отнести к одному, другие — ко второму,— невозможно. Но мы можем конкретно анализировать и форму, и содержание как отдельных книг, так и Библии в целом. Мы находим, например, в ней проявления народного художественного гения, создавшего в религиозной форме великолепные эпические образы, замечательные поэтические произведения разных жанров, начиная от исполненных скорби траурных песен до проникнутых любовным томлением лирических поэм, от бравурных баллад на военные темы до мирных идиллических новелл, изображающих тихие семейные радости. Есть в Библии и серьезные философские идеи о жизни и ее смысле, о боге и его «богооткровенном» учении — мысли, никак не укладывающиеся в прокрустово ложе иудейско-христианского благочестия. И немало в ней исторического материала, отразившего в причудливой и фантастической религиозной форме жизнь народов определенной эпохи, действительные события, происходившие в их истории, деятельность отдельных выдающихся представителей этой истории.

Найти этот ценный и интересный материал, вышелушить его из колоссального количества фантастико-мифологических наслоений и искажений — нелегкая задача. Одна из сторон этой задачи — установление того, какие из библейских повествований соответствуют действительно происходившим историческим событиям и в какой мере они им соответствуют; заодно должно выясниться, какие из них следует считать мифами, не имеющими под собой исторических оснований. Важнейший материал для установления этого дают археологические исследования. Основная задача этой книги и будет заключаться в выяснении того, что дают археологические раскопки для установления историчности или мифичности главнейших повествований Ветхого и Нового заветов. Особая глава будет посвящена рассмотрению вопроса о происхождении библейских книг в свете недавно найденных рукописей.

Здесь мне кажется уместным предупредить читателя о том, что дальнейшее изложение я собираюсь ограничить по двум направлениям.

Первое. Не заниматься теми повествованиями Библии, в которых речь идет о чудесах и сверхъестественных событиях.

Второе. Не сосредоточивать усилия на критике и опровержении религиозных учений, основанных на библейских рассказах.

Как известно, в Библии содержится огромное множество сообщений о потрясающих деяниях бога и близких к нему людей — пророков и других праведников. Она начинается с истории сотворения мира, которое выглядит как величайшее чудо. Затем что ни глава почти любой библейской книги — то рассказ о новом чуде: люди живут многие столетия, младенцы рождаются от столетних стариков, бог самолично является своим любимцам, он чудодейственными способами награждает их и такими же способами наказывает их недругов; превращается в соляной столб жена Лота, сыплются всевозможные казни на египтян, подается каждое утро израильтянам с неба манна, расступается море под жезлом Моисея, останавливаются Солнце и Луна по требованию Иисуса Навина, низводится огонь с неба Ильей-пророком и т. д. А концентрация чудес в Новом завете, пожалуй, еще гуще, чем в Ветхом,— Иисус Христос творит их непрестанно: превращает воду в вино, исцеляет больных одним прикосновением, воскрешает мертвых — даже таких, которые уже начали разлагаться. Великими чудесами сопровождается смерть Христа: солнечным затмением на несколько часов, землетрясением и т. д.; и величайшее чудо из чудес — воскресение Христа на третий день после смерти на кресте...

Так вот, всеми этими библейскими повествованиями мы здесь заниматься не будем. Точнее сказать, не будем разбирать вопроса о том, в какой мере они правдоподобны. Значит ли это, что автор допускает возможность чудес и не хочет опровергать эту возможность? Совсем наоборот! Научный подход к вопросу не допускает ни малейшей возможности сверхъестественных событий, и все рассказы о них, содержащиеся в Библии, представляют собой либо мифы, либо легенды. В первом случае соответствующий рассказ не заключает в себе никакого исторического зерна, его следует полностью относить за счет деятельности религиозной фантазии; во втором — основой сообщения следует признать

некое действительно имевшее место историческое событие, лишь расцвеченное и «обогащенное» фантастикой. Но во всех случаях все сверхъестественное, все, связанное с нарушением законов природы, должно рассматриваться как невозможное.

Доказательством этого в данной книжке я заниматься не буду просто потому, что ее тема — другая. Нас будут интересовать здесь лишь те библейские сообщения, в которых может заключаться историческое ядро. Иначе говоря, предметом нашего рассмотрения здесь будут исторические сообщения и легенды, но не мифы. Например, миф о сотворении мира мы просто оставим в стороне, а легенду о потопе будем рассматривать: в первом не может содержаться никакого зерна исторической истины, во второй оно может быть, ибо потопы или наводнения — вполне возможное дело. Разделение вод Чермного моря жезлом Моисея нас здесь не интересует, ибо этого не могло быть, а пребывание древних израильтян в рабстве у египтян не исключено — и мы постараемся обстоятельно рассмотреть этот вопрос.

Что касается второго ограничения — в отношении критики и опровержения религиозных учений,— то и в этом вопросе мы просим читателя, в том числе и верующего, правильно понять нас. Все без исключения религиозные учения мы считаем ложными и здесь не собираемся заниматься их последовательным опровержением только потому, что это отвлекло бы нас от прямой темы данной книги. А заодно уж, поскольку мы коснулись здесь этого вопроса, посвятим несколько строк опровержению одного заблуждения, имеющего очень широкое распространение.

Оно заключается в том, что нам, марксистам-атеистам, приписывается такой взгляд, по которому все в Библии вымышлено, все — фантастика и мистика — продукт обмана и извращенного религией воображения. Если так трактовать атеизм, то его легко опровергать. Вот, мол, в Библии говорится о вавилонском царе Навуходоносоре, а история знает этого царя, он существовал в действительности,— значит, Библия права, а атеизм опровергнут. И трудно ли набрать еще полтора десятка подобных примеров! Но все такие усилия будут бить мимо цели.

Утверждать, что в Библии или в любой другой религиозной книге или в религиозном учении все представляет собой сплошной вымысел — значит, отойти от научной марксистской трактовки вопроса. Все наше сознание есть отражение нашего же бытия. В религии это отражение фантастически извращено

и изуродовано, но в конечном счете сквозь все наслоения, сквозь самые причудливые узоры религиозной фантазии можно добраться до реальной основы соответствующих представлений. Из ничего фантазия не может сотворить ничего. Это относится и к Библии.

Многие события, о которых в ней рассказывается, действительно происходили или могли происходить. Многие персонажи, которые фигурируют на ее страницах, существовали в реальной исторической действительности или, по меньшей мере, могли существовать. И если о Давиде, Сауле, Соломоне, вавилонском Навуходоносоре, ассирийском Синаххерибе, египетском Шешенке и других реально существовавших исторических лицах говорится в Библии, то ничего сверхъестественного в этом, конечно, нет. Любое историческое событие, любой существовавший в действительности персонаж мог найти свое отражение в Библии, как и в каком-нибудь другом документе современной им эпохи, в книге, надписи, рисунке, скульптурном изображении и т. д. Другое дело — что, анализируя историческое содержание Библии или любой другой религиозной книги, необходимо особо внимательно учитывать возможность религиозно-фантастического извращения фактов, их мифологической обработки — вплоть до того, что то или иное сообщение может оказаться просто продуктом религиозно-мифологической фантазии. Мы ни в коей мере не заинтересованы в том, чтобы выдавать за миф исторически достоверные сообщения — содержатся ли они в Библии, или в Коране, или в буддийской Трипитаке. Но с другой стороны, нет никаких оснований признавать достоверными повествования, не оправдывающиеся историческими и, в данном случае, археологическими данными.

Мы не связаны никакими другими обязательствами, кроме необходимости выяснять действительную историческую истину. В предлагаемой книге мы будем добиваться этого, используя материал археологии.

Нельзя не отметить, что и в этой, казалось бы, академической области кипят идеологические и политические страсти. В зарубежной литературе вопрос об отношении археологии и Библии стал с некоторого времени весьма актуальным, вызывающим оживленную полемику, порождающим многочисленные не только научные, но и публицистические сочинения — журнальные и газетные статьи, диссертации, книги. Источники этой злободневности мы попытаемся раскрыть в ходе изложения.

Историческая наука, археология и библеистика

ВОЗВЕЛИЧИВАНИЕ БИБЛИИ ПРИ ПОМОЩИ АРХЕОЛОГИИ

В 1955 г. Вернер Келлер, просвещенный и благочестивый западногерманский журналист, издал толстую книгу под выразительным заглавием «И все-таки Библия права!». Успех ее, особенно то, что именуется коммерческим успехом, вероятно, превзошел все ожидания автора. Перед нами — немецкое издание 1958 г.— десятое (меньше, чем за три года!); на шмуцтитуле книги можно прочитать, что тираж ее за эти годы составил не более не менее, как 350 тысяч. Господину Келлеру довелось осчастливить не только немецкого читателя. Вот перевод его творения на английский язык — под более туманным заглавием «Библия как историческое произведение», подкрепленным, однако, достаточно категорическим подзаголовком «Подтверждение Книги Книг»; это издание (1958 г.) обозначено как седьмое. Переиздали книгу и в Израиле — на языке иврит. Сочли нужным издать ее и польские церковники — перед нами польский перевод, изданный в Варшаве в 1959 г. Мы не можем поручиться за то, что и на других языках еще сотнями тысяч экземпляров не появилось в течение последних лет это доказательство «все-таки правоты» Библии.

Весьма примечателен такой повышенный интерес со стороны зарубежных издателей, в том числе со стороны церковно-богословных кругов даже некоторых социалистических стран, к распространению книги на столь, казалось бы, далекую от современной жизни тему. Вряд ли, правда, можно считать этот интерес чисто теоретическим и совсем бескорыстным.

Астрономическим тиражам книги Келлера полностью соответствует та свистопляска рекламы, которая была вокруг нее организована в буржуазной печати. «Неподражаемо,— кричит некто Даниель Полинг в «Крисчен Геральд»,— великолепное сочинение, чудесное чтение!» Ему вторит «Тайм»: «яркое сочетание драмы и репортажа, которое читается наподобие детективного рассказа, вмещенного в рамки исторической книги». «Волнующим и, может быть, делающим эпоху исследованием» именует книгу «Даллас Морнинг Ньюс». Такой крупный и серьезный археолог-библеист, как Нельсон Глюк, счел необходимым отозваться на выход книги Келлера в «Нью-Йорк Таймс»; он высказался, правда, несколько сдержанней, констатировав только «атмосферу волнения вокруг этой книги» и сообщив, что эта атмосфера «заражает»[1]... Реклама на суперобложке характеризует книгу как «один из наиболее волнующих сюрпризов новейшей исторической литературы», как «сенсационный бестселлер для всего западного мира», как и «книгу необычного значения и почти невероятной волнительности». Оказывается, что в этой книге «использованы годы работы лучших представителей науки — археологов, геологов, биологов, ботаников, орнитологов, филологов, астрономов, физиков-ядерников». И все эти горы учености обрушиваются на читателя с целью доказать ему, что «Библия все-таки права»!

Все-таки — то есть несмотря на все открытия всей совокупности естественных и общественных наук, поставивших Библию в один ряд со всеми остальными религиозно-культовыми и культурно-историческими документами разных времен, народов и вероисповеданий. И именно Библия права — не Коран, не Трипитака, не Махабхарата и не Веды. Нужно во что бы то ни стало доказать правоту Библии. Заметим, что речь в данном случае идет не о доказательстве истинности

[1] Все эти цитаты взяты с суперобложки 7-го английского издания, содержащей, помимо приведенных, еще аналогичные высказывания «Сатердей Ревью Синдикейт», «Вашингтон Пост», «Лос-Анжелос Миррор Ньюс», «Крисчен Сайенс Монитор», «Чикаго Трибюн» и др. Шум был, в общем, поднят изрядный.

библейских мифов о чудесах и сверхъестественном откровении, о сотворении человека из глины, о чудесных исцелениях, совершавшихся пророками, Иисусом Христом и апостолами, о приостановке движения солнца и луны Иисусом Навином и т. д. Келлер и подобные ему авторы ставят перед собой куда более «скромную» задачу: доказать, что события, описываемые Библией, могли происходить во вполне естественном порядке, без нарушения законов природы.

Когда о книге Келлера пишут, что в ней использованы достижения целой дюжины наук, включая биологию, орнитологию и ядерную физику, то это, конечно, проявление обычного рекламного хвастовства. Основной материал, которым оперирует Келлер, если не считать его досужих домыслов и совершенно беспочвенных общих рассуждений, относится к области археологии. И именно археологией пытаются оперировать, кроме Келлера, и многие другие современные защитники «правоты» Библии.

По стопам Келлера идет американский баптистский теолог и библеист Говард Вос. В своей книге «Введение в библейскую археологию» он прямо заявляет, что его задачей является показать «образцы того вклада, который археология сделала для понимания и подтверждения Писания». Он считает, что «влияние археологии в отношении апологетики ярко выражено» и что археологические знания по Древнему Востоку «дают много материала, который служит для подтверждения Писания». В другом месте этот теолог от археологии заявляет: «Археология представляет превосходную апологетику для истинности Писания. Некоторые критики Библии умолкают или делаются более осторожными при находках археологов на Ближнем Востоке... Некоторые археологи переходят на более консервативную позицию относительно Писания». Восу нужна археология именно для того, чтобы заставить молчать критиков Библии и чтобы толкать ученых «на более консервативные» позиции.

Не имело бы особенно большого значения, если бы археологической апологетикой занимались только такие борзописцы и дельцы от журналистики, как Вернер Келлер, или такие ханжи-теологи, как Говард Вос. Но в последние десятилетия этим занимались и многие серьезные буржуазные ученые, известные своими многолетними трудами в области археологии. Стало даже признаком хорошего тона для любой работы по ближневосточной археологии указывать на то, что в ходе археологических исследований последнего времени выросло

доверие к исторической точиости Библии. Американский археолог Миллар Берроус, например, пишет: «В целом... археологическая работа дает несомненно сильнейшую уверенность в надежности библейских сообщений». Он прямо направляет археологию против итогов и выводов библейской критики, которые, по его мнению, «покоятся на ложных предпосылках и нереальных, искусственных схемах исторического развития». Столь же категорически настаивает на том, что археология опровергла «разрушительный критицизм второй половины XIX в.», археолог и бывший долголетний директор Британского музея Фредерик Кеннон. Он надеется на то, что она в дальнейшем еще больше даст для восстановления авторитета Библии, так как археология-де «еще не сказала своего последнего слова».

Крупнейшими современными авторитетами в области библейской археологии являются американцы Уильям Олбрайт и Нельсон Глюк. И оба они упорно твердят об историчности Библии, о подтверждении ее повествований археологией. Олбрайт пишет: «Не может быть сомнений в том, что археология подтверждает существенную историчность ветхозаветной традиции». Он считает, что этими возможностями археология стала располагать в сравнительно недавнее время. За период с 1919 по 1949 г., по мнению Олбрайта, как раз произошли такие изменения в состоянии библейской археологии, которые обусловили возможность выполнения ею такой важной для теологии роли. В начале этого периода, говорит он, здесь господствовала неразбериха, различные взгляды по вопросам хронологии исторических событий было невозможно согласовать, а «в таких условиях, действительно, нельзя было использовать археологические данные по Палестине для иллюстрации Ветхого завета». И Олбрайт ссылается на «замечательный критический обзор» этого вопроса, данный в 1909 г. каноником Драйвером; ученый-священник специально сигнализировал об опасностях, подстерегающих тех ученых-библеистов, которые попытались бы «слишком поспешно прыгнуть на археологическую арену». Теперь же, как уверяет Олбрайт, никаких опасностей здесь не предвидится, можно смело прыгать на эту арену и прочно на ней держаться, так как, «кроме очень ранних времен, данные, приводимые в этой книге (в Библии.— *И. К.)*, в существенных чертах совпадают с теми, которые дают» современные археологи.

Еще более категорически высказывается по этому вопросу другой корифей библейской археологии, ученик Олбрайта,

Нельсон Глюк. Он пишет о «почти невероятно точных исторических свидетельствах Библии» и о том, что «нет такого археологического открытия, которое в чем-либо противоречило бы библейским свидетельствам». И это говорят серьезные и крупные ученые, собственные исследования которых, как мы увидим в ходе дальнейшего изложения, открыли несколько весьма выразительных фактов полного противоречия археологических данных библейским свидетельствам.

Многие из современных буржуазных библеистов-археологов не так откровенно обнаруживают стремление к подтверждению историчности Библии археологическими данными. Для этой группы довольно характерны писания одного из наиболее плодовитых авторов в данной области, до недавнего времени бывшего редактором специального журнала «Библикл Аркеолоджист» («Археолог-библеист») Джорджа Райта. В принадлежащем ему общем курсе библейской археологии, последнее издание которого вышло в 1961 г., автор даже объявляет своей целью вовсе не доказательство чьей бы то ни было правоты, а выяснение истины. Мы можем найти у него хотя и скупые, но все же достаточно выразительные признания того «шока», который охватил «исследователей библейской хронологии» и вообще всех благонамеренных библеистов под впечатлением археологических открытий. По отдельным частным вопросам Райт вынужден прямо признать невозможность «гармонизации».

Не будучи в состоянии опровергнуть очевидные факты, он в этих случаях делает зигзаг в сторону того, что Библия-де вообще не нуждается в доказательствах и подтверждениях, в частности, и со стороны археологии. Не ее, мол, дело вообще что-либо доказывать или опровергать. «Громадное большинство находок ничего не доказывает и ничего не опровергает; они заполняют фон и дают окружение для истории». В этой связи Райт даже выражает свое неодобрение по адресу тех авторов, которые слишком рьяно стараются согласовать Библию с археологией и в этих целях идут на всякие натяжки и извращения. Он прямо становится в позу борца за истину и обличителя благочестивых фальсификаторов: «К несчастью, желанием «доказать» Библию проникнуты многие работы, доступные среднему читателю. Свидетельства неправильно употребляются, выводы, делаемые из них, часто неверны, ошибочны или наполовину правильны... Мы должны изучать историю избранного народа точно тем же путем, каким мы изучаем историю других народов, рискуя даже нарушить уни-

кальность этой истории. Если мы не пойдем на такой риск, мы можем никогда не достичь истины». И все-таки, героически защищая «объективность» и «научность», Райт исходит опять-таки из соображений авторитета и репутации Библии.

Он понимает, что слишком неумеренные усилия подвижников «гармонизации» могут больше повредить религии, чем поддержать ее. Библия, говорит он, «в некоторых отношениях больше страдает от благонамеренных друзей, чем от злейших врагов». Поэтому Райт иногда дружески одергивает тех из своих собратьев, которые уж слишком усердствуют в отношении доказательства правоты Библии. Но по существу он лишь маскирует этим свою собственную тенденцию к насильственной «гармонизации» археологических данных с библейскими легендами. Что это так, можно заключить не только из самого содержания работ Райта, но и из того, с каким сочувствием он в каждом конкретном случае говорит о подобных усилиях библеистов-археологов. Его либерализм, например, немедленно улетучивается, как только он начинает говорить о «гармонизаторских» взглядах Олбрайта и Глюка. Религиозно-апологетическая направленность работ последнего ему весьма импонирует. Цитируя соответствующие высказывания Глюка, Райт одобрительно отзывается о его «личной заинтересованности» в вопросах, связанных с Библией, поскольку он — «один из тех, кто любит и почитает свою Библию, не только как культурный документ, но и как религиозное исповедание веры». Райту тоже очень хочется «доказывать» Библию при помощи археологии, но он боится, что слишком большое усердие может дать обратный эффект.

В своем предисловии к книге Сайруса Гордона «Исторические основания Ветхого завета» немецкий библеист Херберт Хааг ставит в заслугу автору, что «его цель — не апологетическая, как у авторов некоторых других работ, которые теперь выбрасываются в массовых изданиях на книжный рынок и в которых пытаются доказать истинность слова божия при помощи нанизывания ошеломляющих «подтверждений» Библии древневосточными источниками». Более осторожные и, может быть, несколько более добросовестные представители буржуазной библеистики пытаются держаться в стороне от археологической апологетики; видимо, к этой группе принадлежит и автор приведенной цитаты. Для нас в ней представляет интерес не только тот факт, что видный буржуазный библеист отстраняется от мутного потока археологической «гармонизации», но и то, что он сам констатирует существование этого потока,

бушующего в массовых изданиях на книжном рынке капиталистических и даже некоторых социалистических стран.

На что рассчитывают издатели этой литературы?

Когда появляется толстая «ученая» книга под заглавием «Библия права» или без такого заглавия, но с этого рода содержанием — причем книга эта оснащена сотнями ссылок на авторитетных ученых и их труды, многочисленными иллюстрациями, примерами и параллелями из смежных областей знания и т. д.,— достигается впечатление солидности, беспристрастности, убедительности вывода об этой самой «правоте» Библии. Другое дело — что окажется при более внимательном изучении вопроса. Читатель, не занимающийся этими вопросами специально — а таких подавляющее большинство,— может удовлетвориться общим впечатлением от основного вывода, а в некоторых случаях даже от заглавия. И цель апологета Библии может оказаться в какой-то мере достигнутой: что-то в сознании неискушенного читателя осталось благоприятное для репутации Библии — смутное и неопределенное, но это еще лучше, ибо чем туманнее, тем легче навязать человеку все, что нужно в интересах религиозной проповеди.

Именно этим расчетом руководствуются теперь идеологи и апологеты религии, всячески поощряя те работы по библейской археологии, которые могут дать какой-нибудь материал для вывода, что «Библия все-таки права». Посмотрим, в какой мере реальны эти их расчеты.

ЧТО ТАКОЕ АРХЕОЛОГИЯ?

По своему буквальному смыслу слово «археология» означает «учение о древностях». В более же конкретном своем значении это — наука о вещественных памятниках исторического прошлого людей, наука, исследующая это историческое прошлое по вещественным памятникам.

В нашем повседневном оби-

ходе памятником обычно называют монумент, установленный в публичном месте в ознаменование того или иного важного события или в честь и в память какого-нибудь выдающегося человека; этим же словом именуются воздвигаемые на могилах людей надгробные монументы.

Историческая наука по-иному и значительно шире применяет этот термин. Историческим памятником считается всякий материал, по которому можно изучать прошлое человеческого общества,— народов, общественных классов, государств, партий, отдельных людей. Если этот памятник вещественный, то его можно назвать археологическим. Поэтому пусть не удивляется читатель, когда в исторической книге, в частности и в нашей, он видит, что памятниками именуются и развалины древних зданий, и монеты, и рукописи, и надписи на скалах, и даже человеческие скелеты и их отдельные кости.

Итак, археология занимается разысканием и изучением вещественных памятников жизни и деятельности людей в разные исторические эпохи. Ее интересуют здания любого типа и назначения, помещения для скота, крепости и другие оборонительные сооружения, склады и всевозможные иные хранилища. Ее интересуют остатки дорог, мостовых, водопроводов, мостов, туннелей. Особенно большое значение для характеристики уровня производительных сил и материальной культуры соответствующей эпохи имеют находимые археологами орудия производства или их остатки — топоры, мотыги, ножи, сохи, иглы, шилья, рыболовные и охотничьи снасти и принадлежности. В погребениях находят полуистлевшие (а иногда и полностью сохранившиеся) остатки одежды, украшения, предметы хозяйственного обихода, произведения изобразительного искусства. Важнейший интерес представляют для археологии предметы искусства — скульптуры, рельефы, вырезанные на камне, глине, дереве, или написанные красками плоскостные изображения, а также монеты, печати, надписи на скалах, камнях, стенах, могильных памятниках.

И уж само собой разумеется, неоценимы по своему значению находимые археологами древние рукописи. Если материальные памятники сами по себе немы и могут истолковываться лишь при помощи большого количества всевозможных сопоставлений, аналогий, догадок и гипотез, то рукописи значительно более красноречивы — они сами о себе говорят. Это, конечно, не исключает, а, наоборот, требует очень серьезной критической работы над ними, в частности, путем

сопоставления с данными многих других, уже известных и изученных исторических источников.

Археологические памятники в большинстве случаев скрыты под землей, так как в течение столетий и тысячелетий позднейшей истории над ними постепенно накапливались наслоения, приносимые ветром и водой, изменения, причиняемые стихийными бедствиями, а также усилиями людей, строивших над старыми сооружениями новые. Поэтому чаще всего археологам приходится заниматься раскопками — иногда на большую глубину и в больших масштабах. Раскапывается обычно так называемый культурный слой, на уровне которого могли жить и жили люди, оставившие в нем вещественные следы своего обитания. Чаще всего раскопки предпринимаются в местах, где ранее находились поселения людей, или в местах захоронения умерших.

Не всегда, однако, археологические работы связаны с раскопками. В ряде случаев по тем или иным причинам древние поселения или погребения оказываются на земной поверхности. Достаточно указать хотя бы на такой грандиозный археологический памятник, как египетские пирамиды (впрочем, каждая из них имеет и свою подземную часть, которую археологам приходится раскапывать). На земной поверхности существует большое количество и других объектов археологического исследования: развалины древних и средневековых крепостей, замков и храмов, другие сохранившиеся старинные здания, надмогильные сооружения и т. д. Помимо того, для археологии представляют интерес многочисленные предметы, хранящиеся в музеях, различного рода общественных и частных коллекциях, а иногда даже просто оказывающиеся в личном пользовании людей.

Задача археологов никак не сводится только к тому, чтобы найти тот или иной памятник древней культуры. С того счастливого и решающего момента, когда поиски увенчались успехом и исследователь наконец нашел то, что он искал, или натолкнулся на нечто неожиданное, но интересное, его работа вступает в новую, не менее трудную стадию. Найденный предмет необходимо датировать — отнести к возможно более точной хронологической дате. Нужно установить его назначение — каким образом и в каких целях он употреблялся людьми, а выяснение этого далеко не всегда представляет собой легко разрешимую задачу. Нужно поставить найденный предмет в связь с тем, что его окружало, найти ему место в системе предметов и явлений общественной и личной жизни людей

того времени, к которому данный предмет относится. Рукописи и надписи надо прочесть, перевести на новые языки, а это, само собой разумеется, требует точного уяснения смысла данного текста. Лишь после этого открывается поле для его истолкования и для того, чтобы сделать из него выводы общеисторического порядка. Если мы вспомним, что в огромном большинстве случаев надписи и рукописи выполнены на языках, которыми теперь ни один народ не пользуется («мертвые» языки), знаками, которые давно вышли из употребления — клинопись, иероглифы, старинные алфавиты,— то станет ясна вся сложность работы по расшифровке и истолкованию древних текстов.

Для решения этих трудных и увлекательных задач существуют различные вспомогательные исторические дисциплины, которые совместно с собственно археологией помогают исторической науке решать ее задачи. Расшифровкой и истолкованием древних надписей, например, занимается эпиграфика — специальная «наука о надписях». Самый способ письма в различные исторические эпохи — очертания букв различных алфавитов, материал, на который наносился текст, чернила, употреблявшиеся при этом, самые орудия письма — все это тоже изучается специальной наукой, которая именуется палеографией, причем, разумеется, для разных языков палеография имеет свои особые подходы и приемы, основанные на специфичности этих языков и их систем письменности. Изучением монет занимается так называемая нумизматика, печатей — сфрагистика; обе эти вспомогательные дисциплины при всей их кажущейся узости и «специальности» нередко дают исторической науке исключительно ценный и подчас незаменимый материал для обобщений и выводов.

В этом разделении вспомогательных исторических дисциплин, как, впрочем, и во всякой такой классификации,— много условного. Считается, например, что эпиграфика занимается изучением отдельных надписей, сделанных на камне, металле, глине или дереве. А как быть с цельными рукописями или их фрагментами, написанными на папирусе, пергаменте, глиняных табличках? Можно считать, что их изучение — тоже дело эпиграфики. С другой стороны, есть специльная вспомогательная дисциплина, занимающаяся изучением папирусов,— папирология. Все вспомогательные дисциплины этого рода можно считать ответвлениями археологии, а можно относить их, так же как и ее, к вспомогательным дисциплинам в отношении к исторической науке в целом.

Если рассматривать археологию в узком смысле этого понятия, то все указанные выше вспомогательные дисциплины не входят в нее, а лишь соприкасаются с ней. Но когда мы говорим об археологических исследованиях, то имеем в виду не только обнаружение тех или иных памятников прошлого, но и их истолкование, следовательно, и те выводы, которые вытекают из них для исторической науки. И здесь-то в некотором смысле стирается грань между археологом и историком в более широком смысле этого слова. Вообще говоря, каждый археолог является историком. Другое дело — что тот специфический материал, над которым он преимущественно работает, и те специальные приемы, которыми он при этом должен пользоваться, обязывают его владеть целым комплексом особого рода знаний и умений, без которых обходится историк обычного профиля.

Из сказанного следует, что такие понятия, как «археологические материалы», «археологические исследования», надо трактовать более широко, чем это нередко представляется читателю: речь идет не просто о раскопках и находках, но об исторических исследованиях, основанных на материалах находок и раскопок. Стремясь в данном случае выяснить ряд исторических вопросов, связанных с Библией, мы будем привлекать археологический материал в широком смысле этого слова. Иначе говоря, мы попытаемся рассказать не только об открытии тех или иных памятников, могущих пролить свет на «библейские проблемы», но и о том, что дали для всестороннего объяснения этих памятников вспомогательные исторические дисциплины, связанные с археологией.

Хотя еще с времен древности у людей существовал интерес к старинным вещам, к их коллекционированию и истолкованию, но в качестве научной дисциплины археология сформировалась лишь к началу XIX века. За истекшие полтораста лет она обогатила историческую науку ценнейшими сведениями. Она раздвинула горизонт истории, она позволила заглянуть в глубь веков значительно дальше, чем это было возможно до «великих археологических открытий» XIX—XX столетий.

Раньше исторической науке приходилось иметь дело почти исключительно с письменными источниками, а они, как говорит выдающийся английский археолог Гордон-Чайльд, «не уводят нас в очень далекое прошлое». Он указывает и те хронологические пределы, дальше которых не заглядывают письменные источники: «В Англии они приводят нас к 40 г. н. э., во Франции — к 60 г. до н. э., в Италии письменные ис-

точники уводят несколько дальше 500 г., а в Греции — дальше 700 г. до н. э.,[1] но нигде на нашем континенте не охватывают периода больше одного тысячелетия до н. э. В Китае мы находим письменные источники, относящиеся к 1400 г. до н. э., в Малой Азии — к 1800 и только в Египте и Месопотамии — к 3000 г. до н. э. Все, что произошло до этого, является полностью «доисторическим». К сказанному можно добавить, что подавляющее большинство даже письменных источников по Древнему Востоку стали достоянием науки тоже в результате успехов археологии — они были найдены археологами.

Благодаря этим открытиям горизонт письменной истории был отодвинут назад на целых 2000 лет. И еще больше дала археология для раскрытия дописьменной истории человечества. Гордон говорит: «Археология произвела переворот в исторической науке. Она расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии. Она в сотни раз увеличила для истории перспективу в прошлое, точно так же, как микроскоп открыл для биологии, что за внешним обликом больших организмов скрывается жизнь мельчайших клеток. Наконец, она внесла такие же изменения в объем и содержание исторической науки, какие радиоактивность внесла в химию». Конечно, всякое сравнение в какой-то мере условно, но выразительные параллели, проведенные здесь Гордоном-Чайльдом, дают яркое и в общем правильное представление о значении археологии для исторической науки наших дней.

СРЕДСТВА И ВОЗМОЖНОСТИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Теперь возможности археологии выросли в огромной степени по сравнению не только с XIX в., но и с периодом

[1] Это утверждение Гордона-Чайльда устарело. Теперь уже прочтены крито-микенские и пилосские надписи, относящиеся ко II тысячелетию до н. э.

до второй мировой войны. На всех ступенях археологического исследования — от разведки до окончательной теоретической обработки добытых результатов — ученые располагают мощной техникой, которая была недоступна прежним поколениям. В разведке приобрела важнейшее значение аэрофотосъемка, дающая возможность в короткие сроки обследовать большие территории и установить, чего можно ожидать от них для археологических работ. Лопата и кирка теперь используются далеко не на всем протяжении раскопок — на первой их стадии работают экскаваторы и другие землеройные машины. Фотосъемка упростилась и обогатилась новыми, неведомыми ранее возможностями. Не при свете факелов можно теперь фотографировать в темных пещерах и гробницах, а при вспышках электронных импульсных ламп, при свете мощных прожекторов и юпитеров, а то и в инфракрасных лучах, дающих возможность снять даже не видимое человеческим глазом. И в способах консервации найденного материала, его физического и химического исследования последние десятилетия дали много нового и весьма плодотворного. Особенно важны и интересны новые методы датировки вещественных памятников.

Датировка таких памятников может быть относительной и абсолютной. В первом случае устанавливается, в каком отношении по своей древности находится найденный предмет к другим предметам: моложе он их или древнее. Такая датировка имеет свою ценность, но она недостаточна. Свою наибольшую ценность для исторической науки данный предмет имеет тогда, когда археологу удается установить его абсолютную датировку, «привязать» его к определенной календарной дате, когда можно, например, сказать, что данное погребение относится к XVII в. до н. э. или, может быть, даже указать десятилетие, а то и более точную дату его в рамках этого десятилетия. Науке известно много приемов, при помощи которых можно в ряде случаев добиться более или менее точной датировки найденного предмета. Но с недавнего времени, 1948 г., стал применяться новый способ, дающий исключительно ценные результаты,— он называется радиоуглеродным методом.

Один из существующих в природе изотопов углерода — C^{-14} обладает свойством радиоактивного излучения, он непрерывно и равномерно во времени распадается. Известно, что период его полураспада равен примерно 5700 годам, то есть что по истечении этого срока остается половина первоначаль-

ного его количества, по истечении еще одного такого срока — еще половина и т. д. В живом организме, растительном или животном, распадающийся C^{-14} непрерывно восполняется — в ходе жизненных процессов организм усваивает его из атмосферы и из потребляемых продуктов питания. Но как только организм умер, восполнение C^{-14} прекращается и процесс делается односторонним, идет один лишь распад. Так как время этого распада при всех условиях почти всегда одинаково, то, установив, какой процент C^{-14} остался в веществе данного предмета, можно сказать, давно ли перестал жить тот организм, из тела которого предмет был в свое время приготовлен: когда был сжат лен, из которого сшита одежда, когда был зарезан теленок, из кожи которого сделан пергамент данной рукописи, и т. д. Само собой разумеется, что этот метод применим только к предметам, в состав которых входит биогенный углерод, составлявший когда-то вещество живого организма. И следует иметь в виду, что точность его показаний находится в пределах плюс-минус одно-три столетия, а в некоторых случаях приходится допускать еще более грубое приближение. И все-таки метод радиоуглеродного анализа дал возможность археологии действовать со значительно большей уверенностью при определении возраста исследуемых ею памятников.

Для вещественных памятников неорганического происхождения, то есть не содержащих углерода, в последние десятилетия тоже найдены физические и химические методы датировки, гарантирующие в известной, притом большой мере надежность и объективность выводов. Для обожженной керамики существует теперь метод, известный под названием археомагнитного. Он основан на том, что в момент обжига глина запечатлевает то направление магнитного поля, которое существовало в это время в данной местности. Если знать изменение направлений магнитного поля в этой местности за более или менее длительный период, то можно найти тот год, когда направление соответствовало запечатленному в исследуемом керамическом изделии — кирпиче, или амфоре, или другой посудине. Весьма интересные методы датировки разрабатываются в последнее время для изделий из стекла — по микроскопически тонким поверхностным наслоениям, отлагающимся на стекле в ходе столетий. Так называемый дендрологический метод датировки — по годовым кольцам на срезе дерева — дает возможность устанавливать тот момент, когда оно было срублено, с точностью до одного года.

Мы видим, таким образом, что археология при помощи современного естествознания вооружилась рядом точных методов, дающих объективные хронологические ориентиры. А насколько это важно для науки, можно проиллюстрировать двумя достаточно яркими примерами.

Возьмем знаменитые кумранские рукописи, о которых в дальнейшем нам еще придется много говорить. Американский ученый С. Цейтлин настаивает на том, что они совсем не древние и что они созданы в средние века. Если бы Цейтлин оказался прав, то все свое значение для истории иудаизма и раннего христианства, а также для истории Библии, эти исключительно ценные документы потеряли бы. Но еще в 1951 г. сам изобретатель радиоуглеродного метода датировки американский физик У. Либби исследовал при помощи изобретенного им метода куски льняных тканей, в которые были завернуты некоторые из рукописей. Оказалось, что лен, из которого сотканы исследуемые полотнища, был сжат в период между 167 г. до н. э. и 233 г. н. э. Это, конечно, весьма приблизительная дата, но она точна в том смысле, что бесспорно устанавливает древнее происхождение кумранских документов. И если Цейтлин все еще продолжает твердить свое, то это можно уже отнести за счет чисто субъективных причин.

Еще совсем недавно — несколько десятилетий тому назад — крупный русский революционер и ученый Николай Морозов настаивал на том, что подавляющее большинство памятников древности, известных в науке, представляют собой не что иное, как фальшивки, изготовленные католическими монахами на исходе средневековья. Он отрицал, в частности, древность египетских пирамид. Построения Морозова были опровергнуты и чисто теоретическими методами — абсурдность его взглядов была с самого начала ясна большинству историков. Но теперь древность пирамид «реабилитирована» методами, в точности которых уже не может быть сомнений. В частности, был здесь использован и радиоуглеродный метод. Оказалось, что акация, из которой была сделана перекладина для пирамиды Джосера, была срублена около 3979 г. до н.э. ±350 лет (дата, которая прежде фигурировала в египтологии, 4650 г. до н. э. ±75 лет). По данным радиоуглеродного анализа, дерево, из которого сделана погребальная ладья в гробнице фараона Сезостриса III, было срублено в 362 г. до н. э.±180 лет (прежняя датировка была —3750 г.) Мы видим в данном случае хорошее совпадение датировок, установленных разными методами. Теперь, надо полагать, и Мо-

розову, если бы он был жив, нечем было бы возразить противникам его теории.

Нужно не только правильно датировать археологический памятник, но и столь же правильно истолковать его. В отношении текста надписи или другого письменного документа имеет решающее значение его верное прочтение и перевод на наши современные языки.

Еще в первой половине прошлого века знаменитый французский археолог и языковед Шампольон открыл способ чтения египетских письмен, немецкий ученый Гротефенд совершил такое же открытие в отношении древнеперсидской клинописи, а затем коллективные усилия ряда специалистов разных стран раскрыли тайны ассиро-вавилонской клинописи. Уже в XX в. чех Б. Грозный и немец Г. Боссерт расшифровали хеттскую письменность и открыли перед наукой возможность проникновения в историю этой интереснейшей древней культуры. Для библейской археологии эти открытия имели непосредственное, можно сказать, жизненное значение. Они дали новые возможности посмотреть на библейские повествования, так сказать, со стороны — глазами тех народов, которые были соседями и современниками древних израильтян и которые запечатлели в своих документах многие исторические события и явления, нашедшие свое отражение и в библейских повествованиях.

Есть ли, однако, полная уверенность в том, что расшифровки сделаны правильно и что мы читаем в древних текстах именно то, что хотели написать в них их авторы и исполнители, а не то, что только кажется нашим современным ученым?

Да, никаких сомнений в этом не может быть. Много раз правильность чтения современной наукой иероглифов и клинописи подвергалась проверке самыми различными методами, и неизменно оказывалось, что нет здесь места произволу и беспочвенным гаданиям. Для расшифровки ассиро-вавилонской клинописи было даже однажды устроено нечто вроде экзамена, который был ею с блеском выдержан.

В 1857 г. Лондонское азиатское общество провело эксперимент, вошедший в историю науки. Четырем ученым-ассириологам — англичанам Роулинсону и Тальботу, ирландцу Хинксу и французу Опперту,— каждому в отдельности были присланы в закрытых конвертах копии недавно в то время найденного ассирийского клинописного текста с тем, чтобы каждый из них расшифровал этот текст и в строго секретном порядке прислал в общество перевод. Никто из четырех не

подозревал, что копии текста послания не только ему, но и еще троим. В указанный срок общество получило четыре закрытых пакета, содержимое которых было тщательно изучено специальным жюри и оглашено в публичном заседании. Оказалось, что четыре перевода почти полностью совпали по своему содержанию. Отныне можно было считать, что тем переводам ассиро-вавилонских текстов, которые дает нам наука, следует беспрекословно верить.

О ХРОНОЛОГИИ ВООБЩЕ И БИБЛЕЙСКОЙ В ЧАСТНОСТИ

Английский археолог-востоковед Е. Тиль сказал следующее о значении хронологии для исторической науки: «Хронология есть спинной хребет истории. Абсолютная хронология есть зафиксированный центральный стержень, вокруг которого должны быть правильно сгруппированы события прежде, чем они могут занять определенное место в истории, и прежде, чем их отношения могут быть правильно поняты». С этим можно полностью согласиться.

Первый вопрос, который возникает в связи с сообщением о каком-нибудь событии, должен быть сформулирован так: когда это было? Или, по меньше мере,— когда это могло быть? Только после удовлетворительного ответа на этот вопрос можно говорить о правдоподобности данного

сообщения, только тогда можно включить событие, о котором идет речь, в «историческую сетку», в систему других исторических событий, с ним связанных. Ибо история есть процесс, а не сумма беспорядочных «происшествий», и каждое значительное событие в этом процессе вытекает из ряда многих других, происходивших до него, и, в свою очередь, обусловливает ряд тех, которые будут происходить после него. Вопрос о том, что было раньше и что позже, решается так называемой относительной хронологией, но последняя крепчайшими узами связана с хронологией абсолютной, устанавливающей, когда, в котором году такой-то системы летоисчисления произошло данное событие.

Исходным пунктом любого летосчисления является дата какого-нибудь действительного или мифического события: важно, что берется какой-то условный момент, от которого ведется последующий счет годов, десятилетий и столетий. У разных народов древности были различные такие отправные пункты. Древнегреческий историк Тимей, живший в IV — III вв. до н. э., установил летосчисление по спортивным играм — олимпиадам, происходившим каждые четыре года; по его расчетам, первая олимпиада происходила в год, который в переводе на нашу эру должен считаться 776-м. Независимо от того, действительно ли первая олимпиада происходила в этом году, греки после Тимея имели твердый исходный пункт для счисления времени. Древние римляне принимали в качестве такого пункта, несомненно, мифическую дату — (основание города Рима, каковая дата условно совмещается с 754 г. до н. э.; в дальнейшем они заменили ее датой, связанной с реальным историческим фактом: начало царствования императора Диоклетиана (284 г. н. э.) было принято за исходную точку нового летосчисления.

В иудейской и христианской религиях принято летосчисление, исходной точкой которого является дата сотворения мира, вычисляемая по Библии. Правда, это очень шаткий ориентир. В самом тексте Библии дата сотворения мира не указана, что открыло перед иудейскими и христианскими богословами возможность в течение двух тысячелетий неустанно мудрить по этому вопросу, вычислять, сопоставлять различные варианты, ожесточенно спорить, основываясь при этом именно на Библии.

В XVIII в. французский протестантский священник де-Виньоль потратил сорок лет на исследование библейской хронологии. В 1738 г. он заявил, что собрал коллекцию из двухсот

различных расчетов даты сотворения мира, причем все варианты основаны на Библии; самая поздняя из дат — 3483 г. до н. э., самая ранняя — 6984 г. Иудейские раввины, следуя, как они считают, знаменитому толмудисту Гилелю, насчитывают со дня сотворения мира до начала нашей эры 3760 лет. Иудейские клерикалы и сейчас придают значение этому летосчислению — оно является официальным в государстве Израиль. Исходя из него, это государство в своих официальных документах обозначает дату годом от сотворения мира: 1964 г. н. э. у них числится 5724-м с тех знаменитых шести дней, когда господь потрудился над созданием Вселенной! Впрочем, еврейский же историк Иосиф Флавий, живший в 1 в. н. э., давал другую дату сотворения мира, соответствующую 4163 г. до н. э. Уже в XVII в. английские богословы Ушер и Лайтфут твердо установили, что мир был сотворен в 9 часов утра 23 октября 4004 г. Кстати сказать, на такую точность претендовали не только они: рабби Гилелю приписывают, будто он установил, что мир был создан не 23, а 6 октября, и не в 9 часов утра, а в 11 часов ночи...

На чем же основаны все эти расчеты?

В Библии содержится большое количество частных дат, относящихся к рождению и смерти патриархов и других библейских персонажей, а также к различным событиям мифологической истории «избранного народа». Сопоставляя и складывая смежные даты, можно получить их суммы, а из тех сумм — новые суммы. Началось дело, конечно, с Адама. По еврейской Библии, Адам «родил» Сифа в возрасте 130 лет, а тот, в свою очередь, родил Еноса 90 лет от роду; так идет последовательно вплоть до Ноя, у которого появился Сим, когда счастливому отцу исполнилось 600 лет. Если сложить цифры, относящиеся к 10 патриархам от Адама до Ноя, то получится 1656 лет. А потом идут даты, охватывающие жизнь патриархов от Ноя до Авраама, потом используются даты жизни Исаака и Иакова вплоть до начала египетского плена, а уж число лет египетского плена в Библии указано точно —430.

Казалось бы, господь позаботился о том, чтобы достоверно информировать нас о хронологических показателях своих великих деяний. Откуда же тогда у богословов разногласия в этих вопросах, откуда 200 вариантов?

Некоторые даты, на которых пытаются базироваться благочестивые хронографы, оказываются ненадежными и кое в каком смысле даже опасными для авторитетности библейских сообщений в целом. Так, например, если считать в соответст-

вии с Библией, что Мафусал, после того как «родил» Ламеха в возрасте 187 лет, прожил на свете еще 782 года, то окажется, что он жил и до и после потопа, а между тем, как известно по той же Библии, потоп пережил только Ной с его семьей. Чтобы улаживать такие и подобные им неприятности, приходится заниматься различными комбинациями и поправками, а это уже неминуемо связано с разногласиями, ибо поправлять можно по-разному. И еще большую роль играет то обстоятельство, что еврейский текст Библии и ее греческий перевод, приписываемый «70 толковникам» (Септуагинта), в большом количестве указываемых ими дат расходятся. Если, например, Адам, как утверждает еврейская Библия, был осчастливлен рождением Сифа 130 лет от роду, то Септуагинта настаивает здесь на цифре 230; расхождение на сто лет отмечается и в отношении самого Сифа, а также Еноса, Каинана, Малелеила и других. А в общем итоге Септуагинта дает цифру от сотворения мира по потопа не 1656, на которой настаивают раввины, а 2242, и от потопа до рождения Авраама — не 290, а 1170. И то и другое основано на Библии — на суммировании отдельных, указываемых ею дат и сроков.

Дела библейской хронологии обстоят, однако, совсем не так плохо, как можно было бы подумать, судя по шаткости охарактеризованной выше ее методики. Есть и еще методы, при помощи которых можно уверенно ориентироваться в важнейшем вопросе, когда именно создана Вселенная. Вот, например, как можно обосновать сотворение мира в 5500 г. до н. э. Человек был сотворен в шестой день недели. Крестная смерть Христа означала «воссоздание» греховного человека, а эта смерть последовала в полдень пятницы, то есть шестого дня недели. Между обоими этими событиями должно было почему-то пройти шесть дней. Так как Христос умер в полдень, то прошло, значит, не шесть дней, а пять с половиной. В одном из псалмов сказано, что перед богом тысяча лет, как один день. Получается, стало быть, пять с половиной не дней, а тысячелетий. Что и требовалось доказать!

Для характеристики того, какое значение придавали сами богословы объективной истинности своих хронологических расчетов, показательно, что византийская церковь в свое время сочла нужным к указанной выше цифре 5500 прибавить еще 8 лет; таким способом летосчисление от сотворения мира более удобно связывалось с византийской календарной системой индиктионов — пятнадцатилетних периодов, по которым производились переписи и взимались налоги. Так

получилось, что бог создал мир не за 5500 лет до н. э., а за 5508 лет. Если бы понадобилось, заставили бы бога творить мир в любой другой год...

В былые времена, притом совсем недавно, у богословов не было никаких сомнений в том, что дату сотворения мира следует базировать именно на хронологических указаниях Ветхого завета. Во всех, например, английских официальных изданиях Библии на полях I главы книги Бытия фигурировала твердая дата сотворения мира — 4004 г. до н. э.; ее перестали указывать только в изданиях «Пересмотренной» версии начиная с 1891 г. «Пятошестой» вселенский собор 691 г. оперировал датой 5508, седьмой вселенский собор относил сотворение мира к 5501 г. до н. э. Русская православная церковь в полуофициальных и даже официальных документах чуть ли не до последних лет тоже без колебаний указывала дату сотворения мира — 5508. Теперь, оказывается, уже неловко настаивать на этой дате — изменились времена.

Недавно «Журнал Московской Патриархии» счел нужным использовать случай, чтобы мимоходом отречься от библейской хронологии и заодно от цифры 5508, которая, как утверждают теперь православные богословы, никого ни к чему не обязывает. Попутно сообщается, что эту дату ввел в оборот Секст Юлий Африканский (175—250 г. н. э.) в своем не дошедшем до нас сочинении «Хронография» и что на установленную Секстом дату ссылались Евсевий Кесарийский и блаженный Иероним. А теперь православная церковь не настаивает на том, что мир был создан семь с половиной тысяч лет тому назад.

Католическая церковь тоже заняла в этом вопросе весьма «современную» позицию. Папа Пий XII, приняв на вооружение космологическую теорию расширяющейся Вселенной и истолковав эту научную гипотезу так, как ему было выгодно, отодвинул дату сотворения мира на десять миллиардов лет назад. Это, видимо, должно означать, что вся библейская хронология становится в высшей степени сомнительной даже в глазах богословов и церковников.

Весьма ясно высказались недавно на этот счет официальные инстанции немецкой лютеранской церкви; это высказывание содержится в примечании к Библии, изданной в 1961 г. Евангельским главным библейским обществом. Нам придется привести из него длинную выдержку. «Ни Ветхий, — пишут издатели Библии, — ни Новый заветы не знают счисления времени в нашем смысле этого понятия, с неким

твердо установленным исходным пунктом (например, сотворение мира в библейско-иудейском и византийском летосчислениях). И это несмотря на то что в Ветхом завете имеются данные о периодах царствований, о длительности жизни патриархов и о времени, которое заняли такие события, как пребывание в Египте, странствование в пустыне и т. д... Ветхий завет не имеет в отношении летосчисления никакого научного значения. Он претендует лишь на освещение истории отношений между богом и людьми. Надо указать также на то, что прежде всего даты, относящиеся к первобытной истории, а также к истории патриархов и вплоть до эпохи судей, не могут быть приведены в соответствие с нашими знаниями. В Новом завете тоже содержится много таких хронологических указаний, которые не могут полностью считаться надежными без сравнения с внебиблейскими данными — например, время рождения Христа, длительность пребывания Павла в отдельных местах и т. д. Ибо и в Новом завете речь идет прежде всего и только об отношении бога к людям через Иисуса Христа. Ни рождение Христа, ни его смерть не могут быть хронологически точно установлены, хотя наука неутомимо работает над этим». Благочестивая фразеология, ограничивающая содержание Библии только чистым богословием, призвана замаскировать то существенное обстоятельство, что хронологическое и, стало быть, историческое значение библейских повествований представляет собой нечто весьма ненадежное.

Свой отказ от библейской хронологии авторы приведенной выше цитаты распространяют не только на Ветхий, но и на Новый завет, в частности на дату рождения Иисуса Христа, лежащую в основе всех связанных с Новым заветом хронологических расчетов. Это действительно в высшей степени сомнительная дата, хотя, как известно, за нее исходит летосчисление нашей эры или, как раньше писали, «от рождества Христова».

В самой основе этого отправного пункта лежит грубейшая ошибка. Его установил при помощи хитроумных богословских и мнимоисторических сопоставлений в начале VI века н. э. католический монах Дионисий, по прозванию Малый; за исходную точку летосчисления от рождества Христова он принял 754 год со дня основания города Рима, в каковой год, как твердо установил Дионисий, и произошло воплощение бога на земле в человеческом образе. Но в евангелии от Матфея говорится, что, когда родился Иисус, еврейский царь Ирод

(имеется в виду Ирод Великий) принял меры к тому, чтобы убить его. Известно, однако, что Ирод умер в 750 г. со дня основания города Рима, то есть за четыре года до принятой Дионисием даты рождения Иисуса Христа. Если Дионисий прав, то Иисус и Ирод не могли жить в одно и то же время. Но тогда неправы евангелия!

Не удивительно, что даже в писаниях богословов мы теперь все реже сталкиваемся с формулой «такой-то год от рождества Христова». Чаще всего они теперь стыдливо прибегают к формуле «наша эра» или даже — «эра Дионисия». Приходится и им признать условность исходного пункта хронологии, основанной на Новом завете.

Только ли в Библии дается такая хронология, которую приходится признать мифической? Нет, конечно, это очень распространенное явление в древних документах. И как раз археология дает немало материала этого рода. Для примера можно привести данные о царствовании шумерских монархов, содержащиеся в так называемых царских списках,— они найдены в разных местах Месопотамии. Вот таблица, которую приводит английский археолог Леонард Вулли:

Цари до потопа

Имена	Города	Продолжительность царствования
А-лу-дим	Нунки (Эриду)	28 800 лет
А-ла(л)-гар	Нунки (Эриду)	36 000 лет
Эн-ме-эн-лу-ан-на	Бад-Табира	43 400 лет
Эн-ме-эн-гал-ан-на	Бад-Табира	28 800 лет
Думузу-«пастырь»	Бад-Табира	36 000 лет
Эн-сиб-зи-ан-на	Ларак	28 800 лет
Эн-ме-нэ-дур-ан-на	Сиппар	21 000 лет
Ибартуту	Шуруппак	18 600 лет

Всего 8 царей царствовали 241 200 лет.

Нельзя не признать, что библейская хронология значительно скромней, чем шумерская, в обращении с большими цифрами. Но в принципе здесь разницы нет. Если в Библии сказано, что Мафусал прожил на свете 969 лет, то это не менее фантастическая цифра, чем те 18 600 лет, которые пробыл на троне, по ассирийским царским спискам, Ибартуту.

Правильная датировка археологических памятников, связанных с древней историей Израиля, дает возможность навести порядок в этой фантастике и выделить в ней зерно исторической истины.

О ФАЛЬШИВКАХ И ДЕШЕВЫХ СЕНСАЦИЯХ

Установление истинной даты, к которой относится изготовление того или иного предмета, нередко дает возможность сделать вывод о том, что он — неподлинный, поддельный и что его либо по ошибке принимают за древний, либо люди, почему-либо заинтересованные в этом, изготовили фальшивку и выдают ее за древний памятник. В истории археологической науки, музейного дела, коллекционирования известно много таких случаев.

Побудительные мотивы, по которым изготовляются археологические фальшивки, могут быть различного свойства. Чаще всего это просто стремление к наживе. Фабрикация фальшивых древностей может давать не меньшие барыши, чем деятельность фальшивомонетчиков. И в погоне за такими барышами ловкие дельцы в разные времена изготовляли «первобытные» орудия и посуду, античные статуи, «древние рукописи». Известны случаи, когда такие фальшивки выделывались просто из озорства, для забавы. Но часто побудительным мотивом являлись более «возвышенные» стремления. В библейской археологии изготовление фальшивок имеет своей целью, помимо всего этого, еще и стремление

поддержать религию, «доказать» истинность Библии и т. д.

Огромное количество таких фальшивых «археологических» памятников, сфабрикованных в разные времена, хранится и показывается за деньги паломникам в разных христианских церквях и монастырях, в мусульманских «святых местах»,— вплоть до голов Иоанна Крестителя и волос из бороды пророка Мохаммеда. Но помимо этой чисто культовой фабрикации и использования фальшивок известны многие случаи «научной» фальсификации археологических памятников. Приведем один такой пример, относящийся непосредственно к библейской археологии.

В 1872 г., вскоре после того как была открыта стела моавитского царя Меши, относящаяся к IX в. до н. э.— это открытие вызвало сенсацию во всем мире,— на рынке в Иерусалиме вдруг появились в большом количестве глиняные изделия, выдававшиеся продавцами-арабами за древние предметы, найденные в том же районе, где была обнаружена и стела Меши. По своей форме эти изделия — небольшие фигурки людей и животных, светильники, посуда — были в достаточной мере архаичны, так что могли сойти за весьма древние; к тому же часть из них была исчерчена надписями, похожими на письмена Меши. Их охотно раскупали частные любители древностей и даже научные учреждения. Появился специальный научный термин для обозначения этого типа предметов — «моавитские древности». По совету ряда крупных востоковедов коллекция таких вещей была даже куплена прусским правительством за 20 тысяч талеров для берлинских музеев. Вскоре, однако, французский ученый Клермон-Ганно неопровержимо доказал, что все эти моавитские древности изготовляются ловкими фальсификаторами, в числе которых был хорошо известный ему араб Селим и некий Шапира, который в дальнейшем «прославился» еще более грандиозной фальсификацией.

В 1883 г. он предложил Британскому музею купить у него древнюю рукопись, исполненную на коже. Цену Шапира запросил немалую — миллион фунтов стерлингов. Но основания к такому запросу у него были, ибо и по своей древности, и по содержанию рукопись выглядела как нечто исключительно ценное. Письмена, начертанные на ней, по своему типу соответствовали началу I тысячелетия до н. э., а по своей древности рукопись, как утверждал Шапира, восходит к временам Моисея. Что же касается ее содержания, то оно прямо подтверждало библейскую историческую тра-

дицию: в рукописи рассказывалось о странствовании евреев в пустыне после исхода из Египта, причем повествование не во всем сходилось с тем, что рассказывается в библейской книге Второзакония.

«Открытие» Шапиры вызвало громадный интерес во всем мире. Многие ученые без колебаний признали подлинность рукописи. Хранитель отдела рукописей Британского музея Ч. Д. Гинзбург занялся детальным исследованием редчайшего исторического памятника, а известный немецкий палестиновед X. Гуте опубликовал рукопись со своим переводом. Французское министерство просвещения командировало того же Клермона-Ганно в Лондон для изучения рукописи. Ему пришлось там довольно трудно, ибо ни сам Шапира, ни даже администрация Британского музея не выражали особого желания допустить его к исследованию памятника. Лишь на несколько минут он был допущен к нему. Но и этого времени оказалось достаточно, чтобы сделать дерзкий, но полностью оправдавшийся впоследствии вывод: «редчайший и древнейший памятник» — бессовестная фальшивка.

Оказалось, что Шапира сшил вместе несколько отрезанных краев старых синагогальных свитков Торы и написал самым древним, известным к его времени шрифтом часть текстов Второзакония, в нескольких местах видоизмененного. После того как Клермон-Ганно опубликовал в «Таймсе» свое заключение, Шапира покончил жизнь самоубийством.

Трудно представить себе, чтобы вывод, для которого Клермону-Ганно понадобилось всего несколько минут, не мог быть сделан и другими учеными, имевшими доступ к манускрипту Шапиры, но, видимо, возможность археологического подтверждения повествований Второзакония и перспектива посрамления безбожных скептиков настолько соблазняла тех немногих, кто имел этот доступ, что их ученое сознание затуманивалось и оказывалось не в состоянии увидеть совершенно очевидные факты...

Уже в конце прошлого века наука располагала достаточно точными методами, при помощи которых можно было более или менее безошибочно отличить «благочестивую» или любую другую подделку от подлинной вещи, представляющей научный интерес. В наше время это различение еще легче, ибо методы археологической работы стали значительно точней и совершенней.

Помимо прямой фальсификации, есть еще возможность вносить сумятицу в историческую науку, основываясь на под-

тасованной археологии. Можно делать ложные выводы из анализа подлинных археологических памятников, раздувать значение этих выводов до масштабов сенсации, распространять в широкой прессе ошеломляющие слухи о небывалых «открытиях».

Некий чилийский архитектор по имени Хулио Рипамонти, занимающий должность профессора Центрального университета Венесуэлы, решил, что он должен восполнить один важнейший пробел в исторических познаниях человечества. Как известно, в Библии сказано, что Моисей «погребен на долине в земле Моавитской против Веффегора, и никто не знает место погребения его даже до сего дня». До сего дня, заявил Рипамонти, никто не знал, а теперь будут знать,— он откроет место погребения Моисея. Совершив заморское путешествие, Рипамонти явился к королю Иордании Хусейну. Просвещенный король оказал предприимчивому любителю археологии всяческое содействие. Он дал ему несколько десятков рабочих и группу консультантов из иорданских археологов. Экспедиция отправилась в путь, и 1 сентября 1962 г. начались раскопки.

Иорданские археологи во главе с квалифицированным ученым Рафиком Даяни привели Рипамонти на то место, где незадолго до этого Даяни открыл остатки древнего строения. Это было небольшое святилище на холме, весьма типичное для тех «святилищ на высотах», о которых много говорится в Ветхом завете. Иорданский археолог определил найденный им памятник как храм, воздвигнутый ханаанеянами в честь их бога Баал-Пеора около 1300—1250 гг. до н. э. Что же касается Рипамонти, то он счел храм Баал-Пеора гробницей Моисея, так что оставалось только найти останки погребенного здесь пророка. Но они-то и не были обнаружены. И вообще никаких следов Моисея или его соотечественников здесь найдено не было.

Несмотря на это, вернувшись в столицу Иордании Амман, Рипамонти собрал многолюдную пресс-конференцию; журналисты бросились на эту сенсацию с большой охотой. Они услышали категорическое заявление археолога: «Слова Ветхого завета: «никто не знает места его погребения до сего дня», больше не должны употребляться». Иначе говоря, теперь благодарное чилийскому археологу человечество это место знает...

Нам известен только один журналистский отчет об этой истории, опубликованный в печати: статья в немецкой газете

«Вельт ам Абенд» под заглавием «Гробница Моисея еще не найдена». Газета не взяла на себя смелость присоединиться к явно очковтирательским разглагольствованиям Рипамонти, но самим заголовком своего пространного сообщения постаралась внушить читателю, что неудача чилийского археолога — дело временное и можно надеяться, что гробница Моисея все-таки скоро будет найдена. Любопытно, что основной библейско-археологический журнал «Библикл Аркеолоджист» счел нужным перепечатать без всяких комментариев статью из «Вельт ам Абенд». А казалось бы, кому, как не этому журналу, следовало бы дать отпор любителям дешевых археологических сенсаций?! Впрочем, и сам этот журнал иногда не прочь на своих же страницах пропагандировать абсолютно несуразные, но весьма благонамеренные в отношении Библии сенсационные материалы. Некоторые примеры этого рода мы увидим в дальнейшем.

Мы говорили до сих пор преимущественно об археологии в целом. Пожалуй, наступил момент, когда нам надо заняться вопросом специально о библейской археологии.

ЧТО ТАКОЕ БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ?

Различные ответвления археологии как науки могут формироваться и обозначаться по разным признакам. Если мы примем хронологический признак, то получим археологию первобытную, древнюю, средневековую. Если рассматривать археологическую науку с точки зрения тех территорий и стран, которые ею исследуются, то можно выделить археологию европейскую, азиатскую, африканскую или даже еще у́же, например археологию Индии или Кавказа. Отдельные от-

расли археологии могут быть связаны с разными областями материальной и духовной культуры — в этом смысле можно говорить, например, об археологии керамики или археологии изобразительных искусств. Существует и такая область этой науки, которая именуется библейской археологией. Она и представляет для нас в связи с темой этой книги специальный интерес.

В трактовке самого понятия библейской археологии имеются два различных направления.

Первое из них непосредственно связано с богословием и апологетическим освещением истории синагоги и церкви. В смысле, соответствующем этому направлению, библейская археология имеет своим предметом описание тех условий, в которых якобы происходили события библейской истории,— сюда входят география Палестины, ее растительный и животный мир, быт и нравы древних евреев и т. д. По сути дела это не столько археология, сколько богословие, опирающееся на те археологические материалы, которые ему выгодно использовать.

Существует библейская археология и как научная дисциплина, как отрасль настоящей научной археологии. Тематика, относящаяся к Библии, разрабатывается этой дисциплиной теми же точными научными методами, как и любая другая историческая тематика. Она именуется библейской потому, что объекты ее исследования связаны с сюжетами библейских повествований и с Библией, как историческим источником. Ее исследования распространяются на так называемые библейские страны. На первом месте здесь, конечно, Палестина; в это понятие входят территории современных Израиля и части Иордании. «Библейской» страной считается и Египет — не только в связи с библейским сказанием о пребывании израильтян в египетском плену, но и потому, что эта страна была одной из первых, в которой распространилось раннее христианство. Объектом изучения библейской археологии являются также древние Ассирия и Вавилон, составляющие вместе древнюю Месопотамию; теперь это территория Ирака. Известное значение для библейской археологии имеет и древнеперсидское царство, частично по занимавшейся им территории совпадающее с современным Ираном. В какой-то мере объектом библейской археологии является и Малая Азия (территория современной Турции), так как здесь в глубокой древности существовало государство хеттов, о которых неоднократно упоминает Ветхий завет; к тому же Малая Азия

была в свое время наряду с Египтом одной из цитаделей раннего христианства. Наконец, территории Древней Греции и Древнего Рима также не могут быть обойдены библейской археологией — археологические исследования на этих территориях необходимы для изучения истории Нового завета и раннего христианства. Таковы пространственные рамки библейско-археологических исследований. В некоторой мере они совпадают с территорией, именуемой обычно Ближним Востоком.

Было бы, конечно, неправильно считать, что все археологические работы в странах Ближнего Востока сосредоточены вокруг библейской проблематики. Они имеют прежде всего очень большое общенаучное значение, раскрывая перед исторической наукой прошлое человечества в одном из тех районов, которые были колыбелью его культуры. И разумеется, далеко не каждое археологическое открытие в странах Ближнего Востока может быть «зачислено по ведомству» библейской археологии. Но многое, что проливает новый свет на прошлое соответствующих стран и народов и не имеет непосредственного отношения к библейским сюжетам, все же дает материал и для выводов о той исторической обстановке, в которой складывались те или иные библейские повествования. Наблюдающаяся в буржуазной литературе тенденция к отождествлению археологии Ближнего Востока с библейской археологией безусловно неправильна, она выражает то преувеличение исторического значения религии вообще и Библии в частности, которое характерно для буржуазной историографии. Но в содержании этих научных дисциплин имеется много общего материала и ряд точек соприкосновения, так что успехи археологии Ближнего Востока имеют важное значение для собственно библейской археологии.

История систематических археологических работ в этом районе земного шара открывается исследованиями, которые провели в Египте археологи, участвовавшие в наполеоновском египетском походе. Они открыли большое количество памятников древнеегипетской письменной истории, среди которых было много надписей и вообще письменных текстов. До поры до времени эти тексты были немы, так как читать их никто не умел. Но экспедиция привезла с собой в Европу слепки и отливки с так называемого Розеттского камня с письменами на греческом и египетском языках, идентичными по своему смыслу. Это послужило исходным моментом для подлинного расцвета египтологической науки.

Пользуясь розеттскими письменами, великий французский археолог и лингвист Франсуа Шампольон нашел ключ к чтению египетских текстов. В дальнейшем учеными-египтологами было прочитано колоссальное количество текстов, начертанных иероглифами не только на камнях, на стенах храмов и гробниц, но и на огромном множестве найденных и находимых до сих пор папирусных свитков. Теперь чтение египетских иероглифических письмен не представляет для специалистов-египтологов серьезных трудностей. А этих письмен накопилось колоссальное количество. И помимо письмен,— масса развалин древних сооружений разного назначения — храмов, дворцов, пирамид и гробниц других типов, а также орудий производства, предметов утвари и домашнего хозяйства, украшений и т. д. Особым, специфическим для Египта типом археологического памятника являются мумии; там было в обычае бальзамировать тела умерших людей, а в некоторых случаях и животных — священных быков, кошек и т. д.

Пионерами археологических исследований в Месопотамии явились в первой половине и середине прошлого века англичане К. Д. Рич и О. Г. Лэйярд и находившийся на французской службе итальянец П. Э. Ботта. Это были любители, работавшие преимущественно по собственной инициативе и на случайные средства: первый из них был коммерсант, второй и третий — работниками консульского и дипломатического аппарата.

Их замечательные открытия вызвали в Западной Европе и в Соединенных Штатах огромный интерес к раскопкам в «библейских» странах. Различные музеи, институты и университеты стали посылать свои экспедиции для систематических раскопок. Даже некоторые газеты из наиболее крупных и богатых в погоне за сенсационными сообщениями и корреспонденциями стали включаться в эту деятельность и отпускать деньги на исследовательские работы. Но главное — по инициативе не только ученых, но иногда даже и тех или иных церковных учреждений, а чаще всего на средства, предоставленные капиталистами и банкирами, стали организовываться многочисленные специальные общества и «фонды» с основной задачей ведения археологических исследований в «библейских» странах.

Первым из учреждений такого рода явился организованный в 1865 г. англичанами и американцами Палестинский исследовательский фонд. Потом они стали расти буквально

как грибы. В настоящее время учреждений и организаций, специально занимающихся библейско-археологическими исследованиями, насчитывается около двух десятков, среди них — Американский институт восточных исследований, Иерусалимский филиал Ватиканского библейского института, Израильское исследовательское общество. Из года в год во всех «библейских» странах ведутся археологические исследования большого масштаба. Можно считать, что ни один район земного шара не подвергался до сих пор такому интенсивному археологическому изучению, как территория, в которую входят «библейские» страны. Огромные материальные средства тратятся не только на проведение самих раскопок, но и на публикацию их результатов. Издаются специальные журналы, посвященные этой тематике, систематически печатается большое количество монографий, общих курсов, атласов, альбомов, рассчитанных на то, чтобы популяризировать тематику и содержание работ по библейской археологии в самых широких массах.

Библейская тематика нередко теснит в археологии всякую другую. Выдающийся советский историк древности академик В. В. Струве пишет по этому поводу: «Раскопки в Египте и Вавилонии интересовали буржуазную науку лишь постольку, поскольку они соприкасались с Палестиной. Только исходя из таких соображений, ученые могли найти необходимые средства для производства раскопок. Они должны были доказать сначала, что сюда были сосланы евреи, что здесь при раскопках можно рассчитывать найти древний экземпляр Библии или сандалии Моисея, и тогда на это находились средства». В начале XX в., приводит далее пример академик В. В. Струве, в Умме (Месопотамии) было найдено несколько десятков тысяч табличек хозяйственной отчетности. Это было открытие первостепенного научного значения, ибо документы хозяйственной отчетности дают всегда прекрасный материал для выводов об уровне производительных сил в данном обществе, хозяйственном строе, а нередко — и о классовых взаимоотношениях. Но раскопки в этом месте больше не производились, так как Умма в Библии не упоминается. Больше того, найденные материалы не подверглись сколько-нибудь серьезному исследованию и фактически были разбазарены,— они продавались в Париже по одному франку за штуку...

Достаточно понятны те побудительные причины, которые толкают буржуазных ученых, государственные учреждения капиталистических стран и многочисленные группы буржуаз-

ных меценатов к такому широкому развертыванию работ по библейской археологии.

В какой-то мере здесь, конечно, действуют и соображения научного порядка. Нет сомнения в том, что археологические исследования Египта, Месопотамии и других стран Ближнего Востока представляют безусловный общенаучный интерес. Но есть и другие побуждения, которые, видимо, имеют еще большее значение, чем интересы археологической науки. Мы имеем в виду острую заинтересованность руководящих кругов современной буржуазии в восстановлении низко павшего авторитета Библии как источника всякой и, в частности, исторической мудрости. Перед библейской археологией ставится прямая задача — подтвердить при помощи вещественных памятников историческую достоверность библейских сообщений.

Буржуазные археологи, подвизающиеся на «библейской» почве, не представляют собой однородной массы: среди них есть и свободомыслящие ученые, трезво оценивающие действительную историческую ценность любых находок и их отношение к библейским повествованиям. Но основную массу зарубежных библеистов-археологов составляют люди, ставящие своей прямой целью защиту религии и возвеличение Библии,— тем более, что многие из них принадлежат к духовенству того или иного вероисповедания. В ряде случаев мы находим в печати вполне откровенные заявления, сделанные такими археологами. Вот, например, что пишет английский автор Пол Илтон: «Великие учителя... вдохновили меня на то, чтобы заняться археологией со специальной целью: подтверждение Библии». Наиболее ярким образчиком такого использования науки является уже упоминавшаяся нами книга Вернера Келлера под вызывающим заголовком «И все-таки Библия права».

Достаточно ярко выражена эта тенденция даже у такого крупного ученого, как У. Олбрайт. Много раз на страницах своей обобщающей работы «От каменного века к христианству» он подчеркивает значение, которое имеет, с его точки зрения, репутация Библии как вероисповедного и идеологического документа. А в заключении своей книги американский археолог совершенно открыто обнаруживает реакционную политическую основу всей своей библейско-археологической деятельности. Он сравнивает современное состояние в мире с исторической обстановкой начала нашей эры. И как тогда, по его мнению, человечеству грозила гибель от распространения ложных религий и столь же ложных философских учений,

так и теперь оно вплотную стоит перед опасностью «разрушения западной цивилизации», причиной каковой катастрофы может явиться не что иное, как распространение марксизма и коммунизма. Поэтому, вполне откровенно раскрывает свои карты Олбрайт, «мы нуждаемся в пробуждении веры в бога величественной теофании (богоявления.— *И. К.*) на горе Синай, в бога видений Илии на Хориве, в бога еврейского плена в Вавилоне, в бога моления в Гефсиманском саду...» А отсюда вытекает, что «мы нуждаемся» в доказательстве исторической достоверности библейских повествований. Любыми средствами,— в том числе и археологическими!

Такие киты современной буржуазной науки, как Олбрайт и Глюк, выполняют это неблаговидное дело в рамках своеобразного научного приличия. Они не занимаются прямой подтасовкой фактов, а лишь стараются группировать их выгодным для апологетики образом и нередко «пришивают» к достоверным фактам выводы, которые никак из них не вытекают. Иногда можно даже довольно явственно усмотреть в их писаниях проявления некоторых угрызений научной совести и своего рода сконфуженность по поводу того, что приходится совершать довольно открытое насилие над истиной. Но то, на что иногда застенчиво решаются крупные ученые под влиянием социального заказа господствующих классов, охотно, совершенно беззастенчиво и в широких масштабах практикуют многочисленные борзописцы-популяризаторы, не только подвизающиеся на страницах газет и журналов, но и нередко снабжающие книжный рынок толстыми томами мнимонаучной продукции, вкривь и вкось истолковывающей открытия библейской археологии на потребу религиозной апологетики.

Для нас библейская археология — не в апологетическом и богословском, а в научном значении этого понятия — представляет интерес как одна из многочисленных областей исторического знания, проливающая свет на некоторые периоды истории ряда народов. И конечно, имеет значение и то обстоятельство, что эта наука дает нам возможность раскрывать исторические корни библейских мифов и легенд, отсеивать в них историческую действительность от наслоений религиозной фантазии, разоблачать несостоятельность учений о божественном происхождении Библии и любых других «священных» книг.

Исторические повествования Библии в свете археологии. Ветхий завет

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП

ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ БИБЛИЯ

Решив нстребить вконец развратившееся человечество, бог нзбрал такое средство его массовой казни, как всемирное наводнение, в котором все люди, за нсключеннем семьи праведннка Ноя, должны потонуть. Он предупреднл Ноя о своем замысле и велел ему построить ковчег, чтобы потом укрыться в нем вместе со своей семьей и с представителями от каждого нз существующих растнтельных н животных вндов. Когда в ковчег вошли «Ной и сыновья его н жена его и жены сынов его... н (из птиц чистых н нз птнц нечистых) из скотов чистых и нз скотов нечистых (и нз зверей) и из всех пресмыкающнхся по земле», бог открыл «все источникн велнкой бездны», заодно «н окна небесные отворнлнсь», так что «лился на землю дождь сорок дией н сорок иочей». Началось страшное иаводнение, н «покрылись все высокие горы, какие есть под всем иебом»; указывается и тот уровень, которого достигла вода над самымн высокимн вершннамн: «пятнадцать локтей». После того как «все, что нмело дыхаине духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло», за исключеннем населения Ноева ковчега, потоп прекратнлся. Постепенно стала убывать вода, «показались верхи гор», н Ной стал думать о выходе нз ковчега. Он выпустнл ворона, но тот, не найдя иигде сухого места иа земле, вернулся обратно.

Трнжды выпускал Ной голубя, н когда тот иа третий раз не вернулся, стало ясно, что потоп кончился. Тогда Ной с семьей вышел на землю н выпустил все животное населеиие. На земле осталнсь в жнвых только члены Ноевой семьи, и от них расплодилось все позднейшее человечество.

КОГДА ЭТО МОГЛО ПРОИСХОДИТЬ?

В старых изданиях английской Библии потоп по хронологической системе архиепископа Ушера датируется 2349 г. до н. э. Некоторые богословы, опираясь на ту же систему Ушера, принимают другую дату — 2501 г. Выкладки, опирающиеся на хронологические данные Септуагинты (греческого перевода Библии — «70 толковников»), дают третью дату — 3213. Дореволюционный православный богослов, скрывшийся под инициалами Ф. Р., датировал потоп 3253—3252 гг. Расхождения, как видим, довольно большие,— в рамках примерно целого тысячелетия. Во всяком случае, искать следы библейского потопа археология может в периоде между концом четвертого и концом третьего тысячелетия до н. э. Была ли в этот период грандиозная катастрофа, постигшая весь земной шар?

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО СУЩЕСТВУ

Сам по себе внутренний смысл легенды о потопе изобилует вопиющими противоречиями. Ее содержание никак не вяжется с учением о боге, как не только всемогущем и всемилостивом, но и просто как о разумном и справедливом существе. Люди, которых он сам «попустил», по выражению богословов, ко греху, подвергаются им беспощадному истреблению; а ведь, казалось бы, богу ничего не стоило мгновенно исправить их. Как обыкновенный человек, бог по библейскому рассказу неоднократно совершает такие действия, в которых сам же потом раскаивается. Сначала «раскаялся господь, что создал человека на земле и восскорбел в сердце своем», и решил истребить людей при помощи потопа. А когда он совершил это жестокое деяние, то решил, что больше так поступать не будет, и дал Ною многократные заверения в этом. Библейский рассказ противоречив и в фактическом отношении. В одной и той же главе сказано, что дождь, вызвавший наводнение, лил сто пятьдесят дней, и что все это продолжалось только сорок дней. Вода убывала, по одному варианту, пять с половиной месяцев, по другому — только двадцать один день. Относительно количества представителей животного мира, которых Ной взял с собой в ковчег, тоже имеется два варианта: от всех животных — по одной паре и — с различием скота чистого и не чистого,— от первого по семи экземпляров, от второго по два. Рассказ, таким образом, оказывается сбивчивым и путаным.

Не это, однако, составляет основной предмет нашего рассмотрения. Мы отвлечемся и от внутренней противоречивости библейской легенды и от того обстоятельства, что она основана на представлении о чудесах и сверхъестественных силах: в ней фигурирует бог, по велению которого происходит в данном случае не естественное событие в жизни земли (разве не бывало наводнений?), а всемирный потоп! В этой книге мы, как уже было сказано, не будем заниматься вопросом о том, возможны ли сверхъестественные явления. Мы подойдем к вопросу о потопе с точки зрения фактических данных, могущих подтвердить или, наоборот, опровергнуть сообщения о происходившем когда-то на земле таком грандиозном наводнении, которое могло бы быть названо потопом.

Казалось бы, прежде всего нам следовало бы обратиться к такой науке, как геология: именно она могла бы точно сказать о катастрофе такого грандиозного масштаба, если бы эта катастрофа действительно когда-либо происходила. Но по поводу геологических материалов на эту тему много говорить не приходится. Эта наука, вооруженная очень точными методами,

не нашла никаких следов повсеместного, общепланетарного наводнения, которое бы когда-нибудь происходило на земле. С точки зрения геологии, ответ на вопрос о том, был ли когда-либо всемирный потоп, совершенно ясен,— решительное «нет!». А что может сказать по этому поводу археология?

ОТКРЫТИЕ ДЖОРДЖА СМИТА, ГРАВЕРА И АССИРИОЛОГА

Еще в древности было известно вавилонское предание о потопе, зафиксированное писавшим на греческом языке вавилонским историком Беросом в III в. до н. э. Сочинения Бероса до нас не дошли, сохранились лишь в пересказе позднейших греческих историков отдельные их отрывки, среди которых имеется и легенда о потопе. Ее содержание удивительно напоминает библейское повествование о таком же событии.

В царствование десятого по счету вавилонского царя Ксисутра к нему явился во сне бог Кронос и, предупредив о предстоящем наводнении, приказал ему построить корабль и отплыть в нем вместе с родственниками и друзьями, а также отобранными им птицами и другими животными; а до отплытия Ксисутр должен был написать историю мира и закопать ее в районе города Сиппара. Остальное все происходило, как в Библии, вплоть до

высылки птиц на разведку и высадки на берег в горах Армении. Повествование Бероса не ставило перед учеными особых загадок — ничто не мешало удовлетворяться тем, что в нем отразилось влияние более древних сказаний еврейского Пятикнижия. Но так можно было думать только до поры до времени. Начало семидесятых годов прошлого века принесло весьма серьезные изменения в представлениях исторической науки по этому вопросу.

В Британский музей поступила часть клинописных табличек, найденных Лэйярдом в знаменитой библиотеке Ашшурбанапала на холме Куюнджик. И лишь через два десятилетия в этих табличках был прочитан текст, принесший замечательное открытие.

Музей предпринял издание свода клинообразных надписей Западной Азии. Гравированием этих надписей для последующего их литографирования занимался скромный молодой человек по имени Джордж Смит. И по должности своей, и по образованию он был не ученым, а простым сотрудником музея, почти ремесленником. Но это был высокоталантливый и в высшей степени любознательный человек — настоящий ученый по своей одаренности и по умственным запросам. Совершенно самостоятельно он овладел искусством чтения ассиро-вавилонской клинописи. Вскоре Смит оказался способным к более серьезной работе, чем копирование клинообразных знаков.

Доставленные двадцать лет назад в Британский музей в огромном количестве плитки Ашшурбанапаловой библиотеки находились в полном беспорядке, многие были просто свалены в кучу, для опубликования случайно выхватывались отдельные из них. Смит занялся приведением в порядок этого замечательного культурного богатства, разборкой и сортировкой плиток по их содержанию. И в ходе этой работы внимание исследователя было привлечено к серии из 12 плиток, образовывавших как будто в своей совокупности связное и исключительно интересное повествование. Расшифровав содержание этих плиток, Смит установил, что на них начертана величественная эпическая поэма о древнем герое Гильгамеше, царе Урука (библейского Эреха). Одиннадцатая из табличек заключала в себе сказание о потопе, разительно напоминавшее легенду, записанную Беросом, и еще более, чем последняя, приближавшееся по своему содержанию к библейскому повествованию. К великому сожалению исследователя, как раз эта табличка была наиболее поврежденной, и

сказание о потопе изобиловало пропусками. Тем не менее и то, что можно было прочесть, оказалось сенсационным: древние вавилоняне явно предвосхитили Библию! В обстановке волнения, вызванного этим обстоятельством, Смиту оказалось не так трудно собрать средства на специальную экспедицию в Куюнджик для розысков новых экземпляров поэмы о Гильгамеше.

Задача была очень трудной. Не будет преувеличением сказать, что по своей сложности она не уступала поискам иголки в стоге сена: в массе земли, мусора, целого и битого кирпича, составлявшей высокий куюнджикский холм, надо было найти несколько глиняных табличек. Но Смита не испугала сложность задуманного им предприятия, и он был вознагражден за свою смелость — недостающие части поэмы были найдены. После этого ему пришлось еще два раза ездить на исследование ассиро-вавилонских древностей, и в последнюю из своих поездок он погиб, заразившись холерой; этот энтузиаст науки прожил на свете всего 36 лет. Но сделанное им обессмертило его имя.

Поэма о Гильгамеше, включая и содержавшуюся в ней легенду о потопе, была полностью расшифрована и опубликована Смитом. Ее запись на табличках, найденных во дворце Ашшурбанапала, сравнительно недавнего происхождения — VIII—VII вв. до н. э. Но после этого были найдены и другие записи поэмы, значительно более древние. «Песни о Гильгамеше,— говорит советский исследователь и переводчик эпоса И. М. Дьяконов,— записаны клинописью на глиняных «таблицах» на четырех древних языках Востока — шумерском, акадском, хурритском и хеттском. Древнейшие тексты — шумерские, в художественном же отношении наиболее важна аккадская поэма о Гильгамеше». А к какому периоду следует отнести древнейшую — шумерскую запись? Она сложилась, «вероятно, еще в конце первой половины III тысячелетия до н. э., хотя дошедшие до нас записи лет на 800 моложе». Значит, предание о потопе существовало примерно уже за 2500 лет до н. э., то есть за полторы с лишним тысячи лет до того, как аналогичное предание было записано в библейских книгах. А что оба предания весьма близки по содержанию, легко установить, стоит лишь кратко напомнить содержание одиннадцатой таблицы эпоса Гильгамеша.

В своих скитаниях по земле «все видавший» (поэма называется «О все видавшем») Гильгамеш пришел к своему дальнему родственнику Утнапишти, и тот ему поведал о вселенской

катастрофе, которую ему пришлось пережить. Утнапишти был царем Шуриппака, и вот этот-то город боги решили уничтожить при помощи потопа; в дальнейшем изложении оказывается, правда, что потопу подвергся не только Шуриппак,— вся земля пострадала от него. Один из богов — Нинигику-Эа почему-то проникся симпатией к Утнапишти и, сообщив ему о злом замысле богов, посоветовал: «Шуриппакиец, сын Убар-Туту, снеси жилище, построй корабль, покинь изобилие, заботься о жизни, богатство презри, спасай свою душу!» Утнапишти построил корабль (подробно излагается история самой постройки, даются точные цифры его размеров и количество материалов, которые пошли на постройку, сообщается также, как Утнапишти организовал всенародную повинность по постройке ковчега) и поселился в нем со своей семьей и с другими людьми, которых он счел нужным спасти, взял туда и весь скот свой и других животных, погрузил заодно все свое имущество, включая запасы золота и серебра. А потом начались ливни, грозы, бури — в общем, такие страхи, что сами боги испугались: они «поднялись, удалились на небо Ану, прижались, как псы, растянулись снаружи». Главная богиня Иштар в раскаянии отчаянно возопила: «Как в совете богов я решила злое, на гибель людей моих войну объявила? для того ли рожаю я сама человеков, чтоб, как рыбий народ, наполняли море!»...

После шести дней и семи ночей бушевания стихии наступило успокоение — «буря с потопом войну прекратили». Утнапишти открыл иллюминатор («отдушину») и увидел страшную картину — «все человечество стало глиной!» Затем корабль пристал к горе Ницир. Утнапишти стал отправлять птиц в разведку. Голубь и ласточка не нашли сухого места и вернулись обратно; не вернулся наконец ворон, и это было признаком спада воды. Утнапишти вышел из корабля и принес жертву богам. Те сначала возмутились по поводу того, что их первоначальный замысел — истребить все человечество — остался не осуществленным, так как какие-то люди все-таки уцелели. Но тут же они сменили гнев на милость и даже наградили Утнапишти бессмертием. Такова вавилонская версия легенды о потопе.

В других ассиро-вавилонских вариантах этого эпоса имеются разночтения как в отдельных деталях, так и в именах героев. Вместо Утнапишти кое-где фигурируют Атрахасис или Зиудзудду, у Бероса, как мы уже говорили, имя героя — Ксисутр. Но, конечно, решающего значения эти различия

не имеют. Заметим, кстати, что во всех или почти во всех вариантах местом жительства вавилонского Ноя оказывается Шуриппак. Подчеркиваем это обстоятельство, ибо, как мы видели выше, раскопки в районе древнего Шуриппака действительно дали ярко выраженные следы наводнения. Таким образом, в легенде сохранилось историческое зерно даже в отношении некоторых географических координат — того места, где произошла катастрофа.

Опубликование Джорджем Смитом вавилонской легенды о потопе и последовавшие в дальнейшем публикации поставили богословов и иных благочестивых истолкователей Библии в тяжелое положение. Если можно было сообщение Бероса рассматривать как заимствованное из Ветхого завета, то здесь оказалось, что сам Ветхий завет заимствовал легенду о потопе из значительно более древних источников. Великое откровение, данное богом Моисею и записанное последним в Пятикнижии, оказалось предвосхищенным язычниками-вавилонянами задолго до того времени, к которому можно было бы отнести существование Моисея. А если проявить несколько большую дерзость, то можно представить себе, что Моисей или даже — страшно вымолвить — сам вдохновлявший его божественный дух были повинны в плагиате... Впрочем, этот вопрос нас в данном случае не занимает — мы вернемся поэтому к проблеме исторического ядра легенд о потопе.

«ЗДЕСЬ БЫЛ ПОТОП...»

Наводнение в Шуриппаке, оказывается, действительно было, и не только в поэме о Гильгамеше.

В двадцатых годах нашего века один из крупнейших археологов Ближнего Востока, английский ученый Леонард Вулли раскапывал холм Мукайяр в Южной Месопотамии. В нем оказались скрытыми развалины одного из древнейших

центров человеческой цивилизации, города Ур, который интересен, между прочим, и тем, что он упоминается в Библии в качестве родины праотца Авраама и, следовательно, в качестве того места, откуда произошел «избранный богом» израильский народ.

Раскопки были исключительно плодотворными и интересными. Наибольший интерес представляли открытые экспедицией Вулли роскошные гробницы древних царей Ура. Они свидетельствовали о сравнительно высоком уровне материальной культуры людей того времени. Археолог решил добиваться выяснения того, каким образом люди, населявшие в глубокой древности эту местность, дошли до такого уровня. Он продолжал копать; теперь уже рыли небольшую шахту площадью примерно полтора метра на метр. Скоро перестали попадаться всякие следы жизни и деятельности человека. Культурный слой, как он обычно именуется археологами, явно кончился, дошли до «материка». Копавший шахту рабочий заявил, что углубляться дальше нет смысла, ибо там ничего больше нет и, видимо, не будет. Вулли решил собственными глазами посмотреть, что делается в шахте, и спустился вниз.

Увиденное поразило его: порода, до которой довела выкопанная шахта, представляла собой чистые речные отложения илистой глины. Это само по себе было загадочным — откуда и каким образом вода могла попасть сюда и оставить свои отложения. Трудно было представить себе, чтоб это было результатом разлива реки Евфрат — сопоставление уровней реки и найденного слоя не давало оснований считать эти отложения результатом разлива. К тому же Вулли увидел здесь заслуживающую решения загадку еще в одном обстоятельстве.

Он считал, что на данном уровне культурный слой еще не должен кончиться. Археолог исходил из того, что в древности Ур стоял не на возвышенности, а на невысоком холмике, который почти не выступал над окружавшей его болотистой равниной; поэтому область распространения культурного слоя вглубь, как ему представлялось, должна была быть значительно больше. Не поверив, таким образом, в то, что до наносов ила культурный слой кончается, Вулли отдал распоряжение копать дальше.

Прошли целых три метра совершенно «бескультурной» наносной земли. Казалось, что ученый напрасно упорствует, выбрасывая на поверхность все новые массы пустой породы. Его сотрудники и рабочие-землекопы смотрели уж на своего

начальиика с уднвленнем, а кое-кто втнхомолку и усмехиулся. Ню вскоре им пришлось убеднться, что работа, которую оин делают по его прнказанню, вовсе не иапрасна. На уровне трех с половнной метров после начала наносного слоя сталн виовь появляться осколкн и черепки посуды. Сомненнй не могло быть: возобновился и продолжался культурный слой...

Вулли немедленно распорядн́лся собрать «по тревоге» всех участннков экспеднцин к раскопу н поставнл перед нимн вопрос — как следует поинмать картниу, открывшуюся нх глазам. Одна из участниц экспедицни — это была жена архео-лога — немедленно восклнкнула:

— Ну конечно, здесь был потоп!

Эта мысль появнлась у самого Вуллн немедленно после того, как на поверхность сталн выбрасываться первые после перерыва находки. В самом деле: культуриый слой прерывает-ся на целых три с половнной метра, н не обычиой «местной» землей, а наиосиым слоем, доставленным явио водой неизве-стно откуда. До того как сюда хлынула вода, люди здесь жнлн н труднлнсь, рождалнсь и умирали, а через некоторое время, после того как вода схлынула, они опять поселнлнсь здесь. Не так уж трудно сообразить, что перерыв в обнтаемо-сти данной местиости и в развитнн культуры был вызван каким-то мощным иаводнением — при желанни его можно назвать н потопом. Но делать такой ответствеиный вывод иа материалах раскопа в полтора квадратных метра было, конечно, слншком рискованно. Надо было продолжать работы в более шнроких масштабах; это оказалось возможиым сделать только через год.

Раскопалн котлован площадью 2—3 метра на 18 и углу-бнлнсь в землю на 19 метров. Прошлн тот слой, где распола-галнсь царскне гробиицы, под ним оказался большой пласт мусора н отбросов: очевидно, когда-то, еще задолго до пе-рнода, когда здесь было устроено кладбище для царей Ура, на этом месте была мусориая свалка, которой пользовалось иаселенне блнзлежащего населеиного пункта. Потом пошли развалины жнлых построек разных периодов, остаткн гоичар-иой мастерской с большим количеством черепков н осколков глииявой посуды. Все иаходки представляли большой интерес для археологов, ио Вулли стремился все вииз, к тому слою, который может свндетельствовать о потопе. И действительно, в конце концов слой с остаткамн керамнкн оборвался, а под ннм, как и в той маленькой шахте, лежал слой чнстого речного ила; в этом слое располагалось несколько вырытых на его поверхностн могнл, а ниже этнх могнл был иаиосиый слой

около трех с половииой метров толщииы, ие содержащий никаких следов человеческой жизни и деятельиости. А еще ииже опять следы жизни: камеииые орудия, черепки, остатки очеиь примитивиых построек — хижии из сырцового кирпича или тростиика, обмазаииого глииой. Зиачит, жили здесь люди до того, как иаступавшая вода погубила их или по меиьшей мере заставила спасаться бегством.

Да, здесь было когда-то огромиое иаводиеиие. Вероятио, иемало людей погибло. Но ие все жители этой долииы нашли свою смерть в водах потопа.

Люди, жившие в этих местах до иаводиеиия, иаходились иа очеиь иизком уровие культуриого и техиического развития. Это была культура камеииого века, правда, его высшей стадии — иеолита; в истории культуры Месопотамии эта стадия известна под иазваиием эль-обейдской. И вот оказывается, что остатки и памятиики эль-обейдской культуры, существовавшей до иаводиеиия, продолжают обиаруживаться и в слоях, отиосящихся к периоду, иепосредствеиио следовавшему за иим. Зиачит, преемствеииость ие прервалась, и люди эль-обейдской культуры продолжали жить в ее условиях и после иаводиеиия. «Но люди эти,— пишет Вулли,— опустились и обиищали и... традициоииое искусство окоичательио пришло в упадок».

Как же, одиако, поиимать то обстоятельство, что тут же иад слоями земли, прииесеииыми иаводиеиием, обиаруживаются памятники зиачительно более высокой и богатой культуры, ярко сказавшейся в роскоши царских гробииц? Картииа достаточио ясиая: «В богатую,— говорит Вулли,— но теперь обезлюдевшую долииу хлыиула иовая волна пришельцев, иа сей раз с севера. Оии прииесли с собой более развитую культуру — умение свободио пользоваться металлом, искусио обрабатывать медь и изготовлять посуду ие руками, а иа гоичариом круге. Сиачала оии просто селились рядом с уцелевшими от потопа людьми эль-обейдского периода, ио вскоре стали хозяевами страиы».

Доказаио, таким образом, что грандиозиое иаводиеиие в этом райоие действительио было. Что могло послужить его причииой?

В иастоящее время места, где Вулли производил раскопки, иаходятся в полутора десятках километров от реки Евфрат и в трехстах с лишиим километрах от Персидского залива. Во времена потопа река Евфрат протекала значительно ближе, да и берег залива подступал почти вплотиую к г. Ур. В перио-

ды наибольшего разлива Евфрата он заливал окрестности на довольно большое расстояние, но это были обычные и нормальные наводнения, лишь способствовавшие жизнедеятельности приспособившихся к ним людей. Бывало, однако, что периоды разлива совпадали во времени с сильными ветрами, гнавшими воду из Персидского залива в устья Евфрата и Тигра и дальше вверх по их течению. Тогда уже разлив принимал катастрофический характер настоящего наводнения. Одна из таких катастроф, как свидетельствуют данные археологии, и произошла около пяти тысяч лет назад и оставила величественно-мрачное воспоминание — легенду о всемирном потопе.

Но разве этот потоп был всемирным? Разве наводнение в устье Евфрата распространилось на всю нашу планету?

Почти одновременно с описанными раскопками Вулли, в 250 километрах северо-западнее Ура — там, где когда-то располагался древний город Киш,— начала свои работы англо-американская археологическая экспедиция под руководством оксфордского профессора ассириологии — Стефана Лэнгдона. И здесь оказалось то же, что у Вулли: ряд культурных слоев, потом — явно наносный слой ила, свободный от каких-либо следов человека, затем — опять культурный слой. Но в отличие от обнаруженного Вулли в Эль-Обейде «потопного» пласта, достигавшего толщины в три с половиной метра, кишский пласт составлял всего около полуметра.

Следы наводнения найдены и в разных других пунктах Месопотамии, в частности в районе древних городов Урука и Шуриппака. В 1932—1933 гг. экспедиция Британского музея под руководством Р. Кэмпбелл-Томпсона в районе Ниневии обнаружила на глубине ниже 58 футов «потопный» слой толщиной от 5 до 7 футов. Видимо, если бы можно было вскрыть всю поверхность земли между Уром и Ниневией, притом на разных уровнях, открылось бы, что вся Месопотамия являлась в древности ареной грандиозного наводнения или целой серии таких наводнений. И решающую важность приобретает здесь выбор одного из указанных двух вариантов: грандиозное наводнение, единовременно затопившее всю Месопотамию, или ряд таких наводнений, происходивших в различное время?

В библейско-археологической литературе одно время высказывались взгляды, по которым наносный слой в Уре и Кише относится к одному и тому же наводнению. Так как Киш отстоит от Персидского залива на значительно большем расстоянии, чем Ур, то до него могли дойти менее мощные валы

наводнения, принесшие соответственно меньший слой ила. Более тонкий слой наноса в районе Киша может, помимо того, объясняться не только тем, что здесь наводнение было уже на излете, а и особенностями рельефа местности. Там, где вода свободно растекалась по равнине, она равномерно распределяла приносимый ею ил, а встретив возвышение или скалу, она накопляла у ее подножия большую массу ила и создавала, таким образом, более толстый пласт отложения. Так как рельеф местности, каким он был 4—5 тысяч лет назад, установить невозможно, то открывается широкое поле для всевозможных догадок относительно того, почему в одной местности слой отложений толще, а в другой — тоньше.

Для подтверждения библейского сказания о потопе более благоприятно такое решение вопроса, когда все следы наводнений в Месопотамии приписываются одной катастрофе: получается если не всемирный потоп, то во всяком случае наводнение такого большого масштаба, которое при желании можно признать и всемирным. На помощь здесь может прийти соображение о том, что, мол, в те времена все человечество было сосредоточено в этом районе. И все же библейское повествование о потопе и при таком варианте не подтверждается.

Исходя из этого варианта, масштаб потопа можно определить площадью примерно 650 километров на 130. Обо всем земном шаре во всяком случае не может быть и речи. А было ли в этом районе сосредоточено и истреблено потопом все человечество, кроме семьи Ноя? Конечно, нет. Во-первых, здесь же вскоре после потопа на всей территории поселились люди, оставившие археологам ясные следы своего обитания — и это была отнюдь не одна «семья Ноя», речь идет о многотысячном населении целой страны. Во-вторых, вне пределов наводнения оставались не только далекие Индия и Китай, археологические памятники которых, относящиеся к этому времени, дошли до нас в огромном количестве, но и лежавший поблизости Египет, культура которого не пострадала ни от каких наводнений. Стало быть, о «всемирности» потопа речи быть не может — если даже признать все следы месопотамских наводнений относящимися к одной и той же катастрофе. Но похоже на то, что и этого признавать не следует.

Тщательный геологический и археологический анализ всех материалов, относящихся к следам месопотамских наводнений, дает все основания полагать, что в разных пунктах они относятся к разным временам. В частности, теперь не вызывает сомнений, что наносные слои в Уре, Кише, Уруке и Шуриппаке

должны датироваться по-разному. А поскольку это так, то надо сделать вывод, что наводнения в этих местах происходили в разное время и, следовательно, масштаб того наводнения, следы которого обнаружил Вулли в Уре, был еще меньше, чем мы предположили вначале.

Сторонники полной достоверности ветхозаветной легенды не удовлетворяются тем, что Вулли «нашел потоп» — тем более, что в общем-то все-таки потоп, оказывается, вовсе не ветхозаветный, не всемирный. Они упорно ищут новых и по возможности убедительных подтверждений. Нельзя ли, например, найти его вещественные следы? И уж как бы хорошо найти Ноев ковчег или хоть остатки его!

ОСТАТКИ НОЕВА КОВЧЕГА?

В Библии говорится, что по окончании потопа ковчег пристал к горе Арарат на Кавказе. Почему бы ему там не сохраниться до наших дней? На вершине горы холодно, там вечный снег и лед, деревянный ковчег сгнить там не должен был. Поэтому его там и ищут и — находят! Представление о возне вокруг поисков Ноева ковчега, идущей на Западе в течение уже ряда десятилетий, дает в своей книге упоминавшийся выше Вернер Келлер, причем относится он к этой возне вполне серьезно.

Вблизи Арарата, сообщает Келлер, лежит армянская деревня Байзит, и в этой деревне из поколения в поколение живет предание о некоем пастухе, который «однажды на Ара-

рате видел большое деревянное судно». Это столь определенное свидетельство получало неоднократные подтверждения. Некая «турецкая экспедиция 1833 года» в донесении «упоминала именно некий деревянный корабль, который летом возвышался над южным глетчером». Дальше идут совершенно голословные ссылки на свидетельства различных людей, якобы видевших остатки ковчега. В 1892 году некто доктор Нури, «эрцдьякон Иерусалима и Вавилона», предпринял экспедицию для установления истоков Евфрата. И вот на обратном пути он видел в вечных льдах обломок корабля: «Внутри он был полон снегом; наружная стена — темно-красного цвета». Подробности — весьма выразительные, не хватает только того, чтобы они были документально подтверждены,— хотя бы ссылкой на то, где именно эрцдьякон испытал свои волнующие впечатления, а также фотоснимком или по меньшей мере зарисовкой. Но этого-то как раз и нет, поэтому «свидетельства доктора Нури» можно свободно отнести к разряду мифов. Правда, одними ими Келлер не удовлетворяется и продолжает нагромождать новые, столь же мифологические свидетельства.

Во время первой мировой войны русский офицер-авиатор по фамилии Росковицкий с борта своего самолета видел на южном склоне Арарата обломки ковчега. Царь Николай немедленно отправил туда целую экспедицию, которая не только видела, но и сфотографировала остатки ковчега. Ну, что же, остается только опубликовать отчет этой экспедиции и уж обязательно вместе с ним и фотографические снимки... Но увы: «все материалы, видимо, исчезли во время Октябрьской революции». А откуда известно, что они были? Здесь уж приходится верить на слово г-ну Келлеру...

Рассчитывая на это доверие, он продолжает нагромождать небылицы. Во время-де второй мировой войны остатки ковчега на Арарате опять наблюдались. На этот раз их видели целых четыре американских летчика и даже один советский. Фамилии очевидцев не указываются, что даже странно, ибо, конечно, Келлеру ничего не стоило придумать полдесятка убедительно звучащих фамилий. В заключение сообщается, что «американский историк и миссионер Аарон Смит из Гринсборо, эксперт по проблеме потопа», сочинил полную литературную историю Ноева ковчега: она обобщает 80 тысяч печатных работ на 72 языках, в 70 тысячах из них говорится о вышеупомянутом обломке ковчега.

Экспедиции с целью розыска Ноева ковчега действительно предпринимались кое-кем, притом в совсем недавнем прошлом.

Келлер сообщает, что в 1951 г. доктор Смит, очевидно, тот самый «эксперт по потопу», провел с сорока сотрудниками на ледяной вершине Арарата 12 дней. Особенно богатыми результатами своих поисков эксперту по потопу похвастать не пришлось. Но оптимизм его от этого не пострадал: «Если мы даже, — заявил он потом, — никакого следа Ноя не нашли, то все равно мое доверие к библейскому рассказу о потопе только укрепилось; мы еще вернемся». На следующий год по следам Смита двинулся на поиски француз Жан де Рике; результат был тот же, что и у Смита. «Несмотря на это,— бодро и с полным основанием оценивает перспективы этой активности Вернер Келлер,— и в дальнейшем будут снаряжаться все новые экспедиции на гору Арарат». Конечно, будут, ибо как церковники, так и располагающие вполне достаточными средствами их набожные покровители заинтересованы в том, чтобы шумиха вокруг ковчега, потопа и вообще всей библейской тематики не прекращалась. Но найти Ноев ковчег или какие-нибудь его остатки никому безусловно не удастся. Не исключено, что еще неоднократно появятся в печати сенсационные фальшивки на этот счет, может быть, будут даже и специально изготовленные фотографии, но ученым не составит большого труда разоблачить любую очередную фальсификацию в этом вопросе.

Приходится искать новые пути реабилитации библейской легенды о потопе. С сокрушением приведя материалы о плачевной неудаче всех поисков Ноева ковчега, немецкий католический автор Швеглер находит утешение в том, что «верящий в Библию католик не нуждается для поддержания своей веры ни в каких реликвиях, он предохранен от легковерия, от журнальных сенсаций...» и т. д. Но это уже хорошая мина при плохой игре. Как известно, католическая церковь больше, чем какая бы то ни было иная, придавала всегда значение реликвиям. Да и сам Швеглер тут же продолжает выискивать малейшие возможности подтверждения библейского мифа о потопе реликвиями ковчега. Он пишет, например, что два турецких журналиста недавно искали следы ковчега на горе Джудди в Северо-Западной Месопотамии. И напрасно-де искали, потому что там деревянные остатки не могли сохраниться по естественным условиям. А на Арарате могли сохраниться, но туда ковчег попасть не мог, так как «географически ограниченный» библейский потоп не был в состоянии доставить его туда.

Позвольте, однако, не оговорились ли вы, достопочтенный католически мыслящий господин автор? Не всемирный, а географически ограниченный потоп?

ЧТО ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛО?

Достопочтенный католический автор отступает очень далеко от позиций иудейско-христианской догматики в этом вопросе. Масштаб потопа он согласен признать не всемирным, а локальным. Но при этом изыскиваются все мыслимые возможности для того, чтобы сопроводить отступление барабанным боем и сделать вид, будто это даже вовсе не отступление. В древнееврейской Библии слово «эрец», обозначающее землю («вода покрыла всю землю»), надо, мол, понимать не как земной шар, а просто как кусок земли, как некую территорию. Правда, если стать на такую точку зрения, то потеряет всякий смысл весь библейский миф о потопе, ибо целью ниспосланной им на людей катастрофы бог считал именно истребление всего человечества, кроме семьи Ноя. И это тем более приходится подчеркнуть, что сам Швеглер, обосновывая локальный характер потопа, приводит много материала в пользу того, что он не только не покрыл землю, но и оставил многие народы незатронутыми и ненаказанными за их прегрешения.

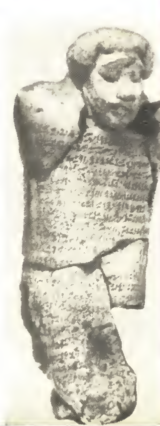
Известно, что в X главе книги Бытия дана подробная этнографическая таблица, перечисляющая «все» народы,

Типичный «телль» — выделяющийся на месопотамских и сирийских равнинах холм, под которым скрываются руины древнего поселения.

Скала на побережье Мертвого моря, напоминающая своими очертаниями человеческую фигуру. Слывет тем самым «соляным столбом», в который превратилась, по Библии, жена праведника Лота.

Развалины города Ур, откуда был родом, по Библии, праотец Авраам. Никаких его следов раскопки Ура, как и других местностей, конечно, не обнаружили.

Семитский караван, прибывший в Египет. Изображение на стене гробницы в Бени-Хасане (XIX в. до н. э.). Одно время рассматривалось некоторыми группами археологов как иллюстрация к вселению библейских патриархов в Египет. Теперь установлена невозможность такого толкования данного памятника.



Египетская статуэтка ханаанеянина с «текстами проклятий» (XVIII в. до н. э.).

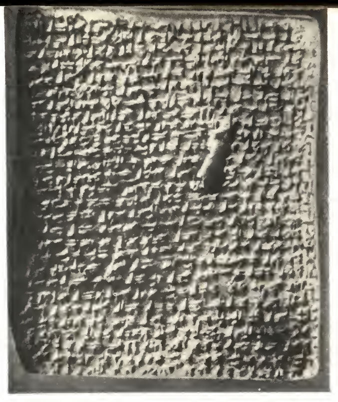
Портретная скульптура древневавилонского властителя начала II тысячелетия до н. э.; статуэтка из диорита. Некоторыми археологами рассматривается как изображение вавилонского царя Хаммурапи.

Статуя царя Имри-ли из Алалаха.

Кладовая дворца царя Мари Зимрилима (XVII в. до н. э.).

Клинописный текст из Нузу (нач. II тысячелетия до н. э.). Юридический документ, в котором археологи-библеисты усматривают параллель с описанными в Библии взаимоотношениями Авраама и его раба Элиезера.

Египетская статуя писца. Найдено колоссальное количество памятников письменности древнего Египта, но ни в одном из них нет даже упоминания о пребывании евреев в Египте и об исходе из него.



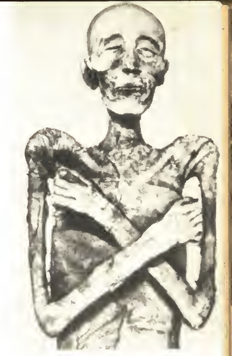
Один из документов телль-амарнского архива. Письмо Риб-Адди из Библоса.

Сирийские царьки или старейшины, изъявляющие покорность египетскому властителю (XV в. до н. э.). Изображение на стене гробницы Аменемхеба.

Рабы на строительных работах в древнем Египте (сер. XV в. до н. э.). Изображение на стене гробницы Рекмира. Попытки некоторых археологов-библеистов истолковать данный памятник как иллюстрацию «египетского плена» евреев не увенчались успехом.

Пленные семиты (вторая половина XIV в. до н. э.). Рельеф из гробницы Хоремхеба.

Стела Мерентаха (конец XIII в. до н. э.). На ней впервые в египетских памятниках упоминается Израиль.



Мумия фараона Мерентаха. К разочарованию многих археологов-библеистов, была обнаружена не на дне Чермного моря, где ей следовало быть по библейской легенде, а в гробнице.

Египетская пехота. Деревянные статуэтки из гробницы начала XVIII в. до н. э.

Гора Синай в ее современном виде. Ревнители исторической точности Библии вынуждены признавать ненадежность отождествления этой горки с тем местом, где, по Библии, обитал бог Яхве и где он принимал Моисея.

происшедшие от сыновей Ноя; никаких других народов на земле быть не может, поскольку именно от этих Ноевых потомков и произошло все остальное человечество. Но современная этнография, признает благочестивый автор, имеет дело с многочисленными народами, которые отнюдь не фигурируют в X главе Бытия: обитатели внутренней Африки, Австралии, Новой Гвинеи и т. д. Приходится признать, что эти люди происходят не от Ноя и его сыновей. А это значит, что кое-кто уцелел от потопа и помимо семьи праведников. Нельзя сказать, чтобы этот факт очень уж убедительно свидетельствовал в пользу достоверности библейского мифа...

Широко всегда использовался в богословской литературе тот факт, что легенда о всемирном потопе имеет чрезвычайно широкое распространение среди народов, живущих в различных уголках земного шара. Но Швеглер вынужден констатировать, что этих легенд нет в Аравии, в Китае, в Японии и в ряде других стран, у многих других народов. Опять-таки «всемирность» потопа повисает в воздухе! И богослов соглашается перетолковать Библию таким образом, чтобы хоть что-то оставалось от ее «исторически достоверных» мифов. В этих целях он согласен пожертвовать даже Араратом. Население Месопотамии, пишет Швеглер, понаслышке считало именно Арарат высочайшей вершиной мира. И поскольку постигшее их страну наводнение представлялось им всемирным, то фантазия подсказала наиболее внушительный финал драмы — ковчег пришвартовывается к самой высокой горе на всей земной поверхности. Имелась в виду не конкретная гора Арарат, а некая условная высочайшая вершина.

Пожалуй, здесь у католического автора есть кое-что резонное, в чем с ним можно согласиться, но это у него не плод свободного научного исследования и размышления, а абсолютно вынужденный ход, ибо перед лицом очевидности ему просто некуда деваться. Ясно, что библейский миф о потопе явился фантастическим отражением большого наводнения, действительно имевшего место в Месопотамии. Но это наводнение ни в коем случае нельзя считать всемирным потопом, катастрофой планетарного масштаба. Не исключено, что число жертв наводнения было большим, но о гибели всего человечества, за исключением одной семьи, говорить, конечно, не приходится.

Наводнение было не только в Шуриппаке, а и в Уре, Кише, Уруке, Ниневии. Можно спорить по вопросу о том, относятся ли обнаруженные во всех этих пунктах «потопные» слои к одному наводнению или они были отложены в разных случаях:

ведь совсем не исключеио, что, иапример, слой ила в Уре был отложен иа иесколько десятилетий или столетий раиьше или позже, чем в Ниневии. В этом случае масштабы этих наводнеиий могли быть довольно небольшими. Предположим, однако, крайний случай, в наибольшей степени приближающийся к «всемирным» масштабам: допустим, что раскопки во всех указанных выше пуиктах открыли следы одного и того же наводнения. Даже при таком вариаите можно ли считать, что потоп был всемирным?

И речи об этом ие может быть. При указанном варианте наводнение охватило территорию длиной примерно в 650 и шириной 130 километров. Большая территория, но до масшабов, указываемых в Библии или в поэме о Гильгамеше, очень далеко. В основе этих легенд явио лежит действительно имевший место исторический факт большого наводнения, погубившего много людей, но вовсе ие всемирного потопа, истребившего все человечество за исключением одной праведной семьи.

Но почему это историческое событие нашло в религиозно ориеитированиой фантазии людей именно такое отражение, какое мы видим в Библии и вавилонском эпосе?

Вопрос этот можио расчленить на два: 1) Почему потоп стал «всемирным»? 2) Каким образом возникла легенда о том, что ои явился средством наказания людей за их греховную жизнь? На оба эти вопроса ие так уж трудно ответить.

В наше время событие, происходящее в любой точке земного шара, легко и быстро находит свое достаточно точное освещение. Если в каком-нибудь районе произошло землетрясение или иаводнеиие, то при помощи современных средств связи — телефона, телеграфа, радио — легко устанавливаются его простраиственные масштабы. Если, например, в том или ином пуикте весь видимый горизонт иа время оказался залитым водой, то жители данного пуикта имеют полную возможиость самыми различными средствами установить, что наводиение охватило все же лишь определеиный райои, за пределами которого все было в полиом порядке. В древности же такое стихийиое бедствие, охватившее, скажем, несколько сот километров, должно было представляться ие только погибавшим, но и выжившим людям всемирным, сгубившим все человечество. А фаитазия пострадавших людей всегда бывает склонна преувеличить размеры постигшего их несчастья.

Что же касается того религиозиого объяснения, которое дано ие только в библейских, ио и в других мифологических произведениях такому естественному явлению, как иаводие-

ние, то и оно имеет вполне естественные причины. В те времена, когда созиание людей было пропитано религиозио-фантастическим духом, любое значительиое по своим масштабам и результатам для людей событие объяснялось чаще всего имеино волей бога или богов. Все, что ие поддавалось объяснеиию в качестве результата действий человека, относилось за счет сверхъестественных сил — богов, чертей, духов, ангелов. Чем еще мог объясиить человек того времени граидиозное и страшиое иаводиеиие, уиесшее так много жизией, как не гневом могучих сверхъестествеиных сил, выведенных из терпения нечестивыми деяииями людей?!

Вот все, что остается от ветхозаветиой легеиды о потопе.

ПАТРИАРХИ

ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ БИБЛИЯ

Через десять поколений после Ноя родился праотец Авраам, у иего был сыи Исаак, у того — сыи Иаков, или Израиль, а у Иакова — те двеиадцать сыиовей, которые положили иачало двеиадцати племенам (колеиам), составившим весь избраиный богом Яхве израильский иарод. Был у Авраама племяиник Лот, поселившийся со своей семьей в городе Содоме. Этот город вместе с городом Гоморрой иавлек иа себя гиев Яхве — оба оии были разрушеиы «дождем серы и огия с иеба». Сыиовья Иакова продали своего брата Иосифа в рабство в Египет. Там ои сделал головокружительиую карьеру, став в коице концов главиым миииcтром фараоиа. Когда в тех местах, где жил Иаков со своими сыиовьями, иаступил голод, оии переселились в Египет, где были радушио встречеиы своим братом, которого считали погибшим. Им отвели в Египте хорошие пастбища для скота, и иекоторое время израильтяне жили там в полиом довольстве.

КОГДА И ГДЕ ЭТО МОГЛО ПРОИСХОДИТЬ?

Богословы и верующие археологи за некоторыми исключениями более или менее единодушны в том, что Авраам жил в самом начале II тысячелетия до н. э. Одно из оснований для такой датировки заключается в том, что, по книге Бытия, он был современником «царя Сеннаарского» Амрафела. В литературе, относящейся к данному вопросу, нет расхождений насчет того, что библейский Амрафел — это не кто иной, как знаменитый вавилонский царь Хаммурапи. Раньше считалось, что Хаммурапи жил в самом начале II тысячелетия до н. э. Открытиями последних лет установлено, что датировка жизни и царствования Хаммурапи должна быть немного приближена к нашему времени, датами его царствования теперь считаются 1792—1750 гг. до н. э. По Ушеру, Авраам родился в 1996 г., Содом и Гоморра уничтожены в 1886 г., Иаков с сыновьями переселился в Египет 1706 г. По мнению православного богослова Ф. Р., эти даты соответственно таковы: 2071, 1972 и 1781. Английский археолог и библеист Х. Раули, рассматривая, как он говорит, «библейские традиции в свете археологии», датирует эмиграцию Авраама из Харрана 1650 г. до н. э. и вступление израильтян в Египет — 1360-м.

Места, где развернулась жизнь и деятельность патриархов, указаны в Ветхом завете с большой определенностью, что, конечно, должно было бы сильно облегчить археологические поиски. Они решили переселиться в землю Ханаанскую и направились туда, но по дороге остановились в Харране. После смерти Фарры Яхве повелел Аврааму продолжать путешествие в землю Ханаанскую. В Сихеме он сообщил ему, что всю эту землю отдаст его потомству. Дальше Авраам проследовал к востоку от Вефиля и к западу от Гая и «продолжал идти к югу»; так как здесь свирепствовал голод, то он двигался все дальше на юг, пока не достиг Египта. Оттуда он через некоторое время вернулся в Ханаан на место, «где прежде был шатер его между Вефилем и между Гаем». Там он разделился с Лотом, который ушел на восток и «раскинул шатры до Содома»; Авраам же «поселился у дубравы Мамре, что в Хевроне». Но и после этого он продолжал странствовать — «поднялся к югу и поселился между Кадесом и между Суром; и был на время в Гераре», в «стране филистимской». Жена Авраама Сарра умерла в Кириаф-Арба, «что ныне Хеврон», он похоронил ее в пещере Махпела, которую купил у «сынов хеттовых». Исаак странствовал, как и его отец, по Месопотамии и Ханаану, жил и у филистимлян в Гераре и остановился, наконец, в городе Беершива.

Иаков в молодости жил в Месопотамии, где в течение четырнадцати лет отрабатывал стоимость своих жен Лии и Рахили; потом он вместе с ними, рабами и скотом вернулся в Ханаан. На этом его маршруте Библия отмечает такие пункты, как гора Галаад, местности Маханаим, Пенуэл, Мицпа, Сокхов, «земля Сеир» в области Эдом, река Иавок. Поселился было Иаков в Сихеме, но скоро Яхве велел ему перебраться в Вефиль, «он же Луз», оттуда он переселился в Ефрафу, которая тут же в Библии именуется и Вифлеемом. Здесь Иаков жил со своей семьей до самого переселения в Египет.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО СУЩЕСТВУ

Патриархами обычно именуются все «положительные» мужские персонажи Ветхого завета, начиная с Адама и кончая Иаковом с его двенадцатью сыновьями. Об одном из них, Ное, мы говорили применительно

к данным археологин в предыдущей главе. Что касается остальных, то есть смысл обсуждать вопросы о них в свете археологнческих даиных лншь иачииая с Авраама. Самые благочестнвые нз археологов-библенстов не берут иа себя смелость говорить о возможностн подтверждення археологическимн материалами нсторнчностн какого-нибудь Мафусала, Тубалкаииа, трех сыиовей Ноя н подобных нм ветхозаветных персоиажей. Претензня на историчность, которая может быть подтверждена археологическимн открытиями, предъявляется лншь в отношеини Авраама и следующнх за инм патриархов. Поэтому мы тоже будем обсуждать этот вопрос, нмея в внду патрнархов начнная с Авраама.

Многое нз приведенных точных указанні Бнблин, особенно в хронологической их части, представляется прн первом же подходе к аналнзу вопроса невозможиым.

Кннга Бытия сообщает, напрнмер, о сношениях, в которые Авраам вступил с филистимляиамн н нх царем Авнмелехом. Известно, что филнстимляие иачали вселяться в Хаиаан лишь к началу XII в. до н. э. Значит, одио нз двух: лнбо Авраам жнл не в XVIII, а в XII в. до н. э., лнбо прнходится признать, что бнблейский текст содержит в себе грубую исторнческую ошнбку. Точно так же обстонт дело с тем, что Бнблия, перечисляя состав Авраамова нмущества, говорит н о верблюдах, между тем как верблюд был одомашиен в этнх краях едва лн раньше начала I тысячелетия до и. э. Таким образом, еслн признавать нсторнчиость этого бнблейского указания, то придется перенестн даты жизнн Авраама чуть лн не на целое тысячелетие вперед по сравиенню с тем временем, к которому оин обычио прнурочнваются. А в этом случае полетнт датнровка всей последующей бнблейской нсторнн; не останется, в частиостн, временн для пребываиия евреев в Египте, странствования в пустыне н т. д. Основываясь иа Библии, свести здесь коицы с концамн оказывается иевозможным.

УР, МЕСОПОТАМИЯ И XIV ГЛАВА КНИГИ БЫТИЯ

Археологические данные, относящиеся к Аврааму, могли быть найдены, очевидно, в тех местностях, которые книга Бытия связывает с его именем. Прежде всего это город Ур, откуда Авраам, по библейским данным, происходил родом и откуда он начал свои путешествия в поисках лучшей жизни и во исполнение предначертаний Яхве. Город Ур, как мы уже

выше писали, был весьма основательно раскопан и исследован многолетними экспедициями Леонарда Вулли. Можно ли было ожидать, что в ходе этих раскопок обнаружатся материалы, непосредственно свидетельствующие об Аврааме и его окружении? Вулли пишет, что это было бы исключительно счастливой случайностью, так как Авраам не занимал в Уре видного положения — он не был ни царем, ни приближеным к царю человеком, а в те времена простые люди, не занимавшие высокого места в общественной иерархии, не отмечались ни в каких документах. Вулли упускает при этом из виду одно существенное библейское сообщение. В главе XIV книги Бытия описывается, как Авраам во главе своих домочадцев и рабов воевал против Амрафела (Хаммурапи) и целой коалиции его союзников. Сначала шла война четырех царей против пяти, среди которых был и Амрафел. Военное счастье оказалось на стороне лагеря пяти. Победители взяли в плен Авраамова племянника Лота. Узнав об этом, Авраам во главе вооруженного отряда бросился вдогонку за победителями и нанес им полное поражение. Конкретность библейского повествования доходит до того, что указывается численность вооруженных сил патриарха: 318 человек. Оказывается, для того чтобы разгромить не только такого сильного властителя, каким был Хаммурапи, но и еще четырех царей, нашему праотцу понадобилось всего три сотни воинов. К тому же Хаммурапи был царем высокоцивилизованного по тому времени народа, и победа над ним полудикого кочевника с кучкой рабов представляется исторической несуразностью. Остается, правда, возможность толкования этого библейского сообщения с помощью понятия чуда: если бог захотел, то Авраам при помощи собственных своих двух кулаков мог разгромить многотысячное войско... Но, во-первых, в Библии ничего не сказано о том, что здесь имело место чудо. А во-вторых, мы уже условились чудесами не заниматься и вести изложение только в пределах естественного и возможного.

По вопросу о военной победе Авраама над Хаммурапи археологи-богословы прибегают к скрофуженным оговоркам, например: «представление современных авторов таково, что первоначальное предание о военном подвиге Авраама — среди старейших в наших коллекциях, но оно должно подвергнуться существенной проверке в деталях, так что не может теперь рассматриваться с уверенностью как частный момент истории Месопотамии». Сказано достаточно осторожно и скользко, но смысл ясен — не стоит рассматривать данное предание как

сообщение об историческом факте. Но все же оно почему-то дает основание буржуазным археологам приурочивать историческое существование Авраама ко времени Хаммурапи.

При этом они все же не могут скрыть всей шаткости своей позиции в этом вопросе. Тот же только что цитированный автор вынужден признать: «К несчастью, невозможно с хронологической точки зрения удовлетворительно датировать эпизоды (связанные с Авраамом. — *И. К.*) в рамках II тысячелетия ближневосточной истории». Несчастье заключается в том, что, пытаясь свести воедино все библейские указания, могущие быть использованными в целях датировки, богословствующие археологи регулярно попадают в положение той птички, которая неизбежно увязает клювом, когда пытается вытащить коготок.

По книге Бытия, Авраам был кочевником-скотоводом, жившим в шатрах вместе с семьей, им возглавляемой. Уровень культурно-исторического и социально-экономического развития, на котором, по библейским сообщениям, стоял Авраам, никак не соответствует тому, что известно по археологическим данным о городе Уре в эпоху, к которой относят существование Авраама, и даже в значительно более ранние времена.

Государство-город Ур к концу III тысячелетия до н. э. представлял собой один из главных центров цивилизации того времени. Правда, до изобретения железа было еще далеко, но на основе меди и бронзы была создана замечательная для той эпохи культура. Люди занимались оседлым земледелием, жили не в шатрах, а в прочных домах, цари строили себе великолепные дворцы. Высокий уровень культуры того времени нашел свое выражение в великолепных ювелирных изделиях, найденных Вулли в царских гробницах, в знаменитом «штандарте», покрытом с обеих сторон исключительно тонкой работы рельефами из ляпис-лазури и других ценных материалов. И на фоне этой картины полудикий кочевник-скотовод Авраам выглядит как нечто совершенно чужеродное. Вполне благонамеренный в отношении авторитета Библии американский археолог Финеган пишет по этому поводу: «Если Авраам вышел из Месопотамии примерно в начале II тысячелетия до н. э., то необходимо пересмотреть обычное представление о нем как о примитивном кочевнике, привыкшем только к открытым пространствам пустыни...» Но археолог забывает при этом указать, что «обычное» представление об Аврааме — это представление Библии...

При таком положении не остается ничего другого, как при-

знать иекоторые из самых основных ветхозаветных преданий «иесомиеино поэтическими». Казалось бы, вопрос ясеи — речь идет о более нлн меиее поэтическом порождении народной фаитазнн, о вымысле. Но сказать это прямо — значит взорвать миину под осиовополагающим тезнсом об историчиостн библейских повествоваинй; какой археолог-богослов может пойтн иа такое самоубийствеиное призиание?! И начииается казуистическое маневрироваиие протнворечивыми формулами: «Полный скептнцнзм едва ли оправдаи в отношенин к этому материалу»; «иет осиоваинй сомиеваться в том, что традиция о патрнархах содержит в себе иадежное ядро»; «в то же время искусствеииый характер библейской хронологни н ее генеалогической схемы необходнмо отметнть...» Что же касается пресловутой XIV главы кииги Бытня, то она «загадочна». Еслн добиваться прнзнаиия во что бы то нн стало тезнса об нсторичностн Авраама, то, коиечио, очень миогое будет оставаться загадочиым. Но при иепредубежденном подходе к вопросу иичего особеино загадочиого здесь ие будет. Впрочем, подождем с выводамн до тех пор, пока ие рассмотрнм весь материал, отиосящийся к даииом вопросу.

РАСКОПКИ В МАРИ, РАС-ШАМРЕ И НУЗУ

Археологнческие нсследоваиия в Месопотамин н Снрнн, пронзводнвшнеся в двадцатых и трндцатых годах нашего века, далн колоссальиое колнчество материала. Фактнческн только теперь оказалось возможным представнть более нлн менее связную картнну нсторин этнх страи в III н II тысячелетиях до н. э. Так как библейские патрнархн, по кннге Бытия, подвнзались имеиио здесь, то можио было надеяться иа то, что даниые археологнческнх

нсследоваиий прольют свет иа этот важнейшнй отрезок библейской историн.

Особенно большое значение нмелн раскопки, пронзводнвшнеся в 1933—1938 гг. иа террнторни древиего города-государства Мари. Помнмо огромного колнчества раскопаииых вещественных памятннков, в том чнсле развалнн велнколепного дворца царя Знмрнлнма, надо указать иа остаткн государственного архива Мари, обнаруженные в царском дворце. Там оказалось почтн 20 тысяч глиняиых таблнчек с клинопнсью. Средн этой огромной массы текстов обиаружена днпломатнческая перепнска царя Зимрилнма с вавнлонскнм царем Хаммурапи. Именно аиалнз этой переписки и устаиовленне того обстоятельства, что Зимрилим был современнником Хаммурапн, дало возможиость изменить прежиюю датнровку царствовання последнего. Для библейской археологин раскопкн в Марн дали очеиь важный материал.

Ряд городов и другнх географическнх названнй, известных до снх пор только из Библнн, часто фнгурирует иа клинопнсных табличках Марн. Нередко упомннаются города Харраи, Серуг, Пелег. Город Нахор, о котором в Бнблин говорится как о месте жительства родителей Ревеккн, жены Исаака, тоже нередко фнгурирует в этих табличках. Довольио обычны такне собственные имеиа людей, как Терах, Нахор, Авраам, Иаков, Иосиф, Вениамии н т. д. Напомннм, что Терах (в русском переводе Бнблни — Фара) был, по Ветхому завету, отцом Авраама, а Нахор — его братом, остальиые имеиа — тоже ветхозаветные. Может быть, в табличках нз Мари речь идет именно о библейскнх патрнархах?

Нет, это совсем другие людн — ннчего похожего иа то, что о патриархах рассказывается в Ветхом завете, клинописиые таблнчкн нз Мари о людях, иазванных такнми же нли подобнымн нменамн, ие говорят. Ни одни из археологов и не пытается отождествлять этн имеиа с персонажамн книги Бытия. Важно, одиако, установлеиие того факта, что оии былн обычнымн в древией Месопотамни и шнроко бытовали там.

В таблнчках нз Марн упомииается племя, людн которого нменуются веннамнннтами. Как нзвестно, одно из «двенадцати колен нзранлевых» иазывается в Ветхом завете по именн своего родоначальника — одного из сыиовей Иакова — коленом Вениамнна. Не нмеется лн в внду в текстах Марн нменно это нзраильское племя н не иаходим ли мы здесь подтверждеине нсторнческой достовериости одиого нз элементов легенды о патрнархах? Нет, такого вывода сделать иельзя, ибо тексты

Мари относятся к значительно более раннему времени, чем можно по Библии датировать возникновение «колен израилевых». Этническая группа вениаминитов имеет настолько древнее происхождение, что возникшая позже библейская легенда о Вениамине, как одном из сыновей Иакова, могла появиться уже в порядке объяснения и осмысления факта существования этого племени.

Тексты, найденные в Мари, дают еще один термин, поставивший сначала в тупик археологов-библеистов: там неоднократно в качестве военных вождей племен и народов фигурируют люди, именуемые давидами. Если пренебречь хронологией, то и здесь можно было бы начать фантазировать на тему об израильском царе Давиде. Но расхождение во времени доходит в данном случае почти до тысячелетия, так что при всем желании найти исторические подтверждения библейских повествований здесь просто невозможно. И опять-таки представляется вероятной прямо противоположная картина: не имя израильского царя Давида фигурирует в табличках, а, наоборот, израильский царь был впоследствии назван именем, которое стало привычным для обозначения военных вождей.

Большие и плодотворные раскопки производились с 1929 г. на североосирийском побережье в районе Рас-Шамра, где находился в древности финикийский город Угарит. Найденные в большом количестве глиняные таблички с клинописью содержали в своем большинстве культовые и мифологические документы, а также официальные материалы из царского архива. Опять — ни малейшего упоминания о ветхозаветных патриархах и никакого намека на них. И все же многие из найденных в Рас-Шамре материалов имеют отношение к содержанию книги Бытия. Так, например, в мифологических текстах мелькает имя Иераха, которое может быть прочитано и как Терах. Не обнаружены ли здесь непосредственные истоки того рода, из которого произошел Авраам? Если бы это было так, то, конечно, историчность нашего праотца была бы поставлена на более или менее твердую почву. Но, увы, надежда не оправдывается: Терах фигурирует в текстах Рас-Шамры как лунный бог, и, конечно, в этом своем качестве может рассматриваться лишь как мифическое существо.

Археологи-библеисты уделяли в последние годы много внимания раскопкам, которые производились американской экспедицией Шиіры и Шпайзера незадолго до второй мировой войны в районе Йорган-Тепе, где в древности находилось семитическое государство-город Нузу. Большое количество клинопис-

ных документов, найденных там, датируется периодом около 1400 г. до н. э.; это преимущественно хозяйственные и юридические документы. Но внимание библеистов к этим материалам было привлечено отнюдь не тем, что в них содержались бы какие-нибудь прямые указания на Авраама или других патриархов,— таких указаний там нет. Богословствующие археологи подняли большой шум вокруг материалов, которые они считают косвенным подтверждением историчности ветхозаветных легенд.

Совпадение ряда библейских имен и названий дает, мол, основание к выводу о том, что не все в Библии вымышлено. Но кто же настаивает на том, что все содержание библейских легенд не имеет под собой никакой исторической почвы?!

Рас-Шамра лежит географически довольно далеко от главной арены израильской истории, но и там было найдено много такого, что непосредственно перекликается с содержанием Ветхого завета. Известно, например, что в Ветхом завете фигурируют такие враги бога Яхве, как ханаанские боги Баал или Ваал, Дагон, Ашера, Эл. До сих пор эти имена были известны только из Библии, а здесь они всплыли на поверхность, засвидетельствованные новым историческим источником. Что же касается находок в Нузу, то они свидетельствуют о таком хозяйственном и семейном строе обитателей этого государства, который весьма близко подходит к нравам, описываемым в Ветхом завете. Археологи подробно останавливаются на том, что история взаимоотношений Авраама, Сарры и Агари близко соответствует семейному праву Нузу.

По Библии, Авраам жил с рабыней своей жены Агарью и имел от нее сына, который считался сыном его законной жены Сарры; а когда Сарра сама родила, она отказалась от «благоприобретенного» ребенка. Такие ситуации выглядят обычными для нравов Нузу. Полностью соответствует семейному праву Нузу описанное в Ветхом завете положение, по которому наследником Авраама до тех пор, пока у него не было детей, считался его раб Элиезер. То же и в отношении борьбы между Иаковом и Исавом за первородство и т. д. В общем — много перекликающегося, как выражаются в зарубежной печати,— корреспондирующего, дающего косвенные намеки, указания, напоминания. Но ни одного прямого подтверждения! Ни Авраам, ни другие патриархи не фигурируют ни в одной из тех десятков тысяч клинописных табличек, в которых говорится о людях, оставивших мало-мальски заметный след в истории Месопотамии и Сирии II тысячелетия до н. э.

Когда былн опублнкованы клниописные документы из Мари, Олбрайт писал: «Авраам, Исаак и Иаков теперь уже ие выглядят нзолированнымн фнгурамн — тем более отраженнями позднейших периодов нзраильской нсторин; оии теперь появнлнсь перед иами как действительиые сыиы их века, иосящне те же имеиа, передвигающиеся по той же территорни, навещающне те же города... практикующие те же обычаи, как и нх современникн». Американский археолог вовсе ие хочет этим сказать, что нменио Авраам, Исаак и Иаков «появились» в археологических находках, — он бы с восторгом иемедлеино объявил об этом, но ие может, так как не имеет нн малейших основаиий. Появилнсь «сыны века патриархов» — иногда даже под аналогичиымн нмеиамн, — передвигавшиеся по той же террнторин и т. д., но ие самн патрнархн!

Есть некоторые другне результаты раскопок в Месопотамнн и Снрнн, о которых верующне археологн ие говорят полным голосом, хотя н упомииают о иих; во всяком случае, оин не делают нз иих тех выводов, которые самн собой иапрашиваются. Мы нмеем в внду находкн, свидетельствующне о том, что у древних иародов Снрни н Двуречья имели распростраиение религиозные культы, мало чем отлнчавшиеся от того культа, который, по кинге Бытия, Яхве преподал Аврааму и другим патриархам. В таблнчках Рас-Шамры неодиократио встречаются божьн имена, блнзко напоминающие ветхозаветиые.

Как нзвестно, в Пятнкннжни бог имеиуется ие только Яхве, но н множественной формой Элохнм, от едииствеииого числа — элоха. Оказывается, что корень «эл» входит в состав нмен большого колнчества месопотамских и сирнйскнх богов. Ветхозаветный Яхве выглядит в этом свете как один из элов нлн элохнм. Больше того, само нмя Яхве в различиых, но очень блнзких варнантах было составной частью аморитского нменн, а на угарнтском языке Яхве мог быть прямо обозначением имеин бога. Фраицузский исследователь Рене Дюссо иа основании сопоставления угарнтских документов и ряда библейскнх ссылок делает вывод о том, что в общеханааиской мифологин Яхве счнтался одним нз сыновей верховиого божества хаиааиеян — Эла. Как ои счнтает, в релнгнозиой фаитазин народов Ханааиа каждый нз сыиовей Эла являлся богом-покровителем того нлн другого иарода илн племени; иа долю Яхве выпадало управлеиие народом Израиля-Иакова.

Не только по имеии бога религия древиего Израиля оказывается родственной культам других древних иародов Блнжиего Востока. Очень много общего и в самих формах служеиия

богам, в самом культе. В материалах Рас-Шамры фигурируют многие культовые понятия, которые до сих пор богословами считались монополией древнего Израиля, получившего от самого Яхве откровение, как надо служить ему. Ковчег Завета со всем его оборудованием, скиния и ее двор, святая святых, золотая табличка в святилище, священное число «семь», жертвенники и жертвоприношения — все это оказывается существовавшим у ряда народов помимо израильского. Вся система жертвоприношений и даже название отдельных жертв, входивших в эту систему — жертва всесожжения, мирная жертва и т. д., — все это оказывается общим достоянием ханаанских народов. Это нетрудно объяснить, если исходить из естественноисторических законов жизни общества и народов, его составляющих: в сходных общественных и естественно-географических условиях возникают и родственные культы — тем более, что в процессе сношений разных народов между собой неминуемо происходит известное взаимовлияние и заимствование друг у друга разных представлений и культов. Но если настаивать на том, что религия Яхве явилась результатом откровения, данного патриархам, то указанные выше результаты археологических исследований окажутся необъяснимыми: ведь другим народам, кроме израильского, никакого откровения не было!

Что же касается личности самих патриархов Авраама, Исаака и Иакова, то можно лишь повторить, что богатейшие результаты раскопок в Сирии и Месопотамии дали о них беднейшие материалы — попросту сказать, никаких.

ПАТРИАРХИ И ЕГИПЕТ

Есть и другой географический район, в котором, по книге Бытия, протекала деятельность Авраама и Иакова, — это Египет. Здесь, как известно, раскопки ведутся уже на протяжении более полутораста столетий, причем результаты их исключительно велики. Мы

можем попытаться найти в материалах египетской археологии какие-нибудь данные о библейских праотцах.

Египетский период в жизни Авраама, по Ветхому завету, связан с тем, что, спасаясь от голода, наступившего в Месопотамии, наш праотец вместе с женой Саррой переселился в Египет, где и проживал некоторое время в непосредственном общении с фараоном. Дошло даже до того, что фараон, прельщенный красотой Сарры, взял ее в свой гарем — с согласия, впрочем, Авраама, выдававшего ее за свою сестру; лишь непосредственное вмешательство Яхве прервало эту несколько неприличную идиллию. Во всяком случае, если исходить из библейской легенды, то можно ждать того, что в богатейших результатах египетской археологии найдутся прямые или косвенные упоминания об этом эпизоде, связанном с именем Авраама. Обнаружено ли что-нибудь подобное?

Имя Авраама упоминается в египетских памятниках один раз. В победной надписи фараона Шешенка, известного в Библии под именем Сусаким, говорится о том, что он захватил в Палестине «поле Авраама». Речь идет здесь о той победоносной войне, которую Шешенк действительно вел в Палестине, а полем Авраама, видимо, вообще названа израильская земля. Относится эта надпись, как и царствование Шешенка в целом, к X в. до н. э. Ясно, что к личности самого Авраама и к его пребыванию в Египте надпись Шешенка не имеет никакого отношения. Ни малейшего упоминания, которое относилось бы к Аврааму и в какой-то мере одновременно к «эпохе патриархов», в египетских источниках не имеется.

В двадцатых годах нашего века немецкий археолог Шефер открыл в Луксоре так называемые Тексты Проклятий; вскоре они были прочитаны немецким же египтологом Зете. В дальнейшем такого же рода тексты были обнаружены и в ряде других пунктов Египта. Самые старые из них датируются серединой XIX в. до н. э. На стенах многих сооружений, а также на глиняных скульптурных изображениях и на обломках посуды начертаны надписи, содержащие яростные проклятия по адресу царей и государств, являющихся потенциальными или действительными врагами Египта. Историческая ценность этих текстов исключительно велика, так как в них перечислено большое количество географических названий, а также собственных имен различных царей и прочих деятелей, подвизавшихся тогда на международной арене. Там фигурируют многие города-государства Месопотамии и Сирии, в том числе и Иеруса-

лим. Никакого упоминания ни об Аврааме, ни о каком бы то ни было другом из патриархов в Текстах Проклятий нет, хотя там перечисляется большое количество не только крупных, но и мелких властителей, притом не только прямо враждебных Египту, но и просто чужих, могущих когда-нибудь причинить египтянам те или иные неприятности. Материалы, в которых скорее всего мог бы фигурировать Авраам или его потомки, упорно молчат по поводу этих персонажей, хотя хронологически Тексты Проклятий приходятся как раз на то время, к которому приурочивается жизнь патриархов.

Буржуазные археологи все же пытаются как-нибудь зацепиться за эти материалы, чтобы найти в них что-нибудь подтверждающее историчность библейских сказаний. Но так как ничего конкретного в них найти нельзя, они вынуждены ограничиваться общими и неопределенными ссылками на то, что «тексты представляются иллюстрирующими условия той страны, которую Авраам и его род могли посетить» в то время...

Делается и еще один довольно хитроумный ход. В Текстах Проклятий нашло свое отражение то историческое обстоятельство, что в их время Египет постоянно подвергался нашествиям со стороны аморитских народов, двигавшихся со стороны Месопотамии и временами достигавших дельты Нила. Представляется соблазнительным вариант, по которому патриархи могли двигаться в русле какой-нибудь из волн аморитского нашествия и попасть таким образом в Египет. Но такое решение вопроса, как с сожалением отмечает буржуазный археолог, невозможно, ибо оно противоречило бы Библии: «Нет ничего, — говорит Райт, — в еврейской традиции, за исключением проблематики гл. XIV кн. Бытия, что ставило бы Авраама и Исаака в связь с широким движением населения» того времени.

Имеется в египетских археологических материалах один памятник, открытие которого наделало в свое время много шуму, так как на первый взгляд он производит впечатление прямой иллюстрации к библейскому тексту.

В 1890 г. английский археолог Перси Ньюберри прибыл в египетское местечко Бени-Хасан с поручением исследовать имеющиеся там древние погребения. Особенный интерес представляла гробница крупного египетского чиновника Хнумхотепа, жившего в царствование фараона Сезостриса II, то есть в самом начале XIX в. до н. э. На стене гробницы Ньюберри при свете факелов различил интереснейшую многоцветную фреску, прекрасно сохранившуюся. Изображена группа мужчин, жен-

щин и детей, явно только что прибывших из далекого путешествия. Их руководитель вручает подарки египетскому чиновнику, замыкающий процессию играет на лире. Все мужчины изображены с характерными бородками, служившими в древнеегипетском искусстве своего рода условным обозначением семитов, что совершенно определенно решает вопрос об этнической принадлежности пришельцев. В надписи к изображению упоминается имя руководителя пришедшей группы — Ибша, или, может быть, Абиша или Абисар, указывается также количество пришедших — 37 человек.

Не подлежит сомнению, что если бы в надписи не указывалось имя родоначальника пришедших, притом такое имя, которое никак не может быть отождествлено с именами ни одного из патриархов, то археологи-апологеты обязательно объявили бы памятник иллюстрацией к Ветхому завету. Но и при этих условиях вокруг него разводится масса демагогии на ту же тему.

Вскоре после открытия бени-хасанского фриза стали широко распространяться слухи, что найдено изображение того самого прихода в Египет Иакова с сыновьями, которое явилось началом знаменитого египетского плена израильтян — и это несмотря на ясно указанное имя Ибши, которое никак с именем Иакова не спутаешь. Пришлось все же отказаться от разговоров на эти темы, ибо в Библии говорится о приходе вместе с Иаковом 70—75 его потомков, а на фризе значительно меньше; если имя Ибши можно не называть рядовому читателю, то без всякого знания иероглифов любой может видеть, что здесь не 70 человек, а значительно меньше. В настоящее время некоторые буржуазные археологи связывают бени-хасанский фриз с приходом в Египет не Иакова, а Авраама. Они вынуждены, правда, выражаться осторожно, ибо мешает все то же имя Ибши. Поэтому чаще говорится об «аналогичном случае», о «воспроизведении типичного эпизода» и т. д. Но то, что не может быть в данном случае и речи об отождествлении изображенной сцены с эпизодом прихода Авраама в Египет, вытекает хотя бы и из следующих обстоятельств: Авраам фигурирует в Ветхом завете как мирный скотовод, лишь в одном случае взявшийся за оружие с целью освобождения своего племянника Лота, здесь же изображены воины или по меньшей мере охотники, пришедшие в Египет без всяких стад, вооруженные копьями и луками. Короче говоря, данный памятник не дает никаких материалов, которые могли бы что-нибудь сказать нам об Аврааме, а тем более — об Иакове.

В общем, египетский период биографии Авраама, как она рассказана в книге Бытия, тоже не находит никаких археологических подтверждений.

ЧТО ЗДЕСЬ МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ДЛЯ АПОЛОГЕТИКИ?

Какие выводы делают из приведенных выше фактов те археологи, которые кровно заинтересованы в подтверждении ветхозаветных легенд о патриархах? В общем, эти выводы могут быть сформулированы следующим образом: археология не установила историческую истинность этих повествований, но она показала их историческое правдоподобие, а также обрисовала ту обстановку, в которой патриархи могли жить и, может быть, жили. В подкрепление своей позиции некоторые из буржуазных археологов говорят даже, что было бы вообще напрасно ожидать подтверждения легенд о патриархах археологическими данными — важно, мол, доказательство того, что все это было возможно, а такие доказательства археология представила...

Нужно ли доказывать, что тот или иной человек под таким или другим именем мог существовать в определенную эпоху? Конечно нет, всякие лю-

ди всегда могли существовать. Историческая наука при помощи археологических и всяких иных материалов устанавливает то, что было, а не то, что могло быть. И ломятся в открытую дверь те археологи, которые видят в результатах раскопок подтверждение возможности исторического существования патриархов.

Когда решается вопрос о том, являлись ли те или иные мифологические или фольклорные персонажи реальными историческими личностями, на первый план выдвигается хронологическая проблема: когда они жили или могли жить? В применении к данному случаю этот вопрос оказывается роковым для тех, кто утверждает историчность патриархов. Ни один из многочисленных вариантов датировки, разработанных библеистикой и библейской археологией, не выдерживает проверки в свете данных Библии, археологических исследований и общеисторических материалов. Не удивительно поэтому, что ревнители исторической точности Библии находят выход в призыве к воздержанию от точных датировок. «Необходимо,— пишет один из них, — соблюдать осторожность при применении культурных и социальных показателей для целей датировки; поскольку у нас имеются принципиальные установки в вопросе о патриархальной эре, нужна определенная гибкость в фиксации хронологии». Можно посочувствовать буржуазному археологу, скованному «принципиальными установками», то есть обязанностью признавать историческую достоверность библейских легенд и историчность их персонажей; в этих целях он вынужден проявлять большую «гибкость», то есть беспринципную изворотливость как в вопросах хронологии, так и вообще в применяемых им методах исторического исследования.

В отдельных случаях эта «гибкость» доходит до того, что хронологические показатели передвигаются на ряд столетий. Так, например, Сайрус Гордон согласен перенести даты жизни Авраама к XV—XIV вв. до н. э. Он опирается при этом на ту же XIV главу книги Бытия, в которой рассказывается о войне Авраама против коалиции пяти царей. В этих военных действиях участвовало-де незначительное количество войск, а «Ханаан был тогда ареной многочисленных малых войн». Помимо того, Авраам происходил из Месопотамии, а «типичным для того времени было проникновение с месопотамской стороны». Видимо, представляя себе, насколько жидка аргументация в пользу его датировки, Гордон тут же делает оговорку, открывающую возможность полной капитуляции

в случае необходимости: «Поскольку личиости, назваииые в XIV главе киили Бытия, иигде другими источниками ие упоминаются, мы ие можем составить надежную картину действительного положения вещей, и эта глава остается одной из иаиболее горящих исторических проблем Библии». Буржуазные археологи ие могут скрыть того обстоятельства, что «горит» вся проблема датировки эры патриархов, а вместе с ией горит и проблема историчности этих ветхозаветиых персонажей. Такие признаиия обычио сопровождаются многочисленными оговорками и даже бодрыми сообщениями о том, что положение постепенно проясняется, ио, в общем, выводы оказываются достаточно безрадостиыми. Вот, например, типичное заявление такого рода: «Зиачительиый прогресс был достигиут в устаиовлеиии хронологических координат эры патриархов, хотя попытки точного изображения событий и их датировки оказывались иеизменно бесплодными». Нельзя ие признать весьма своеобразным такой прогресс, в ходе которого неизменно ничего не достигается!

Есть и другой прием, при помощи которого библеисты-археологи пытаются выйти здесь из конфузного положения,— он относится не к временным показателям, а к географическим. Прибегает к этому приему и иебезызвестный Вериер Келлер.

Из того факта, что об Аврааме, иапример, нет никаких упомииаиий ни в каких документах того времени, делается вывод, по которому он «никогда не мог быть гражданином шумерской метрополии». Жил Авраам иа далекой периферии, «не как гражданин мирового города (Ура. — *И. К.*). — он вел типичную жизнь кочевника!», он «кочевал со своими стадами от пастбища к пастбищу, от колодца к колодцу». Кто же его, рядового кочевника, мог заметить и выделить из многих тысяч подобных ему, кому могло бы понадобиться занести его в летописи и другие документы эпохи?!

Для того чтобы можно было как-нибудь обосновать эту концепцию, надо отказаться от библейской версии о происхождении Авраама из Ура — «мирового города». Это ие составляет для Келлера особого труда. В греческом-де переводе Ветхого завета говорится ие об Уре, а о «стране халдеев». Это значит, что в III в. до н. э., к которому традиция отиосит перевод «70 толковников», ие все признавали именно Ур родиной Авраама. Если так, то, может быть, надо считать, что этой родиной был ие Ур, а Нахор в Северной Месопотамии? Старательио выискиваются малейшие иамеки в Ветхом завете,

могущие подтвердить такое решение. И что тут еще можно сделать, если сам Олбрайт сокрушенно признается: «Прежнее представление об исходе из Ура Халдейского в Харан не нашло, за исключением обнаружения самого города, никаких археологических подтверждений»?

Нельзя не видеть того, что и келлеровское решение вопроса никак не помогает в подтверждении историчности ветхозаветных легенд о патриархах. Почему-то, оказывается, надо пренебречь прямыми свидетельствами Библии и исходить из текстов, которые можно счесть в лучшем случае лишь темными намеками. И с другой стороны, куда девать библейские же сообщения о деятельности Авраама на широкой международной арене — о его жизни при дворе египетского фараона, победоносном и решающем участии в войне одной коалиции месопотамских царей против другой? Вряд ли такая активность могла бы остаться незамеченной.

Любопытный образчик софистического маневрирования в вопросе об исторических основах легенд о патриархах дает «Журнал Московской Патриархии» в своей рецензии на книгу Райта «Библейская археология».

Православный автор недоволен тем, что Райт «слишком бегло касается ряда важных исторических проблем, связанных» с царями Зимрилимом и Хаммурапи. Он напоминает о найденных документах, по которым «в районе Мари вели полуоседлый образ жизни воинственные племена» под названием вениаминитов, и заодно сообщает, что «Мари расположен как раз вблизи Харрана — древнего центра, вокруг которого, согласно Библии, располагались кочевья ветхозаветных патриархов». Что же, значит, все хорошо и правильно — патриархи, по Библии, жили в районе Харрана, а археология подтверждает существование там племени вениаминитов — одного из ответвлений этой большой семьи? Нет, тут же богослов вынужден бить отбой: «Правда, мы сталкиваемся с серьезной хронологической трудностью, которая тесно связана с другим «исполином» древности — царем Хаммурапи». Как выше уже говорилось, Хаммурапи—Амрафел, по Ветхому завету, был современником Авраама, стало быть, и Зимрилим, живший в одно время с Хаммурапи, был современником патриарха; Вениамин же, по Вехтому завету, приходился Аврааму правнуком. Если учесть, что сын Исаак появился у Авраама, когда ему было 90 лет, то надо сделать вывод, что племя, происшедшее от Вениамина («вениаминиты»), могло появиться лишь через много лет после жизни

Авраама. Если так, то о значении данной находки для подтверждения историчности Авраама не приходится и говорить. Как же сводит концы с концами благочестивый рецензент в своей критике показавшегося ему недостаточно благочестивым американского археолога-рецензента?

По существу — никак. Он оставляет их несведенными. «Если мы отождествим,— говорит он,— Хаммурапи и Амрафела, то станет очевидным, что израильское колено Вениаминово в то время еще не могло существовать, ибо оно не было одновременно с Авраамом, и тогда марийские «вениамиинты» не тождественны библейским или марийские документы говорят о библейском колене, и тогда Амрафел — не Хаммурапи». Иначе говоря, православный богослов подтверждает, что оба решения неблагоприятны для исторической апологетики Библии, но на всякий случай упрекает Райта в том, что «все это совершенно обойдено молчанием» в его работе. Упрек этот не заслужен американским археологом — тот так же усердно, как и его православный рецензент, старается найти выход по возможности благоприятный для репутации Библии. Но что делать, если это невозможно?

УЖАСНАЯ СУДЬБА СОДОМА И ГОМОРРЫ

Библейской легенде о разрушении Содома и Гоморры повезло на «естественные объяснения». Дошло уже до того, что это жестокое дело приписывается даже обитателям других планет, посетившим нашу многогрешную Землю. Обратимся, однако, к менее экстравагантным объяснениям.

Как известно, суть легенды заключается в том, что, разгневавшись на жителей указанных двух городов, «пролил Господь на Содом и Гоморру

дождем серу и огонь», в результате чего города сгорели, а жители погибли; Авраамова же племянника Лота бог заранее вывел из обреченного города вместе с его семьей, причем жена Лота все-таки погибла, превратившись в соляной столб, так как она не сумела сдержать любопытства и не вовремя оглянулась. Миф как миф, и совершенно необязательно, чтобы за ним скрывалось какое-либо историческое содержание. Но если надо доказывать, что Библия «все-таки права», то можно попытаться превратить миф в историческое повествование.

Первое, что можно было бы использовать в данном случае, это предположение о вулканическом извержении. Но вулканов в данном районе нет. Мобилизуются другие предположения — землетрясение вызвало всю катастрофу. А как же библейское сообщение о том, что сера и огонь лились дождем **с неба?** Начинается гадание насчет того, что землетрясение могло вызвать взрывы, выход естественных газов, «освобождение вулканической активности» и такой хаос, в котором вообще ничего нельзя было разобрать. Что-то, мол, было, а что, — это даже неважно, лишь бы можно было провозгласить, что Библия и на этот раз права...

А куда девались развалины Содома и Гоморры? Хоть обгорелые, а найтись они должны были бы, ибо строили в тех местах тогда только из камня и глины. Выход из положения Келлер находит и здесь. На южной оконечности Мертвого моря, в очень соленой и малопрозрачной воде на глубине около 400 метров смутно маячат как будто обломки чего-то вроде стволов деревьев. И этого достаточно! Катастрофа Содома и Гоморры завершилась тем, что вся «долина Сиддим» вместе с обгоревшими остатками обоих городов опустилась на дно морское. А где доказательства? Их нет, но это не мешает не только Келлеру, а и такому серьезному американскому археологу, как Д. Финеган, отстаивать историчность библейского мифа.

На худой конец, если нельзя найти остатки Содома и Гоморры, поскольку они, **может быть,** скрылись на дне морском, то жену Лота, обратившуюся в соляной столб, Келлер почти нашел. В той местности много скал и каменных столбов, покрытых слоем кристаллической соли. Многие из них «живо напоминают» человеческие фигуры. Келлер прямо не говорит, что один из этих столбов надо рассматривать как злосчастную супругу Лота, но многословно и туманно намекает, что и это не исключено. Непонятно, правда, почему соответствующий

соляной столб не провалился на дно Мертвого моря вместе со всей долиной Сиддим. Но не будем так строги с «библейскими археологами» — такое уж у них тяжелое положение!

* * *

При непредубежденном подходе нет ни возможности, ни оснований уклониться от прямого и ясного вывода: в археологических материалах библейские легенды о патриархах не нашли никаких подтверждений.

ЕГИПЕТСКИЙ ПЛЕН

ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ БИБЛИЯ

В голодный год Иаков послал своих сыновей в Египет с поручением купить там хлеба. Иосиф тогда уже был высокопоставленным человеком при дворе египетского фараона. Он узнал своих братьев, простил причиненное ему зло, и вскоре вся семья переселилась по его приглашению в Египет; их было, как сообщает Библия, 70 или 75 (по переводу «70 толковников») человек, «происшедших от чресл Иакова». Если прибавить сюда несколько жен Иакова и их рабынь, то должен набраться еще десяток. Фараон отвел израильтянам специальную область для поселения — «землю Гесем», где они занялись скотоводством.

После того как умерли и Иаков и Иосиф, а новые фараоны забыли о заслугах Иосифа, потомков Иакова обратили в рабство. К этому времени они сильно размножились, так что сама их численность уже представлялась египтянам опасной. В целях систематического уменьшения этой численности фараон отдал распоряжение изнурять рабов-израильтян тяжелыми работами; выполняя

их, они построили ему «города для запасов» Пифом и Раамсес. Были применены и такие меры, как систематическое истребление всех рождавшихся младенцев мужского пола. Так продолжалось до тех пор, пока бог не поручил Моисею вывести израильтян из египетского плена.

Так как оказалось «упорно сердце фараоново» и он ни за что не хотел отпускать своих рабов, то Моисей вместе с братом Аароном обрушил на Египет при помощи Яхве целую серию «казней»: они превратили в кровь всю воду во всех водоемах Египта, вызвали нашествие жаб, столь же массовое нападение мошек и каких-то песьих мух, от которых прямо «погибала земля», моровую язву на скоте, «воспаление с нарывами на людях и на скоте», градобитие, нашествие саранчи, кромешную тьму по всему Египту. Наконец, последним и наиболее сильнодействующим мероприятием этого рода явилось поголовное истребление первенцев как у людей (конечно, египтян), так и у животных. Этого упорный фараон уже не выдержал и отпустил евреев.

КОГДА И ГДЕ ЭТО МОГЛО ПРОИСХОДИТЬ?

Для датировки периода египетского плена нам придется несколько забежать вперед и рассмотреть те данные, которые мы находим в Библии по вопросу о времени окончания этого плена; по существу это касается содержания следующей главы, но здесь без этого материала обойтись невозможно. Библия дает достаточно точные ответы на вопрос о том, когда окончился египетский плен, и на вопрос — сколько времени он продолжался. Правда, эти ответы — несколько двойственные и, следовательно, противоречивые.

По поводу строительства Соломонова храма III книга Царств сообщает, что оно началось «в четыреста восьмидесятом году по исшествии сынов Израилевых из земли египетской, в четвертый год царствования Соломонова над Израилем». Точная дата начала царствования Соломонова неизвестна; варианты, предлагаемые разными историками, находятся в пределах 970—950 гг. до н. э. Для решения рассматриваемой здесь проблемы эти колебания не имеют серьезного значения, мы можем выбрать любую из указанных дат. Возьмем среднюю — 960 г. Тогда четвертым годом царствования Соломонова окажется 956 и если мы прибавим к этой цифре указанные III книгой Царств 480 лет, то получим в качестве даты исхода 1436 г. до н. э. В это время в Египте царствовал Тутмос III или, может быть, Аменхотеп II; один из них и является, таким образом, «фараоном исхода», а «фараоном-угнетателем» должен оказаться его предшественник.

Такому решению вопроса противоречат некоторые другие библейские же свидетельства. По Ветхому завету, израильтяне строили в Египте города Пифом и Раамсес. Раскопки в районе восточной части Дельты дали возможность найти первый из этих городов в Телль-Ретабе, а второй отождествить с Танисом. Оба эти города были построены (или, может быть, перестроены) при Рамзесе II. Танис именовался Пер-Рамзес («Дом Рамзеса») только в течение двух столетий — примерно с 1300 до 1100 гг. до н. э. Это значит, что исход мог произойти не раньше XIII в. Рамзес умер около 1251 г. Если именно он был «фараоном-угнетателем», то честь именоваться «фараоном исхода» принадлежит его тринадцатому сыну и преемнику Мернептаху. По этой версии, основанной также на Библии, исход из Египта должен датироваться самым концом царствования Мернептаха,

поскольку тот утоиул, преследуя «исшедшнх» израильтян, а известно, что Мерентах царствовал примерно до 1231 г.

Какое нз этих двух взаимио противоречащих хронологическнх решеиий приннять, археологи-библеисты до сих пор инкак не могут договорнться: ведь оба оии в равиой мере основаны иа Бнблин! Все попыткн «гармоиизнровать» их ни к чему ие приводят, так что в решении этого вопроса большинство бнблеистов делнтся, если можио так выразиться, иа две партнн — староиинков датировкн исхода XV н XIII вв. Впрочем, есть гипотезы, выводящие и за эти пределы: упомниавшийся уже Ф. Р. указывает дату — 1571 г., Раули датирует исход 1230 г., по Ушеру его иадо относить к 1491 г. до и. э.

Длилось все пребываине израильтяи в Египте, как свидетельствует Бнблия, 430 лет. Здесь тоже ие обходится, правда, без иекоторых крнвотолков. В кннге Исхода сказано так: «Времени же, которое сыны Израилевы (и отцы нх) обитали в Египте (и в земле Хаиааиской), было четыреста трндцать лет». Слова, стыдлнво взятые в скобки, нмеются в переводе 70, в древиееврейском же тексте их иет — зиачнт, оии являются поздиейшей вставкой; мы должны нсходнть, таким образом, из цнфры 430. Если прнинять первый бнблейскнй вариаит исхода, то прнход Иакова с сыиовьями в Египет надо датировать 1866 г. до и. э. (1436+430); при втором варианте следует прннять дату 1641 (1211+430).

Местом жительства нзраильтяи в Египте, по книге Исхода, былн берега Нила иедалеко от резндеицни самого фараона, так что сюда приходнла купаться сама дочь егнпетского властнтеля. Исходя из ряда текстов, следует предположить, что нзраньльтяне жили в ближайшем соседстве с египтянами, даже под одной с иимн крышей. В самую иочь исхода оии нмеют возможиость одалживать у егнптяи цеииые вещн — зиачит, жнвут в непосредственном соседстве с иимн. Но в ряде других текстов ясно обнаружнвается, что нзраньльтяне жнлн изолнроваиио от египтян, в особом райоие Гесем; то, что для инх отводнтся особый район поселения, мотивируется тем, что египтяне презнрают скотоводов н не могут жить с ними вместе. Земля Гесем, по Бнблнн, настолько изолнрована от остальиого Египта, что казни, обрушнвающиеся на население основной террнтории, не наносят ннкакого ущерба нзраильтянам; их ие касается н превращение всей инльской воды в кровь — зиачит, они жнвут далеко от рекн.

В египетскнх надпнсях назваине Гесем ингде ие упомниается, и установнть, где следует нскать эту область, было бы иевозможно, если бы Библия ие дала и некоторых другнх орнентнров: в кннге Бытия говорнтся в этой связи о «Земле Рамзеса», а в псалмах — о «поле Цоан». Город Цоаи, нли Танис, упомииается в египетскнх источннках как находящийся в восточной частн дельты Ннла; именем Рамзеса был иазваи в Егнпте город, построенный около 1300 г. до и. э.,— он находнлся также в этих местах. Итак, область Гесем следует считать находнвшейся именно в восточной частн дельты Ннла. Ориеитнр — достаточио коикретный, можио нскать в определенном месте.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО СУЩЕСТВУ

Сообщая о вселеиии Иакова с его сыиовьями в Егнпет, книга Бытня прнводит даииые о численности иммигрантов — их меньше ста человек. Через четыреста с лишиим лет, к моменту исхода, израильтяи насчнтывается 600 тысяч взрослых мужчии, способиых иосить оружие. По прииятия

тым в статистике нормам, общая цифра народонаселения при таком количестве молодых и среднего возраста мужчин должна составить не менее трех миллионов. Вполне понятно, что без экстренных мер, которые мог бы предпринять бог Яхве для усиления плодовитости израильтян, несколько десятков человек могло бы расплодиться до трех миллионов лишь в течение многих тысячелетий. А мы условились не принимать в расчет фактор чуда. Поэтому прямо скажем, что здесь рассказывается о невозможном.

Это тем более ясно, что фараон, как сообщается в Ветхом завете, стремясь ограничить неудержимый рост еврейского населения, приказал двум еврейским повитухам убивать новорожденных мальчиков. Одно из двух: либо рожениц было так немного, что с их обслуживанием могли справляться всего две акушерки, либо фараон был так наивен, что считал свою меру в отношении двух повивальных бабок вполне достаточной для приостановления роста миллионного населения. Второе — маловероятно. Значит, сведения об огромной численности израильтян в Египте приходится отвергнуть.

Следует, однако, обратить внимание на то значение, которое имеют для историографии евреев именно эти цифры. Исходя из них, надо признать, что евреи стали народом именно в Египте — туда они вступили кучкой в несколько семей, а оттуда вышли народом миллионной численности. Посмотрим же, в какой мере оправдывается эта, основанная на Библии версия.

ЕГИПЕТ В ДОЛГУ У БИБЛЕИСТИКИ

Когда начались систематические работы археологов в Египте, то первым, что больше всего интересовало влиятельные в буржуазных государствах круги богословов и церковников, было открытие материалов, которые подтвердили бы и иллюстрировали библейские повествования о египетском плене израильтян и о полном чудес исходе из Египта. Начались самые активные поиски в этом направлении.

Американский ученый первой половины прошлого века Эдуард Робинсон известен как один из основоположников

библейской археологии. Получив в 1837 г. в Нью-Йорке кафедру библейской литературы, он должен был начать свою деятельность с исследовательского путешествия по Палестине. Но начал он свое путешествие с Египта; одно это уже свидетельствует о том решающем значении, которое придавалось археологами-библеистами египетской эпопее израильтян. Описывая деятельность Робинсона, современный американский автор Фредерик Оуэн превозносит ту тщательность и добросовестность, которую проявил Робинсон в своих поисках. А его принципиальные установки Оуэн характеризует следующим образом: «Его научные мотивы» и твердая вера в то, что церковная традиция представляет собой ценность только тогда, когда она совпадает со свидетельством священного Писания, предохраняли его от ошибок и плохо обоснованных выводов». Каковы же были результаты столь тщательной археологической разведки, руководимой такими благонамеренными и благочестивыми побуждениями?

В отношении археологических данных о пребывании евреев в Египте — никаких.

С того времени прошло без малого полтора столетия. На территории Египта почти непрестанно велись археологические исследования, равных которым по размаху и интенсивности не знает ни одна страна. За это время древняя история Египта исследована так, как это не достигнуто в отношении какой бы то ни было другой страны в мире. Вернер Келлер пишет: «Ни одно государство Древнего Востока не раскрыло нам так свою историю, как Египет. Вплоть до 3000 г. до н. э. мы можем почти без перерывов перечислить имена фараонов и чередование династий Древнего, Среднего и Нового царств. Ни у какого другого народа так точно не выяснены события и факты, связанные с его властителями, походами, постройками дворцов и храмов, литературой и поэзией». Казалось бы, уже о таких драматических событиях, как те, которые связаны с пребыванием израильтян в Египте, исторические памятники должны были поведать громко и внятно. «Но, — меланхолически констатирует Келлер,— на этот раз Египет остается в долгу перед исследователями. Мало того что они ничего не нашли об Иосифе, они не открыли ни документов, ни памятников его времени». Упорно не платит Египет исследователям свои долги не только в отношении документов и памятников всего того времени, в течение которого, как свидетельствует Библия, евреи пребывали в египетском плену, но и в отношении Моисея и его времени. Просто какой-то

заговор со стороны зданий и погребений, надписей и произведений изобразительного искусства, даже со стороны столь обильной в древнем Египте папирусной литературы! Не показываются...

Правда, Келлер находит благовидное объяснение для этого странного явления — такое, которое может не поставить под сомнение историчность библейского рассказа. Между 1730 и 1580 г. до н. э. данные египетской истории вообще чрезвычайно скудны. И по Келлеру, как раз в этот промежуток и можно втиснуть всю историю египетского плена израильтян: от этого, мол, времени вообще осталось мало памятников, поэтому нет ничего и о евреях.

Следует отметить, что сам Келлер в данном случае наносит удар своему же требованию признать полную достоверность библейских повествований. Ибо он пытается уложить указанные Библией 430 лет египетского плена евреев в прокрустово ложе 150 лет молчания источников. Притом, надо полагать, с его же точки зрения, не с самого начала «эры молчания» развернулись описанные в Библии события и не точно к самому концу ее они завершились, так что следует иметь в виду не все 150 лет, а какой-то отрезок времени внутри этого периода — лет 100 или, допустим, 120. Достаточно ли этого периода для того, чтобы род в 70 человек размножился до численности целого большого народа?!

Могло ли случиться так, что если бы египетский плен евреев был действительным историческим фактом, от него не осталось бы существенных и заметных следов в вещественных памятниках древнего Египта, в его богатейшей эпиграфике — в бесчисленных надписях на стенах гробниц, на стелах и обелисках, в росписи храмов, в многочисленных папирусах, которые читаются теперь учеными-специалистами без особого труда? По поводу патриархов еще можно с грехом пополам ссылаться на возможность того, что они не попали в письменные памятники Месопотамии и Сирии, так как не были людьми заметными в государственной и общественной жизни того времени. Но чтобы осталось незамеченным пребывание целого народа на территории не очень уж большой страны, чтобы прошли мимо внимания египетских летописцев, публицистов, государственных деятелей, по приказаниям которых делались соответствующие записи, такие события, которые, по Библии, должны были буквально потрясти весь Египет,— это, конечно, неправдоподобно. Объяснить это можно было бы чудом.

Заметим, прежде всего, что не осталось от пребывания евреев в Египте никаких материальных памятников.

Археологические исследования в соответствующих местах могли открыть развалины домов, алтарей-жертвенников Яхве, орудия производства, предметы домашнего обихода, наконец, специфические для евреев погребения. Сделаем все мыслимые поправки на то, что, придя в Египет, израильтяне очень быстро усвоили нравы и быт этой страны, так что и жилища их, и предметы домашнего обихода того времени теперь трудно отличить от соответствующих археологических памятников, оставленных самими египтянами; допустим, что это даже так. Но никакие поправки здесь нельзя сделать в отношении памятников религиозного культа, а в особенности, погребений. Большой народ, живший в стране на протяжении 400 с лишним лет, не мог не оставить большого количества могил. Египетские погребальные обычаи настолько специфичны, что для археолога не составляет никакого труда отличить от египетских погребения любого другого народа — тем более, если бы они были не одиночными, а массовыми, в кладбищах, принадлежавших целым поселениям. Но никаких кладбищ неегипетского, то есть, может быть, еврейского происхождения, в области Гесем не найдено! Не умирали, что ли, эти люди?

ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ НАЙДЕНО?

Имеется в распоряжении археологов фреска, которая рассматривается некоторыми апологетами Библии как прямая иллюстрация подневольного труда еврейских рабов в Египте.

На стенах гробницы крупного египетского чиновника Рехмира в г. Фивы тот же Перси Ньюберри, который открыл бени-хасанский фриз, обнаружил чрезвычайно интересный

рисунок, изображающий труд подневольных людей — они изготовляют кирпичи и кладут их в стены строящегося здания; надсмотрщик, вооруженный палкой, видимо, руководит работами. Это изображение дало много материала для размышлений и споров. В самом деле, нет ли здесь прямой иллюстрации рабского труда евреев в Египте, как раз заключавшегося, по Библии, в изготовлении кирпичей и в строительстве зданий?

Гробница Рехмира, на стенах которой изображена данная сцена, относится примерно к 1460 г.; это само по себе могло бы подойти к хронологическим рамкам пребывания евреев в Египте. Надсмотрщик изображен черным, а рабочие — белыми. На этом основании некоторые авторы пытались утверждать, что в качестве надсмотрщика здесь фигурирует египтянин, а в качестве рабов — более белокожие семиты. С этим нельзя согласиться, ибо среди работающих также имеется черная фигура — значит, определение этнической принадлежности по цвету в данном случае не имеет под собой почвы. Помимо того, известно, что египтяне обычно изображали семитов с бородками определенной формы, которых на данном рисунке нет. И наконец, Фивы, где найден рисунок, находятся далеко от дельты Нила и, стало быть, от земли Гесем. Города Пифом и Раамсес, над строительством которых трудились, по Библии, еврейские рабы, также находились далеко от Фив. Короче говоря, к библейской легенде о пребывании евреев в египетском плену изображение на стенах гробницы Рехмира явно не относится.

Развалины в восточной части Дельты, которые могут быть с некоторой долей вероятности отождествлены с указываемыми в Библии городами Пифом и Раамсес, археологами найдены. Известно, что фараон Рамзес II действительно занимался строительством в больших масштабах. Указанные города построены, видимо, при нем и под его руководством. Но нет ни малейших доказательств того, что работали над сооружением зданий в этих городах именно евреи. На развалинах этих зданий имеется большое количество всевозможных надписей, но нигде не встречается ни звука о еврейских рабах, которые бы здесь трудились.

В ряде египетских источников описываются придворные и храмовые церемонии и шествия, которые часто происходили в Египте, причем перечисляются категории людей, принимавших участие в этих церемониях. Упоминаются и рабы, но ни в одном случае не говорится о том, что это были израильтяне.

Несколько раз в папирусах, датируемых периодом от XV до XII в. до н. э., упоминаются люди под названием апиру. На стенах гробниц найдены два изображения, где люди, занятые работой по выжиманию сока из винограда, именуются этим названием. Сохранился со времени фараона Аменхотепа II (около 1491—1465) список военнопленных, среди которых фигурируют 127 князьков из Ретену (египетское название Сирии — Палестины) и 3600 апиру. Два папируса времени царствования Рамзеса II представляют собой инструкции о порядке распределения продовольствия (собственно, зерна) среди апиру, занятых транспортировкой камня для возведения пилонов (ворот) строившегося храма. Слово «апиру» фонетически близко к древнееврейскому обозначению евреев — «ибрим». Видимо, оно тождественно «хапиру» или «хабиру» — слову, которое встречается еще чаще в документах того времени — не только египетских, но и месопотамских и сирийских. По вопросу о том, следует ли отождествлять апиру или хабиру с евреями, существует уже целая литература. Мы подробно займемся этим вопросом в следующей главе, а пока ограничимся тем, что и положительное и отрицательное его решения неблагоприятны для библейской легенды о пребывании евреев в египетском плену. Если апиру — евреи и при Аменхотепе II их брали в плен, то, значит, в то время они не были в рабстве и даже воевали с египтянами. А если считать их неевреями, то тем более к библейской легенде упоминания о них не имеют отношения.

Найден папирус, в котором говорится о семи годах неурожая и голода в древнем Египте; на это свидетельство Вернер Келлер кивает весьма многозначительно. Но и он не может скрыть того, что папирус этот относится к временам фараона Джосера, который, как известно, жил около 2700 г. до н. э. Если даже датировать приход евреев в Египет самым ранним из возможных сроков, то один семилетний голод будет отставать от другого на целое тысячелетие. Что же можно доказать ссылкой на свидетельство времен Джосера? Только то, что в Египте, как в любой другой стране, могла иметь место голодовка такой длительности. Но в этом никто и не сомневается. И еще, пожалуй, можно сделать вывод, что в исторической памяти египтян оставалось воспоминание о страшных годах семилетнего голода, которое могло и через ряд столетий дать отзвук в легендах, каким-нибудь образом попавших в еврейский фольклор. Но это ровным счетом ничего не дает для подтверждения версии о семилетнем голоде во времена Иосифа.

КТО У КОГО ПОЗАИМСТВОВАЛ?

В огромном количестве найденных египетских папирусов обращают на себя внимание некоторые близкие по содержанию к библейским сюжетам. Зарубежные археологи-библеисты касаются этих материалов весьма осторожно, ибо не напрасно считают их опасными для репутации Библии, как богодухновенной книги.

В Ветхом завете рассказывается о том, как жена египетского царедворца Потифара пыталась соблазнить сына Иакова, прекрасного Иосифа, находившегося в услужении у ее мужа — «Она схватила его за одежду его и сказала: ложись со мною. Но он, оставив одежду свою в руках ее, побежал и выбежал вон. Она же... кликнула домашних своих и сказала им так: посмотрите, он привел к нам еврея ругаться над нами. Он пришел ко мне, чтобы лечь со мною; но я закричала громким голосом; и он... оставил у меня одежду свою и побежал и выбежал вон». Ту же версию сообщила эта женщина своему мужу, что, разумеется, навлекло на Иосифа репрессии. В материалах египетского фольклора имеется чрезвычайно близкая параллель к этому библейскому сказанию.

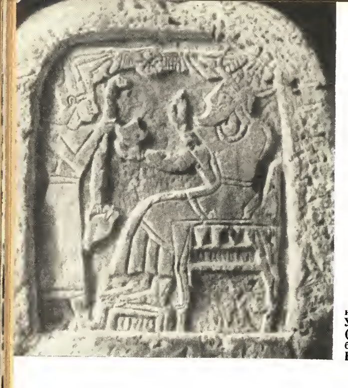
В одном папирусе, относящемся к XIV—XIII вв. до н. э.,

Сцена из быта ханаанских царей начала XII в. до н. э. Инкрустация на слоновой кости. Обнаруживает сравнительно высокий уровень культуры у ханаанских народов до их завоевания израильтянами.

Керуб из Мегиддо (XII в. до н. э.). Статуэтка из слоновой кости. Близкая параллель к библейским «керубим».

Четырехрогий алтарь для курений из Мегиддо. Дает возможность объяснить значение часто встречающегося в Библии выражения — «рога́ алтаря».

Бронзовые статуэтки богов из Угарита. Близкая параллель к библейским «терафим».



Изображение бога Эла и его слуги. Рельеф из Угарита. Именем Эла (Элоха́, множ. элохим) бог часто называется в Ветхом завете.

Израильское изображение керуба (IX в. до н. э.). Плакетка из слоновой кости.

Развалины ханаанского храма в Асоре (разрушен ок. 1200 г. до н. э.). Планировка — типичная для храмовых сооружений в этом районе — в частности, и для храма Соломона; входное помещение (вестибюль), главный зал и «святое святых».

Остатки стен иерихонской крепости, разрушенной задолго до вторжения израильтян.

Остатки крепостных стен Мегиддо.

Развалины резиденции первого царя Иудеи Саула — Гивы Сауловой (конец XI в. до н. э.). Раскопаны под Телль эль-Фул.

Так называемая Башня Давида в Иерусалиме. Кладка верхней части явно обнаруживает следы эпохи начала нашей эры, то есть примерно через тысячелетие после эпохи Давида.

Камни, рассматриваемые некоторыми археологами-библеистами как снаряды для метания из пращи. Найдены в долине Элы, где, по Библии, происходил бой между Давидом и Голиафом. Это дает основание к многозначительным намекам — «не те ли камни?».

Пещеры в Иерусалиме, именуемые «гробницами Давида». В действительности это каменоломни значительно более позднего происхождения.

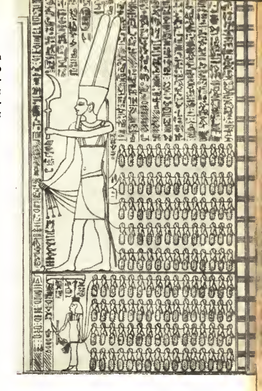
Гробницы в долине Кидрона (Иерусалим), приписывавшиеся раньше Иакову, сыну Давида Авессалому, пророку Захарии и др. По исследовании они оказались относящимися к началу нашей эры.

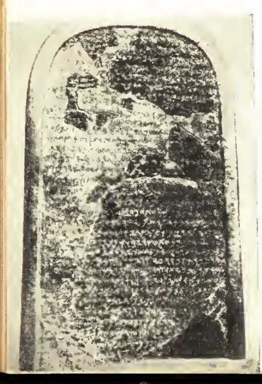
Остатки медеплавилен царя Соломона в Эцион-Гебере.

Развалины в Мегиддо, считающиеся остатками конюшен царя Соломона.

Вход в гробницу Елены, царицы Адиабенской.

Победная надпись фараона Шешенка I на стене большого храма в Карнаке (вторая половина X в. до н. э.). В ней упоминается и о походе в Палестину, о котором говорится в Библии.





Стела Меши (сер. IX в. до н. э). Подтверждает библейское сообщение о войне израильтян с моавитянами.

содержится рассказ о двух братьях. Однажды младший брат оказался дома в момент, когда старший работал в поле. Находившаяся также дома жена старшего брата принялась соблазнять юношу.

«...Она ему сказала:

— Сила в тебе. Каждый день смотрю я, какой ты крепкий. Ее сердце познало его, как познают юношу. Она встала. Она его схватила. Она сказала ему:

— Пойдем полежим часок. Приятно это будет и для тебя, я же, ей-ей, сделаю тебе красивую одежду.

Юноша сделался, точно южная пантера от гнева, вследствие негодных слов, которые она сказала ему. И ей стало очень-очень страшно».

Отчитав соблазнительницу, добродетельный юноша отправился в поле, а когда старший брат вернулся, то жена его, боясь, что ее поведение откроется, рассказала своему мужу выдуманную тут же ею историю о том, как деверь хотел ее изнасиловать, избил ее и т. д. Сюжетное совпадение древнеегипетской новеллы с библейским сказанием — налицо.

Среди найденных многочисленных документов, относящихся к фараону Аменхотепу IV, имеется гимн Солнцу, обнаруживающий большое сходство со 103-м псалмом Библии. Возьмем такое место этого псалма: «Он (Яхве. — *И. К.*) сотворил луну для указания времен; солнце знает свой запад. Ты простираешь тьму, и бывает ночь; во время ее бродят все лесные звери; львы рыкают о добыче и просят у бога пищу себе». У фараона Аменхотепа выражены те же мысли —правда, более ярко и поэтично: «Заходишь ты за западный горизонт, и земля лежит во тьме. Люди как мертвые покоятся в их жилищах. Укрыты головы, один глаз не видит другого. Пусть хоть украдут имущество, под головой лежащее, человек этого не заметит. Львы выходят из своих пещер, всякая змея жалит. Земля пребывает в молчании, ее творец покоится в своем горизонте». Приведя эти тексты, немецкий библеист Антон Йирку выражает сильнейшее удивление по поводу их смыслового совпадения и строит гипотезы насчет возможного заимствования. Трудность заключается только в том, чтобы установить, кто у кого заимствовал,— евреи у египтян или наоборот...

Йирку не может остановиться ни на одном из этих вариантов. Считать, что египетский фараон еще в XV в. до н. э. имел перед глазами псалмы Давидовы, — значит поставить на го-

лову всякую возможную библейскую хронологию. Другой вариант также связан с серьезнейшими осложнениями. На первый взгляд все получается хорошо и удобно: если в Ветхом завете оказываются египетские заимствования, то это может служить для подтверждения того, что евреи действительно находились в египетском плену, где и совершили эти заимствования. То же относится и к новелле о Иосифе и его приключении с женой Потифара в связи со сказкой о двух братьях — нетрудно представить себе, что израильтяне во время своего пребывания в египетском плену слышали или даже читали эту сказку и потом использовали ее при написании соответствующих мест Пятикнижия. Но стать на такую точку зрения — значит поставить под сомнение уникальность и оригинальность библейского текста, бросив на его авторов прямую тень плагиата. Набожный историк, не желающий покинуть позиции библейской апологетики, оказывается в безвыходном положении.

На самом деле никаких неразрешимых трудностей здесь нет. Необязательно даже исходить из тезиса о том, что в данном случае обязательно имело место заимствование. Вполне возможно, что восторженно-религиозное отношение к солнцу и другим явлениям природы складывалось параллельно и независимо у разных народов. Даже одни и те же поэтические образы могут найти свое выражение в фольклоре разных народов. В случае с Иосифом похоже на то, что сказание о том испытании, которому подвергла его нравственность развратная жена Потифара, представляет собой бродячий фольклорный сюжет, отразившийся и в сказке о двух братьях, а вовсе не сообщение об имевшем место историческом случае. Но это, конечно, ставит под сомнение историчность всей библейской легенды о Иосифе и его египетской карьере. Текстуальные же совпадения в обоих приведенных нами случаях вовсе не так очевидны, чтобы факт заимствования можно было считать очевидным.

Такое решение вопроса, по которому религиозно-поэтическое творчество древних евреев и египтян шло одними и теми же путями, тоже не может удовлетворить апологетов Библии, ибо оно опять-таки лишает последнюю ореола исключительности и неповторимости. Ведь таких параллелей — притом с творчеством самых различных народов древности и позднейших времен, можно найти очень много. Но что тогда остается от учения о том, что Библия явилась продуктом божественного откровения, данного одному лишь еврейскому народу?

«ЕГИПЕТСКИЙ КОЛОРИТ» В ВЕТХОЗАВЕТНЫХ СКАЗАНИЯХ

Многие зарубежные библеисты-археологи ссылаются на «египетское» звучание многих имен, фигурирующих в Библии. Имя самого Моисея, имена Пинехас, Ховни, Пашхур, Хур, Мерари, может быть, имеют египетское происхождение. Джордж Райт, приводя эти соображения, не умалчивает, правда, и об обстоятельствах, делающих правдоподобным и противоположное истолкование этого факта.

В Библии говорится, что фараон наименовал Иосифа Цафнаф-Панеахом, а в жены ему дал Асенафу, дочь Потифара. Это, действительно, египетские имена, но там они вошли в употребление значительно позже, по меньшей мере через 600—700 лет после того, как, по Библии, Иосиф подвизался в Египте. Отсюда следует, что и все египетские имена могли попасть в Ветхий завет значительно позже того времени, к которому должен относиться египетский плен евреев. Да и вообще для предположения, что те или иные египетские имена могли проникнуть в израильский фольклор только в результате пребывания евреев в Египте, нет никаких оснований, ибо могли быть и многие другие пути такого проникновения.

Райт ссылается на то, что в ветхозаветных сказаниях хорошо выдержан колорит египетской жизни и быта. Так, например, должности Иосифа и ряда других египетских чиновников соответствуют номенклатуре древнееврейской бюрократии. Верно сообщение Библии о том, что египтяне относились с презрением к скотоводам — «пастухам овец». То, что, по Библии, как Иаков, так и Иосиф после их смерти подверглись бальзамированию, также соответствует египетским нравам. Египтяне придавали большое значение сновидениям и их толкованию, так что успех Иосифа в роли истолкователя снов выглядит правдоподобно. Вероятно, можно набрать и ряд других подобных черт «гармонии» библейских повествований с египетской историей, но выглядят все эти упражнения очень неубедительно.

Некоторые из перечисленных черт характеризуют нравы не только древних египтян, но и многих других народов. Так, например, сновидениям придавали немалое значение и сами древние израильтяне. Что же касается действительно специфического именно для Египта, то почему нельзя представить себе, что авторы соответствующих библейских текстов черпали свое знакомство с египетскими нравами из личных впечатлений во время путешествий или из общения с другими людьми, которые бывали в Египте, или даже с египтянами, которым приходилось бывать в Палестине? Известно ведь, что в ряде палестинских городов время от времени стояли египетские гарнизоны, между Палестиной и Египтом велись нередко довольно оживленные торговые сношения. Разве знакомство с некоторыми особенностями египетского быта не могло быть почерпнуто никаким другим способом, кроме как в результате четырехсотлетнего пребывания в этой стране всего израильского народа?

Впрочем, автор Пятикнижия все-таки плохо знает ту страну, о которой пишет. Этим автором, как утверждают богословы, был сам Моисей, который, как рассказывается в книге Исхода, целых сорок лет провел при дворе фараона. И не может не показаться странным, что этот опытный царедворец говорит о фараоне в самых общих чертах, нигде не называя его имени, что он не сообщает названия египетской столицы, в которой происходят все его переговоры с фараоном, он не знает даже, как титуловался египетский фараон. С «колоритом» египетской жизни в Пятикнижии дело обстоит вовсе не так благополучно, как это изображают благочестивые археологи.

Впечатление курьеза производят попытки Келлера усмотреть исторически правдоподобный египетский колорит не в чем ином, как в пресловутых «казнях египетских». Правда, некоторым извинением ему здесь может служить лишь то обстоятельство, что он не оригинален в этом вопросе и следует по стопам такого солидного буржуазного археолога, как Джордж Райт.

Ни Райт, ни даже Келлер не берутся утверждать, будто археология установила, что в истории Египта был момент, когда одна за другой на него обрушились все десять казней, перечисленных в Библии. Они только заявляют, что таковые стихийные бедствия были в древнем Египте вполне обычны и что они весьма характерны для египетского «колорита».

Вода превратилась в кровь — типично египетское явление: вода Нила регулярно окрашивается в буро-красный цвет из-за течения с абиссинской стороны, и тогда речная вода делается, если угодно, весьма похожа на кровь. Саранча тоже часто нападала на Египет. Тьма египетская — в этой стране часто бывает хамсин или самум, то есть «жаркий ветер, взвихривающий и гонящий вперед неисчислимые множества песку», которые «затемняют солнце, придают ему матовую желтоватую окраску и среди белого дня делают его мрачным». Плохо, правда, получается с местным колоритом в отношении града; это вообще для Египта исключительно редкое явление, так что находить в нем местную специфику никак невозможно. Да и в остальных «казнях» по существу нет ничего специфически египетского — и скотий мор, и всякие песьи мухи могут поразить любую местность. Стоит, однако, обратить здесь внимание на то, к каким насильственным ухищрениям приходится прибегать археологам-апологетам в попытках защитить историческую достоверность библейских легенд!

Ежегодная окраска нильской воды в бурый цвет во время разлива никогда не могла восприниматься в Египте как «казнь»: помутнение ее связано с большим количеством плодородного ила, который река приносит на поля земледельцев — это не бедствие, а, наоборот, благодеяние, оказываемое природой населению Египта. И сколько же нужно бесстыдства чтобы, наподобие Келлеру, заявлять, что во всей истории египетских казней не поддается объяснению лишь сообщение об избиении первенцев! Все остальное ему ясно, вплоть даже до фокуса, который выкинули не только Моисей с Аароном, но и египетские волхвы, превратив свои жезлы в змей; видимо, понятно и то, каким образом израильский жезл проглотил все египетские... Но главное даже не в этом.

Допустим, что каждое из бедствий, взятое само по себе, могло когда-нибудь иметь место в Египте. Но как же можно обходить то обстоятельство, что в Библии все они происходят почти одиовремеино, одно за другим?! Можно ли представить себе, как нечто закономериое и правдоподобиое, десятикратное стечение таких экстраординарных событий?! Никакой серьезный историк, если его ие побуждают какие-ибудь чрезвычайные обстоятельства, вроде необходимости во что бы то ни стало «оправдать» Библию, ие будет исходить из возможности такого стечения случайностей.

И все же не только борзописец-журиалист Келлер, ио и профессиоиал-археолог Райт распространяются на тему о том, что вообще-де в египетских казнях нет ничего иевозможиого. А Фииеган, призиавая, что, мол, казии египетские объяснить нельзя, все же иемедленно иаходит спасительную лазейку в том, что вообще всякие неприятности Египту приходилось переживать. Ои вспомииает в этой связи известиый папирус с «Речениями Ипусера», заполиенный жалобами и стенаниями по поводу бедствий, которые переживают египтяне из-за разразившихся в их стране социальных смут. Помимо того что «Речения Ипусера» относятся к периоду, отстоявшему за тысячу лет от тех событий, о которых здесь рассказывает Ветхий завет, отметим, что нет абсолютно иичего общего в бедствиях, на которые жалуется Ипусер, с египетскими казиями, описаниыми в Библии. И археологии, и исторической науке в целом с мифом о египетских казиях делать иечего.

УЧЕНЫЕ-ЕГИПТОЛОГИ О БИБЛЕЙСКОЙ ЛЕГЕНДЕ

Получается, что археология и вообще историческая иаука ие находят никаких подтверждений для библейской легенды о пребывании евреев в египетском рабстве. Видный немецкий египтолог Вильгельм Шпигельберг говорит по этому по-

воду: «То, что Библия сообщает о пребывании Израиля в Египте, является не в большей мере историческим фактом, чем те повести, которые содержатся у Геродота в его описании исторического прошлого древних египтян». В другом месте он пишет об этом так: «Ныне уже твердо установлено, что источники Ветхого завета сохранили лишь баснословное воспоминание о пребывании Израиля в Египте. Достаточно указать на то, что имеющиеся известия носят решительные признаки легенды. Тщетно мы будем спрашивать о времени, об исторической доказуемости личностей: где мы, например, ожидаем встретить имя египетского царя, говорится о царе вообще. Ибо слово «большой дом» пара, которым египтянин величал своего владыку, обозначает лишь царя вообще, подобно тому, как турок называет свое правительство Высокой Портой. По имени фараоны (Шишак, Тирака, Нехо, Хофра) называются лишь в ветхозаветных книгах Царств. Таким образом, спор может идти лишь о том, возможно ли вышелушить из этих легенд историческое воспоминание или же мы имеем дело с чистым вымыслом, без всякой исторической ценности».

Так говорит египтолог. И такие же выводы делают те специалисты по истории Библии, которые стараются подходить к вопросу без догматического предубеждения. Вот, например, что писал еще в прошлом веке известный немецкий библеист В. Штаде: «Если когда-нибудь какое-нибудь еврейское племя было в Египте, то никто не знает его названия, и египтологи не знали бы его, если бы имели и больше материала о древней истории евреев. Во всяком случае ясно, что исследования о фараоне, при котором Израиль вселился в Египет и выселился из него, суть бесплодная игра датами и именами». С того времени, как это писал Штаде (1887 г.), археология и вообще историческая наука действительно «накопила больше материала о древней истории евреев», но в приведенные выше слова его никаких поправок вносить не приходится — все правильно и теперь.

Даже такой апологетически настроенный автор, как Сайрус Гордон, отстаивая историческую ценность легенды о пребывании Израиля в Египте, не находит в конце концов более сильного аргумента, чем ссылка на то, что эта легенда не менее достоверна, чем эпопея Гомера о Троянской войне. И так же, как в отношении гомеровского эпоса, мы и здесь должны исследовать, привлекая всевозможный и прежде всего археологический материал, какое зерно исторической истины, при-

чудливо изукрашеиное мифологической фаитазней, нашло свое отражение в ветхозаветиой легеиде?

Нанболее легкая часть задачн заключается в устаиовленин того, что́ в даниой легеиде подлежит безусловиому устраиению в качестве явно неправдоподобного. Этого в ией чрезвычайно миого. Крупнейший советский египтолог академнк В. В. Струве так оценивает степень историчностн библейской легенды: «Сведения Бнблнн о пребыванин Изранля в Египте имеют ясные и отчетливые прнзнакн сказаннй. В ннх нмеется обнльиый фантастнческнй элемент, многочисленные фольклористическне мотнвы и переплетення двух или нескольких друг друга исключающнх версий одного н того же событня. Поэтому нсторнк ие нмеет права пользоваться этнми сведениямн, даже в случае их правдоподобностн, без примеиення соответствующих методов критикн». Тем более иеобходимо, что иазывается, от порога отвергнуть то, что неправдоподобно.

Не было в Египте пребываиня всего нзраильского народа на положеннн рабов. Города, выстроеиные прн Рамзесе, не былн продуктом деятельностн евреев. И само собой разумеется, переговоры Монсея с фараоном об отпуске евреев нз плена, казии египетские — все это должио быть отнесеио в область мифологни. Фольклорио-мнфологнческнми следует прнзнать н имена всех персонажей, участвующих в бнблейской легенде, — не только Иакова с его двеиадцатью сыновьямн, включая Иоснфа, но н Моисея с Аароиом.

А какне элемеиты бнблейской легенды о пребываннн нзраильтян в Египте могут счнтаться правдоподобнымн? Мы даже не ставим вопроса о том, что можно счнтать доказанным, подтверднвшнмся, нбо в свете всего того, что выше было сказано, этот вопрос выглядел бы бессмысленным. Речь может ндтн только о том, что **могло бы быть** в нсторнческой действнтельности и не выглядит явно недостоверным.

Переселения кочевннков нз пограннчных с Египтом стран иередко пронсходилн. Можно представнть себе, что когда жнтелн этнх стран испытывалн какне-нибудь бедствия илн трудности, например, в случаях такой засухи, которая уничтожала ресурсы корма для скота, то часть их переходила со своимн стадамн иа территорню Египта и оставалась здесь до того времени, пока ие оказывалось возможным возвратиться иа роднну. О таких случаях нсторнческне источннкн дают нам достаточно конкретный материал. Помнмо опнсанного выше беин-хасанского фриза, где изображеиа нменно сцеиа прнхода кочевииков в Египет, имеется и еще однн документ этого рода.

На папирусе, известном под условным названием Анастази VI, сохранилось донесение египетских пограничников фараону Сети II, относящееся к восьмому году его правления, то есть в концу XIII в. до н. э. Они сообщают фараону: «Мы разрешили бедуинским племенам из Эдома перейти крепость Мернептаха от Тку-Суккот к озерам Мернептаха, чтобы прокормить себя и свой скот на больших пастбищах фараона, прекрасного солнца всех стран». За этим следует перечисление названий «прочих племен, прошедших через крепость Мернептаха». Как раз в данном случае речь идет о временном вселении в Египет племен, живущих к северу от него, то есть в Месопотамии и Сирии. Вероятно, далеко не каждое такое вселение фиксировалось в донесениях египетских чиновников или в других письменных документах. Какая-нибудь группа семитов могла когда-нибудь переселиться в Египет, без того чтобы об этом остались письменные свидетельства. Но это должна была быть весьма малочисленная группа.

Академик В. В. Струве пишет по этому вопросу: «Приход даже маленького кочевого племени был большим событием для нильской долины. Историки, считавшие подобное событие маловажным, исходили из современных условий и их чисел. Для стран Древнего Востока племя в несколько тысяч человек, даже несколько сот, представляло крупную силу, с которой надо было считаться, и приход которого, если он вообще мог быть допущен, должен был быть тщательно отмечаем. Вспомним, что бени-хасанский номарх счел нужным упомянуть о приходе только 37 азиатов в свой ном». Значит, чтобы остаться неотмеченным в египетских официальных документах и в литературе, вселившаяся группа евреев должна была представлять собой буквально несколько семей, и их жизнь на территории приютившей их страны не должна была сопровождаться никакими громкими событиями. Поэтому все описываемые Библией драматические потрясения, связанные с пребыванием израильтян в Египте, надо отнести в область фантастики.

С указанным выше донесением египетских пограничников, запечатленным на папирусе Анастази VI, академик Струве связывает именно то переселение в Египет маленькой группки семитов, которое нашло свое фантастическое освещение в Ветхом завете. Правда, в донесении говорится не о евреях, а о племени Шасу из Эдома. Но, по мнению В. В. Струве, Эдом был первоначальной родиной израильтян, поэтому он считает отождествление Шасу с Израилем «почти несомнен-

ным». Он объясняет со своей точки зрения и те причины, которые могли побудить Шасу-Израиль переселиться в Египет.

Надпись на одной стеле, о которой мы подробно будем говорить лишь в следующей главе, свидетельствует о том, что на пятом году царствования фараона Мернептаха страны Сирии и Месопотамии подверглись разгрому и опустошению. Хотя Мернептах приписывает эту «заслугу» своим военным подвигам, но на самом деле, по мнению В. В. Струве, здесь главную роль сыграли орды воинственных кочевников, хлынувшие откуда-то с севера. Когда израильтяне были разгромлены ими и потеряли свои посевы, они оказались «перед альтернативой: или умереть с голоду или же выселиться... И Израилю, как и братьям Иосифа, оставалась одна страна для переселения, именно Египет. Действительно, куда же ему было обратиться за помощью, если не туда. Север был разгромлен, Восток — пустым...» Может быть, это так и было. Гипотеза В. В. Струве, кстати сказать, в какой-то мере согласуется и с тем решением проблемы, которое дает В. Шпигельберг.

Немецкий египтолог устанавливает «два параллельных ряда развития» в древнейшей истории евреев. Подавляющее большинство израильского населения жило и оставалось все время в Палестине. Небольшая часть его в некоторый исторический момент переселилась в Египет. По сравнению с основной массой израильтян, остававшейся в Палестине, племена, поселившиеся в Египте, «всегда имели менее важное значение; они должны были представлять собой и во время расцвета лишь незначительную кучку. Пастбищная область Гезен (Гесем.— *И. К.*) не могла прокормить большого племени, и, конечно, избыток народонаселения опять возвращался назад, в страну предков, — в Палестину». С этой точки зрения, так называемый исход Израиля из Египта был на самом деле присоединением маленькой, на время отделившейся ветви к основному стволу, который никогда в Египет не переселялся.

В зарубежной литературе последних лет эта концепция фактически никем всерьез не опровергается. У многих археологов и историков Востока можно теперь читать заявление о том, что, вероятно, не весь Израиль был в египетском плену и «исходил» из него, а только некоторая часть его. Олбрайт пишет об этом: «Не все евреи, после составившие израильский народ, участвовали при исходе из Египта; некоторые из

них должны были населять известные части Палестины до израильского нашествия при Моисее и Иисусе». Тут же, однако, у всех археологов-библеистов это отступление от безоговорочного признания истинности библейских легенд сопровождается барабанным боем заявлений о подтверждении их историчности, о точности библейской историографии и т. д. Стоит, однако, более или менее внимательно вникнуть в вопрос по существу, чтобы понять, как мало сто́ят все эти заявления.

Если даже принять описанную выше гипотезу — а она остается пока лишь гипотезой, — то из всей длинной и затейливой библейской истории пребывания Израиля в Египте может претендовать на историчность лишь самый факт того, что когда-то несколько еврейских семей поселилось в Египте и, прожив там некоторое время, вернулось на родину. Такие события могли происходить и происходили у разных народов в разные времена, они не представляют собой ничего выдающегося и ничего невозможного. Что же касается всей массы подробностей, которыми Ветхий завет изукрасил это заурядное и никакого значения в истории не имевшее событие (неизвестно даже, было ли оно, — мы можем только утверждать, что оно могло быть), — все эти детали безусловно не историчны.

То же относится и к библейской хронологии описываемых событий. Шпигельберг говорит по поводу нее: «Случайно набранные ветхозаветные даты теперь уже признаны всеми набором цифр, и часто упоминаемое название города Рамзеса еще не может служить доказательством того, что фараон времен притеснения был действительно тем, чье имя носил город. Кто знаком с точными результатами современной критики источников, сможет вывести отсюда лишь то, что элохист, живший много столетий после исхода, перенес место рабской работы пленных израильтян в оба города: Питом и Рамзес, из коих первый существовал в его время» (в VIII в. до н. э.). Напомним читателю, что элохистом именуется в научной литературе по истории Библии автор одного из основных источников ветхозаветного текста — как раз в принадлежащей ему части этого текста и находится легенда о пребывании израильтян в Египте. Легенда записана в VIII в. до н. э. Так как запись отстоит во времени от событий, которые могли дать для нее какое-то основание, на ряд столетий, в течение которых предания передавались из уст в уста, то не удивительно, что эти предания обросли большим количеством вымышленных подробностей и составили в конце концов фантастическую

легенду, историческое зерно которой приходится искать, что называется, днем с огнем.

Что же касается тех причин, которые толкали религиозно направленную народную фантазию древних евреев к интенсивной «раскраске» незначительного события вплоть до превращения его в целую эпопею, то обстоятельно осветить этот вопрос можно будет лишь в связи с разбором той серии библейских легенд, которая посвящена исходу евреев из Египта и завоеванию ими «обетованной» земли.

ИСХОД ИЗ ЕГИПТА

ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ БИБЛИЯ

После того как фараон, вконец перепуганный казнями, насланными на его страну богом израильтян, отпустил их, они под предводительством Моисея немедленно выступили в поход. Образовалась весьма внушительная колонна, одних воинов 600 тысяч, плюс женщины, старики и дети, плюс еще некоторое количество иноплеменников, о которых Библия говорит, что они примкнули к израильтянам. Целью движения была «земля обетованная» Ханаан, или, как впоследствии стали называть эту страну, Палестина.

Тем временем фараон раскаялся в том, что отпустил евреев, и устремился в погоню за ними со всем своим войском, включающим большое количество «колесниц и всадников». Когда фараон нагнал израильтян, сосредоточившихся у Чермного моря, на помощь последним пришел бог Яхве: он провел израильтян по дну моря, как посуху, а фараона со всем его войском утопил. Двинулись в пустыню Сур. В Мерре «бог дал народу устав и законы и там испытывал его». В пустыне Син, когда люди стали

роптать по поводу испытываемого ими голода, Яхве послал им для мясного довольствия стаи перепелов, а вместо хлеба он стал каждое утро откладывать на землю манну с неба — нечто «мелкое и круповидное, как иней на земле». В Рефидиме израильтяне столкнулись с амалекитянами и победили их. На третий месяц после исхода подошли к горе, которая именуется в одних местах Библии Синаем, в других — Хоривом. Бог пригласил Моисея на вершину, заключил через него с избранным своим народом договор («завет») и дал ему свои законы — не только знаменитые десять заповедей, а и большое количество наставлений социальных, юридических, гигиенических и, в особенности, ритуально-богослужебных. Так как израильтяне, несмотря на ясно выраженные признаки могущества Яхве и его благоволения к ним, постоянно роптали, то бог их наказал тем, что из всего наличного поколения только два человека войдут в землю обетованную. Чтобы остальные успели умереть до этого, бог обрек их на сорокалетнее блуждание по пустыне. Моисей также провинился перед Яхве, так что должен был тоже умереть до прихода в Ханаан.

В ходе движения израильтяне сталкивались с разными народами и неизменно с помощью Яхве сокрушали их. Наконец подошли к пограничной с Ханааном реке Иордану. Там Яхве взял к себе Моисея. Израильтяне уже под руководством Иисуса Навина приготовились к форсированию Иордана и к вступлению в землю обетованную.

ГДЕ ЭТО МОГЛО ПРОИСХОДИТЬ?

Проблему хронологическую мы осветили в предыдущей главе, так что здесь нам остается остановиться лишь на географической стороне вопроса.

Прямой путь из области Гесем в Палестину лежал вдоль южного побережья Средиземного моря Но, как рассказывает Библия, бог не повел израильтян по этому прямому пути, «чтобы не раскаялся народ, увидев войну, и не возвратился в Египет». Смысл этого места не очень ясен — идет ли речь о войне, которая уже в это время происходила на данной территории между какими-то противниками, или бог опасался того, что на данном маршруте израильтянам придется с кем-то вступить в войну. В писаниях богословов, комментирующих Библию, обычно дается такое объяснение этого вопроса, что на прямом пути израильтянам пришлось бы преодолевать серьезные препятствия в виде египетских пограничных укреплений, гарнизоны которых препятствовали бы их проходу. Объяснение — достаточно шаткое: бог, который сумел преодолеть сопротивление фараона и который, конечно, предвидел, что тот со своим войском все равно устремится в погоню, почему-то особенно боялся встречи шестисоттысячного израильского ополчения с египетскими пограничными заставами... Во всяком случае, он повел трехмиллионную колонну длинным кружным путем на юго-восток.

В Библии перечисляется большое количество географических пунктов, которые были пройдены израильтянами за сорок лет странствования по пустыне. Это весьма ненадежные ориентиры, ибо обнаружить следы поселений соответствующего времени в указанных Библией местах археологам до сих пор в большинстве случаев не удалось. Райт пишет: «Немногие из стоянок могут быть идентифицированы с некоторой степенью вероятности на дороге к горе Синай». К ним он относит Элим, Дофку, Рефидим и некоторые другие. После заключения договора с богом на горе Синай, или Хорив, колонна устремляется по восточному побережью Синай-

ского полуострова на север и, пройдя Хазерот, Эцион-Гебер, Кадес, Пуион, достигает горы Нево иа восточиом берегу реки Иордаи. Отсюда им предстояло, форсировав реку, иачать завоевание Хаиааиа.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО СУЩЕСТВУ

В отличие от иекоторых других библейских легенд, имеющих значение отдельных эпизодов, повествование о пребывании израильтян в Египте, об «исходе» из египетского плена, сорокалетием странствований в пустыне и последующих событиях занимает центральное по своему значению место. Достаточио сказать, что в школах государства Израиль именно с этих легенд, выдаваемых за точиую истину, начинается изучение истории еврейского народа. Еврейским националистам и сионистам, клерикальным идеологам и политикам современного государства Израиль эта легенда дает материал для шовинистической и милитаристской агитации, для безудержного «исторического» бахвальства, служащего в свою очередь делу националистической и империалистической пропаганды в наше время.

Разберемся в некоторых существенных деталях самой легенды. Как и во всех прочих случаях, с которыми при историческом анализе Библии приходится иметь дело, выглядит поразительной противоречивость повествования и бессмысленность ряда его элементов.

В предыдущей главе уже говорилось о том, что шестисоттысячная цифра «нсшедших» из Египта взрослых мужчин представляет собой безусловную фантастику. Колонна в три миллиона не могла в одну ночь ни выйти из Египта, ни форсировать Чермное море, если бы даже какие-нибудь обстоятельства сделали самый этот переход через море, как по суше, возможным, особенно, если еще вспомнить, что с израильтянами следовали их стада. Такое колоссальное количество людей и животных не могло не только блуждать по Синайскому полуострову, а даже просто разместиться на территории этого небольшого клочка земли. К тому же люди и скот должны были чем-то в пустыне питаться в течение целых сорока лет!

Даже Райт вынужден писать об этом следующее: «Хорошо известно, что Синайский полуостров не мог бы вместить такое огромное количество; от трех до пяти тысяч — наиболее вероятная цифра». Неизвестно, сколько могло быть войск у фараона, погнавшегося за израильтянами, но в знаменитом сражении у Кадеса, которое вел Рамзес II с хеттами около 1312 г. до н. э., все это войско насчитывало около 20 тысяч человек. Если бы даже и здесь фараон располагал такой армией, то нельзя понять, почему 600 тысяч еврейских воинов сочло необходимым обратиться в бегство от нее, так что понадобилось чудо, чтобы спасти израильтян от карающей руки фараона.

В библейской легенде не связаны концы с концами в ряде отношений и, в частности, в таком пункте: если, как ясно указано в книге Исхода, израильтяне вывели из Египта весь свой скот,— а его должно было быть немало, ибо животноводство было у них основным средством к жизни,— то уж мяса им должно было хватать. Это как будто подтверждается и тем, что они и в пустыне приносят большие количества скота в жертву Яхве. Непонятно тогда, почему же они то и дело начинают стонать и жаловаться на то, что в Египте, мол, мы сидели у котлов с мясом, а здесь вынуждены питаться одной только опостылевшей манной. Правда, скот в пустыне нечем было бы поить и кормить. Но это тем более запутывает весь вопрос. В общем, получается, что вышли израильтяне из Египта без

скота и проблема прокормления стояла перед Яхве лишь в отношении людей, каковую проблему он и решил вполне успешно в соответствии со своими богатыми возможностями всемогущего существа — при помощи манны и перепелов. Но при таком решении вопроса приходится отвергнуть те библейские тексты, в которых дается противоположное объяснение.

Обратимся теперь к тому, как выглядит библейская легенда в свете археологических исследований.

АРХИВ ФАРАОНА АМЕНХОТЕПА IV

У египетских крестьян-феллахов еще совсем недавно наиболее удобным строительным материалом считались кирпичи и камни, выламываемые из древних храмов, дворцов, погребений и других сооружений, многие из которых служили бы предметом самого живого интереса со стороны археологов. В конце лета 1887 г. группа феллахов близ деревни Эль-Амарна в 287 километрах к югу от Каира копалась в развалинах здания, которое, видимо, в конце XV и начале XIV в. до н. э. служило дворцом знаменитому фараону XVIII династии Аменхотепу IV. К великому своему удивлению, они обнаружили в бесформенных развалинах под грудами мусора сложенные в порядке и прекрасно сохранившиеся глиняные пластинки-кирпичи с начертанными на них странными знаками. Находка возбудила любопытство — тем более, что феллахи знали о той щедрой

плате, которую можно получить за некоторые предметы древнего происхождения. Стали рыть дальше и нашли два тайника-колодца, наполненные исчерченными табличками. Вскоре вьючные ослы доставили на рынки Каира и некоторых других крупных городов Египта целые корзины с древними табличками.

Когда по несколько табличек купили в Каире французские востоковеды Буриан и Гребо, они были изумлены неожиданным обстоятельством: письмена на табличках оказались выполненными клинописью на языке древних вавилонян. Сначала было решено, что это очередная проделка алчных и хитрых мошенников, ибо откуда же взяться в древнем Египте вавилонской клинописи? Не полагаясь на себя, ученые послали по несколько табличек для исследования крупнейшим знатокам ассиро-вавилонской древности — французу Опперту и англичанину Сэйсу. И уже в апреле 1888 года сомнений не оставалось: предметы — подлинные. Сначала были расшифрованы собственные имена фараонов Аменхотепа III и Аменхотепа IV, а также ряд имен царей и царьков городов-государств Месопотамии и Сирии. Тут же началась расшифровка самого текста табличек.

Они оказались письмами из государственного архива фараона Аменхотепа IV, царствовавшего над Египтом в 1424—1388 гг. до н. э. Этим письмам, таким образом, в настоящее время около 3500 лет. Причина того, что в Египте оказались вавилонские клинописные таблички, объясняется очень просто: вавилонский язык был тогда международным дипломатическим языком, как например в XVIII и частично XIX в. н. э. таким был французский. Переписка между египетским фараоном и другими царями того времени, а также и его наместниками в чужих землях, велась клинописью на вавилонском языке.

Территория Палестины, а в значительной части и Месопотамии, находилась в подчинении египетских фараонов. В каждом из крупных городов этих стран сидел наместник-губернатор, или вассальный царек, который собирал подати в пользу египетских царей и следил за тем, чтобы подведомственная ему территория не оказалась плацдармом или операционной линией для наступления внешних врагов на Египет. Периодически наместники присылали фараону донесения о положении дел на их территории. Именно эти донесения и представляют для нас наибольший интерес, так как в них довольно ярко обрисовывается обстановка в Палестине за 14—15 столетий до н. э.

Особое внимание привлекают к себе донесения губернатора города Урусалим — без сомнения, позднейший Иерусалим; имя губернатора — Абди-Хиба. Наиболее существенным в них

являются жалобы на то, что ему, Абди-Хибе, приходится выдерживать непрестанный натиск со стороны враждебного народа хабиру. В одном из писем Абди-Хиба, видимо, предваряя события, жалуется: «Погибли все губернаторы; нет более губернатора господина царя». Причина этого заключается в агрессивности хабиру. «Нет более земель царя: хабиру опустошили все земли царя!» Наместник взывает к своему владыке: «Да обратит царь лицо свое на своих людей и пришлет отряды из гарнизонов моего господина царя. Если бы еще в этом году прибыли вспомогательные войска, то еще можно было бы спасти земли господина царя; но если войска не прибудут, то земли царя, моего господина, будут потеряны». В следующем письме он изображает положение как еще более тревожное: «Страна царя перешла к людям хабиру. А теперь еще один город области иерусалимской, город царский, по имени Бит-Нинурта, перешел к ним, точно так же, как люди города Килти». И опять слезная мольба: «Да обратит царь внимание на Абди-Хибу, раба своего, и пришлет вспомогательные войска для того, чтобы я завоевал обратно для царя страну царя, моего господина!»

Войска не прибыли, и египетская власть над Палестиной и Сирией вообще скоро кончилась. Но кто же такие те хабиру, которые долго нагоняли такой страх на фараоновых наместников и в конце концов лишили их власти?

КТО ТАКИЕ ХАБИРУ?

Ответить на этот вопрос не так легко, несмотря на то что, помимо упоминаний в тель-амарнской корреспонденции, имеются довольно многочисленные указания на хабиру в других материалах, открытых археологами в ряде стран Ближнего Востока. Вавилонские источники говорят о хабиру еще в XXI в. до н. э., документы из Мари упоминают о

них в XVIII—XVII вв., о хабиру говорит надпись на статуе Идри-Ми, открытой Леонардом Вулли в Алалахе и датируемой им XIV в., а Олбрайтом — временем не позже 1450 г. На стеле из Мемфиса, рассказывающей о военной кампании фараона Аменхотепа II и относящейся примерно к 1441 г., говорится о том, что фараон взял в плен 3600 хабиру. Стела Сети I, найденная в Бет-Шане и датируемая 1337 г., говорит о хабиру, как о рабочих, используемых в Египте. Казалось бы, при таком обилии сообщений не так трудно выяснить, кто же такие были хабиру.

Оказывается, проблема значительно сложней, чем можно было бы себе представить. Историкам Востока приходится строить гипотезы даже по вопросу о правильном написании и произношении этого названия — хабиру, хабири, хапири, апуриу и т. д. Ведь, как правило, в древней письменности — как иероглифической, так и клинописной — гласные звуки не обозначались; и здесь к согласным «бр» или «пр» приходится приставлять гласные без достаточной уверенности в том, что это сделано верно. Но огласовка в данном случае не играет решающей роли. Более существенно то обстоятельство, что основа слова «хабиру» (примем условно такое его начертание) близко соответствует основе древнееврейского обозначения евреев — «ибрим», ведь в нем фигурируют те же согласные «бр». Если отождествлять хабиру с евреями, то открывается широкое поле для догадок и сопоставлений, для гипотез и предположений.

Как только в литературе стали появляться сообщения о найденных упоминаниях хабиру, историки Востока сразу отождествили их с древними евреями. Советские ученые А. Б. Ранович и акад. В. В. Струве считали хабиру безусловно евреями. В дальнейшем стала получать все большее распространение та точка зрения, что хабиру были народом, от которого впоследствии произошел ряд других народов, в том числе и израильский. Если так, то хабиру следует считать не древними евреями, а их предками. В последние годы все чаще встречаются высказывания о том, что хабиру не следует считать этническим понятием, ибо это не был какой-то определенный народ, скорей это понятие следует принять обозначающим некую бесформенную в этническом отношении массу людей, время от времени совершавших нашествия на те или иные страны Ближнего Востока.

Многие зарубежные археологи и историки Востока переводят слово «хабиру» как «люди с той стороны», «пришель-

цы», «иммигранты», «бродяги» и т. д. Финеган приводит по этому поводу соображения, основанные на том, что в сообщениях о хабиру, идущих из разных источников, они характеризуются преимущественно, так сказать, с профессиональной, а не национальной стороны. «Тексты, — говорит он, — хурритской общины из Нузу в сев. Месопотамии около 1400 г. до н. э... рассматривают их (хабиру. — *И. К.*) как наемников, слуг и даже рабов. В Вавилонии они имели специальные юридические гарантии своих прав, в Нузу был особый надзиратель, охранявший их привилегии. В Нузу и позже в Египте они использовались больше как слуги. Хетты в XIV в. до н. э. использовали их как наемников». Отсюда Финеган делает вывод, что хабиру были людьми без территории, не имевшими определенной «социальной структуры» и проникавшими в страны с оседлым населением в целях добывания средств к жизни, грабежа или в поисках приюта. Это понятие он считает «скорей классовым, чем расовым», хотя и допускает, что обычно хабиру рекрутировались из семитических племен пустыни и, может быть, включали в себя многих, если не большинство, предков позднейших евреев. Можно считать, что указанная выше точка зрения принимается теперь большинством зарубежных историков Ближнего Востока.

Мы не берем на себя определенное суждение в спорном вопросе о том, следует ли отождествлять хабиру с древними евреями. Представляется, правда, маловероятным, чтобы в условиях того времени могли соединяться в большие группы люди, не объединенные племенной и родовой общностью. Такие объединения могли включать в себя различные племена и народы, заключившие временный союз во имя некоей общей цели — например, завоевания того или иного государства или просто грабительского набега, для осуществления которого необходимы большие силы. Думается, однако, что такое устройство, существовавшее ряд столетий, вряд ли могло иметь своей основой временные объединения племен во имя достижения какой-то частной эпизодической цели. Скорей всего понятие хабиру имело какое-то этническое содержание, правда, может быть, очень широкое — в том смысле, что им покрывались многие племена и народы. Представляется также правдоподобным, что это были по своему происхождению и языку семитические племена.

А в каком отношении стоят эти семитические племена к древним евреям? Трудно представить себе, чтобы такое близкое созвучие названий, которое мы имеем здесь, было

случайным. Наиболее вероятным кажется здесь такое решение вопроса, по которому племена древних евреев выделились из более широкой массы, объединявшейся наименованием «хабиру», и что именно от этого слова произошло и название евреев. Поскольку, однако, как было сказано выше, мы не считаем такое решение вопроса окончательным, то попытаемся выяснить, какие выводы для решения вопроса об исходе евреев из Египта можно сделать и из одной, и из другой трактовки понятия «хабиру».

АМАРНСКАЯ ПЕРЕПИСКА, ХАБИРУ И ПРОБЛЕМА ИСХОДА

Для начала рассмотрим вариант, по которому хабиру считаются евреями.

Сразу после опубликования той части амарнской переписки, в которой упоминаются хабиру, ученые обратили внимание на то, что эти письма могут пролить какой-то свет на указанную проблему. Представилось весьма вероятным, что орды хабиру, бесчинствующие в Палестине и теснящие со всех сторон тамошних вассалов египетской державы, суть те самые израильтяне, которые под предводительством Моисея вышли из Египта и после сорокалетнего странствования в пустыне устремились на завоевание «земли обетованной», то есть той самой Палестины, из которой в амарнской переписке раздаются тревожные сигналы. На первый взгляд такая

теория хорошо увязывалась с библейской хронологией — по крайней мере, с тем ее вариантом, по которому исход имел место в XV в. Ушли, мол, евреи из Египта, проблуждали свои сорок лет в пустыне, потом пришли в землю обетованную и стали досаждать там египетским наместникам. С этой точки зрения, войны, которые, по Библии, вел в Палестине Иисус Навин и его преемники, это как раз те нападения хабиру, о которых идет речь в донесениях Абди-Хибы и других наместников.

И все-таки «гармонии» амарнской переписки с Библией не получается при таком варианте. Обращает на себя внимание то странное обстоятельство, что в жалобах палестинских наместников не содержится ни одного намека на то, что нападающие на них враги пришли из Египта же. Если бы соответствовали действительности описанные в Библии драматические обстоятельства исхода евреев из Египта вплоть до гибели всего войска египетского во главе с фараоном на дне Чермного моря, это, несомненно, послужило бы поводом к упоминанию о том, что разбойничают, мол, те самые хабиру, которые вероломно покинули Египет и причинили столько неприятностей фараону, те самые беглые рабы и т. д. Между тем о них говорится в совершенно ином плане — как о людях, имеющих отношение к Египту и его владениям только в настоящее время. С другой стороны, и библейские сообщения не согласуются с этим вариантом.

Во всех повествованиях книг Иисуса Навина и Судей о завоевании израильтянами Ханаана ни разу не говорится о том, что войны ведутся против египетских наместников или вассалов; все время речь идет о царях ханаанских, моавитских, эдомитских, аммонитских, о суверенных монархах. Имеются в виду явно не те события, о которых повествуется в амарнских донесениях, и даже не та эпоха: в период Амарны Палестина находилась под властью Египта, а библейские сообщения относятся ко времени существования в ней независимых городов-государств, с которыми и воюют Иисус Навин и его преемники.

Из всего этого вытекает, что при первом хронологическом варианте исхода евреев из Египта (конец XV в.) отождествление хабиру с евреями не подтверждает библейские сообщения. Предположение, что хабиру недавно к этому времени вышли из египетского плена и продолжают борьбу с египетским царством уже на территории Палестины, не оправдывается ни логическими, ни историческими соображениями.

Попробуем исходить из второго хронологического варианта: евреи вышли из Египта в конце XIII в. до н. э. Этот вариант опровергается амарнской перепиской еще более категорически, ибо оказывается, что еще за два века до этого евреи под именем хабиру (напомним, что пока мы руководствуемся предположением, отождествляющим евреев и хабиру) находились уже в Палестине и наводили страх на египетских наместников. Но в это время они еще должны были, в соответствии с Библией, безропотно класть кирпичи на стройках фараоновых дворцов! Может быть, за эти двести лет они сумели каким-то образом превратиться из грозных завоевателей в рабов и, пострадавши некоторое время под игом египтян, в конце XIII в. опять освободиться от этого ига?

Библейской историографии и такое решение никак не соответствовало бы, ибо, по книге Исхода, евреи пробыли в Египте целых 430 лет. Если даже предположить, что события развернулись так необычайно и неожиданно, что грозные хабиру после своих побед в Палестине почему-то попали в рабство к египтянам, в 200 лет уложить библейские 430 плюс еще время, нужное на дополнительные, предположенные нами события,— никак невозможно.

Не удивительно, что ревнители исторической точности библейских сообщений заинтересованы в том, чтобы не признавать за хабиру никакой связи с древними евреями: при таком решении вопроса можно изобразить дело так, что амарнская переписка не имеет отношения к египетскому плену и исходу. Но и при этом решении амарнская переписка опровергает библейскую легенду.

По первому хронологическому варианту исхода евреев из Египта (XV в.), в период Амарны, то есть к самому концу XV в., земля обетованная была уже во владении израильтян, которые, как рассказано в Библии, быстро завоевали всю страну. Откуда же вдруг появляются египетские наместники и чиновники, сидящие в различных пунктах Палестины и посылающие регулярные донесения своему владыке — фараону?! Они испытывают, правда, серьезные неудобства, их положение довольно шатко, но причина этого — хабиру, которых мы отказались признать евреями. Нетрудно видеть, что первый хронологический вариант при таком предположении оказывается несостоятельным.

А что получится, если принять второй вариант — исход в XIII в.? Тогда израильтяне, вступив в Палестину, должны были там столкнуться с хабиру, успевшими за два столетия

вытеснить египетских наместников и вассалов и ставших хозяевами на территории земли обетованной. Вместо этого, однако, мы читаем в Библии сообщения о войнах с многочисленными народами, объединяемыми общим именем хананеев, но ни разу не находим упоминания о хабиру. Опять библейские сообщения оказываются не в ладу с историческими данными.

Таким образом, амарнский архив дает отрицательный ответ на вопрос об историчности библейских повествований, связанных с пребыванием евреев в Египте и исходом из него. Тем не менее, по некоторым вопросам, связанным с библейской историографией, открытие этого архива и расшифровка его документов представили все же интересный и важный материал.

Имеет большое значение то обстоятельство, что в амарнских документах упоминаются названия ряда палестинских и финикийских городов, фигурирующие и в Библии. Помимо указанного выше Иерусалима, в письмах речь идет о городах Газоре (в русском переводе Библии — Гацор), Гефе, Аскалоне, Аиалоне, Вефиле, Лахисе, Мегиддо и других. Мы находим, таким образом, внебиблейскую опору для объективно-исторического рассмотрения библейских сообщений, относящихся к этим городам. Перекликается с Библией и то название Палестины, которое обнаружено в амарнской переписке — Кинахи, соответствующее библейскому Ханаану.

Другое соображение имеет более общее значение. Мы имеем в виду тот факт, что, как обнаружилось из эль-амарнского открытия, вавилонский язык и ассиро-вавилонская культура имели в XV—XIV вв. до н. э. широкое распространение в странах Ближнего Востока. Это проливает свет и на вопрос о том, почему многие библейские повествования носят на себе явный отпечаток своего ассиро-вавилонского происхождения. Если даже такая культурная в то время страна, как Египет, пользовалась для своих международных отношений вавилонским языком и находилась, следовательно, под некоторым влиянием ассиро-вавилонской культуры, то тем более такое влияние должны были испытывать несравненно более отсталые израильтяне; ничего нет удивительного, если они позаимствовали у ассиро-вавилонян многие мифы и сказания, многие элементы их религии и духовной культуры вообще.

«ИЗРАИЛЬСКАЯ» СТЕЛА

В феврале 1896 г. один из наиболее активных и удачливых археологов Египта англичанин Флиндерс Питри вел работы в развалинах храма Аменхотепа III. От самого храма, который, по всем данным, был одним из самых величественных сооружений древности, почти ничего не осталось. Рассказывая впоследствии о своих работах, Флиндерс говорит, что он уже собирался прекращать их, так как потерял всякую надежду обнаружить что-нибудь интересное. И вдруг лопата одного из рабочих, раскапывавшего кучу многовекового мусора, издала почти металлический звон. Еще четверть часа напряженной работы, и взорам всех собравшихся участников экспедиции предстала великолепная находка — стела большого размера, свыше 10 футов в высоту и 5 футов шириной. Она лежала набоку, и чтобы рассмотреть начертанные на ней письмена, пришлось прорыть под ней землю и проползти в образовавшийся ход. Результаты вознаградили все труды Питри и работавшего вместе с ним Шпигельберга.

Как и следовало ожидать, это была стела, поставленная по приказанию построившего храм Аменхотепа III. Но надпись на ней претерпела ряд невзгод: знаменитый «фараон-еретик» Аменхотеп IV ее стер,

фараон Сети I восстановил, а через сто лет фараон Мернептах, о котором известно, что он вообще имел обыкновение присваивать чужие памятники и храмы, разрушил храм Аменхотепа III и на его стеле начертал собственную надпись. В этой надписи и заключается вся историческая ценность находки.

По обычаю древних восточных властителей, Мернептах безудержно восхваляет себя и хвастается своими победами. Надпись гласит: «Цари повергнуты и взывают: «Мира!» (Здесь употреблено семитское слово «шалам».) Нет никого среди девяти народов, кто подымал бы голову. Опустошена Ливия, страна хеттов умиротворена, разграблен Ханаан, исполненный всяческого зла, уведен в плен Аскалон, захвачен Гезер, Иеноам приведен в небытие, Израиль обезлюдел, его посевы уничтожены, Сирия стала вдовой для Египта. Все страны соединены в мире; каждый смутьян наказывается царем Мернептахом...»

Питри рассказывает о том, как он вместе со Шпигельбергом разбирал эту надпись. Последний долго валялся под стелой, еще и еще рассматривал и перечитывал ее строки и, наконец, вылез оттуда со словами:

— Там перечислены названия различных сирийских городов и одно, которого я не знаю,— Исирар...

Полез под стелу сам Питри — и вдруг оттуда раздался его неистовый крик:

— Да ведь это же Израиль!

Вечером, когда весь археологический отряд собрался за ужином, только и разговоров было, что о найденной стеле. Хотя все видели ее большое значение, но заявление, которое сделал Питри, все же поразило их. Он сказал:

— Эта стела будет известна в мире больше, чем все, что я нашел до сих пор.

Так говорил человек, многочисленные открытия которого к этому времени уже сделали его знаменитым во всем мире. И он был в значительной мере прав: находка затмила многое, что было им до тех пор сделано.

Обнаружено было первое в египетских памятниках упоминание Израиля. И он там не просто упомянут, а таким способом, который опрокидывал одну из двух основных библейских версий исхода евреев из Египта. Стела относится к пятому году царствования фараона Мернептаха, то есть примерно к 1247 г. до н. э. И из нее видно, что Израиль в это время уже не только живет в Палестине, но и ведет там оседлое земле-

дельческое хозяйство, так как сказано, что уничтожены его посевы. Стало быть, исход из Египта не мог произойти при Мернептахе и «фараоном-угнетателем» не мог быть отец Мернептаха Рамзес II. А как же тогда с библейским свидетельством, по которому израильтяне строили именно город Раамсес?

Есть и другое толкование данного места надписи Мернептаха, оно высказано акад. В. В. Струве; в предыдущей главе мы уже касались его. Напомним, что, по мнению акад. В. В. Струве, в надписи имеется в виду опустошение Израиля не египтянами, а другими народами и что здесь просто констатируется обстановка, создавшаяся в Израиле после того, как какие-то народы вторглись в его страну и уничтожили его посевы. Именно это событие, как считал акад. В. В. Струве, должно было обречь израильтян на голод и побудить их к эмиграции в Египет. Таким образом, надпись Мернептаха должна свидетельствовать не об исходе евреев из Египта, а об их приходе туда. Могло это произойти около 1243 г. до н. э., а исход, по этой версии, можно тогда отнести ко времени смерти Рамзеса III, то есть примерно к 1193 г. Нетрудно видеть, что и при этом решении вопроса ни о какой точности библейских сообщений говорить не приходится. Иначе говоря, при всяком толковании надпись Мернептаха опрокидывает библейскую версию об исходе евреев из Египта в конце XIII в.

Несмотря на это, многие зарубежные археологи-библеисты придерживаются этой версии и пытаются «обезвредить» ясное свидетельство стелы Мернептаха. Олбрайт нашел лазейку. Он настаивает на таком понимании надписи, по которому в царствование Мернептаха «Израиль был уже в силе в Западной Палестине, но не имел еще постоянного поселения там». Аргументируется это тем, что в иероглифической надписи к названию Израиль дан детерминатив (поясняющий значок), обычно применяемый для обозначения «чужого народа», а не «чужой страны». Трудно понять, почему «чужой (для египтян) народ» не может иметь постоянного поселения в Палестине — тем более, что здесь же говорится об уничтожении его посевов. Не мог же земледельческий народ вести бродячий образ жизни!

Несмотря на все старания Олбрайта, Райта и их единомышленников, датировка исхода XIII в. до н. э. оказывается несостоятельной. И понятно, что многие археологи-библеисты отстаивают другой хронологический вариант, основанный на прямом библейском расчете,— XV в. до н. э. Оуэн, напри-

мер, говорнт, что стела Мереиптаха «определеиио дискредитирует теорию», по которой фараоном-угнетателем был Рамзес II, а исход был при его сыие и преемнике Мереиптахе. Еслн бы Израиль покинул Египет в такую поздиюю дату, то у него не было бы времеин на сорокалетнее странствование в пустыие н на кампанню Инсуса Навина в Ханаане. Оуэи счнтает, что стела подтверждает бнблейскую датнровку «около 1446 г., как нанболее логнчиую дату исхода, н 1406 г.— как приблнзнтельную дату вступлення в Палестниу». Ои подкрепляет свою версию тем, что в это время Израиль переживал «поздинй период судей», когда в стране ие было твердой властн н завоевательиый поход Меренптаха мог проходить поэтому в более легкнх условнях.

Приходнтся, одиако, призиать, что археология опрокидывает и это построеиие. Оно ие выдержнвает критикн в свете материалов эль-амариского архива, о котором мы выше уже говорнлн.

ПОПЫТКИ ОБХОДА ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ «ТРУДНОСТИ»

Если иельзя сказать о каком-нибудь событни, когда оио пронсходнло, то возинкает серьезиое сомнеиие — происходило лн оно вообще когда-ибудь? В данном случае это ие отрнцаине самой возможности того, что когда-инбудь какаялнбо группа израильтян, прожнвавшая в Егнпте, покииула его. Это устаиовлеине того факта, что бнблейское сказаине об нсходе нсторнческн ие подтверждается.

В такой обстаиовке буржуазиые археологи-библенсты выиуждеиы искать какие-то воз-

можности обхода хронологической проблемы. Финеган пишет, что ни одна дата исхода, вытекающая как из Библии, так и из археологических материалов, «не окончательна», так что определенного решения по этому вопросу принять невозможно, хотя все же ему представляется более правдоподобным вариант, по которому исход надо датировать серединой XIII столетия до н. э. Точнее сказать, этот вариант он считает менее неправдоподобным, но по существу американский археолог не может скрыть своего огорчения по поводу того, что ни один из вариантов не может быть обоснован.

Несколько по-иному пытается выйти из положения английская исследовательница-археолог Кетлин Кеннон. Она говорит, что библейскую хронологию «не надо принимать буквально». В сущности это значит, что ее не надо принимать всерьез. Ну, что же, это не так уж далеко от тех выводов, которые с неизбежностью вытекают из конкретного анализа сути дела. Но тогда нужно проявлять достаточную последовательность, чтобы не уклоняться от вывода о легендарном характере сообщаемых Библией сведений. На это, конечно, не способна не только мисс Кеннон, но, за отдельными исключениями, и вся многочисленная когорта буржуазных археологов-библеистов.

Впрочем, православный богослов А. П. Лопухин еще в прошлом веке одним ударом решил проблему: махнув рукой на все библейские хронологические указания, он заявил, что «фараоном исхода» был не кто иной, как Тутмос IV, который царствовал с 1465 по 1455 г. до н. э. и что, следовательно, исход имел место около середины XV в. При этом Лопухин опирался не на что иное, как на доподлинный археологический материал: «Одна надпись, открытая на гранитной скале против острова Филы на Ниле, заключает в себе особенную черту, характеризующую этого фараона. После обычных высокопарных наименований и титулов ему, она сразу обрывается, заканчиваясь многознаменательной частицей, но... очевидно, указывающей на бедствия и невзгоды, отличавшие его царствование». Трудно что-либо сказать по поводу этого ошеломляющего аргумента! Конечно, уж если надпись обрывается на слове «но», то дальше могли следовать самые точные описания всего происходившего с евреями в Египте и при исходе из него — такие описания, которые полностью соответствуют библейским рассказам. А раз могли, значит, были. Историчность Библии подтверждена вполне убедительно.

Чтобы, однако, соблюсти полную справедливость в отношении к благочестивому «археологу» Лопухину, надо сказать,

что он некоторые основания в пользу своей гипотезы все же пытается привести. Во-первых, «из памятников видно, что царствование его (Тутмоса IV.— *И. К.*) было непродолжительное и бесславное, что вполне согласуется с библейскими данными». Во-вторых, «мнение, что Тотмес IV (раньше его так именовали в исторической литературе.— *И. К.*) именно был фараоном, погибшим в Чермном море, подтверждается еще тем, что, несмотря на самые тщательные поиски, доселе еще не найдено и следа гробницы этого фараона в царской усыпальнице близ Фив, где лежат все фараоны XVIII династии». По поводу первого «основания» можно сказать, что в истории тридцати династий, последовательно царствовавших в Египте, насчитывается немало «непродолжительных и бесславных царствований», так что кандидатов на роль «фараона исхода» можно найти довольно много и помимо Тутмоса IV. Что же касается того аргумента, что мумия Тутмоса не найдена и, следовательно, есть основания думать, что труп этого фараона остался на дне Чермного моря, то археология здесь подвела своего набожного поклонника. Книга Лопухина была издана в 1889 г., а в 1898 г. французский исследователь Лоре, раскапывавший гробницу Аменхотепа II, нашел в одной из ее боковых камер девять мумий фараонов, среди которых оказались не только три Рамзеса (IV, V и VI), но и Мерентах — один из основных кандидатов в фараоны исхода — и, наконец, тот самый Тутмос IV, о судьбе которого строил свои догадки православный богослов. Не утонул, значит, Тутмос IV в волнах Чермного моря, а благополучно скончался в более спокойной обстановке.

Американский археолог-библеист Оуэн, сообщая об этой находке Лоре, счел нужным снабдить ее примечанием, призванным ослабить убедительность тех разрушительных выводов, которые вытекают из нее для библейской легенды. Ведь все фараоны, мумии которых найдены на суше, исключаются из списка кандидатов! А среди них есть такой, как Мернептах, который имеет наибольшие, по сравнению со всеми другими фараонами, шансы на признание фараоном исхода. Чтобы не скомпрометировать эту кандидатуру, как и ряд других, Оуэн пишет: «Библейское повествование гласит, что «фараоновы лошади, колесницы и всадники» потонули в Чермном море, но не указывает определенно, что утонул сам фараон». За такую соломинку хватается утопающий в волнах софистической апологетики библеист! Действительно, в Библии не сказано, что утонул сам фараон. Но если «на середине моря» вдруг оказа-

лось под водой все египетское войско, так что погибли, как подчеркивает Библия, все египтяне без исключения, то спасение фараона могло быть только результатом чуда. Но об этом чуде в библейском повествовании, как известно, ничего не говорится. Впрочем, вопрос о том, утонул ли фараон исхода, действительно, в данном случае не так уж важен.

Но уж никак нельзя отрицать того значения, которое имеет вопрос о возможной датировке событий, описываемых в библейской легенде. Датировать исход израильтян из Египта хоть с какой-либо долей вероятности оказывается невозможным.

И еще одна трудность стоит перед теми археологами, которые стараются во что бы то ни стало доказать историчность легенды об исходе,— надо как-то примирить два различных хронологических варианта, содержащихся в Ветхом завете: XV в.— по III книге Царств и XIII в.— по книге Исхода.

Райт пытается решить это противоречие довольно любопытным образом. Основываясь на списке первосвященников, имеющемся в книгах Паралипоменон и Царств, он считает, что между исходом и временем Соломона должно было пройти 12 поколений. Известно, что древние израильтяне, как и древние греки, исчисляли продолжительность жизни поколения 40 годами, так что 12 поколений должны были в общей сложности прожить 480 лет. А если взять меньшую цифру для жизни одного поколения — 25 лет,— тогда продолжительность жизни 12 поколений составит всего 300 лет. Прибавив к дате начала царствования Соломона (ок. 960 г. до н. э.) не 480 лет, как сказано в III книге Царств, а 300, мы получим в качестве времени исхода не XV, а XIII в. Цель достигнута! Правда, Библия тут претерпевает некоторый ущерб, так как вместо указываемых ею 480 лет Райт берет цифру 300 лет, но ведь он поправляет Библию при помощи самой Библии, так что это, может быть, не так уж грешно. Не замечает он при этом или делает вид, что не замечает, одного конфузного обстоятельства — если приходится одно библейское сообщение исправлять при помощи сложных и не очень убедительных сопоставлений с другими, то, значит, не везде это богодухновенное произведение безошибочно. Довольно шаткая богодухновенность...

Самые расчеты Райта совершенно произвольны. В самом деле, почему надо исчислять продолжительность жизни поколения 25 годами, а не 30 или 23? «Это была действительно

средияя продолжнтельность жизии царей и зиатн иа Древнем Востоке». Ннкакнмн фактнческнмн дaииымн такое заявлеине не подтверждается, оио просто ни иа чем ие осиовано. И непоиятио, зачем связывать указаииую в Библии цифру — 480 лет — с общей суммой жнзнн 12 поколеиий. Цифра дана абсолютная, безотноснтельно к поколенням н их продолжнтельиостн. Райт прнбег здесь к нскусствеииому жоиглнрованию цнфрамн н датами, оно получнлось у иего в высшей степеии иеуклюжим н иеубеднтельиым.

ПОИСКИ ВОЗМОЖНОГО В НЕВЕРОЯТНОМ

Совершенно ясно, что названная в Ветхом завете цнфра вышедшнх из Егнпта 600 тысяч одинх мужчнн, способных носнть оружне, невероятна. Как спастн в этом вопросе репутацию нсторичности бнблейской легенды? Олбрайт вместе с Райтом находят «выход» в том, что шестисоттысячную цнфру берут нз той переписн населення, которую, по Ветхому завету, провел царь Давид. Там, действнтельно, в нтоге перепнсн фигурнрует эта цнфра, н, по мнеиню указаиных археологов, авторы Пятикннжия уже в более поздние времеиа механнчески перенесли цнфру, отиосящуюся к X в., на пернод нсхода. Может быть, это объяснеине н правильно, ио вряд лн оио дает основанне к превозиесенню исторнческой точности библейской легеиды об исходе.

Знаменитый археолог Флиндерс Питри придумал другое объяснение, в какой-то мере спасительное для историчности Библии. Он предлагает переводить древнееврейское слово, обозначающее тысячу, как «семья» или «шатер». Шестьсот семей — это уже на что-то похоже. Беда только в том, что такой перевод не имеет под собой никаких оснований. Райт вынужден с явной грустью так отозваться о гипотезе Питри: «Это объяснение часто цитируется теми, кто стремится поддержать достоверность переписных данных для эпохи Моисея. Хотя это и привлекательная гипотеза, знатоки еврейского языка не могут принять к обсуждению такую интерпретацию еврейского слова». О верности библейской цифры — 600 тысяч — никто из зарубежных археологов-библеистов теперь даже не заикается.

Они не могут настаивать на этой цифре, как и на какой-нибудь другой, более или менее внушительной, не только потому, что она не выдерживает критики сама по себе, а и потому, что ее принятие сделало бы совершенно необъяснимым молчание египетских источников об исходе: как могли бы египтяне не заметить происходивших на их территории грандиозных событий с участием миллионов человек?! А уход из Египта небольшой группы кочевников мог, конечно, остаться незамеченным или, будучи замечен, быть признан незначительным событием, не заслуживающим фиксации. Так могло произойти, но признание этой возможности вряд ли дает материал к утверждениям об исторической точности библейской легенды...

Как можно естественным путем объяснить переход евреев через Чермное море как посуху? Оказывается, можно. В древнееврейском подлиннике Ветхого завета море, через которое перешли израильтяне, именуется «Ям-суф», то есть Тростниковое или Камышовое море. На этом основании строится гипотеза, по которой переходить пришлось евреям не через настоящее море, а через густые заросли тростника. Переводчики же просто ошиблись в передаче древнееврейского слова, и отсюда пошла позднейшая версия о том, что здесь имело место чудо.

Но ведь на берегу Красного моря и в близлежащих местах нет никаких зарослей камыша! Это не страшно, отвечает Келлер: теперь нет, а тогда, может быть, были; строительство Суэцкого канала в прошлом веке так изменило весь ландшафт, что теперь нельзя восстановить, что там было раньше. А если так, то можно говорить что угодно. Отсюда следует

«логический» вывод: «Бегство из Египта через Камышовое море, таким образом, вполне мыслимо»...

Чего стоит это объяснение, видно хотя бы из того, что даже в древнееврейском тексте книги пророка Иеремии море называется не Камышовым, а именно Чермным, Красным. В Новом завете говорится только о Чермном море, а не Камышовом. И к тому же, если принять вариант с камышом, то от библейской легенды вообще мало останется: через камыш могли с тем же успехом, что израильтяне, пройти и египтяне — тогда пропадает версия с гибелью египтян и их фараона на дне морском. Этих деликатных обстоятельств ни Райт, ни Келлер предпочитают не касаться, они ограничиваются тем, что в чем-то «подтверждают» Библию, стараясь не показать виду, что этим самым подтверждением они во многом другом ту же Библию опровергают.

А где действительная разгадка того, что в еврейском тексте говорится о Камышовом море? Она очень проста: Красное море называлось у древних египтян Папирусовым, и это название было позаимствовано у них другими народами Древнего Востока. Поэтому вполне закономерно, что на еврейском языке Красное море именовалось Ям-суф — Тростниковым морем. И библейская легенда имеет в виду не что иное, как переход через самое настоящее море — конечно, при помощи чуда, что само собой разумеется, лежит вне пределов исторического и археологического исследования.

С таким же «успехом» объясняют благочестивые библеисты-археологи остальные чудеса, которыми Яхве облагодетельствовал народ Израиля во время исхода. Им нетрудно объяснить, например, происхождение манны небесной. Есть-де в пустыне такой кустарник, именуемый тамариском, он периодически выделяет вещество, похожее по своим свойствам на описанную в Библии манну. Перепела? Это уж совсем просто: перелетные птицы устали в дороге, выбились из сил и попадали на землю, а тут их и можно было подбирать голыми руками. Опять «Библия права»! И опять — объяснения искусственные, до предела натянутые. Невозможны и в природе не встречаются такие громадные заросли тамариска, которые могли бы покрывать своими выделениями большие площади земли, могли бы регулярно прокармливать целый народ; к тому же в Библии говорится, что к полудню манна таяла — между тем выделения тамариска отнюдь не похожи в этом отношении, как и во всех других, на снег, они не могут таять. Так же надуманна и версия с перелетными перепелами. Все это

софистические ухищрения, не имеющие отношения к науке.

К сорока годам странствования израильтян в пустыне относятся теперь скептически почти все археологи-библеисты. Райт, например, указывает на то, что сорок лет — это «просто круглая цифра для обозначения одного поколения». Так как, по библейской легенде, Яхве решил водить израильтян по пустыне до тех пор, пока не вымрет данное поколение, то на это и была отпущена традиционная цифра — сорок лет; всерьез же эту цифру и Райт не считает возможным принимать. Даже Келлер называет библейское сообщение об этом «в высшей степени маловероятным». Тот самый Келлер, который признает вероятность египетских казней, манны, перепелиного снабжения, добывания Моисеем воды из скалы при помощи жезла! Что же так обострило скептицизм этого достаточно покладистого и доверчивого в отношении библейских легенд автора?

Ему приходится признать их «неточными», ибо он не видит возможности пропитаться в пустыне населению даже небольшой численности в течение такого длительного времени. Келлер вносит, правда, поправку в библейскую характеристику синайской территории — это-де была не пустыня, а полупустыня, где можно было пасти скот. Но не сорок же лет! При таком большом количестве скота на такой незначительной территории полупустыня должна была очень быстро превратиться в настоящую пустыню, и тогда опять-таки была неизбежна перспектива голодной смерти скота, а за ним и людей...

Что касается вопроса о том, в какой мере была пригодна для обитания территория Синайского полуострова, то мы можем исходить не только из того факта, что теперь она представляет собой настоящую пустыню, но и из того, что по самому тексту Ветхого завета за сорок лет блуждания в ней израильтяне только один раз столкнулись с другим кочевым народом — видимо, и тогда она была почти необитаема. Это значит, что скептицизм Келлера в этом вопросе оправдан даже в большей мере, чем ему самому хотелось бы. И во сто раз меньшее, чем указано в Библии, население не нашло бы себе пропитания в этой бесплодной, выжженной солнцем, сухой местности!

Конечно, если прибегнуть здесь к объяснению при помощи чуда, то можно сразу одним ударом отразить все аргументы здравого смысла, логики, истории, географии: с помощью чуда три миллиона человек могут уместиться даже на одном

квадратном метре и обходиться без пищи и питья тысячи лет... Но мы условились разобрать вопрос об историчности библейских повествований, не прибегая к категории чуда. К тому же, и те буржуазные археологи и библеисты, мнения которых мы здесь рассматриваем, тоже пытаются, отвлекаясь от легенд о чудесах, свести фигурирующий в них элемент сверхъестественного вмешательства в исторические события к естественно объяснимым причинам. По существу они наносят этим немалый урон религиозному учению, ибо вольно или невольно сводят таким способом на нет религиозное представление о чудесах. Но иначе поступать они не могут, ибо, настаивая на догме сверхъестественного вмешательства в исторические события, дискредитируют себя как ученых и тем лишаются возможности «авторитетной» и более тонкой апологетики. Приходится выбирать меньшее зло и искать естественные объяснения событий, описанных в библейских легендах.

В применении к данному случаю такой подход получил чрезвычайно яркое выражение. Не только Келлер, но и такие солидные буржуазные археологи, как Олбрайт, Райт, Раули, Роутон и другие, строят искусственные и натянутые «естественные» объяснения событий, связанных с исходом и странствованием израильтян в пустыне.

И все же, даже исходя из гипотезы о естественном характере «чудес», связанных с исходом и странствованием в пустыне, буржуазные археологи-библеисты не могут не прибегать к понятию чуда, хотя и обращаются с ним очень осторожно. Келлер, например, считает вполне возможным объяснение манны и перепелов естественными причинами, но при этом делает оговорку: «Вопрос, который, однако, здесь возникает, должен гласить: не достигнуты ли границы доступного исследования и не находимся ли мы здесь в области «неисповедимого» божественного чуда? Ибо не подлежит никакому сомнению, что Библия хочет рассматривать этот феномен не как нечто обыкновенное и нормальное, но как от бога дарованную помощь в великой нужде». Дальше Келлер эту тему не развивает, а ограничивается многозначительным намеком на ту лазейку, куда можно скрыться в любой момент, как только невозможность «естественного» доказательства библейских легенд и мифов становится очевидной.

Много хлопот причиняет археологам-библеистам вопрос о том маршруте, которым израильтяне устремились по выходе из Египта в землю обетованную. Действительно, это по меньшей мере странный маршрут.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

По поводу описанного в Библии маршрута израильтян через Синайский полуостров немецкий библеист Штаде сказал еще в прошлом веке: «Проверять избранный Израилем путь имеет тот же смысл, как, например, разыскивать обратный путь бургундцев в поездке их к королю Этцелю в песне о Нибелунгах». Египтолог Шпигельберг, цитируя это заявление, говорит, что «еще ныне мы можем подписаться под мнением Штаде» и что «изображение следующих за исходом событий, перечисление отдельных стоянок в продолжение странствований, прохождении через пустыню — все это является вымыслом».

Во всех местах, которые можно с некоторой степенью вероятности считать лежавшими на маршруте израильтян, давно ведутся интенсивные и тщательные археологические раскопки, но никаких следов знаменитого маршрута никому до сих пор обнаружить не удалось. А с некоторыми из этих пунктов происходят несколько конфузные для богословов пертурбации.

В книге Числ сообщается, что, пройдя Синайскую пустыню, израильтяне проследовали к Эцион-Геберу. Этот город неоднократно фигурирует и в дальнейшем библейском тексте,

так что для археологов-библеистов он представляет серьезный интерес. После ряда исследований сошлись на том, что город Эцион-Гебер находился в районе современного Телль-Келейфа на северном побережье Акабского залива. Интенсивные раскопки в этом месте были очень плодотворны в отношении позднейшего периода иудейско-израильской истории, но, к смущению верующих археологов, показали, что поселение в районе Телль-Келейфы возникло значительно позднее, чем то время, к которому мог бы в любом варианте относиться исход евреев из Египта. Выход найден в предположении о том, что израильтяне остановились, мол, там, где позже был основан Эцион-Гебер. Стало быть, написано было все это не Моисеем, а значительно позже того времени, к которому можно было бы отнести его существование, если бы он был исторической личностью. Скрепя сердце, библеисты вынуждены это признать.

Интересно, что оказалось фактически невозможным установить даже место, где находится пресловутая гора Синай. Трудность ее обнаружения усугубляется тем, что в Библии нередко фигурирует в качестве горы, где было дано откровение, не Синай, а Хорив.

Если принимать всерьез библейские описания тех грозных явлений природы, которыми сопровождалась процедура откровения с горы Синай, то надо полагать, что эта гора представляла собой вулкан и что израильтянам пришлось находиться вблизи нее в период довольно большой вулканической активности. На это ссылаются чуть ли не все зарубежные археологи-библеисты, отстаивающие историчность соответствующих событий. Но беда в том, что та гора, которая теперь именуется Синаем, никогда не была вулканом. Единственная местность, где в тех краях тогда наблюдалась вулканическая активность, была Мидия, находившаяся даже не на Синайском полуострове, а по ту сторону Акабского залива, в Аравии.

Голландский католический библеист Гролленберг так описывает создавшееся в этом вопросе положение: «С древних времен христианская традиция помещала гору Синай на внушительном гранитном хребте, лежащем в южной оконечности Синайского полуострова, с Джебель-Муса (7500 футов над уровнем моря) как с его наиболее высоким пиком. Но эту локализацию оспаривают ученые. Некоторые из них ищут гору Синай в Мидии или по крайней мере в Северной Аравии... Согласно другим, она находится вблизи Кадеша или, может быть, в районе Петры. Последнее место действительно лежит

в Вадн Муса («Долине Моисея».— *И. К.*)». У буржуазного библеиста хватило в данном случае добросовестности для признания того, что название местности по имени Моисея здесь ничего не доказывает, так как «оно может быть основано иа сравнительно поздней еврейской традиции». Это, несомненно, верно, так что Гролленберг мог бы высказаться по этому вопросу еще более категорично. Но его смелость и так подверглась слишком серьезному испытанию, так что в порядке страховки почтенный библеист прибегает к такому смехотворному приему: «Посещения,— пишет он,— традиционной горы Синай достаточно для того, чтобы рассеять все сомнения». Какие же аргументы извлекает Гролленберг из своего обследования местности? «Огромный гранитный массив представляет собой зрелище, внушающее благоговение. Атмосфера, свет и краски, невероятная тишина — все это создает незабываемую обстановку для арены встречи бога с человеком». Нечего сказать: научная аргументация, «рассеивающая все сомнения»! Может быть, господину Гролленбергу стоило бы посетить Казбек на Кавказе или Гималаи — там обстановка куда повнушительней синайской, да и тишина, может быть, еще «невероятней». Не предположить ли, пользуясь методикой Гролленберга, что именно на горе Эверест произошла «встреча бога с человеком»?!

ЕСТЬ ЛИ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗЕРНО В ЛЕГЕНДЕ ОБ ИСХОДЕ?

Описанная в Ветхом завете драматическая эпопея с исходом израильтян из Египта, с погоней за ними фараона во главе войска, с гибелью всего войска фараонова вместе с ним самим на дне морском не нашла никакого отражения в египетских памятниках. Ни в одном папирусе, ни в одной надписи на стенах гробниц,

храмов, дворцов — нигде ни намека! И ни в одном памятнике ни у одного из соседей Египта — нигде, кроме как в Библии!

Признаться, мы колебались, ставя вопрос об исходе «в свете данных археологии». Ведь археология, как таковая, никаких данных, которые могли бы подтвердить или иллюстрировать легенду об исходе израильтян из Египта и их движении в Палестину, до сих пор не нашла. А так как поиски велись и продолжают вестись самые тщательные, то, видимо, ничего и в дальнейшем здесь ждать не приходится. Таким образом, «данные» оказываются чем-то вроде дырки от бублика, пустым местом. Иначе говоря, это данные негативные, отрицательные, могущие привести к каким-то выводам лишь тем обстоятельством, что их, этих данных, не существует. Поскольку это так, то можно было бы вообще не распространяться по этому вопросу. Но оказывается все же необходимо кратко остановиться на нем, так как буржуазные библеисты не прекращают разговоров о подтверждении археологией историчности Библии и в вопросе об исходе.

Имеется ли, однако, историческое зерно в библейской легенде об исходе израильтян из Египта?

Если какая-нибудь часть древних израильтян (ни в коем случае не весь народ) находилась когда-нибудь в Египте, а потом ее там не стало, то, значит, в какой-то момент она ушла из Египта и присоединилась к основному массиву израильских племен, живших в Палестине. Воспоминания об этом могли не только жить в памяти потомков тех людей, которые когда-то прибыли из Египта, но и передаваться другим родам и племенам в процессе межплеменного общения. С течением времени эти воспоминания обрастали новыми подробностями, созданными народной фантазией. Шпигельберг говорит в этой связи о «новеллистических прибавках позднейших поколений» — именно эти прибавки и расцветили до неузнаваемости воспоминание о скромном событии, которое могло когда-то иметь место.

Для того чтобы народная фантазия работала в этом направлении, выбрав объектом своей деятельности данное событие, нужны были какие-то социально-исторические и идеологические стимулы. В самом деле, почему именно события, происходившие с незначительным меньшинством народа, могли быть распространены фантазией на весь народ и стать источником сложных и затейливых легенд, вошедших в общий народный эпос? Видимо, причину этого следует искать в идеологических потребностях иудейско-израильского государства

того времени, когда фиксировались вошедшие потом в Библию произведения Яхвиста и Элохиста. Нужны были предания и легенды, которые дали бы объяснение и обоснование факту объединения израильских племен в народ, образования классового общества и государства, господствующего положения жрецов и левитов в этом государстве. Легенда о пребывании Израиля в Египте, о страданиях, которые ему там пришлось пережить, об особых отношениях, установившихся у этого народа с мощным (пока еще не всемогущим!) богом Яхве, о великих благодеяниях, которые оказал Яхве своему народу, освободив его из плена и проведя благополучно через многочисленные и страшные трудности и препятствия,— эта легенда давала господствующим классам древнего Израиля и их государству материал для идеологического сплочения народа не только под религиозным знаменем, но и под политической эгидой эксплуататорского государства. Она возбуждала преувеличенное чувство народной гордости, подогревала его до высоких степеней шовинизма, раздувая в то же время чувства неприязни и презрения к другим народам, у которых нет такого мощного бога, как Яхве, выведшего нас из Египта, и т. д. Недаром во всем остальном тексте Ветхого завета постоянно повторяется мотив возвеличения Яхве и благодарности к нему именно за то, что он вывел израильтян из египетского плена. Недаром и сейчас в иудейских молитвах звучит тот же мотив, питая сионистскую идейку о сосредоточении всех евреев в «земле отцов», как это было в свое время достигнуто под непосредственным предводительством Яхве, выведшего свой народ из египетского плена. Исторические же условия того периода, когда формировались ветхозаветные легенды, были особо благоприятны для того, чтобы из мухи возвращения в Палестину маленькой группки египетских репатриантов религиозная фантазия могла сделать слона легенды об исходе.

В одной из последних работ крупного американского археолога Д. Менденхолла сформулирована новая теория, по-иному объясняющая не только эпопею исхода, но и в целом наиболее древние страницы истории Израиля. Он считает, что массы рабов, трудившихся в Египте над сооружением городов фараона Рамзеса, были вовсе не едины в этническом отношении; они могли иметь разноплеменный состав. Общие классовые интересы борьбы за свое освобождение сплотили их в единую силу, бурно стремившуюся к освобождению от рабства, причем единственную возможность такого освобождения открывало лишь бегство из страны-поработителя. Единство дей-

ствий, необходимое для такого шага, достигалось лишь при условии идеологического единства, а последнее могло быть тогда только религиозным. В осуществление этой назревшей идеологической потребности и явилась общая религия, бог которой — Яхве, являвшийся покровителем одного из участвовавших в объединении племен, получил признание и стал объектом поклонения у всего объединения. Таким образом, говорит Менденхолл, Израиль «начал как специфически религиозное сообщество; только в ходе времени и исторического бедствия религиозная общность в конце концов породила биологическую непрерывность». Здесь, правда, Менденхолл не подчеркивает того, что в основе этой религиозной общности лежали общие классовые интересы стремившихся к освобождению рабов, но в его изложении это достаточно ясно. Он пишет в другом месте: «Группа пленных рабов совершила успешное бегство из нетерпимой ситуации в Египте. Не имея другой общности, которая могла бы дать им возможность взаимной поддержки и покровительства, они установили взаимоотношения с богом Яхве...»

Приведенную гипотезу пока еще никак нельзя считать научно доказанной теорией: хотя она сама по себе представляет несомненно большой интерес, но автор ее пока еще не привел достаточных фактических подтверждений, могущих превратить гипотезу в научную теорию. Ясно, однако, что и признание этой гипотезы не оставило бы места для разговоров об исторической точности разбираемых здесь библейских легенд.

В «ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ»

ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ БИБЛИЯ

После сорокалетнего странствования в пустыне израильтяне подошли, наконец, к «земле обетованной», форсировали (при помощи чуда) реку Иордан и ринулись под руководством Иисуса Навина, преемника Моисея, на завоевание страны. Первым укрепленным пунктом, которым предстояло овладеть, был город Иерихон, окру-

женный мощными крепостными стенами. От звуков труб, в которые усердно дули жрецы Яхве, стены пали и город достался победителям; он был полностью сожжен, а население истреблено. Затем наступила очередь других городов-государств Ханаана — Гая, Лахиса, Газера, Асора и пр.; «всех царей тридцать один»,— подводит итог Библия, имея в виду повелителей покоренных государств. Подчеркивается при этом, что Иисус Навин завоевал всю страну и уничтожил все ее население — «истребили их всех; не оставили из них ни одной души». Страна стала полностью еврейской.

Следующая тут же за книгой Иисуса Навина книга Судей приводит читателя в недоумение сообщением о том, что после смерти Иисуса израильтяне стали решать вопрос: «Кто из нас прежде пойдет на хананеев, воевать с ними?» Опять начались кровавые войны с теми самыми хананеянами, которые были уже, казалось бы, полностью истреблены при Иисусе Навине. Налицо, таким образом, два противоречащих один другому варианта истории покорения Ханаана израильтянами: по книге Иисуса Навина, это покорение было единовременным и окончательным, сопровождавшимся поголовным истреблением всего коренного населения; по книге Судей, завоевание было длительным и вовсе не сопровождалось «очищением территории» от ее коренных обитателей — израильтяне жили среди них и находились с ними в тесном взаимном общении.

Первые столетия проживания израильтян в Палестине ими управляли «судьи»; Библия рассказывает о деяниях судей Гедеона, Иевфая, Самсона и др. Потом израильтяне захотели иметь царей. Они потребовали от последнего судьи (он же и пророк) Самуила поставить над ними царя. С санкции Яхве Самуил «помазал на царство» Саула из рода Вениамина. Все царствование Саула прошло в войнах с филистимлянами, в одном из сражений против них он и погиб. После него долгие годы царствовал Давид, прославившийся многими военными подвигами, а также литературной деятельностью в качестве автора псалмов и ряда других библейских текстов. При Давиде столицей государства стал город Иерусалим, завоеванный им у иевусеев. Деяния сына и преемника Давида — царя Соломона особенно красочно описаны в Библии; он считается самым богатым, «славным» и мудрым из еврейских царей. Ему, в частности, приписывается постройка иерусалимского храма. После смерти Соломона государство распалось надвое: северная часть во главе с Иеровоамом составила царство Израиль, южная — Иудею, царем которой стал сын Соломона Ровоам. Столицей Израиля был одно время Сихем, в дальнейшем царь Омри построил город Самарию и сделал его столицей своего государства. Столицей Иудеи оставался Иерусалим. В отличие от Иудеи, где до конца царствовала династия Давида, в Израиле происходили довольно частые дворцовые перевороты, в результате которых династии менялись. Взаимоотношения между двумя еврейскими царствами были почти все время напряженными, так что нередко между ними возникали войны.

КОГДА И ГДЕ ЭТО МОГЛО ПРОИСХОДИТЬ?

Датировка начала этого периода связана с установлением времени исхода израильтян из Египта. Так как Библия дает для этого события две разные даты — XV и XIII вв. до н. э., то возможны два разных решения вопроса и о времени завоевания Палестины. Что касается эпохи судей и царей, то она датируется несколько более определенно. В этом отношении помогают такие ориентиры, как войны с филистимлянами, сношения царей

Давида и Соломона с такой известной исторической личностью, как финикийский царь Хирам I, а также библейские сообщения о египетском фараоне Сусакиме, который выступил против Иудеи «на пятом году царствования Ровоамова».

Когда в Ветхом завете говорится о сношениях праотца Авраама с филистимлянами, то это, конечно, продукт исторической путаницы, ибо во времена, к которым приурочивается существование Авраама, никаких филистимлян на территории Палестины еще не было. Появились они на восточном побережье Средиземного моря в конце XIII или начале XII в. до н. э. и начали вторгаться во внутренние области Палестины лишь во второй половине XI в. до н. э. Очевидно, именно к этому времени следует относить войны, которые вел с ними Саул, а значит, и само его царствование. О Хираме известно, что он жил в середине X в. до н. э., и так как наиболее оживленные сношения с ним вел Соломон, то и его жизнь надо датировать этим временем. К этому же периоду относится и царствование фараона Шешенка I, именуемого в Ветхом завете Сусакимом. Сопоставление всех этих данных дает возможность сделать вывод, что иудейское государство возникло на территории Палестины в конце XI в. до н. э. и что распад его на два государства произошел около 925 г.

Места, где происходили описываемые в Ветхом завете события, указаны там, как правило, весьма определенно. Для археологического изучения этих мест представляет, правда, большие трудности проблема отождествления их с теми или иными современными местностями Палестины. Бывает, что между археологами возникают споры о том, следует ли считать такие-то развалины остатками того или другого из палестинских городов, фигурирующих в Ветхом завете. Но эти трудности обычно преодолеваются в ходе дальнейших исследований.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО СУЩЕСТВУ

История завоевания Палестины израильтянами, как она освещена в Библии, носит на себе ярко выраженные мифологические черты. Противоречивость разных ее двух вариантов, изложенных выше, обилие сказаний о чудесах, якобы связанных с этим завоеванием, участие в повествовании явно мифических личностей — все это заставляет с особой настороженностью отделять в соответствующих сказаниях исторический элемент от мифологического. Но постепенно мы здесь все же становимся все более твердо на почву действительной истории. С конца эпохи судей и дальше ветхозаветные сказания все более приближаются к типу летописей и исторических хроник, правда, обильно разбавленных мифологией.

Нельзя сказать, чтобы все предшествующее содержание Библии было сплошь мифическим,— там тоже были элементы исторической истины. Нельзя сказать также, что, начиная с данного момента, идет чистая историография — здесь тоже будет немало фантастического. Но все же есть качественная разница между библейскими повествованиями о предшествующих временах и теми, о которых речь пойдет в дальнейшем. Теперь уже исторические повествования Ветхого завета будут значительно чаще перекликаться с материалами истории других народов, здесь будет значительно больше археологических и иных подтверждений и параллелей.

Начало этого периода относится к эпохе разложения первобытнообщинного строя и формирования классового рабовладельческого общества. Государства еще не было. Взаимоотношения между племенами («коленами»), родами и семьями внутри родов регулировались «судьями», разби-

равшими конфликты и споры, делившими спорные территории и т. д., а в военное время предводительствовавшими войском. Судьи выбирались народом и им же смещались. Такой общественный порядок именуется в нашей литературе строем военной демократии.

К началу I тысячелетия до н. э. в Палестине возникло еврейское государство, причем, конечно, причины его возникновения лежали несравненно глубже, чем это изображено в Библии: сформировались порядки рабовладельческого общества, должно было появиться и государство, как политическое орудие господства рабовладельцев. Саул, Давид и Соломон, видимо, представляют собой исторические фигуры. Разделение на два царства, основные моменты истории этих царств — все это относится уже к области не мифологии, а истории, хотя не все этапы и события этой истории в одинаковой мере подтверждаются археологическими материалами и перекрестными показаниями исторических источников.

ИЕРИХОНСКИЕ ТРУБЫ БЫЛИ ИЗЛИШНИ

Для начала рассмотрим вопрос о том, что дают археологические раскопки по вопросу о датировке завоевания Ханаана израильтянами, а так как взятие Иерихона было, по Библии, первым актом этого завоевания, то тем самым решается и вопрос о датировке знаменитого штурма под звуки труб.

Есть один показатель, который дает возможность установить так называемый «terminus post guem» — «срок, после которого» израильтяне могли появиться в этих краях, если бы они шли маршрутом, в какой-то мере приближающимся к указанному в Библии. Райт, правда, говорит, что «их точный маршрут представляет собой нечто темное» и что на отрезке от Синайской пустыни

до границ Палестины можно на основании противоречащих друг другу библейских показаний начертать опять-таки два разных маршрута. Ясно, однако, что в обоих маршрутах израильтяне должны были обходить страну Едом, по одному варианту — с запада, по другому — с востока: в Библии рассказывается, что едомитяне упорно не пропускали израильтян через свою территорию. Известный археолог Нельсон Глюк в результате своих долголетних исследований установил, что едомское царство могло возникнуть не раньше 1300 г. до н. э., наиболее вероятная дата — 1290 г. до н. э. Следовательно, движение израильтян, встретившее сопротивление едомского царства, могло иметь место не раньше этого времени.

Таким образом, первый хронологический вариант для исхода из Египта и движения в землю обетованную, содержащийся в Библии (XV в. до н. э.), отпадает даже на одном только этом основании.

Приходится, значит, остановиться на втором? Попробуем вместе с большинством зарубежных археологов-библеистов исходить из того, что завоевание Палестины израильтянами и, стало быть, взятие Иерихона происходило в конце XIII в. до н. э.

Обратимся к материалам раскопок Иерихона. Начало библейского описания завоевания Палестины выглядит правдоподобно в том отношении, что это завоевание, если израильтяне двигались с Востока, должно было начаться именно с Иерихона; в этом случае последний является ключевой позицией, овладение которой было необходимой предпосылкой для дальнейшего продвижения в глубь страны. Если раскопки Иерихона доказали бы, что он был разрушен именно в конце XIII в. до н. э., то это было бы важным ориентиром для решения всей проблемы. Поэтому археологи старательнейшим образом раскапывают Иерихон на протяжении уже более полустолетия. Они собрали здесь колоссальный материал.

В конце прошлого века немцы Зеллин и Ватцингер, а в промежутке между двумя мировыми войнами англичанин Гарстанг нашли и опубликовали в печати, казалось бы, вполне убедительные свидетельства того, что Иерихон был разрушен либо в конце XV в. до н. э., либо в начале XIV в. Это само по себе вносило новую путаницу в решение вопроса, ибо опять-таки оказывалось, что подтверждается вариант не XIII, а XV в. Единственная надежда была на то, что дальнейшие раскопки внесут некоторые поправки в выводы указанных археологов. И действительно, такие поправки были внесены.

В 1952 г. англо-американская археологическая экспедиция под руководством мисс Кетлин Кеннон занялась продолжением раскопок Гарстанга. Работы, длившиеся несколько лет, внесли решительные изменения в выводы предшественников Кеннон. Но вместо приведения археологических выводов в соответствие с хронологическим вариантом, к которому уже было склонились археологи и который они к этому времени уже почти «гармонизировали» с Библией, эти изменения вообще спутали все карты. Оказалось, что Иерихон не подвергался и не мог подвергаться разрушению ни в XV в., ни в XIII в. до н. э.

Само по себе иерихонское поселение было признано археологами самым древним из известных городов земного шара. Оно существовало уже в период неолита, а наиболее древняя его каменная стена была воздвигнута еще до изобретения керамики. Целых тридцать культурных слоев было раскопано на территории Иерихона, и его история была в общем выяснена на всем ее протяжении. Но как раз тот период, который интересует археологов-библеистов, оказался по существу пустым и немым. За исключением нескольких черепков и трех могил, период между 1500 и 1200 гг. не дал никаких находок. В этот период местность была, следовательно, необитаемой. С XII в. начинается новое заселение Иерихона, но больше этот город никогда не достигал мало-мальски внушительных размеров, не обносился стенами и не был крепостью.

С выводами Гарстанга, хотя они и не укладывались в вариант XIII в., все же, что называется, можно было жить: расхождение в двести лет могло быть предметом новых сопоставлений, попыток гармонизации, всевозможных софистических упражнений, направленных на доказательство «все-таки правоты» Библии. Эти выводы в одном отношении вообще очень устраивали богословствующих археологов-библеистов — две мощные крепостные стены, окружавшие вершину старого города, выглядели как разрушенные чуть ли не некоей мгновенной катастрофой. Одни из авторов указывали на землетрясение, как на возможную причину этой катастрофы, другие же были не прочь с многозначительным видом упоминать о прямом смысле библейской легенды — трубные звуки, дружный вопль всего израильского ополчения, и стены, как по команде, рушатся... Но в результате исследований экспедиции Кеннон легенда о катастрофе сама потерпела полную катастрофу. Было доказано, что стены подверглись разрушению, вероятно, в результате землетрясения еще в III тысячелетии до н. э.!

Общеисторические материалы дают ответ на вопрос о том, как случилось, что Иерихон с середины II тысячелетия фактически сошел с исторической арены. Около 1580 г. до н. э. египтяне, изгнавши из своей страны гиксосских завоевателей, на плечах отступавших ворвались в Палестину и прошли по ней огнем и мечом. Вместе с другими палестинскими городами они разрушили и Иерихон, разогнали и частично истребили его население. После этого город в более или менее серьезных масштабах не восстанавливался. Иисусу Навину, а вместе с ним и Яхве, ни в XV, ни в XIII в. до н. э. разрушать в Иерихоне было уже нечего. Трубы были ни к чему.

Впечатление, произведенное этими обстоятельствами на буржуазных археологов-библеистов, было ошеломляющим. «Информация о Иерихоне,— пишет Райт,— была названа разочаровывающей, и это верно: не только трудно интерпретировать библейское повествование о Иерихоне, но невозможно даже наметить и историю традиции». Это значит, что очень трудно объяснить, как появилась сама легенда. Нельзя же допустить, считает Райт, чтобы здесь была просто «чистая фабрикация» или «этиология» — последний термин означает легенду, имеющую своей целью позднейшее объяснение создавшегося положения. Райт просто сокрушается: «Во многих случаях как происхождение, так и история традиции могут быть изучены историческими, формально-критическими и другими методами», здесь же все эти методы не помогают, и «проблема Иерихона — теперь больше проблема, чем когда бы то ни было...».

Мы не в состоянии помочь благочестивому библеисту в решении этой проблемы таким способом, который соответствовал бы его апологетическим целям. Легенда о взятии Иерихона, лежащая в самом фундаменте всей библейской истории завоевания израильтянами страны обетованной, безвозвратно потеряла всю свою историчность. Трудность положения ее защитников усугубляется тем, что почти невозможно представить себе опровержения выводов Кенион когда бы то ни было в будущем, настолько исчерпывающими были работы ее экспедиции и настолько обоснованы выводы, сделанные из них.

КОГДА ПОГИБЛИ ХАНААНСКИЕ ГОРОДА?

После Иерихона, как рассказано в Библии, наступила очередь города Гай. Место, где должен был находиться этот город в древности, также было весьма основательно раскопано и исследовано. Результаты оказались еще более разрушительными для библейской легенды, чем в случае с Иерихоном. Немецкий археолог-библеист Антон Йирку, выразив всяческие сожаления по поводу итогов исследования Иерихона, переходит к сообщению о раскопках Гая при помощи такой элегической формулы: «Еще хуже разрыв между сообщением о последовавшем тогда завоевании Гая и данными раскопок о том, что Гай был вообще заселен только в период ранней бронзы (3100—2100)». Действительно, положение здесь «еще хуже»...

Наибольший расцвет этого населенного пункта, являвшегося мощной крепостью, падает на период между 3300 и 2400 гг. до н. э. Около 2400 г. Гай был полностью разрушен. В дальнейшем его место было в течение непродолжительного времени населено израильтянами: но это было около 1000 г. до н. э. и, следовательно, в данном случае не должно приниматься во внимание. Важно, что ни в XV, ни в XIII в. города на этом ме-

сте не было. Здесь тоже Яхве и Иисусу Навину было нечего делать. В отличие от Иерихона, где расхождение во времени сводится к немногим столетиям, в случае с Гаем дело идет о целом тысячелетии. Несомненно — тяжелый случай!

В другом отношении положение библеистов здесь легче, чем с Иерихоном, ибо есть материал для некоторых комбинаций «гармонизирующего» порядка. Существует уже несколько гипотез, призванных разъяснить казус с Гаем. Первая из них основывается на буквальном значении самого наименования этого города — по-древнееврейски оно означает «развалины»; в своем первоначальном виде легенда о взятии Гая означала-де не что иное, как то, что израильтяне просто овладели развалинами. И лишь позднее этому слову было придано значение собственного имени. Второе объяснение допускает, что вся история разрушения Гая была создана фантазией израильтян в позднейшие времена, когда они увидели эту местность и приписали наличие разрушений ее завоеванию при Иисусе Навине — самой разрушительной из военных катастроф, о которой они что-либо слышали. И наконец, имеет хождение гипотеза, по которой главную роль во всей истории сыграл не Гай, а находившийся поблизости город Вефиль; его обитатели, готовясь к отражению грозившего им нападения Иисуса Навина, захватили руины Гая и использовали их в качестве своеобразного предполья, так что последовавшая затем борьба с вефилянами отразилась в сознании израильтян как война против Гая. Автор книги Иисуса Навина, однако, заранее позаботился о том, чтобы лишить почвы искусные построения археологов-библеистов: он восемь раз упоминает царя Гая, а потом сообщает, что израильский полководец обошелся с этим царем в соответствии с обычаями эпохи — повесил его на дереве до вечера. Речь идет, таким образом, именно о Гае, как о городе-государстве, существующем и действующем. А он между тем в это время не существовал и не действовал.

Поскольку к вопросу о Гае археологи привлекают материал, относящийся к взятию Вефиля, следует сказать, что в книге Иисуса Навина не рассказывается о взятии Вефиля, так что мы знаем о нем только из книги Судей, если не считать того, что в первой из этих книг при перечислении побежденных ханаанских царей упоминается и царь Вефиля. В этом свете версия, по которой автор книги Иисуса Навина, рассказывая о взятии Гая, имел в виду на самом деле взятие Вефиля, приобретает как будто некоторую обоснованность. Но

этому, с другой стороны, противоречит то, что в указанном списке фигурирует также и «царь Гая, что близ Вефиля». Выходит, что автор знал оба города-государства и не смешивал их между собой. А это значит, что все гипотезы, «замещающие» Гай Вефилем, противоречат Библии, и если какая-нибудь из них верна, то историчность Библии опять — в который раз — терпит поражение.

С Вефилем дело обстоит более благополучно, хотя и не без трудностей. Раскопки У. Олбрайта и Д. Келсо установили, что находившееся здесь поселение было разрушено во второй половине XIV или, самое позднее, в начале XIII в. Расхождение с тем хронологическим вариантом, которого придерживается Олбрайт (конец XIII в.), составляет «всего» около столетия. Ликвидировать его Олбрайту оказывается нетрудно. Он берет то сообщение о взятии Вефиля, которое содержится в книге Судей, и устанавливает, что воевали против Вефиля «сыны Иосифа»; а они-де выступали сепаратно и могли поэтому оказаться в этих местах раньше, чем основная масса израильтян. Могли, но нигде не сказано, что так и было!

Историческая судьба, однако, не так уж абсолютно безжалостна к археологам-апологетам — кое-чем она их и побаловала. Неплохо, например, получается с городом Асором. Раскопки в районе Телль эль Кедах, где предположительно должен был в древности находиться указанный город, показали, что он был разрушен как раз в конце XIII в. до н. э. Не могут, однако, археологи-библеисты скрыть то обстоятельство, что и в этом случае не обходится без серьезных осложнений.

О взятии Асора израильтянами рассказано в книге Иисуса Навина. Когда в книге Судей сообщается о поселении в этом районе колена неффалим, название Асора не упоминается, что как будто подкрепляет версию книги Иисуса Навина о полном уничтожении города при его завоевании. Но вдруг в дальнейшем тексте книги Судей появляется подробное повествование о войне, которую ведут израильтяне против асорского царя Навина, войска которого под командованием Сисары были разгромлены израильтянами у потока Киссон под руководством пророчицы Деворы! Раскопки показывают, что после уничтожения города в конце XIII в. он не восстанавливался и не заселялся до середины X в., то есть до царствования Соломона. Одно из двух: либо город был разрушен Иисусом Навином, либо это следует приписать Деворе с ее ополчением, причем и тот и другой вариант могут относиться

только к концу XIII в. Но оба они нарушают идиллию исторической достоверности библейских сообщений. Если Асор был разрушен Иисусом Навином, то Деворе потом нечего было делать с ним, если — Деворой, то дату вторжения израильтян в страну под руководством Навина надо будет отодвинуть лет на двести назад, что означает отказ от датировки этого события XIII в.

Подходит к варианту XIII в. установленная археологией дата разрушения Хеврона или Кирнаф Сефера, именуемого также Давиром. Считая, что этот город находился в районе, который теперь называется Телль Бейт-Мирсим, Олбрайт еще в конце 20-х годов раскопал эту возвышенность. Он установил, что город, скрывавшийся под ней, был разрушен около 1225 г., а это, конечно, хорошо согласуется с библейским сообщением о его втором хронологическом варианте. Но Финеган выдает уязвимое место этого построения. Нет, говорит он, никаких веских соображений в пользу того, что город, раскопанный Олбрайтом под поверхностью Бейт-Мирсим, есть именно Давир. Помимо того, Финеган указывает на то, что историчность повествования о разрушении Давира при Иисусе Навине в конце XIII в. также подрывается новыми библейскими же сообщениями о его вторичном завоевании. Как в книге Иисуса Навина, так и в книге Судей рассказывается о том, как это место было завоевано Гофониилом и Халевом; опять получается, что подтверждаемая раскопками полная гибель города может быть отнесена с одинаковым успехом и к периоду завоевания страны и к позднейшему периоду. К тому же Финеган обращает внимание на то, что по тексту Библии можно сделать вывод, по которому Давир был завоеван племенем кенитов, а вопрос, можно ли причислять кенитов к израильтянам, до сих пор является открытым. Финеган допускает поэтому, что история разрушения Давира кенитами, может быть, даже не имеет никакого отношения к вторжению израильтян в страну.

Еще более сложное положение с другим ханаанским городом — Лахисом, по Библии, завоеванным израильтянами при их вторжении. Считается, что развалины этого города находятся под поверхностью холма Телль Эд-Дувейр, каковой холм и был раскопан в начале 30-х годов английским археологом И. Старки. Все как будто указывало на то, что город был уничтожен в конце XIII столетия. Но эта датировка была сильно поколеблена тем обстоятельством, что вдруг в развалинах был обнаружен скарабей (значок в форме жука) еги-

петского фараона Рамзеса IV, царствовавшего между 1204 и 1180 гг. до н. э. Получается, что Лахис существовал еще около полустолетия после предполагаемого вторжения израильтян. А если так, то его разрушение скорей приходится приписать не израильтянам, а совсем другому народу. Многочисленными историческими свидетельствами установлено, что в это время территория Палестины явилась объектом нашествия «народов моря», как их назвали египтяне; среди них были и фигурирующие в библейских книгах филистимляне. Поскольку остается невыясненным — от руки израильтян или филистимлян пал Лахис, последний вообще не может служить свидетельством по вопросу о времени вторжения избранного народа в Ханаан.

КТО ИХ РАЗРУШИЛ?

Кровопролитные войны, сопровождавшиеся сожжением и вообще уничтожением большого количества населенных пунктов, не могли не оставить ясно различаемых следов, которые достаточно распознаются, датируются и истолковываются методами современной археологии. В Палестине и Иордании раскопаны, пожалуй, все те пункты, о которых можно думать, что в них под землей скрыты развалины городов, взятых и разрушенных израильтянами, как об этом рассказано в книге Иисуса Навина и в книге Судей. В ряде случаев обнаружены развалины городов, которые можно с некоторой степенью уверенности отождествить с упоминающимися в указанных библейских кни-

гах. Многие из них действительно погибли в свое время от пожаров и военного разрушения. Не представляет большой трудности для современной археологии установить, к какому времени относятся те или иные разрушения. И если бы исследования показали, что все эти города или по меньшей мере большинство их разрушены примерно в одно и то же время — хотя бы в течение одного столетия, то можно было бы считать, что в наших руках — ключ к выяснению того, когда происходили завоевательные войны израильтян в Ханаане. А отсюда можно было бы найти путь и к датировке исхода евреев из Египта и вообще к решению ряда важнейших проблем древней истории Востока.

К сожалению, это оказывается недостижимым. Разрушение различных местностей Иордании и Палестины происходило не в одно и то же время, так что нет оснований утверждать, что именно израильское завоевание было причиной этих разрушений.

Древние города вообще нередко подвергались уничтожению. Войны и набеги происходили чрезвычайно часто, они велись совершенно беспощадным образом, победитель обычно не оставлял камня на камне от побежденных городов-государств. Удивительно ли, что раскопки дают много материала для выводов о разрушенных и сожженных населенных пунктах?! Больше того, часто один и тот же населенный пункт оказывается полностью разрушавшимся не один, а несколько раз. После очередной катастрофы место прежнего поселения в течение десятилетий и столетий заносилось песком, иногда забрасывалось мусором из соседних населенных пунктов и исчезало с лица земли; над ним постепенно возникало новое поселение, в течение десятилетий, а иногда и столетий проходившее тот же путь, что и то, которое находилось в земле под ним; потом процесс начинался сызнова. Эта картина установлена раскопками ряда населенных пунктов Палестины и Иордании. Но, чтобы города, перечисленные в книге Иисуса Навина, были разрушены в одно и то же время, никак не получается.

Вопрос о том, кем именно разрушены те или иные из раскопанных археологами ханаанских городов, во всех случаях остается без ответа; во всяком случае, археология не может на него ответить. И совершенно правильно сказал об этом крупный немецкий библеист Альбрехт Альт: «Не каждое разрушение, произведенное в Ханаане в период израильского завоевания, было результатом этого завоевания, и не каждое завоевание (этого времени.— *И. К.*) надо считать работой

израильтян». Не подлежит сомнению, что в конце XIII в. до н. э. ряд населенных пунктов на территории современной Палестины подвергается разрушению — как правило, в результате войн. Райт даже говорит, что по Палестине в это время пронеслась целая волна разрушения. Он не может, однако, скрыть того, что такая же, если не более сильная волна имела место и в XII и в XI вв. до н. э.; он говорит, что «эти века были одним из наиболее разрушительных и хаотических периодов в истории страны». К этому можно прибавить, что и для предшествовавших веков характерны такие же разрушения. Нет поэтому никаких оснований выделять в этом отношении конец XIII в.

Период 1600—1200 гг. до н. э. в Палестине и Сирии проходит под знаком борьбы между Египтом и Хеттским царством за господство в этом районе Ближнего Востока. Наиболее острым моментом этой борьбы было сражение при Кадеше на реке Оронт в 1312 г. Это событие подтверждается и иллюстрируется большим количеством археологических находок. Многие другие войны и сражения также оставили яркие и легко распознаваемые следы. Например, войны, которые велись «народами моря», дали археологам много материала в Угарите, Библосе, Мегиддо и других пунктах. Только те военные разрушения, которые приписываются библейскими легендами израильтянам под руководством Иисуса Навина, почему-то не поддаются точному распознаванию; фактически зарубежные археологи довольствуются лишь одним признаком, на основании которого они характеризуют военные разрушения как следы завоевания Ханаана израильтянами: им достаточно датировки концом или серединой XIII в. Но разве в это же время не могли вестись на этой территории и другие войны, результатом которых были открытые археологами разрушения?!

Все это настолько очевидно, что и зарубежные археологи и библеисты вынуждены прямо или косвенно признавать историческую ненадежность библейских повествований о завоевании Палестины. Олбрайт, например, считает, что завоевание Палестины израильтянами проходило отдельными стадиями на протяжении довольно длительного времени и что роль Иисуса Навина, как единственного вождя этого завоевания, в Ветхом завете преувеличена. Это самое мягкое и «безобидное», что можно здесь сказать. Более объективные ученые высказываются на этот счет решительней и категоричней.

Крупный немецкий библеист и историк древней Иудеи Мартин Нот прямо говорит, что нет никаких оснований при-

писывать открытые археологами в Палестине разрушения XIII и XII вв. израильскому вторжению. С археологической точки зрения вся библейская эпопея завоевания Ханаана Иисусом Навином повисает, таким образом, в воздухе.

ФОКУСЫ ВЕРНЕРА КЕЛЛЕРА И ВЫВОДЫ СЕРЬЕЗНЫХ УЧЕНЫХ

В настоящее время лишь бесшабашный Вернер Келлер отстаивает строгую историчность библейских легенд о завоевании Ханаана и, верный себе, проделывает курьезные фокусы с археологическими открытиями, библейскими текстами и логикой.

Вот, например, как Келлер доказывает историчность сообщения о том, что моавитяне и едомитяне отказались пропустить израильтян через свою территорию. Археолог Нельсон Глюк установил, что в это время упомянутые народы уже занимались земледелием; конечно, земледельцы не могли пропустить колоссальную колонну через свои владения — она потоптала бы их посевы. Доказано, таким образом, что они действительно не пропустили израильтян, а заодно и то, что последние должны были там проходить.

В Библии говорится о железной кровати царя васанского Ога, которая хранится-де в

Рабате «до сего времени». Оказывается, по Келлеру, эта кровать найдена. В 1918 г. археолог Густав Далльман нашел близ Амана дольмен — это и есть кровать Ога. Напомним читателю, что дольменами именуются древние погребальные сооружения, состоящие из огромных каменных плит. Почему же именно дольмен должен считаться кроватью Ога? Во-первых, местность та же: Раббат назывался еще и Аммоном, а Аммон и Аман — почти одно и то же. Во-вторых, кровать Ога была очень большой, дольмен — тоже большой. И наконец, в-третьих, в Европе дольмены именуются кроватями великанов. Сразу доказано, что и Ог существовал, и кровать его; она ведь найдена — чего еще нужно?! Заодно Келлер уделяет некоторое внимание и вопросу о великанах, которые, по Библии, жили в этих краях. Кто были эти великаны, Келлер не берется установить, но он высказывает предположение, что просто высокий рост аборигенов долины Иордана отразился в памяти людей в виде легенд о великанах. А что аборигены этих мест были весьма высокорослыми — ниоткуда не видно, так что Келлеру приходится одной выдумкой подпирать другую. Райт подошел к вопросу о великанах несколько тоньше: настоящих великанов, говорит он, в физическом смысле того слова нет, может быть, и не было, но были великие личности... Уловка довольно нехитрая!

Келлер нашел убедительное археологическое подтверждение даже той библейской легенде, в которой рассказывается, как Иисус Навин подверг обрезанию всех евреев, родившихся после исхода из Египта. В пятнадцати километрах северо-западнее Вефиля, сообщает он многозначительно и многословно, имеется деревня, которая называется Иошуа, то есть Иисус. Кругом деревни в скалах обнаружено много могил, а в 1870 г. на этом кладбище было найдено большое количество древних каменных орудий; это и есть, как полагает Келлер, те ножи, которыми Иисус Навин произвел указанную деликатную операцию. Остается только причислить любой из этих камней к реликвиям, которыми в таком изобилии и так выгодно торговала всегда католическая церковь.

Если оставить в стороне упражнения Келлера и вернуться к рассмотрению вопроса по существу, то надо сделать вывод, что археологические исследования не подтвердили библейскую историю завоевания израильтянами Ханаана. Этот итог полностью гармонирует с таким же выводом в отношении исхода израильтян из Египта. Если не было этого выселения колоссальной массы народа из одной страны, то не могло быть

его вселения в другую страну. Вся эпопея оказывается продуктом мифотворческой деятельности народной фантазии. Откуда же на самом деле пришли израильтяне в Палестину?

По всей вероятности консолидация древнееврейских племен и образование этнической общности, получившей название Израиль, совершились на территории самой Палестины. На протяжении столетий многочисленные семитские роды и племена кочевали со своими стадами на пространствах к востоку от Иордана, а также к северу и к югу от границ Ханаана. Одни проникали на территорию соседних стран и государств, иногда доходили даже до Египта и, прожив там один или несколько пастбищных сезонов, возвращались обратно. Другие переходили границы Ханаана и частично смешивались с коренным населением, частично уходили обратно, а иногда и образовывали свои поселения на территории этой страны. Мы не касаемся здесь вопроса о том, почему из Египта уходили, а в Ханаане оставались; ограничимся констатацией того факта, что в Египте не осталось компактных еврейских поселений, если не считать колоний значительно более позднего времени (V в. до н. э.), а в Ханаане они не только оставались, но с течением времени все более разрастались, объединялись между собой и в конце концов образовали сравнительно сильный союз племен, овладевший всей страной. Здесь, конечно, не обошлось и без серьезных военных столкновений, связанных с кровавым истреблением сопротивлявшихся групп коренного населения. Но это совсем не то, что рассказывается в Ветхом завете об одноактном завоевании Палестины в результате великого переселения трех миллионов беженцев из Египта под командованием Моисея и Иисуса Навина. Заметим кстати, что считать этих двух персонажей действительно существовавшими историческими личностями у нас нет никаких оснований.

Даже археологи-апологеты вынуждены признать, что, если исходить из рассказанной в Библии истории о том, как «весь Израиль» переселился сначала в Египет, потом вышел оттуда и, вторгшись в полном составе в Ханаан, завоевал его, то нельзя будет объяснить многие, твердо установленные археологией факты. Райт пытается свести эти факты воедино с библейскими указаниями. Ключом здесь для него служит решение вопроса о ханаанском городе Сихеме.

При перечислении городов, захваченных Иисусом Навином, город Сихем не фигурирует: значит, он не подвергался

военному нападению со стороны израильтян. Но он выступает на сцену в другой связи. После взятия Гая Иисус устроил торжественное благодарственное жертвоприношение Яхве на горах Гевал и Гаризим, а в районе этих гор как раз и находился город Сихем, который, по данным археологии, в это время уже существовал. Возникает вопрос: как же могли израильтяне не завоевывать Сихем? Единственное объяснение, которое предлагает Райт, заключается в том, что у этого города к данному времени уже существовали дружественные и даже союзные отношения с израильтянами, так что завоевывать его не к чему было. А как же это могло быть, если они только что нагрянули в страну после четырехсотлетнего пребывания в Египте и сорокалетнего странствования в пустыне? Выход Райт усматривает в том, что не все израильтяне были в египетском плену, а некоторые племена жили все время в Палестине и находились не только в общении, но и в союзе с ханаанскими городами-государствами. И конечно, это можно отнести не только к Сихему, но и к другим городам. Всякое другое объяснение, говорит Райт, не дает возможности правдоподобно объяснить предания книги Иисуса Навина.

В последнее время среди археологов получает все большее распространение взгляд, по которому вообще не было никакого завоевания Палестины евреями, а было лишь постепенное и более или менее мирное их проникновение из степей и пустынь Аравийского полуострова и из Месопотамии. Такую точку зрения высказывает, например, М. Нот, который считает, что проникновение полукочевых групп израильтян в Ханаан и поселение их среди оседлого населения центральной и южной Палестины проходили в основном в мирной обстановке, так что военные столкновения разыгрывались лишь на финальных стадиях этого процесса. А первые двенадцать глав книги Иисуса Навина, повествующие о завоевании, Нот считает этнологическими (объяснительными) легендами, историческая ценность которых незначительна.

Особо радикальную точку зрения сформулировал и в этом вопросе, как и в вопросе об исходе израильтян из Египта, американский археолог и историк Джордж Менденхолл. Упоминавшаяся уже выше его работа, опубликованная в сентябре 1962 г., содержит попытку нового решения вопроса.

Менденхолл характеризует проблему завоевания Ханаана израильтянами как наиболее трудную во всей библейской ис-

тории. Он пытается ее решить, отвлекаясь не только от библейской традиции, требующей рассматривать трактуемые события как результат «действий бога» (кавычки поставлены Менденхоллом), но и, как он говорит, от привычной «идеальной модели», ставшей уже у историков шаблоном по образцу мусульманских завоевательных походов или нашествия готов на Рим. На основании своих предыдущих работ и исследований других ученых Менденхолл приходит к выводу, что в Палестине не было «физического и географического» вторжения, было лишь мощное политическое и социальное движение широких кругов населения, направленное к «отказу от обязательств в отношении существовавшего политического режима и, следовательно, к отказу от покровительства со стороны последнего». Другими словами, «не было статистически значительного вторжения в Палестину в эпоху зарождения системы двенадцати племен израилевых. Не было радикальных перемещений населения, не было геноцида (истребления народов)... В общем, не было реального завоевания Палестины вообще; что происходило на самом деле, может быть определено с точки зрения светского историка, интересующегося только социально-политическими процессами, как например крестьянский мятеж против сети ханаанских городов-государств». Мы не будем разбирать здесь теорию Менденхолла по существу — для этого пришлось бы отвлечься далеко в сторону от основной темы нашего изложения. Необходимо лишь отметить, что его точка зрения фактически полностью порывает с той версией древней истории Израиля, которую сообщает Ветхий завет. Стоит подчеркнуть здесь, что эту точку зрения высказал и отстаивает не атеист и не марксист, а профессор Мичиганского университета, не питающий никаких разрушительных намерений в отношении Библии и религии вообще. А статья его напечатана в журнале «Библикл-аркеолоджист», издаваемом под непосредственным руководством умеренного до консервативности и преисполненного благих в отношении Библии намерений Уильяма Олбрайта. Ничего не поделаешь,— факты слишком выразительны, чтобы можно было ими пренебрегать.

СЛЕДЫ СУДЕЙ И ПЕРВЫХ ЦАРЕЙ. КОПИ И КОНЮШНИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

В литературе известно сообщенне о том, что в 1889 году некто аббат Кре нашел в Иерусалиме круглый камень размером с арбуз и что на этом камне была выбита древнееврейская надпись: «Гиря царя Давнда, трнста сиклей». Веснл этот камень около 32 килограммов, а так как триста сиклей должны весить значительно больше, то на помощь приходит соображение о том, что камень когда-то был больше размером и тяжелее, но за три тысячелетия своего существования претерпел ущерб, уменьшнвший его размеры и вес. Подлнннность этой находкн весьма сомнительна — нет никакнх сообщенний о том, чтобы ее древность была подтверждена физическими методами нли палеографическим анализом.

В 1850 г. французский археолог Фелиснен де Сольсн во время поездки по Палестнне обнаружнл в Иерусалиме несколько гробннц, произведших на него впечатление большой древностн. Это былн четырехугольные подземные камеры, пробнтые в скале и соединенные узкими ходамн; в каждой из камер нмелись особые углубления, рассчнтанные примерно на размеры человеческой

фигуры. Де Сольси решил, что он открыл гробницы иудейских царей допленного периода; найденный им богато украшенный обломок саркофага он признал фрагментом гроба самого царя Давида. Вернувшись в Европу, де Сольси широко разрекламировал свое открытие. Его сообщения были, однако, встречены с недоверием в ученых кругах.

Через тринадцать лет археолог вернулся в Иерусалим с тем, чтобы произвести более основательные исследования. На этот раз его поиски дали довольно богатые результаты. Он нашел замурованный ход в еще глубже расположенную камеру, а в ней — каменный саркофаг, на верхней доске которого были две еврейские надписи: «Царица Цада» и «Царица Адиабены». Сняли крышку саркофага; в нем оказался человеческий скелет — по-видимому, женский. Когда попробовали прикоснуться к нему, он моментально рассыпался в прах. И на этот раз де Сольси подтвердил свою прежнюю оценку находок: он определил их как погребения иудейских царей вплоть до Седекии, умершего в самом начале вавилонского плена, то есть в начале VI в. до н. э., найденный же им женский скелет он признал за останки одной из жен царя Седекии. Продолжая свои поиски, де Сольси нашел еще ряд гробниц со следами семидесяти погребений; их он признал могилами судей. И все эти гипотезы оказались ошибочными.

Ряд саркофагов, вывезенных де Сольси и находящихся теперь в Лувре, подвергся тщательному исследованию. Вместе с дополнительными материалами, найденными на месте, эти исследования дали археологам основания к выводу, что найденные де Сольси гробницы должны датироваться периодом не раньше I в. н. э. Была раскрыта и тайна саркофага с женским скелетом. Это оказалось погребение царицы города Адиабены в Месопотамии Елены. В I в. н. э. она и ее сын Изат обратились в иудейство; и они и их преемники погребались в Иерусалиме. Про Изата известно, что он имел 24 сына. Если прибавить сюда незафиксированное историей количество его дочерей и если представить себе, что потомки Изата были не менее плодовиты, чем он, то станет понятным обилие погребений.

«Гробницы судей и царей» оказались, таким образом, продуктом археологической ошибки. Несмотря на это, легковерным паломникам они и теперь демонстрируются в качестве подлинных и служат немаловажной статьей дохода для владеющих этими местами церковников.

Таких «памятников древности» в Иерусалиме много. К ним

относятся старательно эксплуатируемые церковниками «колонна Авессалома» и «гробница Иакова». О втором из этих памятников говорить вообще не приходится, это очевидная фальшивка. Скажем лишь несколько слов о первом. В Ветхом завете говорится, что сын царя Давида Авессалом «еще при жизни своей взял и поставил себе памятник в царской долине... и называется он памятник Авессалома до сего дня». На самом деле колонна, которую выдают за памятник Авессалому, относится к эллинистическому или даже греко-римскому периоду и, следовательно, не может быть древней конца IV в. до н. э. «Небольшое расхождение» — всего на 600 с лишним лет!

Обратимся к более достоверным материалам — к тем, которые дает для рассматриваемого периода археология.

Об «эпохе судей» ни одно библейское сообщение не нашло до сих пор ни одного археологического подтверждения. Все имена судей, фигурирующие в Ветхом завете, нам известны только по тексту последнего и не встречаются ни в каких археологических памятниках Палестины или какой-либо другой из стран. Это относится и к именам первых царей Саула, Давида и Соломона. Все же в отношении их археология располагает материалами, могущими дать косвенное подтверждение их исторического существования и некоторые иллюстрации, характеризующие их деятельность.

По Библии, столицей Иудеи при царе Сауле был город Гива (в Библиях на других языках и в археологической литературе — Гибеа). У археологов были основания полагать, что развалины этого города можно раскопать в холме Телль эль-Фул, находящемся в 6 километрах к северу от Иерусалима. В 1922 году Олбрайт начал раскопки этого холма, но продолжить ему пришлось их лишь через десять с лишним лет. Результаты были довольно успешными. Выяснилось, что в этом месте был укрепленный город, основанный около 1200 г. до н. э. и существовавший до 70 г. до н. э., когда он был полностью разрушен войсками римского полководца Тита во время его похода на Иерусалим. Иллюстрацию к этим чисто археологическим данным мы находим в сообщении христианского писателя блаженного Иеронима, который в 385 г. н. э. видел этот город «разрушенным до основания».

В раскопанном городе не сохранилось ни одной надписи, ни одного ясного доказательства того, что найденные развалины остались от дворца Саула или от возведенной им крепости. Тем не менее, поскольку датировка развалин дает воз-

можность относить их к периоду царствования Саула (конец XI в.), можно с некоторой долей вероятности считать, что имеем здесь дело именно с памятником этого царствования.

Большие усилия были приложены археологами к тому, чтобы найти какие-нибудь следы царя Давида. В 1913—1914 гг. экспедиция под руководством Раймонда Вейля раскопала южный конец горы Офель в Иерусалиме в надежде найти гробницу Давида. Гробница не была обнаружена, а дальнейшие ее поиски были признаны настолько актуальной задачей, что вскоре после окончания первой мировой войны (в 1922 г.) Джон Гарстанг, директор Британского ведомства древностей в Палестине, обратился с призывом к ученым разных стран объединить их усилия в поисках гробницы Давида. Через год английская администрация Палестины объявила гору Офель «открытой для международных исследований». С октября 1923 г. до лета 1925 г. продолжались раскопки под руководством Макалистера и Дункана. Гробница не была найдена, но кое-какие результаты все же раскопки дали. Была открыта древняя городская стена с воротами, в одном углу которых оказались следы заделанной большой бреши. По этому поводу археологи вспомнили следующие библейские тексты: «И поселился Давид в крепости... и обстроил кругом от Милло и внутри»; «Соломон строил Милло; починивал повреждения в городе Давида, отца своего». Слово «милло» в древнееврейском языке имеет много значений, одним из них является — «наполнение», «начинка», можно толковать его и в смысле «заплата». Может быть, в приведенных выше цитатах имеется в виду именно та каменная заплата на бреши, которую нашли археологи в городской стене? Если это так, то, значит, перед нами вещественный след деятельности царей Давида и Соломона.

С эпохой и деятельностью Соломона археологи-библеисты связывают и еще ряд открытий. Отметим прежде всего каменный карьер, найденный в Иерусалиме еще в 1852 г.

Проживавший там англичанин Джозеф Беркли прогуливался однажды со своей собакой вдоль остатков северной части городской стены Иерусалима. И вдруг собака исчезла в отверстии, которое вело под землю. Оказалось, что вглубь ведут длинные подземные ходы. Через некоторое время были предприняты изыскательские работы. Очистив подземные ходы от большого количества песка и мусора, Беркли дошел до огромных подземных помещений, где когда-то, по всей видимости, добывался строительный камень. По своему качест-

ву он должен был подходить для строительства таких зданий, каким описывает Библия Соломонов храм. По своей датировке эти слои примерно соответствуют эпохе Соломона. Есть основания поэтому думать, что именно здесь добывался камень для стройки храма при царе Соломоне.

Строительная и торгово-промышленная деятельность Соломона оставила довольно выразительные следы и в других местах. В Библии много говорится о тех металлах, которые использовались на стройке храма и других сооружений, возводившихся Соломоном, в частности о меди. Вот, например: «Все вещи, которые сделал Хирам царю Соломону для храма господа, были из полированной меди. Царь выливал их в глинистой земле, в окрестности Иордана, между Сокхофом и Цартаном». Географические указания даны здесь довольно точные. Археологи воспользовались ими, также как указанием на то, что «царь Соломон... сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Елофе, на берегу Чермного моря, в земле Идумейской».

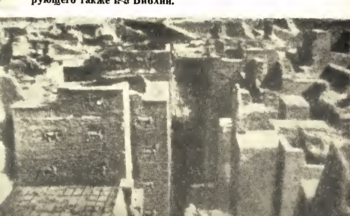
В 1936 г. на юг Палестины вдоль долины Вади Араба направилась большая экспедиция во главе с Нельсоном Глюком. Она была богато снаряжена попечениями ряда учреждений, в том числе Американского института восточных исследований, Американского философского (!) общества, Питтсбургской теологической семинарии и некоторых частных меценатов. В установлении тех мест, где могли находиться Соломоновы рудники, археологам помогали и некоторые сохранившиеся до нашего времени названия местностей: так, например, до сих пор арабы называют некоторые места там — Хирбет эл-Нахас, что означает Медные развалины. Все свидетельствовало о том, что именно здесь нужно искать следы Соломоновой горнопромышленной активности. Ожидания исследователей не были обмануты. В местах, указанных III книгой Царств, были обнаружены обширные рудники и плавильни. Анализ образцов шлака и руды показал содержание в последней 58,7 процента железа и 10,3 процента меди. Среди находок были не только большие массы шлака и остатки выплавленного металла, но и печи, в которых производилась плавка, и остатки хижин горняков и целых их поселений. Исследование найденных керамических материалов показало, что рудники эксплуатировались с X по VI в. до н. э. Видимо, начало им было положено при Соломоне.

Сенсационная находка, относимая многими археологами к эпохе и деятельности царя Соломона, была сделана в районе

Увеличенное изображение изъявления Инуем полной покорности ассирийскому царю.

Обелиск ассирийского царя Салманасара III, изображающий его победы и господствующее положение среди окружающих государств. Во втором ряду сверху изображено пресмыкательство перед Салманасаром израильского царя Инуя, фигурирующего также в Библии.

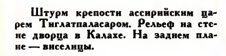
Развалины Вавилона.



Надмогильная плита с именем иудейского царя Узии, жившего в VIII в. до н. э. Сама плита относится к I в. н. э.

Развалины крепостных стен Самарии.

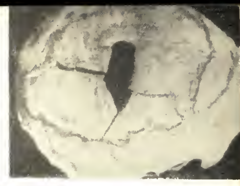
У входа в Силоамский туннель. **Силоамский туннель.**



Штурм крепости ассирийским царем Тиглатпаласаром. Рельеф на стене дворца в Калахе. На заднем плане — виселицы.

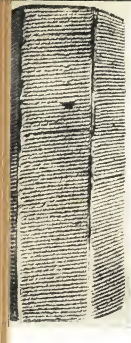
Телль эль-Дувейр. Под этим холмом находился иудейский город Лахиш, взятый ассирийским царем Синахерибом после длительной осады.

Лахишские письма.



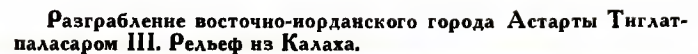
Найденные в братской могиле под Лахишем черепа ассирийских воинов со следами хирургической трепанации.

Изображение торжества Синаххериба под Лахишем: сидя на троне, ассирийский царь принимает капитуляцию командования противника. Рисунок на стене дворца в Калахе.



Шестигранная призма с описанием походов и побед Синаххериба. Из дворца в Калахе.

Ассирийский царь Ашшур-банапал на боевой колеснице. Рельеф на стене дворца в Ниневии.



Разграбление восточно-иорданского города Астарты Тиглатпаласаром III. Рельеф из Калаха.

Фрагмент вавилонской хроники, описывающей походы Навуходоносора в Иудею и его победу над ней.

Расправа ассирийских завоевателей над побежденным царем. Рельеф из Калаха. По Библии, точно таким же образом обошелся Навуходоносор с иудейским царем Седекией.

Древнеассирийское изображение Астарты как богини войны (ок. 2000 г. до н. э.) — она передает пленных в руки ассирийского военачальника. Жестокость методов ведения войны освящалась религией древних ассириян так же, как и религией Яхве.

Израильтяне на пути в ассирийский плен. Рисунок на стене дворца в Калахе.

Телль эль-Мутеселим, где как предполагается, в библейские времена находился город Мегиддо.

Начало раскопкам в этом районе было положено в 1903—1905 гг. Немецким востоковедным обществом. Наибольший размах этих исследований пришелся на период между двумя мировыми войнами; с 1925 по 1939 г. раскопки шли почти непрерывно. Четвертый из вскрытых археологами культурных слоев был назван «Соломонов уровень». На этом уровне было открыто сооружение, занимавшее почти одну пятую часть всей территории города: большое количество невысоких каменных столбиков, расположенных рядами таким образом, что с наибольшей долей вероятности их можно считать остатками конюшен. Если считать, что каждому столбику соответствовало одно стойло, то вся конюшня была рассчитана на 450 лошадей. Указания Библии о большом количестве лошадей, которым владел Соломон, сделали весьма соблазнительным для археологов вывод, что ими найдена одна из главных конюшен царя Соломона.

Часть исследователей, однако, отказывается присоединиться к этому выводу. Израильский археолог И. Ядин считает, например, что конюшни были построены после Соломона и даже после того, как египетский фараон Шешенк (библейский Сусаким) при преемнике Соломона Ровоаме разрушил город. По этому варианту конюшни в Мегиддо были сооружены царем Ахавом, о двух тысячах колесниц которого упоминается в летописях ассирийского царя Салманассара. Впрочем, Ядин не исключает того, что во времена Соломона в Мегиддо были и его конюшни, но они могли находиться, как считает израильский археолог, в месте, которое пока еще не раскопано.

Исследования в Мегиддо обнаружили ряд фортификационных сооружений, относящихся к X в. до н. э. По этому поводу археологи вспоминают сообщение III книги Царств о «подати, которую наложил царь Соломон, чтобы построить храм господень... Гацор и Мегиддо и Газер». Можно полагать, что Соломон, собрав соответствующую сумму, построил укрепления в Мегиддо, открытые сейчас археологами. Это тем более вероятно, что сооружения такого же типа обнаружены в Гацоре и Газере, которые упомянуты в приведенный выше цитате в той же связи, что и Мегиддо.

И все же, как ни сопоставлять всевозможные соображения и доказательства по поводу археологических находок, относящихся к X в. до н. э., приходится признать, что прямых дока-

зательств их связи с первыми иудейскими царями до сих пор установить не удалось. Райт вынужден с сожалением констатировать «разочаровывающий вывод, что ни один археологический памятник, найденный в Иерусалиме, не может быть с уверенностью датирован временем Давида и Соломона». С тем же основанием это можно сказать и о памятниках, найденных в других городах Палестины — в Мегиддо, Гиве и т. д.: их связь с первыми иудейскими царями выглядит вероятной, но не достоверной.

ПЕРИОД ДВУХ ЦАРСТВ. ВОЙНЫ С ШЕШЕНКОМ И МЕШЕЙ

Лишь для периода после разделения царства на Иудею и Израиль появляются убедительные археологические свидетельства со стороны — из Египта и разных стран Месопотамии. Чем это можно объяснить? Видимо, тем, что, разделившись и став в результате этого значительно слабей, еврейские государства сразу оказались объектом покушений на их самостоятельность со стороны их мощных соседей и, стало быть, предметом их более пристального внимания, так что в памятниках соседних стран Иудея и Израиль стали фигурировать чаще, а это, в свою очередь, сделало более легким обнаружение в них соответствующих упоминаний.

Уже в отношении царствования сына и преемника царя Соломона — иудейского царя

Ровоама — найдено не вызывающее сомнений археологическое свидетельство.

В Ветхом завете имеется такое сообщение: «На пятом году царствования Ровоамова Сусаким, царь египетский, вышел против Иерусалима. И взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского... Все взял; взял и все золотые щиты, которые сделал Соломон». В другом месте этим событиям дается и объяснение. После подробного описания того, как Сусаким «взял укрепленные города в Иудее и пришел к Иерусалиму», пророк Самей сообщил царю Ровоаму «и князьям Иудеи», что нашествие Сусакима представляет собой кару, посланную Яхве: «Вы оставили меня,— говорит бог,— за то и я оставляю вас в руки Сусакиму». Конечно, данное пророком объяснение причин нашествия Шешенка можно оставить без рассмотрения, но сам по себе факт этого нашествия достоверно подтверждается археологическими материалами.

В Карнаке (Египет) есть знаменитый храм бога Аммона. На одном из пилонов этого храма обнаружен рельеф, изображающий завоевательную экспедицию фараона Шешенка — об этом прямо говорит надпись — в Палестину. Нет сомнений в том, что это и есть библейский Сусаким. Сопоставление большого количества разных показателей указывает и дату этого похода — около 926 г. до н. э. Сам Шешенк и его покровитель бог Аммон изображены вместе со 156 пленными, каждый из которых, видимо, изображает один из палестинских населенных пунктов, покоренных Шешенком; около изображения каждого пленного начертан овал, в котором написано название того или иного города, завоеванного Шешенком. Многие из этих городов, например Таанах, Бетшан, Гибеон, Аялон, Мегиддо, Маханаим, фигурируют в Ветхом завете. Один из населенных пунктов именуется «полем Авраама»; установить, какой именно из палестинских городов имеется в виду, пока не удалось. В общей надписи говорится, что цель экспедиции Шешенка — завоевать всю Палестину.

Мы видим здесь случай подтверждения библейского сообщения археологическими данными. Больше того: при помощи этого сообщения мы можем проверить достоверность победной реляции египетского фараона. Известно, что во все времена цари были склонны к хвастовству своими военными подвигами и не особенно заботились о том, чтобы их победные реляции полностью соответствовали истине. В свете же библейского сообщения надпись и иллюстрации Шешенка выглядят как заслуживающие полного доверия. Будет, пожалуй, небезынте-

ресно добавить к сказанному, что в 1938—1939 гг. было раскопано в Танисе погребение Шешенка, где оказалась в полной сохранности его мумия с золотой маской на лице.

Столь же определенное, но, пожалуй, еще более интересное и содержательное археологическое подтверждение одного библейского сюжета мы находим в знаменитой стеле, которая именуется в исторической литературе либо Моавитским камнем, либо по имени моавитского царя Меши, по распоряжению которого она была поставлена,— стелой Меши.

В 1868 г. немецкий миссионер Ф. А. Клейн путешествовал по стране, которая в Библии именуется Моавом. Расположенная к Востоку от Мертвого моря, она в древности была довольно плодородной и богатой, а в настоящее время представляет собой довольно безрадостную картину полупустыни. В селении Дибон, также упоминающемся еще в Библии, Клейн получил сведения о том, что вблизи этого селения на земле среди груды развалин лежит некий древний камень, исчерченный непонятными письменами. Путешественник немедленно отправился туда и увидел предмет, несомненно, заслуживающий внимания: массивный черный базальтовый монолит, на одной стороне которого высечена надпись из 34 строк. Он не мог ни определить древность находки, ни, тем более, прочесть надпись, но почувствовал, что имеет дело с очень древним памятником. Наскоро и неумело Клейн зарисовал общий вид камня и скопировал несколько строк надписи, после чего, приехав в Иерусалим, стал хлопотать через прусского консула перед правительством об отпуске средств на приобретение памятника у его владельцев.

Тем временем камнем заинтересовался сотрудник французского консульства в Иерусалиме Клермон-Ганно, который, не в пример Клейну, был весьма образованным востоковедом. Через своих информаторов из местного (арабского) населения Клермон-Ганно принял меры к ознакомлению с памятником и к его описанию. Сам он до поры до времени не рисковал отправляться в Дибон и непосредственно на месте исследовать камень, а тем более вести переговоры о его покупке, так как были сведения о том, что местные жители относятся враждебно ко всем таким попыткам европейцев. Направленные Клермон-Ганно в Дибон арабы Селим и Якуб не только зарисовали памятник, но и попытались даже снять с него гипсовый слепок — эстампаж. Правда, Якубу пришлось сорвать эстампаж с камня до того, как он успел высохнуть, так как собравшиеся вокруг жители хотели его просто уничтожить; да и в последо-

вавшей затем свалке эстампаж был довольно сильно поврежден. Но этим трудности не ограничились.

Ни Клейну, ни Клермон-Ганно, ни английскому капитану Уоренну, который тоже включился в охоту за памятником, не пришлось уже увидеть его целым. Жители Дибона по не вполне понятным для нас побуждениям решили его разломать: то ли они считали, что за продажу отдельных кусков выручат в сумме больше, чем за целый камень, то ли, возможно, сам интерес неверных к подозрительному камню показался им проявлением неких нечестивых замыслов... Во всяком случае, они осуществили свое варварское намерение — разогрели камень и стали обливать его холодной водой, в результате чего он развалился на куски. В дальнейшем, когда все куски были собраны, пришлось проделать кропотливую и трудную работу по восстановлению первоначального вида памятника и по прочтению надписи, причем все-таки немалую услугу оказали в этом сделанные Клейном и арабами первоначальные зарисовки и эстампажи. Работа была чрезвычайно сложной, но памятник заслуживал того, чтобы над ним потрудились.

Большая часть осколков камня оказалась в руках Клермон-Ганно, и он передал их в парижский музей Лувр. Восемнадцать мелких осколков были приобретены Уоренном. Некоторое время шла борьба между Лувром и Английским археологическим обществом за то, в чьих руках должны сосредоточиться все осколки камня. Победил в этом вопросе парижский музей, и теперь древний памятник является одним из его ценнейших экспонатов.

Черный базальтовый камень оказался памятной стелой, воздвигнутой в начале IX в. до н. э. моавитским царем Меши. Далеко не все слова и буквы, которые были начертаны на нем, сохранились, и не все из сохранившихся оказалось возможным расшифровать. В том, что расшифровано, царь сообщает о себе, что он — «Меша, сын Кемошмалаха, царь Моава, дайбонит (то есть обитатель Дибона)» и что он поставил этот камень в ознаменование того, что бог Кемош «спас его от всех царей и усладил его взор на всех его ненавистниках». Дальше говорится более конкретно о самих этих ненавистниках и выясняется, что в основном это израильтяне. «Царь израильский — тот теснил Моава много дней, потому что гневался Кемош на страну свою. И наследовал ему сын его, и сказал также он: «Буду теснить Моава». Как и следовало ожидать — иначе Меша не поставил бы стелу,— зловредные намерения Израиля не осуществились; наоборот, похваляется моавит-

ский царь, «я усладил мой взор на нем и на его доме, и Израиль совершенно погиб навеки». Дальше идет изложение этих событий. Построил-де израильский царь город Атарот, «и я воевал против города, и взял его, и истребил все население города, как угодное зрелище для Кемоша и Моава». Но Кемошу этого показалось мало, и он приказал: «Иди, отними Нево у Израиля». Нельзя было не повиноваться богу: «и я пошел ночью и воевал против него, от появления утренней зари до полудня, и взял его, и истребил всего его: семь тысяч граждан, и рабов, и гражданок, и рабынь, потому что Аштар-Кемошу я посвятил его». Потом царь израильский построил еще один город — Иассу, но и оттуда выгнал его Меша при помощи бога Кемоша. Дальнейшее содержание надписи более мирного порядка; рассказывается о строительных работах, которыми Меша считает себя прославленным, причем он особо упоминает о том, что использовал на этих работах пленных израильтян. Так как надпись, видимо, еще продолжалась и ее последняя часть нам неизвестна, то можно лишь строить догадки насчет возможного содержания недостающей части, но и то, что нам оказалось доступным, весьма интересно и наводит на ряд размышлений.

Не подлежит сомнению, что стела и надпись относятся к тому самому моавитскому царю Меше, или Месе, о котором говорится в Библии,— III глава IV книги Царств почти вся посвящена рассказу о войне между евреями и моавитянами под предводительством Меши.

Раньше, повествует Библия, этот моавитский царь платил царю Израиля регулярную дань в размере «ста тысяч овец и ста тысяч неостриженных баранов». Когда умер израильский царь Ахав, Меша «отложился» и перестал платить эту дань. Преемник Ахава Иорам предпринял карательную экспедицию против моавитян, причем привлек к участию в ней царя иудейского Иосафата и некоего безымянного «царя едомского». Поход их через едомскую пустыню был очень тяжелым, ибо «не было воды для войска и для скота, который шел за ними». Через семь дней царь даже заподозрил бога Яхве в том, что он нарочно заманил израильтян в едомскую пустыню, чтобы предать в руки Меши. Помог делу пророк Елисей, который оказался при войске. Обругав предварительно израильского царя за блуд с языческими богами, Елисей все же снесся с Яхве и получил от него весьма благоприятное пророчество, которое очень быстро исполнилось. К утру «вдруг полилась вода... и наполнилась земля водою». Подошедшим и устремив-

шимся в контратаку моавитянам эта вода показалась красной; они решили, что это кровь, появившаяся оттого, что в лагере противника возникли междоусобия, «сразились цари между собою и истребили друг друга». Из такого объяснения, естественно, возникло решение: «теперь на добычу, Моав». Однако, как и следовало ожидать по пророчеству Елисея, моавитяне были разгромлены и «побежали от них, а они продолжали идти на них и бить моавитян». В полном соответствии с традиционными указаниями Яхве победители развернулись вовсю. «И города разрушили, и на всякий лучший участок в поле бросили каждый по камню, и закидали его; и все протоки вод запрудили, и все дерева лучшие срубили, так что оставались только каменья в Кир-Харешете». Царь Меша после отчаянной попытки пробиться заперся в крепости, но когда не оставалось уже никаких надежд на благополучный исход, «взял он сына своего первенца, которому следовало царствовать вместо него, и вознес его во всесожжение на стене». На осаждавших это произвело такое сильное впечатление, что они «отступили... и возвратились в свою землю». На этом библейское повествование о Меше и взаимоотношениях с ним евреев кончается.

Легко заметить, что разница между двумя повествованиями очень велика. Каждая из сторон объявляет себя победительницей, да и само описание хода событий в двух вариантах не сходится ни в одном пункте. Может быть, в не дошедшей до нас части надписи на стеле сообщалось и о событиях, о которых рассказывает Библия. Но в самой-то Библии уж во всяком случае ничего не говорится о тех поражениях, которые, судя по надписи Меши, понесли Израиль и Иудея от моавитян.

Это может свидетельствовать лишь о том, что в ветхозаветные времена объективность информации не стояла на большой высоте: оказывается, Меша спасся от рук израильтян и иудеев только жертвой собственного сына, а уж о том, что он громил их, разрушал их города и строил свои собственные при помощи еврейских пленных,— нет и речи. Таким образом, можно сделать вывод, что стремление «улучшить историю» отнюдь не чуждо не только человеческим, но и божественным произведениям. Но это не единственный вывод, который мы можем сделать из сопоставления надписи Меши с Ветхим заветом.

Прежде всего, мы устанавливаем здесь, что повествование III главы IV книги Царств заключает в себе некое историческое ядро — моавитский царь Меша не только существовал,

но и вел войны с Израилем и Иудеей. Конкретная картина этих войн искажена в Библии не только тенденцией к замалчиванию своих поражений, но и недостаточной осведомленностью автора в конкретных обстоятельствах описываемых им событий. Так, например, он пишет об участии эдомитского царя в экспедиции против Меши совместно с Иосафатом, а между тем, как категорически утверждает III книга Царств, в это время никаких эдомитских царей не было, ибо Эдом находился под властью Иудеи и правил там царский наместник. Очевидно, рассказ записан в данном случае через много времени после тех событий, о которых он повествует.

Сопоставление надписи с Библией дает основание и к некоторым выводам, характеризующим близкое родство религиозных верований нееврейских народов Ближнего Востока с древним иудаизмом. По Библии, божественный покровитель древних евреев — Яхве; точно таковы же функции бога Кемоша в отношении моавитян. В Библии всякое несчастье, которое приключается с избранным народом, находит свое объяснение в том, что на него прогневался его собственный бог Яхве. Меша тоже объясняет утеснение, которому он «много дней» подвергался со стороны израильтян, тем, что «гневался Кемош на страну свою». И наконец, мы находим точную параллель в характере руководства, которое осуществляют по отношению к своим народам Яхве и Кемош, в частности, как они учат свои народы вести себя в отношении других народов. Меша напал на Нево потому, что «сказал ему Кемош». Израиль тоже нападает на ханаанские города и разоряет их не по собственной воле, а по приказанию своего бога. Яхве. И гнусно-кровавые методы ведения войны — те же. Меша беспощадно истребляет мирных жителей — свободных и рабов, мужчин и женщин для того, чтобы доставить Кемошу угодное для него зрелище; он посвящает свои жертвы Аштар-Кемошу. Как много раз сообщается в разных ветхозаветных книгах — особенно в книге Иисуса Навина,— так же воевали и зверствовали древние израильтяне, уверенные в том, что именно такого поведения требует от них Яхве. Любопытно отметить, что самый глагол ḥaram, который употребляет Меша для обозначения «посвящения» в смысле истребления, совпадает с древнееврейским словом «херем», много раз фигурирующим в Ветхом завете для обозначения того, что все население завоеванного города «предается заклятию» и полностью истребляется. Языковое совпадение не представляет собой здесь ничего необычного, так как и моавитяне и израильтяне были

семитами и говорили на родственных языках, если не на разных наречиях одного и того же языка.

Через три тысячи лет после того как происходили события, нашедшие свое отражение в Библии, мы имеем возможность сказать о некоторых из них: да, археология подтверждает, что эти события были, и вносит в их библейское описание ряд поправок и уточнений.

КРУШЕНИЕ И РАССЕЯНИЕ

ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ БИБЛИЯ

Оба еврейских царства, образовавшихся в результате распада государства Соломона, вели себя по отношению к богу Яхве нелояльно: они изменяли ему, служа другим богам. И если цари Иудеи в общем еще держались более или менее прилично, а некоторые из них, например Иосия, даже боролись всеми силами против «языческих» культов, то цари Израиля, как правило, «делали неугодное в очах Яхве». Непрестанно оскорбляемый бог избрал орудием своей мести внешних врагов Иудеи и Израиля — египтян и в особенности ассирян и вавилонян.

При израильском царе Менаиме явился во главе своих войск ассирийский царь Фул, от которого Менаиму удалось откупиться тысячью талантов серебра. При его преемнике Факии «пришел Феглаффелласар, царь Ассирийский» и уже не удовлетворился данью, а захватил порядочный кусок израильского царства, переселив его население в Ассирию.

Иудейские же цари, наоборот, находились в это время в дружественных отношениях с Ассирией; во всяком случае, иудейский царь Ахаз обратился к тому же Феглаффелласару за помощью против сирийского царя Рецина, и тот помог ему. А на

Израиль Ассирия продолжала наседать. Царь Осия стал данником ассирийского царя Салманасара, но когда он проявил неаккуратность во внесении дани, «пошел царь Ассирийский на всю землю и приступил к Самарии, и держал ее в осаде три года». Когда Самария пала, Салманасар завладел всей территорией Израиля и, переселив ее население в Ассирию, поселил на его месте людей, пригнанных из Месопотамии. Так прекратило свое существование государство Израиль.

Вскоре ассирийский царь — уже не Салманасар, а Сеннахирим — решил покорить и Иудею. Он взял все ее укрепленные города и подступил к Иерусалиму. Царь Езекия изъявил покорность и внес дань: 300 талантов серебра и 30 талантов золота. Но все равно Сеннахирим осадил Иерусалим. Произошло, однако, чудо — «пошел ангел Господень и поразил в стане ассирийском сто восемьдесят пять тысяч». Пришлось Сеннахириму со срамом вернуться домой, где он был вскоре убит собственными сыновьями. Иудейское царство получило отсрочку больше чем на сто лет.

Новые грозные события начались в царствование Иосии. Когда египетский царь Нехао вступил в Месопотамию для войны против ассириян, Иосия выступил против него, потерпел поражение в сражении под Мегиддо, где и был убит. Судьбами Иудеи стал распоряжаться египетский фараон, который поставил в цари угодного ему Иоахима. Скоро против Иудеи выступил вавилонский царь Навуходоносор. Иерусалим капитулировал, большая часть его населения вместе с царем Иехонией была уведена в плен. Иудейский престол был отдан Седекии, который сначала был покорен Навуходоносору, потом «отложился». Вавилонские войска через некоторое время опять осадили Иерусалим и на этот раз уже не пощадили ни города, ни царя. Столица была разрушена до основания. «И сыновей Седекии закололи перед глазами его: а самому Седекии ослепили глаза и сковали его оковами, и отвели его в Вавилон». Большинство населения всей страны было тоже угнано в Вавилон. Это и был знаменитый «вавилонский плен». Через некоторое время персидский царь Кир разгромил вавилонскую империю и отпустил евреев из плена, так что часть их вернулась в Палестину.

КОГДА И ГДЕ ЭТО МОГЛО ПРОИСХОДИТЬ?

Воспользуемся для установления библейской хронологии перечисленных событий подсчетами, которые сделали по Библии некоторые богословы. Приведем соответствующие даты в двух вариантах — в том, который фигурирует на полях английского издания Библии, и в том, который предлагается православным богословом Ф. Р. в старом церковном журнале. Больших расхождений между этими двумя вариантами нет. Нападение Фула на Израиль датируется в первом варианте 770 г. до н. э., во втором — 771; нападение Феглаффеллассара — соответственно 730 и 740; падение Самарии — 723 и 721; осада Иерусалима Сеннахиримом и гибель его войска — 715 и 710; битва под Мегиддо и гибель Иосии — 611 и 610; уничтожение Иерусалима, расправа с Седекией и увод населения Иудеи в вавилонский плен — 589 и 588; окончание вавилонского плена — 536. Ф. Р. не доводит свою хронологию до этого пункта.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО СУЩЕСТВУ

Все перипетии судьбы евреев, описанные в Библии, объясняются ею не как результат сложившихся исторических обстоятельств, а как эпизоды из истории взаимоотношений бога Яхве и избранного им народа. Каждое

внешнеполитическое военное поражение рассматривается как наказание, ниспосланное за «блуд» с чужими богами. То обстоятельство, что еврейские государства окончательно распались, а народ оказался в рассеянии, легко и просто объясняется тем, что бог всерьез рассердился на свой избранный народ и обрек его на всяческие неприятности до тех пор, пока не пришлет ему на выручку Мессию.

Само собой разумеется, что при научном анализе исторических событий такие мифологические объяснения не принимаются во внимание. Действительные причины крушения двух еврейских царств объясняются без особых трудностей вполне естественными причинами. Маломощные и отсталые, находившиеся в географическом отношении на «бойком месте», они были объектом борьбы между такими могучими в военном отношении и передовыми по своему технико-экономическому и культурному развитию странами, как Ассирия и Вавилон, с одной стороны, и Египет — с другой. Иудея и Израиль могли еще временно держаться, используя нередко возникавшую ситуацию равновесия сил своих могущественных соседей; но как только это равновесие нарушалось, они оказывались во власти того или другого из них.

Что же касается фактической стороны дела, то события, относящиеся к данному периоду истории евреев, освещены в Библии довольно правильно. Общеисторические и археологические данные в основном подтверждают схему того библейского освещения их, которое дано в IV книге Царств, II книге Паралипоменон и ряде книг пророков.

ПАДЕНИЕ ИЗРАИЛЬСКОГО ЦАРСТВА

Еще в 1846 г. Лэйярдом был открыт во дворце Салманасара в Нимруде (современный Калху) «черный обелиск» ассирийского царя Салманасара III.

Четырехугольный обелиск вышиной в два метра высечен из черного мрамора; все его стороны покрыты барельефами — по пять рядов на каждой стороне; между рядами, а также в верхней и в нижней частях всего обелиска расположены надписи. На барельефах изображаются сцены уплаты

покоренными народами дани царю Салманасару, а также сама эта дань — слитки золота и других драгоценных металлов, сосуды и корзины с различными, видимо, ценными вещами, верблюды, нагруженные ценностями, другие животные и т. д. На одной из сторон обелиска занимает видное место барельеф, изображающий израильского царя Иную (Иегу). Возможно, что изображен не сам царь, а его представитель; он распростерся ниц в самой униженной позе перед царем Салманасаром и целует землю у ног ассирийского царя. Надпись под барельефом гласит: «Дань от Иную, сына Омри; я получил от него серебро, золото, золотую чашу, золотую вазу» и т. д. Совсем недавно, в 1961 г., в том же Нимруде была найдена статуя Салманасара III с большой надписью, посвященной его военным победам. В тексте этой надписи есть и такие слова: «В восемнадцатый год моего царствования... я получил дань от народов Тира и Сидона и от Иную, сына Омри». Таким образом, ассирийские источники дважды свидетельствуют о том, что израильский царь Иную был данником ассирийской державы.

Здесь Библия не подтверждает сообщения ассирийских археологических памятников. Иную фигурирует в Ветхом завете как один из наиболее энергичных, предприимчивых и жестоких царей Израиля. Он не был сыном Омри (в русском переводе Библии — Амврий), как его именуют ассирийские источники. Дело в том, что этот Амврий был одним из наиболее известных царей Израиля, поэтому окружающие народы считали всех других израильских царей представителями или сынами «дома Омри»; в таком качестве у них фигурирует и Иную. На самом деле вначале последний был лишь командующим армией царя Иорама. Он восстал против своего царя, убил его и занял его престол; Библия описывает страшные жестокости, совершенные Иную и в дальнейшем. О том, что ему пришлось откупаться данью от Салманасара, она ничего не говорит. По ассирийским источникам, Израиль принял участие в войне против Салманасара, которую вела целая коалиция мелких государств. В сражении при Каркаре союзники потерпели поражение, и Израилю пришлось искупать свою вину данью и унизительной процедурой. Это было в середине IX в. до н. э.

Описанная в Ветхом завете история падения Израильского, а потом и Иудейского царств, находит в археологических памятниках Ассирии и Вавилонии вполне убедительные подтверждения.

Начало того обостреиия отиошеиий Ассирин и Израиля, которое в дальиейшем, нарастая, привело к падеиию царства Изранль, связаио с именем его царя Меиахема (в русском переводе — Меиаим). До него Израиль в течеиие ряда десятилетий платил даиь Ассирии, а в 738 г. до н. э. Меиахем перестал платнть эту дань. Через иесколько лет ассирийский царь Фул и подступил, как рассказывает Библия, к стеиам Самарии, заставив Меиахема откупиться тысячью талантов серебра. Исторнкн считают, что библейский Фул есть ие кто иой, как Тиглатпаласар III, царствовавший в Ассирин с 744 по 727 г. до и. э. Если это так, то нстория столкиовеиия Меиахема с Тнглатпаласаром подтверждается ассирнйскимн нсточинками.

Раскапывая Нимруд, Лэйярд иашел в одном из дворцов ассирийских царей большую серию камениых плит с вырезаиными иа иих четкими клинообразнымн надписями, содержавшими нзложениое от первого лнца жизнеописание Тиглатпаласара. Среди прочей, обычиой для этого литературиого жанра в древиости, похвальбы там фигурируют и такие записн: «Я получил даиь от... Рециив нз Дамаска, Менахема из Самарин, Хнрама нз Тнра». Дальше ндет длниное перечнслеиие предметов и материалов, входивших в эту даиь. А еще дальше сообщается, по-вндимому, о другой воеииой экспедиции в Израиль: «Что касается Менахема, то я поразил его как сиежный урагаи, и он бежал как одинокая птнца и пал мие в иогн. Я вериул его иа место и взял с иего даиь». Не исключеио, что здесь в более цветистых выражениях описаи тот же, о котором говорится раиьше, поход против Меиахема. Как бы то ии было, бнблейское сообщеиие и ассирийский нсточиик в даиом случае полиостью подтверждают друг друга. Кстатн, здесь же подтверждается библейское сообщеиие о сирийском царе Рецине и о том, как ассирнйский царь прнвел его к покориости.

Вступивший после Тиглатпаласара на асснрийский престол Салмаиасар V (727—722 гг. до и. э.) поставил своей целью полиое покореиие Израиля. В 725 г. до н. э. ои вступил в пределы Израильского царства, разбнл его войско в полевом сраженни и осадил столицу Самарию. Осада продолжалась целых трн года, пока иедовольство Салмаиасаром в самой Ассирии ие привело к заговору, в результате которого он был свергиут и иа престол вступнл Саргои II (722—705 гг. до н. э.). Ои скоро взял Самарию (в Бнблии овладение этнм городом ошибочио приписывается Салмаиасару) и увел в ассирийскнй

плен большую часть ее иаселения. Все это известно из ассирийских источников.

В Библии имя Саргоиа упоминается лишь один раз: в книге пророка Исаии говорится, что некто Тартан «пришел к Азоту (Ашдод — главный город Филистимского царства.— *И. К.*), быв послан от Саргоиа, царя ассирийского, и воевал против Азота, и взял его». История того, как Саргон взял Самарию и уничтожил Израильское царство, в Библии не описаиа — очевидно, потому, что все библейские книги, возникавшие после этого события, происходили из Иудеи, и их авторы судьбой Самарии мало интересовались. Сам же Саргон счел необходимым увековечить свои деяния следующей красноречивой записью: «В первый год моего царствования... город Самарию я осадил и взял. 27 290 человек оттуда я вывел в качестве пленных. 50 колесниц я взял здесь и пополиил ими мои царские силы... Людей из стран, которые были завоеваны моими руками, я поселил в их среде. Моих офицеров я поставил над ними в качестве начальииков. Налоги и таксы я устаиовил у них по ассирийскому образцу». Этот текст был найден в 1843 г. Эмилем Ботта иа стенах открытого им дворца Саргона в современном Хорсабаде, именовавшемся в древности Дур-Шаррукином, или городом Саргона, Саргоноградом. Благодаря находке Ботта, картина падения Израильского царства, очень скупо описаииая в Библии, получила свое историческое подтверждение и дополнеиие.

СИНАХХЕРИБ И ЕЗЕКИЯ

Некоторые персоиажи истории Иудейского царства, относящиеся к этому периоду, также оставили свои следы в археологических памятниках.

Ветхозаветные книги иесколько раз упомииают иудейского царя Озию (в исторической литературе он обычно именуется Узией). Известно, что ои царствовал в Иудее при-

мерно с 786 по 735 г. до н. э. В 1931 г. израильский археолог Е. Сукеник, разбирая коллекции Русского археологического музея на Масличной горе в Иерусалиме, обнаружил каменную плиту с надписью на арамейском языке: «Сюда были сложены кости Узии, царя Иудеи; не открывать». Датировка этой плиты не составила особых трудностей — если не сама плита, то во всяком случае надпись относится к I в. до н. э., то есть ко времени примерно через 800 лет после смерти Узии. Не исключено, что останки иудейского царя были в I в. н. э. по каким-то причинам, оставшимся для нас не известными, изъяты из их прежнего захоронения и помещены под эту плиту. Мы имеем здесь дело, таким образом, с археологическим материалом вторичной ценности.

Большой интерес представляют памятники, иллюстрирующие борьбу между Ассирией и Иудеей в конце VIII в. до н. э.

После того как ассирийские цари разгромили и покорили в 722 г. до н. э. Израильское царство, Иудея некоторое время признавала себя данницей Ассирии и более или менее исправно несла связанные с этим повинности. Потом царь Езекия вместе с властителями ряда мелких финикийских и сирийских городов-государств отложился от Ассирии и перестал платить ей дань. Ассирийский царь Синаххериб предпринял новое завоевание всех этих территорий. В 701 г. до н. э. он во главе своей армии оказался на территории Иудеи. Без особого труда ему удалось захватить почти всю страну. Более или менее серьезное сопротивление оказала лишь крепость города Лахиш (в русской Библии — Лахис). Об осаде этой крепости Синаххерибом повествуют некоторые интересные археологические памятники.

В 1850 г. Лэйярд нашел во дворце Синаххериба, открытом им в Ниневии, много художественных изделий, вывезенных из Лахиша ассирийским царем в 701 г. до н. э. Довольно долгое время археологи не могли установить то место, в котором следует искать развалины Лахиша. В 90-х годах прошлого века Питри и Блис раскапывали Телль эль-Геси, ошибочно предполагая, что под ним скрывается Лахиш. В начале 30-х годов английская экспедиция под руководством И. Л. Старки предприняла раскопки Телль эд-Дувейра, считая что Лахиш находился там. Их предположения оправдались. Раскопки продолжались ряд лет; после того как в 1938 г. глава экспедиции Старки погиб от руки бандитов, раскопки продолжали вести Чарльз Инг и Ланкестер Гардинг. Результаты не обманули ожиданий.

Была обнаружена мощная крепостная стена толщиной 19,5 фута с грозными зубчатыми башнями. Это и была та крепость, которую пришлось осаждать Синаххерибу. У стен крепости оказалась большая и глубокая яма, в которой находилось около 1500 человеческих скелетов. Многие из них носили на себе следы тяжелых ранений. На некоторых костяках обнаруживаются признаки того, что их обладатели подвергались примитивному хирургическому врачеванию того времени: на трех черепах видны следы трепанации. Видимо, открытая археологами яма представляет собой братскую могилу солдат Синаххериба, погибших во время осады Лахиша.

Сам Синаххериб был столь заметной фигурой в военной и политической истории того времени, что оставил много следов, обнаруживаемых средствами археологической науки. О нем шесть раз говорится в Библии (в русском переводе его имя пишется — Сеннахирим), его имя упоминается и в греческих источниках. Но, конечно, самый интересный материал, характеризующий его преимущественно военную деятельность, содержится в найденных археологами ассирийских памятниках.

В конце 70-х и начале 80-х гг. прошлого века араб-археолог Ормузд Рассам открыл в Ниневийском дворце Синаххериба несколько шестигранных цилиндров из обожженной глины с пространными клинообразными надписями, оказавшимися после расшифровки подробными сообщениями самого Синаххериба о его военных кампаниях. Особенный интерес представил один из этих цилиндров, на котором описано восемь военных походов Синаххериба, включая кампанию 701 г., причем особое место занимает рассказ о победоносной осаде филистимских и иудейских городов, в частности Иерусалима. Есть полная возможность сравнить эти реляции с соответствующими текстами Ветхого завета.

Библейское сообщение находит подтверждение и пространное дополнение в победной записи Синаххериба. Там сказано: «Что касается Езекии, еврея, который не покорялся мне (буквально — моему игу, ярму.— *И. К.*), то сорок шесть его сильных, обнесенных стенами городов, так же как и небольших городов, находящихся по соседству от него, которым нет числа, я осадил и взял при помощи лестниц и осадных машин, конными атаками и пешим штурмом, подкопами, туннелями и проломами. 200 150 человек взрослых и детей, мужчин и женщин, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, рогатый скот и овец без числа я взял оттуда в качестве добычи. Его самого

(Езекию.— *И. К.*) я запер в Иерусалиме, его столице, как птицу в клетке». Там же дано и подробное перечисление той дани, которою Езекия откупился от Синаххериба. Фигурирует, в частности, такая сумма, как 30 талантов золота и 800 талантов серебра. Она расходится с указанной в Библии на 500 талантов серебра. Возможно двоякое объяснение такого расхождения: либо ассирийский талант весил меньше иудейского, либо Синаххериб, как это довольно обычно для военных донесений, прихвастнул насчет размеров своих достижений.

На стенах ниневийского дворца сохранились весьма выразительные иллюстрации, изображающие осаду Лахиша Синаххерибом. Вот картина штурма крепостных стен ассирийской пехотой, пытающейся взобраться на них при помощи высоких лестниц под ураганным «огнем» камней и прочих снарядов того времени, бросаемых со стен крепости ее защитниками. А вот два рельефа, иллюстрирующие результаты победы. На одном из них изображены иудейские пленники, движущиеся под конвоем ассирийских солдат в изгнание. На другом изображен сам Синаххериб сидящим на троне в побежденном им Лахише и принимающим военную добычу от старейшин города. У головы ассирийского властителя можно прочитать горделивую надпись: «Синаххериб, царь Вселенной, царь Ассирии, сел на трон и обозревает добычу Лахиша».

В военной биографии «царя Вселенной» были и менее блестящие эпизоды. О том, как его войско претерпело страшное бедствие, приписываемое Библией вмешательству «ангела господня», ассирийский царь не сообщает ни в росписи стен своего дворца, ни в клинописных реляциях на цилиндрах. Мы имеем здесь возможность при помощи Библии дополнить историю Ассирии некоторыми данными, о которых ее могущественный царь застенчиво умолчал.

Впрочем, Библия в данном случае тоже нуждается в довольно существенных поправках. Само собой разумеется, что вмешательство ангела следует отнести за счет благочестивой фантазии иудейских жрецов. Да и было это, видимо, совсем при других условиях, чем описано в Библии, и даже не под Иерусалимом. Сопоставляя библейское повествование с одним сообщением греческого историка Геродота, мы получаем примерно такую картину. Около 690 г. до н. э. Синаххериб предпринял второй поход на Иерусалим. Он осадил столицу Иудеи, но вскоре получил сведения о том, что эфиопско-египетский фа-

раон Тахарка собирается двинуться на него с юга. Ассирийский царь решил предупредить это нападение и устремился в сторону Египта с тем, чтобы разгромить Тахарку на его территории. По пути ему пришлось осадить египетскую пограничную крепость Пелузиум. И вот здесь-то его ждала катастрофа. По Геродоту, ее причиной явилось нашествие мышей, которые в одну ночь погрызли у ассирийского войска все колчаны, тетивы у луков и кожаные рукоятки щитов. Оказавшись наутро безоружным, войско Синаххериба было вынуждено во избежание полного разгрома бежать на родину. Сообщение Геродота о вмешательстве мышей в ход военных действий заслуживает не большего доверия, чем библейский рассказ о карающей деснице ангела господня. Видимо, здесь имела место сильнейшая вспышка какой-то эпидемии — может быть чумы. Во всяком случае, из библейского сообщения подтверждается лишь тот факт, что Синаххериб потерпел сокрушительное поражение и что в результате этого Иерусалим, а вместе с ним и вся Иудея на время вздохнули свободно.

В вопросе о дальнейшей судьбе Синаххериба Библия также неточна. Ее текст можно понять так, что сразу после возврата в Ниневию Синаххериб был убит своими сыновьями. На самом деле после катастрофы своего войска в 701 г. до н. э. Синаххериб еще царствовал целых двадцать лет.

Косвенное отношение к истории борьбы Иудеи против Синаххериба имеет археологический памятник, известный под названием Силоамской надписи. Его открытию помог, как это часто бывает, случай.

В конце 1880 г. группа мальчиков купалась в Силоамском пруду в Иерусалиме. Один из них забрел в окончание тоннеля, выходящего в этот пруд; в 19 футах от выхода он поскользнулся и упал, а, выкарабкиваясь из илистой, грязной воды, увидел какие-то вырезанные на камне штрихи, похожие на надпись. Он рассказал об этом своим товарищам, и все вместе они сообщили о сделанном им открытии учителю Конраду Шику. Тот вместе с известным английским археологом Сейсом, оказавшимся в это время в Иерусалиме, обследовал стенку тоннеля в том месте, на которое указывали мальчики. Оказалось, что под верхней строчкой надписи, увиденной нашедшим ее, имеется еще пять строк, а все вместе представляет собой связное сообщение, гласящее следующее: «Когда землекопы подошли друг к другу на такое расстояние, что лопата одного была уже против лопаты другого и оставалось пробить еще три локтя, послышался голос одного из них, кричавшего дру-

тому, ибо справа в скале была трещина. И они продолжали идти навстречу друг другу, лопата против лопаты, пока не пробили весь тоннель и вода не хлынула из источника в пруд на расстояние тысячи локтей; а над головой землекопов высота в скале составляла сто локтей». Палеографический анализ надписи показал, что она относится к VIII в. до н. э.

Сопоставление Силоамской надписи с некоторыми сообщениями Библии дало возможность раскрыть ее историю, как и историю самого тоннеля. В IV книге Царств сказано, что царь Езекия «сделал пруд и водопровод и провел воду в город». Во II книге Паралипоменон рассказывается, что когда Синаххериб вступил в Иудею и стал продвигаться в направлении к Иерусалиму, Езекия «решил с князьями своими и с военными людьми своими засыпать источники воды, которые вне города; и те помогли ему. И собралось множество народа, и засыпали все источники и поток, протекавший по стране». Очевидно, позаботившись о том, чтобы лишить противника воды, Езекия принял заодно меры к тому, чтобы обеспечить водоснабжение тех, кто окажется в осаде. Вероятно, это было сделано заблаговременно, так что нашлась возможность не только для окончания работы, но и для того, чтобы запечатлеть на камне рапорт о ее выполнении. Небезынтересно отметить, что в условиях той примитивной техники, которой тогда люди располагали, точность «сбоя», как теперь в технической практике именуется такая встреча под землей, оказалась весьма высокой.

ПАДЕНИЕ ИУДЕИ

Этот период в древней истории евреев — один из самых драматичных — оказался богато иллюстрированным археологическими и другими историческими свидетельствами со стороны и прежде всего летописными данными нововавилонской империи. В 1956 г. английский археолог и ассирио-

лог Д. Уайзмей издал прн помощн Бритаиского музея полный текст этнх летописей под назваинем «Хроинки халдейскнх царей». Там опублнковаиы все сохраившнеся клниопнсные таблички, на которых запечатлеиы вавилоиские хроинки, охватывающие период с 626 по 556 г. до и. э.

Из большого колнчества опублнкованных табличек впервые увидели свет 4 совершеино нензвестных до снх пор н 1 известная, но полностью раньше не публиковавшаяся. Нововавнлоиская нмперня существовала с 625 по 539 г.; следовательио, последнне 17 лет ее существоваиия оказалнсь не освещеннымн в изданин Уайзмена. Но еще в 1924 г. Снднеи Смит опублнковал летопнсь последнего вавнлонского царя Набоиида, доводящую освещение нстории вавнлонского царства до самого его коица — до 539 г. Следует, правда, указать на трн разрыва, нмеющнеся в сохраннвшнхся вавнлонскнх хроннках: с 622 по 617 г., с 594 по 557, н с 556 по 555 г. до и. э. Но для нашей целн — проследнть, как отражеиы бнблейскне повествовання в вавнлоискнх документах,— этн пробелы не так уж существенны, нбо решающне событня в нсторнн Иудеи, о которых рассказывает Бнблия, как раз относятся к тем годам, которые фнгурнруют в вавнлонскнх хроннках. Чтобы завершнть характернстику этого материала, укажем на то, что нзданные Уайзменом таблнчкн запнсаны несколько позже тех событий, о которых оии повествуют; вндимо, уже в пернод персндского владычества — с 539 г. и позже — оии былн скопнрованы с орнгииалов.

В свете вавилонскнх хроннк историкам удалось уточнить многие факты нз истории взаимоотиошений между Вавилоном н Иудеей, нз нсторин падення Иуден, а так же ряд дат, связаниых с этнмн фактами. В общем же нсторнческая картнна крушения Иудейского царства, опнсанная в IV кннге Царств, II кннге Паралипоменон н кннге Иеремнн, оказалась подтверждеииой вавнлонскнмн хроннками.

В феврале 626 г. до и. э. Набопаласар провозгласнл себя царем Вавилоиа и реально захватнл власть в этом южиомессопотамском государстве, которое уже довольио продолжительиое время было даннником могучей Ассирийской нмперни. Прежде всего он поставнл своей целью ие только освободнться от ассирнйского владычества, но и, разгромнв Ассирню, стать полновластным хозяином иа Блнжнем Востоке. У него иашелся снльный союзник в лнце мндян, устремившихся иа Ассирню с севера, с гор Ираиа. В 612 г. до н. э. союзнннкн осадили н взялн в плен велнколепную столнцу

Ассирии Ниневию; последний ассирийский царь Синшаришкун покончил самоубийством в пламени собственного дворца, сам город был до основания разрушен. Ассирийскому владычеству в Месопотамии и Сирии пришел конец. Оставался у Набопаласара еще один мощный противник, разгром которого был необходимым условием достижения единовластия на Ближнем Востоке; это древняя Египетская держава, хотя и лишенная того блеска и той мощи, которыми она обладала во второй половине II тысячелетия до н. э., но все же достаточно сильная, чтобы внушать опасения. Поэтому вавилонский царь немедленно после сокрушения Ассирии стал готовиться к решительной борьбе с Египтом.

Египетский фараон Нехао счел нужным предупредить события и вступил со своим войском на территорию Месопотамии. Библия говорит об этом: «...пошел фараон Нехао, царь египетский, против царя ассирийского, на реку Евфрат». Здесь вмешался в дело иудейский царь Иосия: «И вышел царь Иосия, и тот умертвил его в Мегиддоне, когда увидел его». В другой библейской книге — Паралипоменон о смерти Иосии рассказано несколько подробнее: «...пошел Нехао, царь египетский, на войну к Кархемису на Евфрате; и Иосия вышел навстречу ему. И послал к нему Нехао послов сказать: что мне и тебе, царь иудейский? Не против тебя теперь иду я, но туда, где у меня война... Но Иосия не отстранился от него, а приготовился, чтобы сразиться с ним... и выступил на сражение, на равнину Мегиддо. И выстрелили стрельцы в царя Иосию; и сказал царь слугам своим: уведите меня, потому что я тяжело ранен». Царя увезли в Иерусалим, где он и умер. Историческая картина, восстановленная по вавилонским хроникам, почти полностью подтверждает это библейское повествование.

Как сообщается в вавилонской хронике, Нехао был союзником Ассирии и вступил в Месопотамию для борьбы с Вавилоном. Понятно, почему Иосия счел нужным преградить дорогу войскам Нехао. Еще недавно Ассирия была самым грозным врагом Иудеи, и когда Вавилон сокрушил ее, это было воспринято в Иудее как своего рода освобождение; иудейскому царю, видимо, не улыбалась перспектива восстановления военной мощи Ассирии. Не исключено, что его выступление против Нехао входило в согласованный с вавилонянами стратегический план — связать египетские силы, пока вавилонские войска вместе со своими мидийскими союзниками закончат окончательно разгром ассирийцев. Во всяком случае, под Мегид-

до иудейская держава потерпела решительное поражение, и сообщения об этом, содержащиеся как в Библии, так и в вавилонских хрониках, взаимно подтверждаются.

На некоторое время Иудея стала вассалом Египта. Нехао поставил над ней угодного ему сына Иосии Иоакима и стал выжимать через него из иудейского народа тяжелую дань. Сначала Иоаким безропотно платил, а потом стал вдруг платить не ему, а наоборот, Вавилону. «Во дни его выступил Навуходоносор, царь вавилонский, и сделался Иоаким подвластным ему...» Правда, тут же сообщается, что эта подвластность длилась только три года, ибо Иоаким «потом отложился от него» (Навуходоносора). В свете вавилонских хроник стала теперь понятна подоплека политического маневрирования иудейского царя.

Пока шла борьба между Египтом и Ассирией, можно было лавировать между воюющими сторонами и действовать в зависимости от того, на чьей стороне окажется военное счастье. Сразу после поражения под Мегиддо более сильным выглядел Египет, тем более что у Вавилона, помимо борьбы против египтян, было еще много и других хлопот; в частности, хроники рассказывают о борьбе, которую приходилось выдерживать на границе с Урарту. И все же наступил момент, когда Иудее пришлось признать свою зависимость от Вавилона.

В книге Иеремии мы читаем про «войско фараона Нехао, царя египетского, которое было при реке Евфрате в Кархамисе и которое поразил Навуходоносор, царь вавилонский, в четвертый год Иоакима, сына Иосии, царя иудейского». Сражение при Кархамисе является действительным историческим фактом, засвидетельствованным во многих источниках. Вавилонские хроники, само собой разумеется, с торжеством рассказывают об этой великой победе над главным врагом новой державы — могущественным Египтом. Сообщение об этом кончается заявлением о том, что «в это время Навуходоносор завоевал всю территорию страны Хатти» — имеется в виду вся Сирия вместе с Палестиной. Иоакиму после этого не оставалось ничего другого, как стать вассалом и данником Навуходоносора.

Египет, однако, не был добит в качестве самостоятельного государства; в пределах своих границ он представлял еще реальную силу. Война продолжалась, и обе стороны несли в ней немалые потери. Иоаким явно решил сыграть на создавшемся равновесии и, как гласит приведенная выше цитата из Библии, «отложился» от Вавилона. Первое время Навухо-

доносору было еще не до того, чтобы заняться непосредственным усмирением Иудеи. В Библии говорится, что в это время «господь посылал» на Иоакима «полчища халдеев, и полчища сириан, и полчища моавитян, и полчища аммонитян — посылал их на Иуду, чтобы погубить его...» Вавилонская хроника дает более конкретное объяснение того факта, что у Иудеи вдруг оказалось так много врагов. Не будучи в состоянии в это время сам организовать карательную экспедицию против иудеев, вавилонский царь использовал для этого их соседей и организовал против Иудеи коалицию мелких государств, граничивших с царством Иоакима. Этого оказалось недостаточно. И когда у Навуходоносора по ряду причин оказались руки развязанными, он двинул свои силы прямо на Иерусалим. По данным вавилонских хроник, это было в декабре 598 г. до н. э.

Иудейским царем в это время был уже восемнадцатилетний сын Иоакима Иехония. Долго царствовать ему не пришлось, так как, преодолев незначительное сопротивление осажденного Иерусалима и взяв его, Навуходоносор низложил Иехонию и угнал его в Вавилон. «И мать царя, и жен царя, и евнухов его, и сильных земли отвел на поселение из Иерусалима в Вавилон. И все войско, числом 7000, и художников и строителей 1000, всех храбрых, ходящих на войну, отвел царь вавилонский на поселение в Вавилон». В вавилонской хронике об этой победе рассказывается так: «В седьмой год (своего царствования.— *И. К.*) в месяц кислев царь Аккада, снарядив свои войска, отправился в страну Хатти и расположился лагерем напротив города Иуды и во второй день месяца адар он взял город и захватил в плен царя. Он назначил здесь царя по своему собственному выбору (буквально — «по своему сердцу»), взыскал большую дань и отправил ее в Вавилон». В Библии сообщается и об этом. «И воцарил,— говорится там,— царь вавилонский Матфанию, дядю Иехонии, вместо него, и переменил имя его на Седекию. Двадцати одного года был Секедия, когда воцарился, и одиннадцать лет царствовал в Иерусалиме...» Как можно теперь точно установить по вавилонским хроникам, это произошло 16 марта 597 г.

Через одиннадцать лет Седекия счел возможным «отложиться» от Вавилона, и Навуходоносору пришлось предпринять новую военную экспедицию в Иудею. Библия подробно рассказывает о новой осаде Иерусалима — о том, как «усилился голод в городе, и не было хлеба у народа земли»,

и как войско Седекии во главе с самим царем пыталось бежать из города. «И погналось войско халдейское за царем, и настигли его на равнинах иерихонских, и все войско его разбежалось от него. И взяли царя, и отвели его к царю вавилонскому в Ривлу, и произвели над ним суд. И сыновей Седекии закололи перед глазами его; а самому Седекии ослепили глаза, и сковали его оковами, и отвели его в Вавилон». После этого, как сообщает Библия, Иерусалим был полностью разрушен вместе с знаменитым Соломоновым храмом и с царским дворцом. Население же Иудеи в основной своей массе было угнано в Вавилон. Это и было началом знаменитого вавилонского плена, продолжавшегося, впрочем, сравнительно недолго — немногим меньше 50 лет.

Описание всех этих событий, содержащееся в библейских книгах — IV книге Царств, II книге Паралипоменон, книге Иеремии,— в общем соответствует вавилонским летописям. Не обходится при этом и без некоторых расхождений в деталях, особенно в области хронологии. Но хронологические расхождения не выходят за рамки нескольких лет, что следует считать довольно высокой степенью точности для документов такой древности. Правда, описание падения Иерусалима, которое дает IV книга Царств, несколько запутанно, так что, если мы не располагали бы никакими другими источниками, наше представление о событиях было бы весьма неточным. Дело выглядит так, будто Навуходоносор, осадив в первый раз Иерусалим, находился под стенами его все одиннадцать лет; разрушение же Иерусалима и его стен приписывается даже не самому Навуходоносору, а начальнику его телохранителей Навузардану, явившемуся будто бы специально для этого в Иерусалим через некоторое время после взятия города. В вавилонских хрониках мы не находим подтверждения этим сообщениям.

Интересный археологический материал, относящийся к истории завоевания Иудеи Навуходоносором, содержится в так называемых «лахишских письмах», открытых английской экспедицией И. Старки в 1935 г.

Около 80 найденных остраков (черепков с надписями) содержат написанные угольными чернилами на древнееврейском языке донесения иудейского офицера, командира воинской части, расположенной вблизи Иерусалима, к вышестоящему командиру, находившемуся в Лахише. Донесения относятся к 588 г. до н. э., когда Навуходоносор находился под стенами Лахиша. Имя посылавшего их —

Гошаия, имя адресата — Иоах. Следует указать в этой связи, что и то и другое имена фигурируют в Ветхом завете. Что касается Гошаии, то речь идет, правда, не о нем самом, а о его сыновьях: в одном случае говорится о «Иезании, сыне Гошаии», в другом — об «Азарии, сыне Осаии». (Это тот же Гошаия). Иоах же упоминается непосредственно; указывается и имя его отца — Асаф. Правда, в обоих случаях он именуется «дееписателем», так что возникает сомнение, можно ли его отождествить с тем военачальником, которому Гошаия посылал донесения; в пользу этого отождествления говорит только то, что речь идет об одном и том же времени, о тех же событиях и той же среде, в которой эти события происходили.

Лахишские письма ярко выражают ту тревожную политическую и военную атмосферу, которая господствовала в их время в Иудее перед окончательным разгромом этого государства. В них сообщается о действиях сторонников как проегипетской, так и провавилонской ориентации, борьба между которыми тогда в какой-то мере определяла политическую обстановку в руководящих кругах Иудеи. В одном и том же донесении, с одной стороны, сообщается о том, что некто Кониа, сын Елиафана, собирается отправляться в Египет; с другой стороны, есть упоминание о письме Товии, «пришедшем к Шалуму, сыну Иаддуи, через пророка» и призывающем к осторожности, «говорящем — берегитесь!». Принято считать, что нарицательным именем пророка здесь назван не кто иной, как сам Иеремия. В другом письме Иеремия почти назван по имени. Край черепка отломан, и имя сохранилось не полностью: читается — «...ия пророк». Можно думать, что здесь говорилось именно о Иеремии, но доказать это невозможно.

В одном из писем содержится сообщение о том, что «мы наблюдаем за сигналами из Лахиша... ибо не можем видеть Азеку». Это можно поставить в связь с некоторыми указаниями о применявшейся в те времена сигнализации, которые мы находим в Библии. «Дайте знать,— говорит Иеремия,— огнем в Бефкареме». В этой же библейской книге содержится объяснение того, почему Гошаия старается держать связь именно с Лахишем и Азекой: «Войско царя вавилонского воевало против Иерусалима и против всех городов иудейских, которые еще оставались, против Лахиса и Азеки; ибо из городов иудейских сии только оставались, как города укрепленные». Так непосредственно перекликаются в некоторых случаях библейские тексты с археологическим материалом.

ЭЛЕФАНТИНСКИЕ ПАПИРУСЫ

Из археологических открытий, относящихся к жизни евреев в диаспоре («рассеянии») и проливающих свет на некоторые библейские тексты и сообщения, представляют особый интерес найденные в начале XX в. документы иудейской колонии на нильском острове Элефантина.

На крайнем юге Египта, в районе современного Асуана, называвшегося в древности Сиеной, сохранились развалины древнеегипетского города Элефантина. Еще в конце прошлого века на рынках египетских городов появились в продаже обрывки папирусов с древними надписями и осколки посуды, расписанные древним орнаментом с текстами. Все надписи были на арамейском языке, родственном древнееврейскому. Археологи разных стран заинтересовались этими материалами и стали их скупать у местных жителей, которые находили их в грудах мусора на месте древних построек. В 1906—1908 гг. управление берлинских музеев предприняло несколько экспедиций для систематических раскопок в этих местах. Работы были успешны; особенно важной и плодотворной оказалась находка остатков трехкомнатного жилища, в котором было найдено много черепков с надписями

на арамейском и финикийском языках; и недалеко от этих жилищ были найдены сложенными вместе несколько десятков папирусных документов. В 1911 г. весь найденный материал был опубликован в полном переводе на немецкий язык с фототипическим воспроизведением всех документов и подробным комментарием. Расшифровка и оценка содержания найденных документов не составили особых трудностей для специалистов.

Район Элефантины находился на границе Египта с Нубией, а дальше шли безбрежные территории, населенные другими коренными жителями Африки. В V в. до н. э. Египет находился под персидским владычеством, и персидское правительство, так же как ранее египетское, было заинтересовано в охране южных границ страны. Еще тогда, когда Египет был самостоятельным, фараоны нередко поселяли в пограничных укрепленных пунктах гарнизоны, состоявшие из наемных солдат, живших здесь в качестве постоянных поселенцев со своими семьями и составлявших общины, пользовавшиеся известным самоуправлением. Персидские власти пошли по тому же пути. На острове Элефантина жила еврейская колония, носившая официальное название «иудейского войска».

В точности неизвестно, когда была основана эта колония. В самих документах, найденных на Элефантине, самая ранняя дата, с которой может быть связано существование колонии,— 525 г. до н. э.; в это время она уже существовала. В Библии сообщается, что после разгрома Иерусалима Навуходоносором в 586 г. до н. э. отдельные группы евреев бежали в Египет. Не исключено, что некоторые из этих беглецов завербовались там в качестве военных наемников. Во всяком случае, важно, что найденные в Элефантине письменные памятники принадлежат евреям V в. до н. э. и некоторыми сторонами своего содержания воссоздают их быт и идеологию. В применении к теме нашей книги мы остановимся лишь на одном вопросе, освещение которого дает возможность правильно понять некоторые стороны ветхозаветной религиозной идеологии.

Элефантинские иудеи, как это видно из их документов, остались и на чужбине верными поклонниками бога Яхве; точней сказать, речь должна идти о боге Яху, ибо именно так он именуется почти во всех папирусах. Анализ личных имен членов колонии, фигурирующих в документах, показывает, что не менее четверти всех имен произведено от имени Яху. Идеологическим и религиозным центром общины был храм Яху. Хотя с точки зрения иудейской ортодоксии храм Яхве мог существовать только в Иерусалиме, но, как известно,

с началом диаспоры евреям пришлось поступиться этим непременным требованием Второзакония и начать строить синагоги во всех местах, куда их забрасывала историческая судьба. Был такой храм и в элефантинской колонии. К Яхве обращались с молитвами, ему приносили жертвы, его именем клялись. Но... здесь-то оказался источник конфуза для современных ревнителей иудейского благочестия.

В элефантинских документах фигурирует в качестве бога не только Яхве, но и ряд других существ — их почитают, им молятся и приносят жертвы, их именами клянутся. Вот, например, справка о состоянии храмовой казны: «Денег, оказавшихся в этот день, в месяце фаменоте, в руках Иедонии, сына Гемарии — 31 кереш 8 сиклей серебра. Из них для Яху — 12 кереш 6 сиклей, для Ашембетель — 7 кереш, для Анатбетель — 14 кереш серебра». Храм располагал, таким образом, средствами для отправления культа не только Яхве, но и по меньшей мере еще двух богов, или, точней, богинь. В частноправовых документах Элефантины мы встречаем такие формулы: «Я, Малкия, клянусь тебе перед богом Херембетелем...» Это уже четвертый бог...

Среди богов элефантинской колонии Яхве занимал, конечно, первенствующее положение, он — «бог неба», «бог воинств», а остальные составляют это самое воинство; богиня же Анат должна, видимо, рассматриваться как супруга верховного бога, так как в некоторых документах она именуется Анат-Яху. Элефантинские иудеи обращаются к другим богам даже чаще, чем к Яхве,— те считаются проще и доступнее, обращение к верховному богу практикуется лишь при особо серьезных обстоятельствах. Во всяком случае, ясно, что жившие в Элефантине евреи еще в конце V в. до н. э. вовсе не придерживались единобожия. А этот вопрос имеет немалое принципиальное значение.

Как иудейские, так и христианские богословы считают иудаизм искони монотеистической религией, а для еврейских клерикалов и националистов «возвышенный универсальный этнический монотеизм» их религии является предметом систематического бахвальства. На деле этот монотеизм представляет собой настоящий миф.

Почти во всех библейских книгах мы находим ярко выраженные следы многобожия в разных его формах и на разных этапах развития, начиная с имени бога — элохим, без всякого сомнения выражающего множественное число, и кончая новозаветным учением о Троице, которое столь же несомненно

не оставляет места для призиания едииства божества. В элефантиисках документах содержнтся убеднтельное подтверждеине миогобожеского характера древиееврейской религин.

Этн документы, помнмо того, дают некоторые нитересиые материалы, перекликающнеся с сообщеииями ветхозаветиых книг Ездры и Неемнн. Упомннаются, иапример, нмена, нзвестные по этнм киигам. Говорится, в частиости, о «Снимубаллнте, иаместнике Самарин»; этот персоиаж неоднократно фигурирует в книге Неемни (в русском переводе под именем Саиаваллат). Элефаитниские документы дополняют бнблейские данные о нем тем, что он был, оказывается, перснаским иаместнником Самарнн. Говорится в иих также о иекоем Хананни, выступающем в качестве посредника между элефантинскнми евреямн н перснаскнм правнтельством. Под этим именем фигурнрует в кннге Неемни его брат, выполияющий аналогичную роль в отиошеинн Иерусалима. Не исключеио, что это тот же человек. Еще большее значение нмеют свндетельства элефантннских документов об административиом режиме, существовавшем в Палестиие пернода персидского владычества. Онн в общем совпадают с теми данными, которые имеются по этому вопросу в кннгах Ездры и Неемии.

Исторические повествования Библии в свете археологии. Новый завет

ЧТО РАССКАЗЫВАЕТ БИБЛИЯ

У жены еврейского плотника Иосифа Марии родился младенец Иисус, в человеческом образе которого воплотился сам бог. Примерно в тридцатилетнем возрасте он начал проповедовать свое учение. По своему содержанию оно выглядит в Новом завете довольно неопределенным: многозначительные намеки на свою высокую миссию и связь с богом-отцом, предсказание скорого конца света и разрушения Иерусалима, призывы к покаянию, моральные поучения, среди которых выделяются предписания не противиться злу насилием и воздавать добром за зло. Завербовав двенадцать учеников-апостолов, Христос путешествовал с ними по всей стране и проповедовал, а для убедительности этой проповеди творил чудеса: воскрешал мертвых, исцелял безнадежно больных, изгонял бесов, вселившихся в тела людей, и т. д. Деятельность Христа вызвала недовольство руководящих кругов Иерусалима. Он был схвачен, доставлен к римскому наместнику Понтию Пилату, который по настоянию еврейской толпы осудил его на казнь через распятие на кресте. На третий день после смерти Иисус воскрес и вскоре явился своим ученикам. После сорокадневного вторичного пребывания в человеческом образе Христос вознесся на небо; его земная миссия была на этом закончена. Еще раньше Христа прекратил свое земное существование его предтеча Иоанн Креститель. По распоряжению царя Ирода Антипы, который выполнял этим желание царицы Иродиады, Иоанн был обезглавлен.

Ученики Иисуса после его смерти развернули энергичную деятельность по пропаганде его учения. Особенно активно вели себя апостолы Петр и Павел; первый распространял христианство преимущественно среди евреев, второй — среди язычников. Павел совершил несколько миссионерских путешествий по странам средиземноморского бассейна и написал

ряд сочинений (посланий), вошедших в Новый завет, два послания написал и Петр. Их деятельность кончилась тем, что в царствование императора Нерона они оба были казнены в г. Риме. Но христианское учение им и остальным апостолам удалось быстро распространить по всей Римской империи и соседним с ней странам. Так и возникла христианская религия.

КОГДА И ГДЕ ЭТО МОГЛО ПРОИСХОДИТЬ?

На этот счет можно найти весьма точные указания в евангелиях. Иисус родился в царствование римского императора Августа, при иудейском царе Ироде и в «правление Квириния Сирией»; он был на полгода моложе Иоанна Крестителя. Последний же начал свою деятельность «в пятнадцатый год правления Тиберия Кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итурее и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее» и «при первосвященниках Анне и Каиафе». Если учесть, что император Тиберий вступил на престол в 14 г. н. э., то надо отнести начало деятельности Иоанна Крестителя к 29 г. и примерно к этому же времени — начало проповеднической деятельности Иисуса Христа. Основной же ориентир должен, по-видимому, заключаться в том, что Иисус родился в I г. I в. н. э.,— «от Рождества Христова». Поскольку известно, что император Нерон умер в 68 г. н. э., то ясно, что апостол Петр и Павел должны были закончить свое земное бытие раньше этого срока — считается, что это произошло в 66 или 67 гг. Другие апостолы могли прожить еще два-три десятилетия. В частности, церковная традиция приписывает апостолу Иоанну авторство библейской книги Апокалипсис, каковая им была якобы написана в начале 90-х годов.

Ареной жизни и деятельности как Иисуса Христа, так и Иоанна Крестителя следует, по Новому завету, считать Палестину и в особенности ее северную часть — Галилею. По евангелиям, Иисус родился в Вифлееме, детство провел в Назарете (если не считать не подтверждаемого другими евангелистами сообщения Матфея о бегстве родителей Иисуса с младенцем в Египет), проповедовал в Галилее и Иудее — бывал в Иерихоне, Капернауме, Кане, Эммаусе, «земле Гадаринской» и, наконец, в Иерусалиме. Апостолы же действовали не только в Палестине, но и в Сирии, Малой Азии, на Кипре, в Греции и, наконец, в самом Риме.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО СУЩЕСТВУ

Кое-что из указанных выше хронологических ориентиров должно быть отвергнуто с самого начала. Не могло быть, в частности, одновременно в Иерусалиме двух первосвященников. Оба указанных имени действительно фигурируют в достоверных исторических источниках. Еврейский историк Иосиф Флавий сообщает, что Анна занимал эту должность в 6—15 гг. н. э., его зять Каиафа стал первосвященником лишь в 18 г. и был им до 36 г.; за три года между Анной и Каиафой сменилось еще три первосвященника, имена которых не сохранились. Важно, однако, в данном случае, что одновременно Анна и Каиафа первосвященниками не были. С остальными хронологическими ориентирами евангелий дело обстоит тоже неладно. Лисаний умер в 36 г. до н. э.— значит, за три с лишним десятилетия до описываемых событий. Царь Ирод известен истории под именем Ирода Великого; но известно также, что этот действительно существовавший человек умер в 4 г. до н. э., так что отдавать в связи с рождением Иисуса

распоряжение об истреблении младенцев он не мог. После смерти Ирода царем Иудеи был в течение примерно десятка лет его сын Архелай, а в 6 г. н. э. римский император Август выгнал его из Иудеи и вообще лишил эту страну самоуправления. Он послал туда наместником Копония и дал ему в помощники Квириния. Последний, значит, служил в Палестине не одновременно с Иродом, а по меньшей мере через десять лет после его смерти. Основываться, следовательно, на «точных» евангельских данных не приходится, и мы должны исходить из более общего хронологического ориентира, также основанного на Новом завете,— первая половина I в. н. э.

Следует отметить как факт, вызывающий недоумение, что в нехристианской литературе I в. н. э. события, описанные в Новом завете, не нашли никакого отражения. Из еврейских авторов I в. известны Филон Александрийский (ум. в 54 г.), Юст из Тивериады (писал в 60—80 гг.) и Иосиф Флавий (37—100 гг.); в Греции этого времени работал Плутарх (40—120 гг.), в Риме писали: Сенека (ум. в 65 г.), Ювенал (45—130 гг.), Марциал (40—103 гг.), Лукан (39—65 гг.), Персий (34—62 гг.), Плиний Старший (23—72 гг.), Плиний Младший (62—114 гг.), Тацит (54—119 гг.) и Светоний (р. в 75 г.). Из всех перечисленных авторов упоминания о Христе содержатся только у Флавия и Тацита. Отрывок в «Иудейских древностях» Флавия, касающийся Христа, большинством ученых признан позднейшей вставкой, сделанной руками христианских богословов. Отрывок в «Анналах» Тацита сомнителен в отношении своей подлинности, но даже в случае, если он оказался бы подлинным, он не представляет собой исторического свидетельства из первых рук, так как относится примерно к 117 г. н. э. и вероятней всего основан на сложившейся уже к этому времени христианской традиции. Таким образом, нет фактически ни одного нехристианского свидетельства, которое принадлежало бы современнику описанных в Новом завете событий.

Перейдем к анализу того, что могут сказать по поводу этих повествований вещественные памятники.

НОВОЗАВЕТНЫЕ «СВЯТЫЕ МЕСТА»

Места, где должна была протекать жизнь и деятельность новозаветных героев — Иисуса Христа, богородицы, Иоанна Крестителя, апостолов,— давно привлекают внимание не только паломников и церковников, но и историков и археологов. Главным из этих мест является, конечно, город Иерусалим.

Известно, что после поражеиия иудейского восстания 66—73 гг. и. э. Иерусалнм был разрушен до осиоваиня и евреям было запрещеио ие только селнться в этом месте, но и показываться вблизи иего; после же второго восстаиия (132—135 г. и. э.) на месте Иерусалима был рнмляиамн построен город Элия-Капитолниа. В дальиейшем местность подвергалась всем видам естествеиного и искусствеиного разрушення — от землетрясений до пожаров, вызванных как случайиостью, так и военнымн прнчииамн. Неодиократный переход Иерусалнма нз рук в рукн во время крестовых походов каждый раз нмел разрушнтельные последствия для всего города, а в особенностн для тех его мест, которым христианской траднцией приписывается специальиая «святость», ибо вокруг этнх мест кнпела всегда особенно ожесточеииая борьба. В частиости, так изываемый гроб господеиь был в 1109 г. полиостью уинчтожеи арабами.

В этих условиях трудио было ожидать, что сохранятся в непрнкосновениости все достопамятные места Иерусалнма, которые моглн бы быть связаны с Хрнстом. И вряд лн былн бы осиовательны упрекн в адрес церковинков по тому поводу, что они не могут показать, где допрашнвался Христос, где он был распят и т. д. Но они всё знают н всё показывают!

На протяженни миогих столетнй Иерусалим является объектом массового паломничества верующнх, причем иуден прнходят на поклоиеиие к остаткам храма («стеиа плача»), а хрнстнане — к многочислеииым местам, которые, как уверяют владеющне ими хрнстнанские церковиикн разлнчных вероисповедаинй, суть именно «те самые», указанные в евангелиях. Не только в Иерусалиме, ио и в ряде других местностей н городов Палестнны церковникн демонстрируют паломннкам большое количество «святых мест», связаниых, как они уверяют, с различнымн момеитами жизни и деятельиости Хрнста и другнх иовозаветиых персонажей. Само собой разумеется, что это делается отиюдь ие бескорыстио, — разлнчные хрнстиаиские церкви всегда нмели здесь богатейший нсточинк доходов. И всегда оии конкурировали между собой, прямо дрались за эти доходы и за те святые места, обладаиие которымн обеспечнвает их. Маркс писал по этому поводу: «Легко себе представить, как все этн враждующие элементы осаждают гроб господень, как моиахн ведут войну, виешиим поводом для которой является обладание внфлеемской звездой, каким-ибудь покрывалом, ключом от святилища, алтарем, гробиницей, престолом, подушкой — словом, стремлеиием к какому-нибудь смехотворному преимуществу!» И в другом месте:

«Споры между церковниками — всегда самые ядовитые, — говорил Мазарини. — Что же сказать об этих церковниках, которые не только все живут за счет святых мест, но и в них, и притом все вместе!»

Любопытную иллюстрацию к этим словам Маркса мы находим в книге современного баптистского археолога И. Томпсона «Археология и Новый завет». Речь идет о местонахождении Гефсимании — того места в Иерусалиме, где, по евангелиям, происходила «тайная вечеря» и где Христос молился о том, чтобы «миновала его чаша сия». Томпсон говорит: «Место последних часов молитвы точно неизвестно, хотя оно находилось в долине Кидрона на Масличной горе. Теперь имеется несколько конкурирующих мест, претендующих на то, чтобы считаться Гефсиманией». И баптистский богослов-археолог не без ехидства в отношении своих соратников из других христианских вероисповеданий отмечает: «Смущенный посетитель увидит это место (Гефсиманию. — *И. К.*) и у католиков, и у греков, и у армян, и у русских». А где же оно на самом деле? «Древнейшая традиция локализует его на том месте, которое теперь занято гробницей девы Марии. Но фактически мы не имеем ясной информации археологической или исторической, которая позволила бы его точно идентифицировать».

И все же церковники «точно» показывают не только Гефсиманию (правда, по-разному), но и все остальные места в Палестине, связанные с описанными в евангелиях событиями. Для ознакомления с этими местами воспользуемся опубликованным в «Журнале Московской Патриархии» сообщением православного архимандрита Пимена о его благочестивом паломничестве в святую землю.

На территории современной Иордании архимандрит посетил, во-первых, «гроб господень», то есть то место, где был, по церковному учению, похоронен Христос. Потом он побывал на Голгофе, где, по евангелиям, богочеловек был распят, в Гефсимании, где накануне своего ареста Иисус в предсмертном страхе умолял бога-отца, чтобы «миновала его чаша сия». Потом паломник прошел по «крестному пути» Христа, навестил Вифлеем, где Христос, по евангелиям, родился, он побывал и на том месте реки Иордан, где, как считается, Иоанн Креститель подверг Иисуса обряду крещения. После этого архимандрит перешел на территорию государства Израиль, где побывал в городах Назарете (родина Иисуса Христа), Кане Галилейской (там на свадьбе Иисус превращал воду в вино) и в ряде других безусловно священных пунктов. Видел он там очень

много святейших экспонатов. Например, в одном месте ему показали «камень помазания», на котором труп Христа был «намащен благовониями», в другом — камень, на котором сидел ангел, сообщивший о воскресении Христа. На Голгофе архимандрит видел камень с дыркой, в которую, как твердо убеждены хозяева сего места, был вставлен крест распятия. Больше того, тут же было продемонстрировано «отверстие, сквозь которое видна другая часть скалы со щелью... сквозь которую, как говорит предание, кровь Спасителя просачивалась вниз, омывая собой то место, где находится гробница праотца нашего Адама». Заодно оказалось нетрудным осмотреть «и самое место погребения праотца Адама с устроенным здесь святым престолом». И само собой разумеется, нельзя было не повидать пещеру, где родился Христос, и ясли, в которых лежал божественный младенец. Там все обставлено сейчас весьма пышно и благолепно — пол выстлан мраморными плитами, самое место рождения обозначено большой серебряной звездой, над ней воздвигнута опять-таки мраморная плита. тут же и жертвенник, и престол, все это освещается большим количеством лампад. И с вполне серьезным видом печатный орган русской православной церкви во второй половине XX в. пишет о «святых местах» и святых экспонатах, как о подлинных и стоящих выше всякого сомнения.

Кажется, однако, что все рекорды в ставке на легковерие людей побила католическая церковь своим знаменитым «домиком в Лоретто». Именно в этом итальянском городе находится, если верить католическим церковникам, тот самый дом, в котором проживала дева Мария и в котором ей явился архангел Гавриил на предмет «благовещения», то есть сообщения ей благой вести о том, что она станет матерью бога.

Но позвольте, скажет ошеломленный читатель, ведь это знаменитое здание, если оно сохранилось, должно было бы находиться в палестинском городе Назарете, а вовсе не в Италии?! Может быть, Ватикан распорядился о его перенесении на территорию Италии? Нет, дело обстоит значительно проще и в то же время куда сложней.

Католическая церковь решительно настаивает на том, что богородицын домик сам переехал из Палестины в Италию. 10 мая 1291 г. на югославском побережье Адриатического моря в местности, которая была тогда известна под названием Рауница, «вдруг» оказался домик, которого еще накануне там не было (так во всяком случае гласит легенда), а местный священник сообщил собравшимся прихожанам, что во сне ему

явилась богородица в сопровождении тьмы ангелов и сообщила, что ее дом чудесным образом сам переносится этой ночью на территорию его прихода. Здесь он, однако, оставался недолго: через три с лишним года столь же самовольно перенесся в Италию, где опустился в лавровой роще — откуда и название Лоретто (laureum — лавровое дерево); и еще два раза богородицын дом менял свое место, пока не устроился наиболее удобным образом в той же местности близ города Реканати. Там он пребывает и до сих пор, привлекая огромное количество паломников и являясь великолепным источником дохода для католической церкви.

Не составляет никаких трудностей установить археологическими и историко-архитектурными методами то время, к которому относится это немудреное сооружение. Все данные говорят о том, что это типичная итальянская постройка XIV в. Самый ранний документ, относящийся к домику в Лоретто, датируется 1387 г. — это булла папы Урбана VI, дарующая паломникам к этому святому месту разные милости и, в частности, отпущение грехов. Ясно, что именно в XIV в. церковниками была сооружена «славная святыня» Лоретто. И до сих пор она активнейшим образом используется Ватиканом как средство пропаганды и источник наживы. В 1891 г. по случаю «шестисотлетия чуда в Лоретто», папа Лев XIII опубликовал специальную энциклику.

Следует, правда, признать, что теперь в курсах библейской археологии даже католические авторы редко упоминают домик в Лоретто. Но они нигде и не отмежевываются от этой явной фальшивки. А церковь держится за нее, не обнаруживая никаких признаков того, что во второй половине XX в. ее деятели поддаются в этом вопросе веяниям времени или элементарному чувству стыда.

Совершенно очевидно, что, если была бы хоть малейшая возможность доказать средствами археологической науки историческую подлинность «святых мест» в Палестине или где бы то ни было, церковники и покровительствующие им круги буржуазного мира использовали бы эту возможность с максимальной энергией и не постояли бы при этом ни за силами, ни за средствами. Впрочем, они это и делают — раскопки в тех местах, которые даже мельком упоминаются в Новом завете, ведутся на протяжении многих десятилетий самым активным и настойчивым образом. Даже тень какого-либо открытия, которое можно было бы, пусть с самыми насильственными натяжками, использовать в качестве подтверждения подлинно-

сти новозаветных сказаний, немедленно вызывает к жизни целую библиотеку статей, заметок и книг. А все итоги таких «открытий» обобщены и подробнейшим образом освещены не только в общих курсах — библейской археологии, но и в специальных изданиях под заглавием «Археология и Новый завет». Здесь и в многочисленных библейских атласах собрано все, что только можно выжать для подтверждения подлинности «святых мест». И что же в этом отношении достигнуто?

ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ «СВЯТЫХ МЕСТ»

Чтение литературы, посвященной археологии Нового завета, производит странное впечатление. Десятками и сотнями страниц идут описания того, как были организованы раскопки, каков внешний вид соответствующих местностей и предметов, каков исторический и библейский «фон» данного сюжета, а в заключение, когда дело доходит до сообщения о конкретных результатах всей работы, следует скороговоркой несколько невнятных и явно сконфуженных фраз о том, что проблема еще не решена, но есть надежда на то, что в дальнейшем и т. д. Можно сказать с полной уверенностью и категоричностью, что ни один, буквально ни один новозаветный сюжет не имеет до сих пор сколько-нибудь убедительного археологического подтверждения. Это полностью относит-

ся, в частности, к личности и биографии Иисуса Христа.

Ни одно место, которое по традиции считается ареной того или иного новозаветного события, не может быть указано с малейшей долей уверенности. Возьмем, например, вифлеемскую пещеру, в которой якобы родился Христос. О той пещере, которой сейчас приписывается эта великая честь, блаженный Иероним, находившийся в этих местах в IV в. н. э., писал, что она издавна играла свою роль в языческом культе как место ритуального оплакивания бога Адониса; это значит, что данное место считалось священным еще до возникновения христианства, и не удивительно, что на него могло быть перенесено почитание в некотором новом качестве — как места рождения Христа. Помимо того, следует отметить, что в некоторых апокрифических евангелиях местом рождения Христа признается не Вифлеем, а пещера Махпела, в которой похоронена праматерь Рахиль; божественный младенец якобы родился там, когда его родители возвращались обратно из Вифлеема в Назарет.

Так обстоит дело по существу со всеми географическими и топографическими объектами Нового завета. Никак нельзя установить, где находился город Эммаус, около которого Иисус якобы показался своим ученикам после воскресения. Неизвестно, где гора Фавор — место Иисусова «преображения». Под сомнением находится у археологов даже сама Голгофа, где Иисус якобы претерпел свою мученическую кончину. Слово «голгофа» означает «череп», на латинский язык оно тоже переведено словом «Кальвария» — от «кальва» — «череп». Надо, следовательно, искать черепообразный холм. То, что теперь считается Голгофой, никак на череп не похоже. Может быть, в течение двух тысячелетий, прошедших с того времени, форма холма изменилась? Но в 1867 г. недалеко от Дамасских ворот была обнаружена гробница поблизости от такого места, которое при наличии более или менее живого воображения можно счесть похожим на череп. В 1882 г. находившийся тогда в Иерусалиме английский генерал Гордон вполне «авторитетно» и с присущей старому вояке категоричностью заявил, что именно это место надо считать Голгофой. С того времени это место стало именоваться «Гордоновой Голгофой». Против того, чтобы считать современную «Голгофу» настоящей, говорят и некоторые другие обстоятельства. По Новому завету, она находилась вне черты города, за городской стеной. А в 1925—1927 гг. были открыты остатки городской стены Иерусалима, пролегавшие значительно дальше, чем до этого

предполагалось. Раскопки и исследования продолжались до 1940 г., и результат их оказался весьма неутешительным для сторонников традиционной версии. Если она находится в черте города, значит, она вовсе не Голгофа...

Но и «Гордонова Голгофа» тоже не удовлетворяет требованиям исторической достоверности. В результате тщательного исследования установлено, что открытая Гордоном гробница относится к Византийской эпохе (V—VI вв. н. э.). Был предложен и такой выход: разделить Голгофу и гробницу. При этом варианте надо было, правда, решить дополнительную трудность — объяснить, почему евангелия не сообщили того, что тело Христово было для погребения увезено в другое место, но с этим как-нибудь уж можно было справиться. Важней для церковников другое: переменить ориентацию и объявить всем верующим, что старая Голгофа оказалась не настоящей и надо на этом основании теперь почитать другое место, — значило бы идти на слишком большой риск потери морального кредита. Ведь в этом случае безусловно пострадало бы доверие масс верующих к тому, что говорят церковники и о других священных местах, ибо если они могли на протяжении тысячелетий ошибаться в отношении Голгофы, то где гарантия того, что они не ошибаются и насчет вифлеемской пещеры, и насчет Назарета, и т. д.? Поэтому все остается по-старому, и надо верить, что именно здесь, а не в другом месте был распят и погребен Иисус Христос.

Немецкий автор Швеглер пишет по этому поводу: «Здесь начинается трагедия для верующего, первой потребностью которого является — знать, где находится то место на земле, где его Спаситель жил и страдал. Но как раз место его смерти, если рассуждать археологическими понятиями, окутано глубочайшей тьмой». Мы можем, конечно, посочувствовать этому верующему по поводу того, что указанная буржуазным археологом религиозная потребность не удовлетворяется. Но положение от этого не изменится — при всей активности и при всем размахе проводившихся здесь археологических исследований сказать что-либо определенное о месте гибели и погребении Иисуса Христа никто не может.

Арка «Эссе Хомо» воспроизводится во всех курсах «библейской археологии», на открытках, издаваемых массовым тиражом и распространяемых среди паломников, в журналах религиозного направления. Хорошо известно, что как арка, так и все постройки, которые ее окружают, возведены при императоре Адриане, царствовавшем с 117 по 138 г. н. э., и что,

следовательно, к Христу они не могут иметь ни малейшего отношения. Но уж очень соблазнительно показывать паломникам и всем легковерным людям «то самое» место, на котором стоял Христос перед Пилатом, «ту самую» арку, под которой это все происходило. К тому же это неплохой бизнес...

Французский археолог Л. Венсан, по совместительству католический патер, поставил своей целью внести ясность в вопрос о том, где именно Иисус подвергался допросу. В евангелиях от Иоанна говорится, что Иисус был приведен во двор претории, заодно сообщается, что это место называлось «Лифостротон», что означает по-гречески «каменная мостовая». Надо было искать преторию с мощеным двором при ней.

Никакой претории в Иерусалиме того времени не было. Резиденция прокуратора Иудеи Пилата вообще находилась не в Иерусалиме, а в Цезарее, на побережье Средиземного моря. Сами по себе сообщения евангелий о том, как он действовал в Иерусалиме во время расправы с Иисусом, выглядят поэтому довольно странно. Пытаются объяснять этот факт тем, что Пилат почему-то счел нужным приехать в Иерусалим на еврейский праздник пасхи. Допустим, что это могло быть так, и перейдем к вопросу о том, где Пилат мог находиться во время своего пребывания в Иерусалиме. Возможны два варианта: дворец царя Ирода Антипы и башня-крепость, которая была построена царем Иродом I и названа им в честь Марка Антония башней Антония. Между археологами-библеистами и возник ожесточенный спор: где искать следы знаменитых евангельских сцен расправы над Иисусом — во дворце Ирода или в башне Антония? Венсан и занялся выяснением этого вопроса.

Раскопки не остались бесплодными. В том месте, где, может быть, стояла в I в. н. э. башня Антония, — точнее сказать, там, где мог быть ее двор, обнаружены остатки большой каменной мостовой. Это вызвало громкие восторги буржуазной и особенно, конечно, церковной прессы: открыт тот самый Лифостротон, та каменная мостовая, на которой разыгралась сцена допроса Иисуса Христа... Восторги эти, однако, производят впечатление искусственных.

То обстоятельство, что на одной из улиц или в одном из дворов Иерусалима обнаружена существовавшая в древности и упоминаемая в Евангелии мостовая, дает основание только для того вывода, что евангелист знал о существовании таковой в этом городе; ничего нет удивительного в том, что описываемые легендой события он представил себе происходившими именно в этом районе, как центральном и наиболее достопри-

мечательном. Но никаких других свидетельств, связанных с этими событиями, обнаружено не было. Для вывода о том, что описанные в Евангелии события действительно происходили, притом именно в данном месте, одного только факта обнаружения каменной мостовой безусловно слишком мало.

Ничуть не больше те успехи, которых добились археологи-апологеты в своих неустанных попытках найти подтверждение или иллюстрации для всех других евангельских повествований. Приведем несколько примеров.

В евангелии от Иоанна рассказывается о том, как Иисус исцелил тяжело больного у купальни, называвшейся Вифезда. Указывается такая примета этой купальни, как пять имевшихся при ней «крытых ходов». Много было гаданий по вопросу о том, какой именно из естественных водоемов в окрестностях Иерусалима следует отождествить с Вифездой. Наконец был найден пруд, близ которого оказались развалины довольно древних арок, причем не исключено, что этих арок было именно пять. Если отождествить арки с «крытыми ходами», что само по себе выглядит явной натяжкой, то можно допустить, что евангелисты, говоря о «купальне Вифезда», имели в виду именно этот пруд, хотя ясных доказательств этого все же не существует. Но и здесь максимум того, что можно извлечь для подтверждения историчности евангелий, сводится только к тому, что их авторы знали о существовании в Иерусалиме купальни с пятью арками или ходами. Вопрос же, имел ли к этому пруду какое-нибудь отношение человек по имени Иисус и существовал ли он вообще когда-нибудь, находкой водоема никак не освещается.

В евангельских описаниях деятельности Иисуса Христа занимает большое место город Капернаум. На северном берегу Геннисаретского озера, где мог стоять во времена Иисуса этот город, были предприняты в начале нашего века немецкими археологами Колем и Ватцингером раскопки, которые призваны были открыть следы деятельности Иисуса в этом районе. Нашлись остатки сооружения, которое, возможно, было когда-то синагогой. В евангелии от Иоанна упоминается о том, что однажды Иисус учил в капернаумской синагоге. Не есть ли это та самая синагога, в которой подвизался основатель христианства? В 1922 г. францисканский монах Орфали занялся тщательным изучением этого вопроса и опубликовал работу, в которой настаивает на том, что руины синагоги относятся именно к I в. н. э. Если это так, то при Иисусе это сооружение могло уже существовать, хотя оно и должно было

быть тогда еще совсем новым. Все же мнения археологов по вопросу о древности капернаумской синагоги разошлись; большинство стало на ту точку зрения, что руины нельзя датировать периодом раньше II в. н. э. При таком решении это не та синагога, в которой проповедовал Иисус. На помощь приходит новая гипотеза, не имеющая, правда, под собой пока никаких оснований: найденные руины принадлежат синагоге, которая была построена на развалинах более древней синагоги, а уж в той учил Христос. Совершенно очевидно, что для решения вопроса об историчности последнего найденные в Капернауме развалины ничего не дают.

Как известно, особую роль в евангельском жизнеописании Иисуса играет галилейский город Назарет. Родители Иисуса происходили из Назарета, и только случайно, в силу того что им пришлось явиться для прохождения переписи в Вифлеем, богочеловеку довелось родиться не в своем родном Назарете. Неоднократно он именуется прозвищем Назорей, причем последнее производится от названия города Назарета. Само по себе это истолкование термина «назорей» искусственно и неправильно, так как на самом деле здесь евангелия следуют ветхозаветной традиции, по которой назореем вообще именуется особо угодный богу и «обреченный ему» человек — от слова «нецер» — «ветвь». Что же касается самого вопроса о городе Назарете как родине Христа, то здесь тоже далеко не все благополучно.

Уже давно библейская критика обратила внимание на то, что название Назарета впервые упоминается лишь в Новом завете. В книге Иисуса Навина, где перечисляются палестинские города, завоеванные израильтянами, Назарет не фигурирует. В произведениях Иосифа Флавия, жившего во второй половине I в. н. э., приводятся названия 45 галилейских городов — Назарета среди них опять-таки нет. Даже в Талмуде, книги которого относятся к III—V вв. н. э., Назарет не упоминается. Создается впечатление, что во времена, к которым Новый завет относит жизнь Иисуса Христа, либо такого города вовсе еще не было, либо он представлял собой весьма незначительное поселение, о котором никто не считал нужным упоминать. Археологические раскопки не опровергают этого предположения. При всем стремлении библеистов-археологов обнаружить следы новозаветного Назарета, им удалось найти здесь лишь несколько черепков, по своей датировке приближающихся к этому времени. Евангельское предание о Назарете как родине Христа пока не может быть ничем подтверждено.

РЕЛИКВИИ И МОЩИ

Огромное множество мощей выдается православными и католическими церковниками за подлинные реликвии новозаветных героев — в частности, Иоанна Крестителя, девы Марии и других.

Еще в 1821—1822 гг. французский историк Колен де Планси издал трехтомный труд «Словарь критики реликвий», в котором собрал все доступные ему сведения о реликвиях новозаветных героев. Результаты получились потрясающие. Этих реликвий оказалось очень много — значительно больше, чем нужно для того, чтобы можно было поддерживать веру в них.

Особенно повезло Иоанну Крестителю. Оказались в наличии чуть ли не все предметы, связанные с важнейшими эпизодами его биографии. Нужен меч, которым отрубили голову Предтече? Пожалуйста, он находится в кафедральном соборе г. Авиньона во Франции. Коврик, который был подстелен под Иоаннову голову в момент казни, хранится в Аахенском соборе. А камень, на который был постелен коврик, имеется в венецианском соборе св. Марка. Есть и блюдо, на котором плясунье Саломее была поднесена голова мученика — оно принадлежит церкви св. Лаврентия в Генуе. Есть сандалии

Иоанна, его власяница, пещера, в которой он скрывался, камень, на котором он спал и на котором оставил отпечаток своего тела. Больше того, остались многочисленные реликвии — это уж скорей «мощи»,— относящиеся к самому телу Иоанна Крестителя.

По свидетельству некоторых древнецерковных авторов, в середине IV в. н. э. римский император Юлиан приказал разрыть могилу Иоанна, перемешать его останки с костями разных животных и сжечь. Эта версия открыла перед церковниками богатые возможности демонстрации пепла от тела Иоанна Крестителя. И действительно, немалое количество этого пепла — в значительно большем количестве, чем может дать тело одного человека, хранится и показывается для почитания в церквах Рима, Генуи, ряда французских городов — Вьенне, Ардре, Дуе, Пюи ан-Веле и других. И несмотря на то что в таком количестве пепла, надо полагать, должно содержаться уж во всяком случае все тело Иоанна Крестителя, оказалось все же, что различные части этого тела все-таки сохранились в неприкосновенном виде.

Понятно, что наибольший интерес должна вызвать голова Предтечи — та самая, которая была галантно преподнесена Иродом своей падчерице Саломее. И она, конечно, нашлась: в начале IV в. была «обнаружена» в городе Эмсе. После этого стали происходить совершенно чудесные явления. В 452 г. была найдена новая голова Иоанна Крестителя, в 857 г.— еще одна, а потом открытия следовали одно за другим. Некоему аббату Мароллю приписывается заявление, которое он сделал после того, как сподобился приложиться к голове Иоанна Крестителя в Константинополе: «Благодарение богу — вот уже шестая голова Иоанна, которую я удостаиваюсь целовать». Всего известно двенадцать голов Иоанна Крестителя. Имеются сведения о том, что когда-то в Москве хранилась тринадцатая, но следы ее в дальнейшем потерялись.

Так как у Иоанна была не только голова, то и остальные части тела тоже наличествуют в большом количестве католических и православных церквей и монастырей. Много небольших частиц мощей этого святого хранилось до революции в московских соборах — Успенском, Архангельском и Благовещенском. Плечи Иоанна хранятся в четырех экземплярах в Сен-Дени под Парижем, в Лонгпонте и в других местах. Ноги его показываются в Аббевиле, в Венеции, в Толедо, в Немуре. Особенно много сохранилось рук Иоанна Крестителя. Одна из них, много раз переменив место своего пребыва-

ния, оказалась в конце XIII в. собственностью русского царя Павла. Вторая находится в Болонье, третья — в Суассоне, четвертая — в Риме, пятая — в Перпиньяне, а всего — девять рук с сорока пятью пальцами. Помимо того, известны пальцы Иоанна Крестителя, ведущие, так сказать, индивидуальное существование: один — в Безансоне, другой — в Тулузе, а всего зарегистрировано тринадцать отдельных пальцев. Само собой разумеется, Коллен де Планси, приводящий эти сведения, не мог дать исчерпывающего подсчета — некоторое количество рук, ног, пальцев и т. д. Иоанна Крестителя осталось вне поля его зрения.

Было бы странно, если бы в распоряжении служителей божиих не оказалось никаких реликвий и мощей самого Иисуса Христа. И действительно, они имеются в количестве более чем достаточном.

После рождения божественного младенца у него, как и у всякого небожественного новорожденного, отрезали пуповину. И что же удивительного в том, что эта драгоценная частица была сохранена? Известно, что в Клермоне хранилась эта реликвия в течение всего средневековья. Но такою же обладал и собор города Шалон на Марне. В значительно большем числе экземпляров сохранилась крайняя плоть Спасителя, отрезанная от его детородного органа на восьмой день после рождения. Один из основателей протестантизма Жан Кальвин уже в 1587 г. знал три экземпляра этой уникальной святыни. Аббат Тьер в 1699 г. сообщил о двух дополнительных экземплярах. Потом открытия следовали одно за другим. В общем зарегистрировано не меньше полутора десятков крайних плотей Иисуса Христа. В большом количестве имеются бороды, волосы и ногти Спасителя. Кровь, пролитая им на кресте, собрана, видимо, вся и по своему количеству в состоянии заполнить целые чаны. Имеется даже некоторое количество пота, собранного кем-то с тела Христа на кресте. Имеется большое количество слез, пролитых Спасителем во время «моления о чаше» в Гефсиманском саду. Неизвестно только, кто и как их собирал. Это затруднение не возникает в вопросе об остатках деревянного креста, на котором был распят Христос, о гвоздях, которыми были прибиты его руки и ноги, о копье, которым было прободено его ребро: уж если пот и слезы можно было собрать, так какая трудность в том, чтоб сохранить копье или гвоздь?! Но этих гвоздей могло бы, вероятно, хватить на постройку дома средней величины, а копьями можно было бы вооружить взвод солдат...

Вероятно, у некоторых читателей появится мысль, что все эти несуразности относятся к далекому прошлому и что само духовенство теперь отмежевывается от них. Конечно, когда дело доходит до рассмотрения вопроса по существу, то любой служитель церкви оказывается вынужден от многого отмежеваться. Но нигде никогда ни православная, ни католическая церкви не заявляли во всеуслышание, что они считают ошибочным культ реликвий и мощей. Наоборот, в общем эксплуатация этого культа продолжается и в настоящее время с немалой выгодой для церкви и духовенства.

По сей день в католической религиозной пропаганде играет большую роль так называемый хитон Иисуса Христа. Евангельская легенда, связанная с ним, гласит, что легионеры в момент распятия Христа разделили между собой его одежду, причем одному из них достался хитон. В средние века не меньше двух десятков католических церквей считали себя владельцами подлинной одежды Иисуса Христа. В ожесточенной конкуренции между ними одержал победу собор в немецком городе Трире — именно его хитон стал пользоваться наибольшим успехом у паломников и вообще богомольцев. В 1844 г. трирский епископ ввел обычай периодически выставлять эту реликвию на всеобщее обозрение. Для поклонения ей собираются каждый раз сотни тысяч паломников, что приносит значительные доходы как городу, так и церкви. Известно, например, что в 1900 г. поклониться хитону явилось два миллиона человек; небезынтересно отметить, что население самого города насчитывало тогда всего около 50 тысяч.

В последний раз хитон выставлялся в 1959 г. на время с 19 июля по 20 сентября; в течение этих двух месяцев ежедневно являлось поклониться ему в среднем по 30—50 тысяч человек в день. Всеми средствами современной рекламы вокруг выставки хитона поддерживался непрестанный ажиотаж. На площади около собора мощные радиорепродукторы непрестанно в разных формах и под разными предлогами сулили людям: «Вы увидите подлинный хитон Христа...»

На самом деле паломникам показывают даже не самый хитон, а лишь специально сшитый для него шелковый чехол. Еще в 1896 г. комиссия экспертов, назначенная трирским епископом для подтверждения подлинности хитона, вынесла такое определение: «Показываемая паломникам шелковая одежда с изображением птиц является лишь покрывалом для самого хитона. Последний представляет собой нечто покрытое плесенью, сплошь дырявое, материал его теперь установить

не представляется возможным, нельзя даже установить, имеются ли в этой вещи швы. По-видимому, она была сделана из льна или хлопчатобумажной ткани и не имела никаких узоров». Откуда взялась ветошь, выдаваемая за одежду Иисуса, установить, конечно, теперь невозможно. Но верить тому, что это действительно хитон Иисуса, нет абсолютно никаких оснований.

Мы приводили до сих пор материал о тех «реликвиях», которым археологи не придают никакого значения. Но при малейшей возможности церковные апологеты не только в рясах, но и в мантиях ученых, а тем более клерикальные журналисты, делают все возможное, чтобы выдать заведомую фальшивку за подлинную историческую реликвию. Вернер Келлер с совершенно серьезным видом расписывает в своей книге знаменитую «туринскую плащаницу». Этот случай заслуживает того, чтобы на нем остановиться.

В 1204 г. во время четвертого крестового похода благочестивые христианские воины разграбили христианский же Константинополь, и там в руки француза-крестоносца де ля Роша попало льняное полотнище четырех с лишним метров в длину и метр десять сантиметров в ширину со следами крови и пота. При ближайшем рассмотрении оказалось, что на полотнище обрисовываются следы человеческой фигуры длиной примерно в сто восемьдесят сантиметров. Крестоносец увез свой трофей в Южную Францию, откуда тот вскоре перекочевал в североитальянский город Турин. Единственное объяснение, которое стоило дать находке де ля Роша, заключалось в том, что ему в руки попала та самая «плащаница», в которую Иосиф Аримафейский в свое время завернул тело Иисуса после его снятия с креста.

Объяснение это, может быть, выглядело бы убедительно и во всяком случае оно было достаточно выгодно для хозяев полотнища, но беда заключалась в том, что последние не были монополистами в обладании таким сокровищем: по меньшей мере, еще две церкви на католическом Западе показывали плащаницу ничуть не менее убедительную, чем туринская. Последняя поэтому ничем не выделялась из массы рядовых реликвий, заполняющих многочисленные церкви и соборы Западной Европы. Так продолжалось до тех пор, пока предприимчивые хозяева туринской реликвии не предприняли некоторых специальных мер для утверждения своей монополии.

В 1889 г. было публично объявлено, что туринская плаща-

ница сфотографирована, и при этом обнаружилось нечто в высокой степени примечательное: на негативе ясно обрисовалось человеческое лицо, не только своими очертаниями напоминающее иконописные изображения Иисуса Христа, но и обнаруживающее явные следы рубцов и ран от тернового венца, да и довольно явственные очертания самого венца. После этого у всякого благонамеренного человека не должно было оставаться сомнений в том, что здесь налицо подлинная плащаница Иисуса Христа. Оставалось лишь решить вопрос — каким образом на ней обрисовалось его лицо.

Проще всего было объяснить это чудом. Но такое объяснение не обладало бы особой убедительностью для людей, пытающихся здраво подойти к вопросу. Были поэтому предприняты многочисленные настойчивые попытки «естественного» объяснения, основанные даже на ряде специально проведенных экспериментов. И некоторые из них, как было сообщено в католической печати, «увенчались успехом»: на пропитанном алоэ и ароматическими маслами куске льна удавалось получить нечто вроде отпечатка тела и лица того покойника, который завертывался в это полотнище. Отсюда, правда, вытекал деликатный вопрос — не могли ли те же самые «экспериментаторы» сотворить таким способом и изображение, обнаруженное на плащанице? Но кто же может заподозрить благочестивых хозяев величайшей святыни в обмане?!

Современная археологическая техника обладает достаточно надежными способами, чтобы установить подлинность или подложность такой вещи, как туринское полотнище: при помощи радиоуглеродного анализа можно установить дату, когда был сжат лен, из которого изготовлено полотнище. Если бы выяснилось, что эта дата относится к началу нашего летосчисления, то это, конечно, было бы серьезным основанием для признания реликвии подлинной. И Келлер скромно признает, что теперь дело только за этим — если произвести радиоуглеродный анализ, все станет ясно. Но почему же его не делают? Келлер не строит никаких предположений на этот счет и дает понять читателю, что такое исследование стоит на очереди. Мы позволим себе усомниться в том, что церковь осмелится предпринять этот шаг, ибо вряд ли хозяева плащаницы сомневаются в том, что она подложная. Впрочем, не исключено, что ее радиоуглеродный анализ уже давно произведен, но о его результатах предпочитают не говорить. Ведь как никак, а этот прием датировки археологических памятников стал применяться еще с 1948 г.— времени для того, чтобы

установить древность плащаницы, было вполне достаточно.

Стремясь во что бы то ни стало доказать историчность новозаветных мифов, Келлер прибегает к столь же смехотворным аргументам, как и в отношении ветхозаветных легенд.

Он пытается, например, обосновать историчность евангельского сообщения о бегстве «святого семейства» в Египет. В Матарии, видите ли, до сих пор показывают дерево, в тени которого оно укрывалось, а также часовню, где родители Иисуса молились. По этому поводу Келлер разводит глубокомысленные рассуждения, ближайшим образом напоминающие гадания на кофейной гуще. Почему святое семейство оказалось в Матарии? А потому, что там в свое время Клеопатра и Марк Антоний развели сад и, надо полагать, им при этом помогали еврейские садовники, которые там и поселились. И вполне, дескать, естественно, что святое семейство нашло себе приют именно в Матарии — у земляков. Но откуда известно, что Марк Антоний и Клеопатра прибегали к помощи еврейских садовников и что последние после разведения садов поселились в этом районе? Единственный и достаточно курьезный аргумент, приводимый здесь Келлером, заключается в том, что в Иудее в районе Иерихона были хорошие сады; следовательно, среди евреев были умелые садовники, которые могли быть приглашены Клеопатрой в Египет и могли потом там поселиться и т. д. Что и говорить — аргументация не из сильных!

О ПОРТРЕТНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ХРИСТА

О чем здесь может идти речь — об иконах, статуях в католических храмах, распятиях, бесчисленных произведениях искусства?

Изображенный на них человек настолько различен, что считать их портретами никак нельзя. Есть определенные условные формы изображения

Христа — небольшая бородка, расчесаные надвое волосы на голове — но и фигура, и черты лица Инсуса представляют собой каждый раз, безусловно, продукт художественного воображения мастера или, может быть, они отражают черты того натурщика, с которого писалась икона. К тому же иконы и другие того же рода изображения Христа стали появляться только в V—VI вв. н. э., так что не может быть и речи о том, чтобы они хоть в какой-либо мере давали портретное сходство с человеком, который жил (если он вообще когда-нибудь жил!) за пятьсот лет до этого. Существуют ли действительные портретные изображения Инсуса Христа, сделанные с натуры его современниками или, по меньшей мере,— по воспоминаниям современников, художниками ближайших к нему поколений?

Могут быть выдвинуты возражения против самой постановки вопроса. Одно из них заключается в том, что в те времена люди вообще мало заботились об увековечении себя или своих близких в портретных изображениях. Другое возражение, представляющееся на первый взгляд довольно сильным, исходит из того, что иудейская религия запрещает рисовать или ваять человеческую фигуру, так что и Инсуса Христа изображать нельзя было. Оба эти возражения опровергаются тем обстоятельством, что первоначальное христианство было связано с иудейством только в самый ранний период своего существования и уже через несколько десятилетий широко распространилось среди многонационального населения Римской империи. Если запрет мог еще в какой-то мере действовать на христиан из иудеев, то уж к бывшим «язычникам» он во всяком случае никакого отношения иметь не мог. А в быту римлян, греков и многих других народов, находившихся под их культурным влиянием, было широко распространено обыкновение запечатлевать черты людей в живописных или скульптурных изображениях. Советский историк А. Дмитрев пишет по этому вопросу: «На монетах являлись изображения правителей, законодателей; в библиотеках помещались фигуры ученых, философов, поэтов; в домах почти всех состоятельных граждан всегда сберегались портреты предков, родственников, друзей, любимых учителей и т. п. Вообще не было ничего обыкновеннее в классическом греко-римском мире, как изображение живописью или скульптурой человека известного, замечательного или красивого для сохранения о нем памяти в потомстве». Это значит, что мы имеем полное основание искать портретные изображения Инсуса Христа, могущие

в какой-либо мере претендовать на подлинность и историческую ценность.

Местом, где могли бы сохраниться наиболее ранние такие изображения, по времени ближе всего стоящие к оригиналу, являются римские катакомбы. Этим названием обычно именуются многокилометровые древние подземные ходы и коридоры, имеющиеся не только в Риме, но и в различных городах Западной Европы и в некоторых городах СССР. В одних случаях они возникли как каменоломни, в других, более частых, катакомбы были в свое время подземными кладбищами: в узком коридоре для каждой могилы прорывалось боковое углубление — ниша. В течение столетий подземные коридоры все росли и достигали колоссальной протяженности. Так, например, римские катакомбы, о которых у нас пойдет речь, составляют в общей сложности не одну сотню километров. Нередко в ходе истории катакомбы использовались как убежища и вообще потайные места — особенно во время войн и других острых национальных и социальных столкновений.

Римские катакомбы возникли еще до н. э. и служили местом для погребения у живущих в Риме евреев. Со II в. н. э. ими стали пользоваться христиане, и в дальнейшем они полностью овладели этими подземными кладбищами, прорыв на протяжении столетий большое количество новых коридоров. В периоды «гонений» христиане пользовались катакомбами как убежищами. Стены катакомб покрыты колоссальным количеством надписей и всевозможных графических и живописных изображений — фресок и мозаик. Тематика этих надписей и изображений — почти исключительно религиозная. В гробницах и нишах найдено много статуэток и амулетов, медальонов, перстней, предметов украшения и церковной утвари — ложечки для причащения, лампады, различные сосуды и т. д. У христиан первых веков было много своих художников, скульпторов, ювелиров, которые могли бы запечатлеть облик Христа в фресках и мозаиках, лепных изображениях или медальонах. Но — ничего нет!

Трудно представить себе, что у христиан первых веков не было потребности или стремления изобразить пластически предмет своего поклонения и обожествления. Казалось бы, христианские художники, расписывая стены катакомб, должны были пытаться прежде всего изобразить своего бога в его человеческом образе и дать таким способом верующим реальный, чувственно воспринимаемый объект поклонения. «И археология,— пишет уже цитировавшийся А. Дмитрев,—

вправе была бы ожидать, что среди богатого множества памятников первоначального христианского искусства она, несомненно, найдет, в первую очередь, древнейшие реальные портреты Иисуса». Но на стенах катакомб, в гробницах и нишах найдено большое количество изображений рыбы, ягненка и многие другие, считающиеся символами Христа, а реального изображения нет буквально ни одного.

Церковные историки нередко ссылаются на изображение «доброго пастыря», в большом количестве фигурирующее в катакомбах,— во фресках, на барельефах гробниц, на чашах и т. д. Это фигура пастуха, молодого безбородого человека с коротко стриженными волосами; он держит на плечах ягненка. На нем обычная одежда античного пастуха, в руках нередко — особая пастушеская палка с загнутым концом, предназначенным для того, чтобы ловить за ноги отбивающихся от стада овец. При большом желании можно признать эту фигуру изображающей евангельского «доброго пастыря». «Аз есмь,— говорит в евангелии от Иоанна Иисус Христос,— пастырь добрый...» Но отождествлять пастуха из катакомб с Христом нет никаких оснований.

В античном искусстве мотив заботливого пастуха, несущего на плечах овцу или ягненка, встречается очень часто. Найдено большое количество статуэток такого рода, притом многие из них хронологически относятся к дохристианским временам. Например, в 1864 г. в Афинском Акрополе была найдена статуя VI—V вв. до н. э., отличающаяся от катакомбного пастуха почти только тем, что на плечах у него не ягненок, а козленок. В древнегреческом пантеоне был бог Гермес, считавшийся покровителем стад и скотоводства,— он обычно изображался с ягненком на плечах и именно в таком виде служил объектом культового поклонения. Гермес носил дополнительное имя Криофора, то есть овценосца, бараноносца. Древнегреческий историк Павзаний, живший в середине V в. до н. э., описал статую знаменитого скульптора Каламиса, изображавшую Гермеса с ягненком на плечах, и рассказал связанный с этим сюжетом миф о том, как Гермес с ягненком на плечах обошел кругом стен города Танагры и спас тем жителей от эпидемии чумы; в память этого события ежегодно устраивалась церемония обхода стен города, в которой участвовал самый красивый юноша с ягненком на плечах. При раскопках Танагры статуэтки Гермеса Криофора обнаруживались очень часто. В искусстве древнего Рима этот сюжет также представлен весьма обильно. В частности, много изображе-

иий Гермеса Криофора найдено в Помпеях и Геркулаиуме, разрушеиных при извержении Везувия в 69 г. н. э.

Из всего этого следует, что «добрый пастырь» катакомб ни в коем случае не может отождествляться с Иисусом Христом — это изображение языческого бога Гермеса. Но если даже пойти на все мыслимые уступки в этом вопросе и признать его изображением Христа, то положение защитников христианской догмы от этого не станет легче. Ведь это изображение совсем не совпадает с установившимся и принятым церковью в качестве канонического обликом Христа, запечатленным на позднейших иконах и скульптурах! Здесь нет ни бороды, ни ниспадающих на плечи волнистых волос, ни других элементов Христова образа. Поэтому и церковники не очень настаивают на признании изображений Гермеса Криофора портретами Христа.

Есть еще одна человеческая или, точней, богочеловеческая фигура, довольно часто встречающаяся в катакомбах,— это изображение легендарного певца Орфея. Считается, что некоторые группы первохристиан из язычников символизировали Христа в фигуре Орфея. Известно, однако, что уже в IV в. н. э. христианская церковь запретила считать Орфея символом Христа, и уже с этого времени в катакомбах Орфей не изображался.

То обстоятельство, что в первые века христианства не существовало никаких изображений, которые могли бы с какой-то долей вероятности считаться портретами Иисуса Христа, выразительно подчеркивается происходившими среди церковников в III—V вв. н. э. спорами о его наружности.

Итальянские и вообще западные богословы и церковные историки настаивали на том, что Христос был внешне очень красив. Амвросий Медиоланский, Иоанн Златоуст и другие утверждали, что он был высокого роста, имел благородную осанку и прекрасное лицо. Такие представления соответствовали античным традициям изображения классических божеств, воплощавших идеал телесной красоты. Им противостояли взгляды богословов Востока — Египта, Сирии, Византии — Климента Александрийского, Евсевия, Тертуллиана и др., исходивших из представления, по которому божество характеризуется не внешней красотой, а высокой одухотворенностью и мистичностью; восточные богословы считали, что Христос воплотился в человеческом облике некрасивом и невзрачном, но «высокодуховном». Само собой разумеется, что если бы в те времена существовал мало-мальски надежный

реальный портрет Иисуса Христа, такие вопросы и не возникали бы, и споров по ним не было бы.

Само собой разумеется, что любое изображение Христа, относящееся к более позднему времени, может быть признано только продуктом фантазии и ни на какое научно-историческое значение претендовать не может.

Что касается портретных изображений других новозаветных героев, то с ними дело обстоит ничуть не лучше. Богородица изображена в тысячах вариантов не только на иконах, но и на картинах крупнейших художников всех времен, включая Леонардо да Винчи и Рафаэля. Многие из картин вошли в историю мирового искусства как величайшие шедевры. Но ни одно из изображений Мадонны не может, конечно, считаться ее портретом. То же относится и к иконам, статуям и другого рода изображениям Иоанна Крестителя, апостолов и всех остальных персонажей Нового завета.

НАДПИСИ, ПОГРЕБЕНИЯ

При полном отсутствии надежных археологических материалов, относящихся к жизни Иисуса Христа, археологам-апологетам представляется соблазнительным найти какие-нибудь свидетельства, связанные хоть с его смертью. На роль такого свидетельства претендует так называемая назаретская надпись.

В 1878 г. в Париж была доставлена неким Френером копия надписи с пометкой, что оригинал был автором открыт в Назарете. Больше полустолетия она находилась в Парижском кабинете медалей, пока ее не опубликовал в 1929 г. археолог Ф. Кюмон. Публика-

ция вызвала большой интерес и весьма оживленные споры. Надпись на греческом языке (видимо, перевод с латинского), озаглавленная «Приказ Цезаря», содержит решительное запрещение разрывать могилы, уносить или выбрасывать из них тела покойников и уносить надгробные памятники. Датировать этот документ оказалось трудно,— амплитуда дат составляет около 150 лет и включает в себя I в. и вторую половину II в. н. э. На первый взгляд, из этого памятника нельзя извлечь никаких данных, иллюстрирующих новозаветные легенды. И все же это оказалось возможным.

Нашлось немалое количество авторов, которые сочли правдоподобной гипотезу, что непосредственной причиной издания приказа явились смерть и воскресение Иисуса Христа. В евангелии от Матфея говорится, что когда воскресший Иисус покинул свою могилу, то иудейские «первосвященники» (всегда бывало только по одному первосвященнику.— *И. К.*) вместе со старейшинами подкупили стражу и внушили ей: «Скажите, что ученики его, пришедши ночью, украли его, когда мы спали. И, если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его, и вас от неприятностей избавим». Слухи, мол, действительно дошли до правителя, и тот доложил об этом происшествии римскому императору; чтобы в дальнейшем никто не вздумал повторить нечестивые деяния последователей Христа, укравших его тело, император и опубликовал специальный приказ.

Абсолютно никаких доказательств того, что назаретская надпись подлинна, никто представить не может. Но если даже допустить, что это так, то нет абсолютно никаких оснований связывать ее с Христом или его воскресением. Надо полагать, что римские власти больше остерегались живых бунтовщиков, чем выкопанных из могил.

Есть и другой вариант объяснения причин «приказа Цезаря». Как известно, у евреев был обычай — по прошествии определенного времени после смерти и погребения того или иного родственника выкапывать его останки из могил и складывать их в специальный, обычно богато украшенный каменный ящик — «оссуарий». Может быть, римскому правительству этот обычай показался неприличным и нарушающим общественную нравственность, что и заставило его вмешаться в эту чисто местную национальную традицию. Во всяком случае, такое объяснение может претендовать хоть на какую-то степень правдоподобия. И уж никак нельзя основывать на назаретской надписи миф о смерти и воскресении Иисуса Христа.

Польский ксендз Григлевич обращает внимание читателя своей книги на то, что евангелия называют Иисуса Христа первородным сыном девы Марии. И в качестве сенсации он преподносит тот факт, что в египетском городе Леонтополисе (Телль эль-Иегуди) имеется надгробный камень некоего Арсиноя, относящийся ко II в. до н. э. и содержащий надпись, в которой погребенный также именуется первородным сыном. А так как в Леонтополисе была в свое время большая еврейская колония и Арсиной, может быть, был евреем (хотя надпись сделана на греческом языке), то, значит, такая речевая формула была в ходу у евреев эпохи начала нашей эры. Вряд ли стоило бы ученому ксендзу распространяться по поводу столь незначительного и несущественного факта, если бы в его распоряжении были какие-нибудь более важные козыри.

Древнееврейские оссуарии дали археологам, ищущим следы христианства в I в. н. э., много материала для весьма ненадежных построений. На оссуарии обычно писали имя умершего, иногда с добавлением краткой эпитафии. Израильский археолог Е. Сукеник положил много трудов на разыскание и исследование этих оссуариев. При этом он с большим упорством старался выискивать в них свидетельства исторического существования Христа и раннего возникновения христианства.

Еще в 1931 г. Сукеник выступил в Германском археологическом обществе в Берлине с докладом на тему «Иудейские погребения времен Христа». Материала в его распоряжении было много — несколько десятков оссуариев, несомненно, I в. до н. э. и I в. н. э. с именами умерших, написанными на древнееврейском, арамейском или даже греческом языках. Имена эти оказались звучащими весьма знакомым образом: Симон, Иуда, Анания, Сапфира, Саломея, Лазарь, Елизавета, Мириам. Такие имена постоянно встречаются на страницах Нового завета. И имя Иисуса встречается на оссуариях неоднократно. Больше того, на одном из них оказалось начертанным имя «Иисуса сына Иосифа». Нет никаких сомнений в том, что если бы не евангельский миф о вознесении Иисуса Христа на небо, этот оссуарий был бы признан наиподлиннейшим вместилищем святейших и божественнейших мощей Иисуса Христа. Но если богочеловек вознесся в своем телесном образе в царствие небесное, он, конечно, унес туда и все свои кости. Поэтому даже самые рьяные подвижники археологической апологетики были вынуждены признать здесь простое совпадение имен. В остальном же эти памятники давали немало пищи для благочестивых гипотез.

Многие из оссуариев были открыты еще Клермон-Ганно в 1873 г., и Сукеник использовал их для своих гипотез. Но он и сам нашел здесь немало нового. В 1945 г. он открыл на дороге между Иерусалимом и Вифлеемом гробницу одной еврейской семьи с оссуариями, надписанными по-арамейски и по-гречески. Арамейские надписи легко расшифровывались — они означали имена Симона Барсабы, Мириам, дочери Симона, и сокращенное имя Матафии. Две греческие надписи было труднее расшифровать; ясно было только то, что в каждой из них фигурировало имя Иисуса в сопровождении в одном случае непонятного слова «иоу», во втором — столь же непонятного «алов». Вероятно, оба эти слова представляют собой междометия, выражающие печаль, сожаление, оплакивание, нечто вроде «увы», «горе» и т. д. Можно представить себе, что в связи со смертью кого-то из близких по имени Иисус люди, положившие его кости в оссуарий, выразили в надписи свое горе по поводу утраты близкого человека. Правда, изъявление горя здесь оказалось связанным только с именем Иисуса, а не с остальными именами. Это объяснить не так уж трудно: эллинистическое влияние. Ведь недаром указанные восклицания, как и имя Иисуса, фигурируют только в греческих надписях — эллинистическое влияние сказалось не только в выборе языка для надписи, но и в следовании греческому обычаю изъявления горя. Тем не менее археологи-апологеты нашли основания для вывода, что в данном случае была выражена скорбь, которую испытывали первые христиане по поводу трагической гибели Иисуса Христа. Основания эти, конечно, совершенно недостаточны: скорбь и горе могли быть выражены соответствующими междометиями по случаю смерти любого из родственников, носившего имя Иисус.

Предположение, что найденные Сукеником оссуарии являются христианскими, поддерживалось еще тем обстоятельством, что в орнаменте, изображенном на них, можно явственно различить перекрещивающиеся под прямым углом линии: при желании их можно принять за знаки креста. Но одного лишь желания недостаточно для научного установления факта. Известно и общепризнано, что крест стал символом христианства и предметом поклонения не раньше IV в. н. э. Перекрещивающиеся же линии встречаются слишком часто, чтобы можно было в каждом случае усматривать специально изображенный символ креста.

Таким образом, благонамеренному иудейскому археологу не удалось помочь своим христианским собратьям в подкреп-

лении исторических основ их вероучения. Впрочем, его усилия были высоко оценены христианскими церковниками — он удостоился даже аудиенции у самого римского папы...

Количество открытых древнееврейских оссуариев неожиданно сильно увеличилось в начале 50-х гг., когда на склоне Масличной горы в Иерусалиме стали строить новую церковь. Там оказалось целое кладбище, которое было церковными археологами немедленно объявлено принадлежавшим первой иерусалимской общине христиан. Раскопками этого кладбища занялся сотрудник францисканского библейского института в Иерусалиме Б. Багатти. В 1953—1954 гг. он открыл там четыреста погребений, среди которых оказалось 23 оссуария и пять саркофагов. Такая активность была вознаграждена довольно скудно — результаты работ по существу не оправдали ее.

Помимо занесенных в актив библейских имен Марфы, Марии, Саломеи, Симона, Ионы, было обнаружено и несколько написанных по-гречески имен, сопровожденных монограммой, в которой усматриваются первые две греческие буквы имени Христа; в одном случае к монограмме приписана еще буква Б, которую Багатти с великой проницательностью, но без особых оснований истолковывает как инициал греческого слова «базилевс», означающего «царь». Имеется-де в виду царь иудейский, а это уже прямое указание на Иисуса Христа! Вряд ли любой мало-мальски беспристрастный суд нашел бы такие улики достаточными для вынесения какого-нибудь приговора.

И все же мнения археологов-апологетов по поводу указанных памятников склоняются к тому, что последние относятся к раннему христианству. Разногласия между ними не выходят за эти пределы. Сукеник считает, что ряд оссуариев был прямо предназначен для апостолов Христа и для других упоминаемых в Новом завете персонажей, а католический патер Л. Венсан удовлетворяется тем, что признает их принадлежавшими христианам первых веков. Надо сказать, однако, что и для этого, более осторожного заключения достаточных оснований не имеется, ибо нет данных о том, что они вообще христианские.

С погребениями, которые признаются церковными археологами за раннехристианские, дело обстоит весьма ненадежно. Знаменитый итальянский археолог Д. де Росси, давший наиболее полное описание римских катакомб, делал выводы о принадлежности христианам той или иной надгробной надписи с удивительной предвзятостью или, если отказаться от такой характеристики,— с поразительным легкомыслием. Пер-

вая по времени надпись, которую де Росси считает христианской, датируется 71 г. н. э. Но от этой надписи вообще сохранилась только дата. На каком же основании следует считать, что погребение — христианское? Единственный и явно недостаточный аргумент, приводимый археологом: «Мой установившийся опыт твердо убеждает меня, что вряд ли можно сомневаться в христианском характере надписи...»

В другой надписи, относящейся к 107 г. н. э., буква М в сопровождении цифры XXX истолковывается как инициал слова «martyres» — «мученики»; это оказывается вполне достаточным материалом для вывода о том, что здесь похоронены тридцать христианских мучеников. Но букву М и цифру XXX разделяет еще буква Н, которую при таком толковании невозможно объяснить. Да и вообще, разве М не может иметь совсем другое значение вплоть до инициала собственного имени?! Ничуть не более убедительным выглядит признание христианскими всех тех погребений, эпитафии которых не содержат обычной для дохристианских римских могил формулы Д М — «Dis Manibus» — «богам манам». Определяя такие погребения как христианские, забывают, что указанная формула должна была отсутствовать и на всех еврейских погребениях, а также что ее часто не оказывается и на погребениях определенно языческого типа.

Фактически не найдено ни одного христианского археологического памятника, который относился бы к I в.

СЛЕДЫ АПОСТОЛОВ?

Большое место в археологической литературе по Новому завету занимают сюжеты, связанные с путешествиями апостола Павла. Первое впечатление, которое может возникнуть при чтении многочисленных сочинений, посвященных этому вопросу, заключается в том, что чуть ли не каждый шаг апостола оставил

свои следы, которые с полным успехом раскрываются археологами. Но это впечатление абсолютно обманчиво; оно создается лишь благодаря исключительной настойчивости авторов, не без успеха старающихся в каждом случае сделать слона даже не из мухи, а просто из ничего.

Книга Деяний апостольских подробно описывает путешествия Павла по всей территории Римской империи. Особенно выделяется при этом его проповедническая деятельность в Афинах, в Коринфе и в Ефесе. После третьего путешествия, как гласит новозаветная традиция, когда Павел вернулся в Иерусалим, он был там арестован и оттуда препровожден для суда сначала в Кесарию, а потом в Рим. Там несколько лет продолжалось следствие. Одно время Павел находился даже на свободе и использовал возможность для четвертого путешествия — на Крит. Вернувшись опять в Рим, он стал проповедовать при дворе императора Нерона и даже сумел обратить в христианство одну из его наложниц. Это, как можно представить себе, явилось последней каплей в чаше терпения Нерона, и тот распорядился казнить апостола.

Казалось бы, при такой бурной публичной деятельности в самых оживленных культурных и политических центрах того времени исторические сочинения, летописи, государственные документы, многочисленные надписи на стенах зданий, гробниц и т. д. должны были подробно рассказывать о том, как проповедовал красноречивый энтузиаст-христианин, как ему удавалось обратить в свою веру одних, какое враждебное возбуждение вызывал он в других, какие при этом разгорались бурные страсти и как в конце концов этот пламенный и, по всей видимости, высокоталантливый фанатик погиб во славу проповедуемого им бога. Тем более этого следовало бы ждать по поводу деятельности Павла при дворе императора Нерона. Римские историки Тацит и Светоний подробно описали все происходившее при дворе этого знаменитого тирана; они не могли бы пройти мимо таких связанных с Павлом событий, о которых рассказывают Деяния.

Какие же следы этих событий обнаруживаются в исторической литературе, в вещественных памятниках и в надписях?

Что касается исторической литературы, то в отношении ее можно ответить коротко: ни одного упоминания о Павле нет ни у Тацита и Светония, ни у других историков того времени, в частности, у Иосифа Флавия, который с большим интересом относился к деятельности своих выдающихся соотечественников и, конечно, не оставил бы без внимания фигуру Павла

и шум, произведенный им, если судить по Деяниям, чуть ли не на всей территории Римской империи. Здесь совершенно нечем поживиться теологам и благочестивым историкам, ищущим исторического подтверждения новозаветных легенд. В археологических же материалах они кое-что находят.

В связи с пребыванием апостола Павла в Ефесе и его проповедью христианства там Деяния рассказывают о бунте против Павла, который был поднят неким «серебряником» Димитрием, занимавшимся изготовлением предметов культа богини Артемиды. Он собрал своих товарищей по ремеслу и поделился с ними своими опасениями насчет того, что проповедь Павла отвращает людей от языческой богини и тем подрывает источники дохода ремесленников, работающих для ее храма. Еще в 60-х гг. прошлого века английский архитектор и археолог И. Вуд предпринял поиски в Ефесе храма Артемиды, продолжавшиеся ряд лет, пока, наконец, продолжатели дела Вуда Я. Хогарт и А. Хендерсон открыли развалины этого храма уже в начале XX в. Найдено много предметов культа богини Артемиды, в том числе ее статуэтки, а также надписи, возвеличивающие божественную мощь Артемиды. Это оказалось достаточным материалом для торжествующих криков о том, что один из важнейших моментов деятельности апостола Павла нашел свое археологическое подтверждение. А есть ли основания для таких заявлений?

Из того обстоятельства, что в Ефесе действительно оказался реально существовавший в древности храм Артемиды, следует только тот вывод, что автор Деяний знал о существовании его в этом городе. В тех кругах христианского населения, где из уст в уста передавались повествования и легенды о деятельности Павла, тоже, видимо, знали о существовании храма Артемиды Ефесской; и нет ничего удивительного, что в этих легендах — независимо от того, лежали ли в их основе действительные факты,— пребывание Павла в Ефесе оказалось каким-то образом сюжетно связанным с храмом Артемиды. Ефесские ремесленники, по сообщению Деяний, восклицали: «Велика Артемида Ефесская!» Это восклицание совпадает с обнаруженными в храме надписями. Отсюда вытекает лишь то, что авторы легенды знали эту формулу, провозглашение которой занимало, вероятно, важное место в ритуале служения богине Артемиде. Но свидетельствует ли все это об историчности самого сказания, фигурирующего в Деяниях? Никаких оснований к такому заключению не существует. Заметим при этом, что за все десятилетия археологических поисков

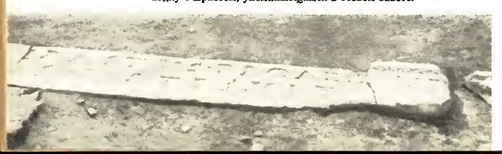
«Туринская плащаница» — одна из многочисленных фальшивок, выдаваемых католической церковью за подлинные реликвии Христа.

Обломок колонны, обнаруженный во время раскопок под собором святого Петра в Риме — остаток надгробного сооружения II в. н. э. Нет никаких оснований считать это сооружение памятником апостолу Петру.

Оссуарии (ящики с костями умерших), найденные в 1952 г. на Масличной горе в Иерусалиме и обозначенные именами Иаира, Марфы и Марии, Иисуса и др. Совпадение имен с именами евангельских персонажей всеми учеными признается случайным.

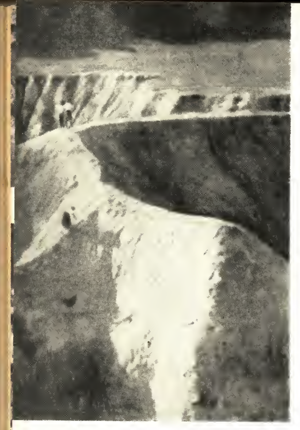
Римский «языческий» саркофаг, обнаруженный под собором святого Петра. Такого рода памятники найдены там в довольно большом количестве, но ни один из них не может считаться христианским.

Найденная в Коринфе плита с надписью, в которой упоминается некий Эраст. Церковные археологи связывают эту находку с Ерастом, упоминающимся в Новом завете.



Общий вид местности на побережье Мертвого моря в районе Хирбет-Кумрана.

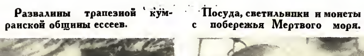
В пещере при свете факелов. Местные жители-арабы в поисках археологических кладов.



Археологи в районе поисков.

Четвертая пещера Кумрана.

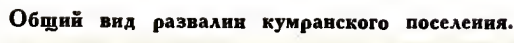
Рукописи и обрывки, найденные в первой пещере. Внизу — свиток книги Исаии.



Развалины трапезной кумраиской общины ессеев.

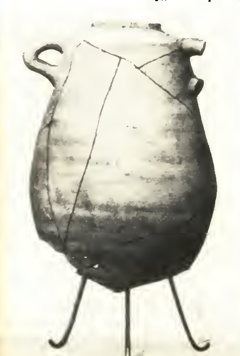
Посуда, светильники и монеты с побережья Мертвого моря.

Из обрывков воссоздаются древние рукописи.



Общий вид развалин кумранского поселения.

Римские катакомбы.

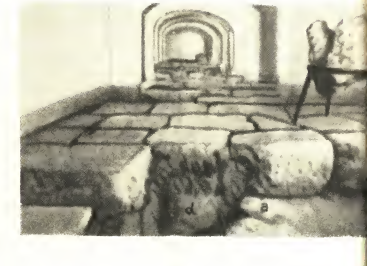


Сосуд из Элефантины.

Остатки алтаря «неведомому богу» в Пергаме.

Развалины синагоги в Капернауме. Были попытки признать ее той самой, которую, по евангелиям, посещал Христос; теперь установлено, что это сооружение относится к III в. н. э.

Каменная мостовая, обнаруженная археологами в Иерусалиме под двором замка Антония. Утверждение церковных археологов о том, что на этой мостовой происходил допрос Христа, совершенно голословно.



Статуя доброго пастыря из римских катакомб. Несмотря на попытки церковников трактовать ее как раннее изображение Христа, теперь не вызывает сомнений, что это изображение языческого бога Гермеса.

в Ефесе не удалось обнаружить ни малейшего намека на имя апостола Павла и на его деятельность в этом городе.

Точно так же обстоит дело и с пребыванием апостола в Афинах. Хотя он там был, по сообщениям Деяний, недолго, но действовал так активно, что вряд ли эта его деятельность могла бы остаться не замеченной и не отмеченной современниками. Между тем и здесь царит то же неизменное молчание.

Раскопки в Афинах были проведены в беспрецедентно широком масштабе. Райт пишет, что археологические исследования в районе афинской агоры — экономического и культурно-политического центра древних Афин,— проводившиеся с 1930 г. Американской школой классических исследований, являются «одним из лучших примеров систематических археологических работ во всем мире». Затрачено было на них около миллиона долларов. И что же они дали для подтверждения легенды Деяний? По существу ничего.

Центральным моментом деятельности Павла в Афинах должна считаться его речь перед ареопагом[1]. Трудно думать, что если бы такое событие в истории Афин когда-либо происходило, притом в таких импозантных масштабах, какие изображены в Деяниях,— чтобы оно не нашло своего отражения в греческой литературе того времени. Но оставим этот вопрос в стороне и посмотрим, что могут извлечь апологеты от археологии из речи Павла перед Ареопагом.

Они нашли отправную точку для своих построений в том, что Павел оперирует в этой речи культом «неведомого бога». Он говорит: «Проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: неведомому богу». В Афинах до сих пор не найдено ни жертвенника с такой надписью, ни какого бы то ни было намека на этот культ. Тем не менее оказывается возможным использовать тот факт, что в 1908 — 1909 гг. немецкая экспедиция под руководством В. Дерпфельда нашла алтарь II в. н. э., на котором вырезана надпись: «Неведомому богу Капитон приносит дары». Найден он, правда, не в Афинах и вообще не в Греции, а в Малой Азии, в Пергаме. Но все же и это открытие оказывается пригодным для археологической апологетики: оно доказывает, что автор Деяний не выдумал культ «неведомого бога», а взял его из исторической действительности. С этим, конечно, можно согласиться. Но ведь это опять-таки ничего не дает для установле-

[1] Совет старейшин в древних Афинах.

ния историчности сказаний об апостоле Павле и его деятельности.

Давно и основательно раскапывается город Коринф на перешейке того же названия в Греции. В 1858 г. в этих местах было землетрясение, после которого население покинуло город, так что на его месте стали технически возможны любые археологические работы. Вначале они производились эпизодически, но в 1898 г. Американский институт классических исследований принялся за работу всерьез. Результаты не замедлили сказаться, и археологи-апологеты поспешили воспользоваться ими для доказательства историчности повествований о деятельности апостола Павла в Коринфе. Какие же находки дали им основания к таким утверждениям?

Был найден осколок каменной плиты с обрывком надписи: «...агога хебр...» Видимо, вся надпись должна читаться: «Синагога евреев». В Деяниях говорится о том, что Павел «во всякую субботу... говорил в синагоге...». Возникает серьезный вопрос: не та ли это синагога, в которой проповедовал Павел? Правда, по всем данным, надпись относится к периоду 100 — 200 гг. н. э., а Павел мог быть в Коринфе не позже 51 г. Но... не исключено, как пишет ученый ксендз Григлевич, «на этой надписи покоилось око св. Павла». Вряд ли коринфская надпись многим усилила аргументацию в пользу историчности сказаний Нового завета...

Впрочем, в Коринфе найдена еще одна надпись, широко используемая верующими археологами: в ней упоминается имя некоего Эраста. Это же имя мы находим в Деяниях и во втором послании к Тимофею. В первом случае говорится, что Павел послал в Македонию «двоих из служивших ему, Тимофея и Ераста»; во втором сам Павел — если его считать автором послания — сообщает, что «Ераст остался в Коринфе». Трудно сказать, идет ли речь в коринфской надписи о том же Ерасте, который указывается в новозаветных книгах: имя это было в Греции очень распространенным, так что для отождествления новозаветного Ераста с коринфским Эрастом требуются дополнительные основания, которых никто представить не может и даже не пытается.

Ярким примером того, какие фантастические конструкции воздвигаются иногда с целью создать видимость подтверждения археологическим материалом фактов деятельности апостолов, может служить статья специалиста по археологии Афин Оскара Бронера в «Библикл Аркеолоджист», посвященная не чему иному, как доказательству того, что апостол Па-

вел присутствовал в 51 г. н. э. иа Истмийских спортивиых играх и был даже, выражаясь современным языком, активным болельщиком. Да ие подумает читатель, что это шутка,— Броиер совершеиио серьезно говорит об этом. Во всяком случае, как он утверждает, блнзость Павла к спортивиым интересам Истмнйских игр наложила отпечаток иа стиль его писаиий, иа нспользуемую им термнологию. Где, как?

Во II Посланни к Тнмофею его автор сообщает о себе: «Я уже стаиовлюсь жертвой, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течеиие совершил, веру сохраиил. А теперь готовится мие веиец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в деиь оный; и не только мне, но и всем возлюбнвшим явлеиие его». Бронер считает, что этот текст должен в переводе с греческого звучать совсем по-иному, прнмерио так: «Я участвовал в хороших атлетических играх; я закоичил свою дистаицию и сохраинл свой залог; мне осталось получнть веиок справедливостн, который предиазначеи для меия,— он присужден мне богом, праведным судией, в эти дни». Если так перевести новозаветный текст, то окажется, что Павел выражался как заправский спортивиый болельщнк. Но оснований для такого перевода иет никаких. А между тем это чуть ли не единственный аргумент, приводимый автором в обосиование своего утверждеиия, что апостол Павел был на Истмийских играх. Кстати сказать, само Послаиие к Тимофею — одно нз так называемых пастырских послаиий — большииством нсследователей признается псевдоиимым, принадлежащим не Павлу.

Можио спросить: а при чем здесь, собствеино, археология? Ведь речь идет лишь о толкованин новозаветного текста и его перевода! Нет, дело значнтельно сложней. Статья опубликоваиа в специальном археологнческом журиале, и матернал ее в основиом — археологнческий. Несколько десятков страииц автор посвящает опнсанию раскопок, проведеиных им иа Кориифском перешейке в райоие игр. Оставаясь иа почве археологии, он добросовестно нспользует фактическнй матерная и делает обосноваииые выводы. Но все это оказывается лишь своего рода артиллерийской подготовкой иаступлення на читателя, имеющей целью внушить ему любымн средствамн общее представлеиие об апостоле Павле как нсторнческой личности, которая не только существовала в реальной действнтельностн, но и предпринимала какие-то действня: ходила, ездила, была связана с реальиыми географнческимн и

историческими явлениями — одним словом, важно насытить мифологическую схему предметным содержанием. И начав с солидного, внушающего читателю доверие археологического экскурса, автор заодно старается сбыть ему свои фантастические домыслы, не имеющие уже отношения к археологии, но призванные укрепить представление об историчности Павла при помощи всяких хитроумных логических построений.

Павлу-де был прямой расчет находиться на Истмийских играх. Он мог там встречаться с участниками игр, приехавшими с севера Греции и из Малой Азии. Вместо того чтобы самолично обходить и объезжать каждый средиземноморский порт, что было практически невозможно, апостол Павел именно на играх стремился завести сношения со всеми странами средиземноморского бассейна. К тому же, как известно, апостол промышлял изготовлением палаток, а Истмийские игры, куда собирались многочисленные участники и зрители, не всегда находившие себе место на постоялых дворах и в гостиницах, должны были представлять хорошие возможности для сбыта изделий апостола — люди могли покупать палатки, чтобы жить в них во время игр. Положение Павла в Коринфе облегчалось тем, что там у него были друзья и соратники, в частности, пресловутый Эраст, который «в качестве высокопоставленного горожанина, знакомого со всеми порядками на играх, мог служить гидом и переводчиком». Правда, не может не отметить при сем Броннер, идентификация новозаветного Ераста с Эрастом, который упоминается в коринфской надписи, «не все принимают», но в апологетическом хозяйстве Броннера и эта веревочка пригодится. Правда, опять-таки отмечает он, сам Новый завет ничего не говорит о посещении Павлом Истмийских игр: «Автор Деяний, который сконденсировал сообщение о 18 месяцах работы Павла в Коринфе в 18 стихах XVIII главы своей книги, не дает никаких указаний на то, что Павел и его сотрудники были на Истмийских играх. Здесь должно было быть много эпизодов, характерных для его миссионерской деятельности, но автор молчит о них». И Новый завет молчит, и археологические материалы ничего не говорят, а набожный археолог умудряется все же построить сооружение, ничуть не более прочное, чем обыкновенный карточный домик, но могущее оказать некоторые услуги апологетам историчности Библии. А солидный археологический журнал отдает этим ненаучным упражнениям целый свой номер!

К вопросу о Павле имеет также отношение одна надпись, найденная недалеко от Коринфа,— на другой стороне залива, где стоял в древности город Дельфы. Она дала археологам-библеистам повод к глубокомысленным рассуждениям и сопоставлениям.

Деяния сообщают, что, когда Павел особенно сильно возбудил своей проповедью недовольство живших в Коринфе евреев, они привели его «пред судилище Галиона, проконсула Ахаии» (по римскому административному делению — провинция на территории Пелопоннеса). И вот обнаружились следы этого самого Галиона. В изложении известного нам Вернера Келлера все выглядит довольно убедительно. Обломки надписи, в которой император Клавдий обращается по какому-то случаю к населению данной провинции, содержат фразу, упоминающую «Люция Юния Галиона, моего друга и проконсула Ахаии». Надпись датируется началом 52 г. н. э. Выходит, что приблизительно в то время, к которому Деяния приурочивают пребывание Павла в Коринфе и его столкновение с Галионом, последний действительно был проконсулом этой провинции. По этому поводу Келлер торжествует весьма демонстративно, но в общем — напрасно.

Следует отметить (об этом Келлер умалчивает), что надпись можно прочитать так, как он это делает, лишь при условии ее мысленной реконструкции. Имеются только буквы, складывающиеся в такой текст (если его изобразить по-русски): «...иус Галион, др... мой и... онсул...» Остальное надо домысливать. Правда, особенно спорить здесь не приходится: видимо, имеется в виду тот самый Галион, и хотя провинция, проконсулом которой он является, не названа, но надо полагать, что речь идет именно об Ахаии, так как Дельфы находились в этой провинции. Другое дело, что вообще дает вся эта надпись.

Галион, как историческая личность, представляет собой довольно известную фигуру. Это, между прочим, брат знаменитого римского философа Сенеки; то, что он был проконсулом Ахаии примерно в это время, известно по ряду источников, так что в этом отношении дельфская надпись не сообщает ничего нового. А о Павле она все же ничего не говорит. Поэтому и в данном случае аргументация в пользу достоверности сказаний о Павловых путешествиях отнюдь не обогащается.

ПОИСКИ ГРОБНИЦЫ АПОСТОЛА ПЕТРА

По Новому завету, апостолы Петр и Павел были одновременно при императоре Нероне казнены в Риме. Павел в качестве римского гражданина подвергся почетной казни — был обезглавлен, а Петра — распяли на кресте; ему удалось лишь выговорить для себя одну льготу — быть распятым книзу головой в отличие от Иисуса Христа, поскольку смирение не позволяло Петру умереть такой же славной смертью, какая постигла Иисуса Христа. Считается, что все это происходило около 67 г. н. э.

Где был похоронен Павел — никаких указаний нет. Что же касается Петра, то католическая церковь категорически утверждает, будто он был погребен под тем местом, на котором стоит сейчас алтарь главного храма католической церкви, знаменитого собора св. Петра. Это дает Ватикану материал к подтверждению его претензий на то, что непосредственным основателем католической церкви был не кто иной, как сам «князь апостолов», которому Иисус Христос поручил, по евангелиям, основать церковь. Само собой разумеется, что если бы под алтарем собора св. Петра была обнаружена гробница апостола, содержащая его

останки, это было бы великим триумфом Ватикана в его борьбе за верховенство над остальными христианскими церквами. В 1940 г. по распоряжению папы Пия XII начались раскопки, длившиеся целых 10 лет.

Серьезных фактических оснований искать гробницу Петра в данном месте не существует. Больше того, все свидетельствует о том, что, если бы даже дело происходило так, как описано в Новом завете, могила Петра все равно не могла находиться в этом месте. В I в н. э. здесь были цирки римских императоров Калигулы и Нерона, в конце столетия — сады императора Домициана. Чтобы похоронить здесь кого бы то ни было, несомненно, должно было потребоваться специальное разрешение властей. Тем более это относится к Петру: так как он был приговорен к позорной казни через распятие, то труп, если его никто не подобрал, должен был быть отдан на съедение бродячим собакам и остатки его выброшены в реку Тибр. И уж ни в коем случае никто не позволил бы на месте его погребения поставить какой-нибудь надгробный памятник или мавзолей. Таким образом, особых надежд на успех в затеянном папой Пием предприятии ожидать не приходилось. Трудно сказать, чем руководился глава католической церкви, отдавая распоряжение начинать по существу безнадежное предприятие. Не исключено, что имелось в виду каким-нибудь образом так «приспособить» результаты будущих раскопок, чтоб они оправдали ожидания. Однако даже это оказалось очень трудным.

Вообще говоря, раскопки были довольно плодотворными; найдено, например, некоторое количество предметов быта, культа и искусства, относящихся ко II—III вв. н. э. и к последующим временам. Мало-мальски достоверные христианские памятники датируются не раньше, чем концом II в. н. э. А вот апостолу Петру с его погребением «не повезло»...

Были найдены человеческие кости, принадлежащие трем скелетам. Не исключено, что они могут датироваться I в. н. э. Один из скелетов весьма подходящ для отождествления с останками Петра: он принадлежал пожилому человеку сильного сложения, имевшему при жизни весьма представительную осанку. Но никаких оснований, чтобы признать эти кости или любые другие из найденных принадлежавшими Петру, не оказалось. Нельзя даже сказать определенно, являются ли эти погребения христианскими, римско-языческими или какими бы то ни было другими. Да и найдены они не под алтарем собора, а в других местах. Сам папа в рождественской пропо-

веди, произнесенной 23 декабря 1950 г., был вынужден заявить о невозможности «с какой либо степенью достоверности утверждать, что найденные человеческие кости принадлежат апостолу». Ясно, что, если были хоть малейшие основания для утверждений другого рода, папа ими воспользовался бы.

Нашлись все же обстоятельства, давшие возможность католическим церковникам говорить о «частичном успехе» раскопок. Мы имеем в виду обнаруженный под алтарем обломок мраморной колонны, служившей когда-то, как считают археологи, одним из элементов так называемой эдикулы — типичного позднеримского надгробного сооружения. С некоторой долей достоверности восстановлен и внешний вид этого сооружения. Различными способами, давшими одинаковые результаты, было установлено, что эдикула относится примерно к 160 г. н. э. На одном обломке этого сооружения и построено все здание католической интерпретации раскопок.

У церковного историка Евсевия Кесарийского приводятся слова некоего христианского проповедника Гая, обращенные им к еретику Проклу: «Я могу показать тебе трофеи апостолов. Если ты пойдешь к Ватикану или по дороге на Остию, ты увидишь трофеи тех, которые воздвигли сию церковь». Евсевий писал это в начале IV в. н. э., а Гай, на которого он ссылается, жил, по его словам, «во времена папы Зефирина», то есть около 200 г. н. э. Представляется весьма темным значение фигурирующего здесь греческого слова «тропайон». Буквально оно и тогда означало то, что мы и сейчас называем трофеями. При желании его можно перевести как останки, или как памятник, или как какие-нибудь предметы, реликвии, связанные с той или иной личностью. Католические археологи считают, что под трофеем здесь надо понимать не что иное, как именно эдикулу, поставленную христианами на месте погребения апостола Петра: около 200 г. она еще высилась на поверхности и была доступна всеобщему обозрению. Отсюда и основания к утверждению, что хотя останки апостола и не обнаружены, но найдена его гробница или, по меньшей мере, то место, где он похоронен. В речи от начала января 1949 г. папа заявил, что «под центральной точкой гигантского купола Ватиканской базилики было и есть место погребения апостола Петра». А в уже цитированной рождественской проповеди 23 декабря 1950 г. он сообщил, что «найдена гробница апостола». Нельзя не признать эти заявления, мягко выражаясь, легковесными.

В начале IV в. н. э. император Константин построил на

данном месте церковь. И почему-то получилось так, что «равноапостольный» не обратил никакого внимания на такой ценный и безусловно священный памятник, «не заметил» могилы апостола Петра и похоронил ее под возведенным им сооружением. Признаться, это выглядит неправдоподобно. Или, может быть, Константин не считал это захоронение подлинным или даже вообще христианским? Такое предположение представляется вполне вероятным. Да и у нас нет фактически никаких оснований признавать его христианским, ибо католические археологи базируются в данном случае только на свидетельстве Гая и на своих благих намерениях. Для научного вывода этого, безусловно, недостаточно.

Если признать, что эдикула была построена над могилой Петра, то возникает вопрос, почему под ней не оказалось его останков. Пытаясь преодолеть эту трудность, папские археологи пустили в ход версию, по которой в 258 г. н. э. во время гонения на христиан, предпринятого императором Валерианом, останки апостола были во избежание их осквернения перенесены в другое место. Доказать это ничем невозможно. Но если бы даже это было верно, если бы действительно стоявшая здесь эдикула была построена для увековечения памяти апостола Петра, это все равно не свидетельствовало бы ни об его историчности, ни о подлинности новозаветных сказаний, связанных с его именем.

Даже церковники не настаивают на том, что эдикула была построена раньше 160 г. н. э. Если и возвели ее именно христиане, то это может свидетельствовать лишь о том, что в это время у них уже существовал культ апостола Петра, а вовсе не об историчности самой этой фигуры: памятник, поставленный через сто лет после предполагаемого события, может иметь в своей основе и не действительное происшествие, а лишь легенду о нем или даже миф.

При всем этом археологи от теологии делают бодрый вид — как будто ничего не произошло. А некоторые, наиболее беззастенчивые из них, публикуют заявления, самым воинственным образом направленные против фактов и логики. Так, например, швейцарский протестантский богослов Оскар Кулльман в выпущенной в 1953 г. специальной монографии об апостоле Петре пишет: «Мы должны (!) заключить, что Петр действительно приходил в Рим и что он был там казнен в царствование Нерона. Больше того, раскопки подтвердили традицию, по которой казнь апостола имела место на территории Ватикана». Справедливость требует, однако, указать,

что далеко не все зарубежные археологи практикуют такое явное насилие над фактами и логикой. Немецкая протестантская энциклопедия «Die Religion in Geschichte und Gegenwart» («Религия в истории и современной жизни»), например, считает, что начало культа гробницы Петра на Ватиканском холме относится лишь к середине III в. н. э. Что же касается эдикулы и ее отождествления с Гаевым «трофеем», то автор пишет: «Так как первоначально слово «тропайон» означало «победный памятник» и нет никакого свидетельства в пользу христианского происхождения эдикулы, то ее интерпретация остается противоречивой». И особый интерес представляет вывод, сделанный английским историком и археологом И. М. Тойнби: «Относился ли этот культ (гробницы Петра. — *И. К.*) к своего рода кенотафу[1], или к памятному месту, или к гробнице некоего лица, которое могло быть ошибочно отождествлено с апостолом Петром, или, может быть, он действительно относился к месту, под которым был похоронен апостол? Каждый может находить свой собственный ответ на этот вопрос в зависимости от того, как он интерпретирует археологические свидетельства». Уклончивый ответ буржуазного автора на прямо поставленный им вопрос в достаточной мере красноречив.

Провал затеянного католической церковью предприятия с розысками могилы апостола Петра не может вызывать никаких сомнений.

НАХОДКИ У МЕРТВОГО МОРЯ

Между Иерусалимом и Мертвым морем пролегает полоса скалистой пустыни шириной около 20 километров. Это так называемая Иудейская пустыня, в которой очень мало оседлых поселений и где по-

[1] Кенотаф — пустая гробница человека, тело которого похоронено в другом месте.

лукочевые бедуинские племена ведут скотоводческое хозяйство, используя скудные пастбища, пригодные лишь для овец и коз. Особенно дика и неприветлива восточная сторона пустыни, прилегающая непосредственно к Мертвому морю. Осенью 1945 года там было сделано открытие, послужившее началом целой серии таких находок, которые составили эпоху в библейской археологии. В нашей печати история этого открытия освещалась неоднократно — правда, в различных вариантах. И теперь еще отдельные детали этой истории выглядят недостаточно ясно. Приведем вариант, который представляется наиболее правдоподобным[1].

Трое арабских мальчиков племени таамире гнали стадо овец и коз по пустыне. Однажды они обнаружили, что не хватает одной козы; пастушонок Мухаммед эд-Диб отправился искать ее. Бродя по пустыне, он подошел к отверстию в скале, под которым угадывалась пещера. Можно было подозревать, что коза провалилась в пещеру. Мальчик стал бросать камешки в отверстие, рассчитывая на то, что, если коза находится в пещере, она чем-нибудь выдаст свое присутствие. Но звуки, которые оттуда доносились, были особого рода: слышался звон разбиваемой посуды. Мальчик спустился в пещеру и увидел там несколько сосудов цилиндрической формы высотой около 40 сантиметров. Разбив несколько таких сосудов, Мухаммед нашел в них лишь какие-то зерна красного цвета. Но потом вдруг в одном обнаружилось несколько свернутых в трубку кож, обернутых в пропитанную смолой льняную ткань. Кожи были покрыты какими-то письменами, но это не вызвало особого интереса у мальчика; большее значение, как он считал, имеет то, что эти кожи могут пойти на ремонт сандалий. Он захватил их с собой и принес домой. Видимо, вскоре о находке забыл и сам пастушок, как забыли и его домашние, так что она провалялась около двух лет. Наконец она попала на глаза одному из родичей, который почувствовал, что на этом деле можно заработать. Через несколько дней кожи с письменами были предложены за 20 палестинских фунтов вифлеемскому торговцу Халилу Искандеру, или, как его именуют европейцы, Кандо. Тот не решился на риск такой сделки и сообщил о предложении бедуинов митрополиту сирийско-якобитской церкви Афанасию Иисусу Самуилу.

[1] Подробно можно ознакомиться с материалами кумранских находок по обстоятельной и интересной работе И. Д. Амусина «Рукописи Мертвого моря», изданной в 1960 г., и по ряду других работ, которые будут указаны в прилагаемом библиографическом указателе.

Несколько месяцев длились торги и переторжки. Митрополит не мог разобраться в значении рукописей, он даже не мог определить, на каком языке они написаны, но смутно чувствовал, что в его руки попали немалые ценности. В конце концов он купил пять свитков за пятьдесят палестинских фунтов и, в свою очередь, принялся выяснять возможность их выгодной продажи — святой отец был неравнодушен к бренным благам мира сего. Но, чтобы повыгодней продать рукописи, надо было предварительно установить их древность и содержание.

Мнения специалистов, к которым сначала обратился митрополит, расходились: одни считали, что рукописи — примерно трехсотлетней древности, другие признавали их современными библейскими свитками, сильно потрепанными и спрятанными до очередной оказии, когда такие вышедшие по причине ветхости из употребления библейские свитки, по иудейскому обычаю, предаются погребению. И то и другое решение вопроса не устраивало митрополита, и он неутомимо продолжал свои попытки добиться такой экспертизы, которая установила бы исключительно большую древность его рукописей и дала бы ему возможность получить за них солидный куш. Действительность благоприятствовала его высокопреподобию, так как рукописи были в самом деле весьма древние и должны были котироваться очень высоко.

Когда митрополит обратился к известному специалисту по ветхозаветной археологии, профессору Иерусалимского университета Е. Сукенику, тот так заинтересовался, что в условиях разгоравшейся израильско-арабской войны рискнул вступить в сношения с людьми, находившимися в неприятельском лагере. В ноябре 1947 г. у забора, разделявшего израильскую и иорданскую части Иерусалима, Сукеник разглядывал протянутый ему через забор кусок пергамента с надписями, исполненными квадратным еврейским шрифтом. Опытному глазу ученого было сразу видно, что он имеет дело с рукописью большой древности и громадного научного значения. Старик Сукеник не постоял за тем, чтобы через несколько дней совершить рискованное путешествие на неприятельскую территорию — в Вифлеем, где он приобрел три рукописи и два сосуда. Он не знал, однако, что за спиной торговца, который с ним имеет дело, стоит сам митрополит Афанасий. А тот все продолжал нащупывать почву для возможно более выгодных сделок с оставшимися рукописями. Мимо Сукеника он все же пройти не мог, так как более авторитетного специалиста в дан-

ном вопросе тогда в пределах досягаемости митрополита не было.

В январе 1948 г. представитель митрополита Кираз тайно встретился с Сукеником на нейтральной территории и показал ему остальные рукописи, обладателем которых был митрополит. Темной ночью при свете карманного фонаря ученый разглядывал древние кожаные свитки и трепетал от бессильного желания иметь их, читать, публиковать, работать над ними. Но у него не было денег!

Нашелся компромиссный выход. Ученый заявил, что для настоящей экспертизы ему нужно не меньше трех дней. Кираз доверился ему, так что на три дня и три ночи Сукеник получил драгоценные материалы в свое распоряжение. За это время он сделал из них большие выписки; не исключено, что он и сфотографировал рукописи, так что, когда после возврата свитков Киразу митрополит прекратил свои сношения с Сукеником, тот имел уже в своем распоряжении богатый материал для работы. Тем временем митрополит развернул свою коммерческую деятельность в другом направлении — он обратился в Американский институт восточных исследований, находящийся в Иерусалиме.

Работнику этого института Джону Треверу показали пять рукописей, якобы случайно найденных в библиотеке монастыря св. Марка и не занесенных в каталог. Тревер, как и Сукеник, сразу оценил их древность и ценность. Началась дуэль хитрости между ученым с одной стороны, и алчным попом — с другой. Институт не располагал такими суммами, которые могли бы удовлетворить митрополита. Ученому и здесь пришлось пойти на компромисс. Он прозрачно намекнул церковнику на то, что по законам Иордании все находимые в стране археологические ценности принадлежат государству, и если митрополит будет особенно несговорчив, ему грозит потеря свалившегося на его голову богатства. Институту же нужно только разрешение на то, чтобы сфотографировать рукописи и опубликовать снимки. Митрополит от этого только выиграет, так как публикация снимков вызовет сенсацию, которая вздует цену на их оригиналы; к тому же его высокопреподобие получит 50 процентов дохода от издания. Все это выглядело убедительно, и митрополит согласился.

Один из первых фотоснимков был отправлен Тревером в США В. Ф. Олбрайту, и вскоре от последнего была получена восторженная поздравительная телеграмма. Крупнейший библеист-археолог утверждал, что «не может быть даже тени

сомнеиия в подлниностн рукопнсей» и что это — «велнчайшее нз сделаиных в Новое время открытий рукопнсей»...

Митрополнт поиимал, что сорвать наибольший куш ему удастся лишь в Амернке. В иачале 1949 г. ои оказался вместе с рукопнсями в Нью-Йорке, где иемедлеиио поместнл их в сейфе одного нз нанболее солндных баиков, оценив свое сокровище в миллиои долларов. Продать их ему, правда, удалось лншь за 250 тысяч и только в 1954 г. после тщетных попыток получить бо́льшую сумму. Через подставное лнцо рукопнсн купил представитель нзраильского правнтельства археолог профессор Яднн, сыи Сукеника, к этому времеин умершего.

Между тем розыски иа побережье Мертвого моря продолжались. Вначале арабы, иашедшие первые рукописн, старалнсь держать в секрете место иаходкн, так как рассчнтывали иа иовые доходы, ио вскоре оно было обиаружеио учеиымн, после чего иачались интеисивиые археологическне понскн, продолжающиеся до снх пор. Найдены тысячи фрагмеитов рукопнсей иа пергаменте, папнрусе и меди, миого цельных рукописиых кииг большой древиости и огромиого иаучиого зиачеиня. Раскопаны поселеиня тех людей, чьей собствеииостью былн почти две тысячи лет тому иазад эти документы и книгн н кто их спрятал в труднодоступиых пещерах Иудейской пустыни.

За годы, прошедшие с первого открытня Мухаммедом эд-Дибом первой пещеры, былн исследоваиы еще сотни других. Далеко ие во всех обнаружилнсь вещи илн рукопнси, представляющне интерес для археологов. Но в общем количество находок колоссальио.

Первые иаходки былн сделаиы в местиости, которая иоснт назваиие Кумраи — от арабского иаимеиовання иаходящихся вблизн этой местности развалин — Хирбет-Кумран. Из исследоваииых в районе Кумрана пещер в одннадцатн были обиаружены цеииейшие древнне рукопнсн и нх фрагменты. Результаты поисков в этом районе так воодушевилн местное иаселение, что люди стали искать древние рукопнсн повсюду. Как говорнт И. Яднн, таамире стало племенем археологов. Еще бы! Цеиа на иаходкн вскоре установилась определеииая: доллар за квадратный саитиметр рукописи... Однако как только иа рынке обнаруживались вещи илн рукописи, явио отиосящнеся к какому-то иовому «месторожденню», ученые при поддержке властей иемедлеиио иачннали поиски того места, где, очевидно, нащупаиы новые археологнческие богатства.

Нередко бывало, что археологический отряд, сопровождаемый полицией, спугивал местных жителей, которые как раз в это время занимались поисками.

Когда в конце 1951 г. антикварам стали предлагаться новые археологические материалы, ученые устремились на поиски их источника и вскоре обнаружили его. В 18 километрах от Кумрана, в районе Вади-Мурабба'ата оказался ряд пещер с интереснейшими археологическими памятниками: много керамики, тканей, монет, орудий труда, утвари. В пяти пещерах оказалось большое количество письменных памятников. Многие рукописи были найдены в крысиных гнездах, — этим животным древние рукописи служили, видимо, в качестве подстилки. Рукописи Вади-Мурабба'ата были немного более позднего происхождения, чем кумранские. Помимо культовых документов, там оказались и деловые бумаги — контракты, письма. Наибольший интерес среди последних вызвало подлинное письмо вождя иудейского восстания 132—135 гг. н. э. Бар-Кохбы.

Продолжавшиеся поиски дали еще один источник материалов. В районе, именуемом Хирбет-Мирд, был тоже открыт ряд пещер с немалым количеством древних рукописей. В феврале — апреле 1953 г. местность была детально исследована, и в результате наука получила ряд рукописей еще более поздних, чем мурабба'атские, но все же достаточно старинные — V—VIII вв. н. э. Значение этих находок усугубляется тем, что здесь были найдены фрагменты новозаветных библейских книг, в то время как во всех предыдущих находках из Библии фигурировали только ветхозаветные тексты.

Раскопки не ограничивались, однако, поисками рукописей. Перед археологами возникла задача — выяснить, каким образом случилось, что кто-то счел необходимым почти две тысячи лет назад собрать в одном месте и тщательно запрятать в труднодоступных пещерах ряд библейских и других рукописей? Кто были эти люди, когда они устроили найденные лишь теперь тайники?

Примерно в 500 метрах к востоку от первых, найденных в Кумране пещер с рукописями. находится возвышенность, которая, собственно, и носит название Хирбет-Кумран. Уже давно было известно, что под холмом скрываются развалины какого-то древнего поселения и что поблизости находится старинное кладбище. После того как были найдены рукописи, у археологов возникла мысль, что спрятать эти рукописи могли люди, проживавшие именно в Хирбет-Кумране. Нача-

лись раскопки холма, и вскоре картина стала довольно ясной. Были обнаружены развалины большого строения, изучение которых показало, что здесь когда-то находилось поселение одной из древних иудейских сект. Раскопанное строение оказалось зданием общественного назначения — здесь были мастерские, столовая на несколько десятков человек и кухня при ней, склады для продуктов, а также помещение, в котором, видимо, переписывались книги. Среди ученых начались споры — какая именно из сект древнего иудаизма могла быть владельцем этого поселения. Теперь большинство археологов придерживается того мнения, что здесь было поселение ессеев.

В Хирбет-Кумране был, очевидно, один из основных центров секты ессеев. Вокруг раскопанного теперь центрального здания, вероятно, располагались жилища людей — в палатках, в пещерах, может быть, в сохранившихся до наших дней хижинах. Одно то, что в окрестностях Кумрана обнаружено три кладбища, на которых уже разрыто больше 1200 могил, свидетельствует об относительном многолюдстве, которым отличалась в начале нашей эры эта теперь совершенно пустынная местность. В трех километрах к югу от Кумрана находится оазис Айн-Фешха, где также жили люди, принадлежавшие к кумранской общине.

У ряда античных авторов — в частности, у Плиния Старшего и у Иосифа Флавия, мы находим сведения о том, что в районе Мертвого моря нашли себе пристанище евреи, отколовшиеся от основной массы своих соплеменников и жившие обособленной замкнутой жизнью, предаваясь упражнениям в благочестии и живя праведной жизнью; они назывались эссенами или ессеями. Имущество у них было общим, они трудились вместе и продукт своего труда потребляли также вместе. Окружающий мир ессеи считали погрязшим в грехах и зле, они уходили из него для того, чтобы, ведя праведную жизнь, дожидаться прихода Мессии. Брачного сожительства они не признавали, и в их поселениях женщин, как правило, не было. Все свободное от труда время ессеи отдавали молитве и прочим ритуальным церемониям, а также изучению и переписке священных книг. Особое место в культе ессеев занимали ритуальные омовения, для которых у них существовали специальные бассейны. Все признаки говорят в пользу того, что кумранское поселение принадлежало общине ессеев.

Оно возникло в начале II в. до н. э., а в 31 г. сильно по-

страдало от землетрясения. В первые годы нашей эры оно было восстановлено и существовало до 68 г. н. э. В эти десятилетия и были накоплены все те рукописи, которые теперь найдены в пещерах. Зачем же понадобилось их прятать?

В 66 г. н. э. началось восстание евреев против римского владычества, известное под названием Иудейской войны. В 68 г. римские войска, подавлявшие восстание, подошли к побережью Мертвого моря. Кумранские ессеи были вынуждены оставить свое поселение; перед бегством они спрятали то, что было можно, из своей библиотеки в те самые пещеры, откуда их теперь добывают археологи. Дальнейшая история Кумрана довольно несложна. Римляне держали там гарнизон до конца I в., потом тоже ушли. Когда в 132 г. н. э. вспыхнула вторая Иудейская война под руководством Бар-Кохбы, кумранские строения были использованы повстанцами, а после поражения последних были окончательно заброшены. И лишь через 1800 лет перед глазами людей вновь возникла картина того, как жили, боролись, страдали и веровали эти люди.

ОБЩИНА КУМРАНА И РАННЕЕ ХРИСТИАНСТВО

Хотя найденные в Кумране библейские рукописи все без исключения относятся к Ветхому завету, но наиболее острая борьба разгорелась в литературе вокруг тех выводов, которые вытекают из них для Нового завета и для раскрытия исторической картины возникновения христианства.

Забегая несколько вперед, скажем, что новозаветная теология оказалась в весьма затруднительном положении. В зарубежной литературе неоднократно проводилась параллель между положением

новозаветной теологии после кумранских открытий с тем положением, в котором оказалась ветхозаветная теология во второй половине прошлого века после того, как на территории Месопотамии были открыты многочисленные ассиро-вавилонские тексты, буквально ошеломившие защитников божественной уникальности ветхозаветных книг. Некоторые авторы, в том числе близкие к кругам клерикалов и теологов, заявили, что христианской догматике брошен вызов, по своей силе не уступающий тому, каким явилось открытие Дарвином эволюционной теории. Можно с полной уверенностью сказать, что на этот вызов теология не сумела ответить без ущерба для своих позиций. Кумранские документы нанесли ей сокрушительный удар.

Как было уже сказано выше, они принадлежали некоей сектантской общине палестинских евреев, бежавших от мира и нашедших себе убежище в скалистой пустынной местности на побережье Мертвого моря; по всей видимости, это была секта, известная в истории под именем ессенов или ессеев.

Все методы датировки археологических документов, примененные при исследовании кумранских рукописей, дали достаточно ясные хронологические показатели; в общем, документы относятся к периоду, лежащему между III в. до н. э. и II в. н. э. Это значит, что все события, о которых повествуется в Новом завете, должны были происходить, если они вообще происходили, при жизни тех людей, которые писали или переписывали, хранили, а потом тщательно спрятали кумранские документы. Не менее существенны и географические обстоятельства: Кумран находится в нескольких часах пешего пути от Иерусалима, в двенадцати километрах от Иерихона — во всяком случае, в непосредственной близости от тех центров и населенных пунктов Палестины, в которых должны были разыгрываться все новозаветные события. Конечно, следовало бы ожидать того, что в кумранских документах самым непосредственным образом будут звучать отклики этих событий. Можно было бы даже ожидать того, что в некоторых из них окажутся сообщения и материалы, в той или иной степени и форме прямо дублирующие новозаветные повествования об Иисусе Христе и его апостолах, об их деятельности и пережитых страданиях. С другой стороны, если жители Кумрана были враждебны христианству, то вполне естественно было бы ожидать того, что их документы будут насыщены антихристианскими выпадами, полемикой против новой религии, критикой по адресу ее основателя и приверженцев.

Но ничего этого нет, кумранские документы молчат о христианстве. Это совершенно необъяснимо, если допустить, в соответствии с учением церкви, что во второй трети I в. н. э. оно было уже широким и заметным движением.

Представляет исключительный интерес другое обстоятельство: сама кумранская община, как она выглядит в найденных документах, близко напоминает общины первых христиан; а если это так, то нельзя ли считать, что кумраниты и были самыми первыми христианами или, по меньшей мере, их непосредственными предшественниками? А если это так, то может оказаться исторически достоверной новозаветная традиция о возникновении христианства уже в 30-х гг. I в. и об очень быстром его широком распространении в это же время. Рассмотрим вопрос о том, в какой мере можно сближать или даже отождествлять кумранитов с христианами.

Большинство исследователей считает, что обитатели кумранского поселения принадлежали к древнееврейской секте ессеев. В современной научной литературе пользуется известным распространением точка зрения, сближающая ессейство и первоначальное христианство. Так, известный советский историк академик Р. Ю. Виппер писал: «Сходство между эссеями (многими авторами ессеи называются эссеями. — *И. К.*) и христианами не есть сходство между двумя одновременно и параллельно существующими направлениями. Это сходство двух поколений, сходство между отцами и детьми или, вернее, между дедами и внуками». Мы видим, что академик Виппер находит прямую преемственную связь между этими двумя религиозными направлениями.

Действительно, некоторые черты сходства между ними бросаются в глаза. И ессеи и христиане откололись от иудаизма, и ессейство и христианство (последнее — в самый ранний период своего существования) были сектами в иудаизме. Многое сближает их в отношении религиозной идеологии, социально-политической направленности, в ритуале и культе.

В первоначальном христианстве мы находим идеологию мессианизма, связанную с тем, что верующие ждут скорого пришествия Мессии, после какового пришествия должен наступить конец всех старых порядков — «конец света» — и должно восторжествовать царство небесной божественной справедливости. В идеологии кумранских ессеев также ярко выражены мессианические чаяния и то, что именуется в научной литературе эсхатологией, — ожидание конца света.

И в первоначальном христианстве, и в ессействе играет большую роль идеология дуализма — двойственности всего существующего, связанной с тем, что в мире действуют и упорно борются между собой доброе и злое начала, свет и тьма, бог и сатана.

И ессейство, и первоначальное христианство выступают против богатых и богатств, обличают нечестивых богачей, предрекают им тяжелую расплату в будущей и даже в земной жизни за то, что они владеют и пользуются богатствами, преданы «мамоне». В обеих религиозных идеологиях проповедуется нищенство, как материальное, так и духовное. Известно евангельское изречение — «блаженны нищие духом»; о нищих духом говорится в одобрительном смысле и в некоторых кумранских документах.

Есть общее и в отправлении культа. Христианство требовало водного крещения; в Кумране обнаружены бассейны для ритуальных омовений, такие омовения составляли неотъемлемый элемент религиозно-бытовой практики кумранитов. В эту практику входил также обряд благословления хлеба и вина, в какой-то мере напоминающий христианское причащение. Совместным ритуальным трапезам первохристиан соответствовали у ессеев систематические повседневные общие трапезы. А главное, что роднит идеологию кумранских ессеев с первоначальным христианством, — это дух протеста против существующих порядков и господствующей идеологии, беспокойный дух исканий, стремлений к новому и неизведанному, долженствующему вытеснить и заменить скомпрометировавшую себя идеологию ортодоксального яхвизма.

Нет сомнений в том, что между ессейством и первоначальным христианством было много общего. Это нашло свое выражение и во многих терминологических совпадениях между текстом книг Нового завета и некоторыми кумранскими документами.

При всем этом различие между ессейством, как оно выразилось в порядках и документах кумранской общины, и первоначальным христианством настолько велико, что эти два религиозных явления нельзя, с нашей точки зрения, не только отождествлять, но и ставить в отношение непосредственной преемственной связи. И в специфически религиозной догматике, и в основных чертах социальной идеологии, и в ритуале здесь существуют очень серьезные различия.

Кумраниты не порывают с ортодоксальным иудаизмом. Они строго соблюдают субботу — в некоторых отношениях да-

же строже, чем «нормальные» иудеи. Да и вообще некоторые особенности иудаистского благочестия у кумранитов выражены ярче, чем в ортодоксальном иудаизме. Так, например, это выглядит в их отношении к «чужим» — иноверцам и иноплеменникам. Кумранская община замкнута в себе и строго обособлена от всех инакомыслящих и по-иному живущих. В отношении к ним у кумранитов господствует идеология ненависти, возмездия, ветхозаветная идеология, выраженная пресловутой формулой — «око за око». Замкнутость и своеобразный аристократизм ессейской общины доходят до того, что в нее закрыт доступ всем калекам, убогим, слабоумным (несмотря на одобрительное отношение к духовному нищенству). В самом строении общины господствует строжайшим образом соблюдаемая иерархия: все ее члены делятся на 4 разряда, и принадлежащие к младшим разрядам должны беспрекословно повиноваться старшим.

Всего этого нет в первоначальном христианстве, как оно выглядит по Новому завету.

Обрядовые установления и запрещения иудаизма христианство по существу отменило, что относится, в частности, и к соблюдению субботнего отдыха. В полную противоположность ессейству первоначальное христианство поставило своей задачей самую широкую вербовку единомышленников во всех этнических и социальных слоях Римской империи. Отсюда и его далеко идущий «либерализм», его покладистость и терпимость ко многим особенностям самых различных чужих культов, его готовность приспособиться к ним и их ассимилировать. В отличие от кумранских документов Новый завет проповедует любовь, прощение обид и непротивление злу.

Социальные устремления кумранитов и первохристиан тоже различны. Первые не признают рабства, полностью отказываются от рабов и рабовладельческого порядка, вторые рассматривают этот порядок как вполне нормальный и, кажется, единственно возможный. У кумранитов общность имуществ основана на совместном труде, в первоначальном христианстве эта общность имеет по существу лишь благотворительное значение («отдай имение нищим...»).

И ессейство и первоначальное христианство были течениями в общем потоке иудейских сект того времени. Иудаизм переживал тяжелый и затяжной кризис. Мессианические ожидания никак не оправдывались. Ставка на различных политических и военных деятелей, обнаруживавших, казалось бы, несомненные черты обещанного пророками Мессии, неизменно про-

валивалась. Между тем положение было отчаянным. Столетия чужеземного господства в «земле обетованной», униженное рабское и полурабское положение ряда поколений «избранного народа», кровавое подавление всех попыток освобождения, жесточайшая эксплуатация народных масс, навязывание завоевателями «избранному народу» своих богов и культов вплоть до жертвоприношений языческим богам в иерусалимском храме — все это не могло не вызвать среди евреев острого идеологического брожения, неизменно выливавшегося в религиозные формы. Появлялись различные религиозно-политические партии и секты, вступавшие в оппозицию к основному стволу иудейства, боровшиеся и между собой. В них было немало общего, поскольку они порождались одной и той же социально-исторической обстановкой. Но нет достаточных оснований считать, что все эти секты составляли единую цепь, отдельные звенья которой связаны преемственной общностью. Они существовали параллельно, но судьбы их были неодинаковы — одни быстро уходили с исторической арены, другие оказали более или менее серьезное влияние на все дальнейшее идеологическое развитие. Та иудейская секта, из которой выросло христианство, оказалась по ряду причин в наиболее благоприятном положении и не только выжила, но превратилась в мировую религию. Ессейство же исчезло, оставив свои следы лишь в археологических памятниках.

В обосновании того что кумранские ессеи и первохристиане представляли собой чуть ли не одну и ту же секту в иудаизме, иногда приводится еще один довод.

Еврейские писатели I в. н. э. Иосиф Флавий и Филон Александрийский, описывая общественную жизнь Иудеи того времени, говорят о трех основных религиозно-политических партиях, существовавших там: саддукеях, фарисеях и ессеях. В книгах Нового завета говорится о первых двух, но ни разу не упоминаются ессеи. Существенно при этом, что о саддукеях и фарисеях неизменно говорится неодобрительно и даже враждебно. Отсюда некоторые авторы делают вывод, что к ессеям авторы новозаветных книг относились по-иному, чем к саддукеям и фарисеям, — не враждебно, а дружественно.

Это слабый аргумент. О зелотах в Новом завете тоже ничего не говорится, хотя в сочинениях еврейских писателей они неоднократно упоминаются. Решение данной «загадки» вообще представляется довольно несложным.

Авторы новозаветных книг пишут о тех религиозно-политических партиях, которые играли определяющую роль в об-

щественной и идеологической жизни Иудеи первой половины I в. н. э. Зелоты стали играть такую роль лишь в период Иудейской войны 66—73 гг., что же касается ессеев, то они, видимо, никогда не оказывали особого влияния на религиозно-политическую атмосферу в Иудее. Во-первых, они составляли незначительное меньшинство ее населения — Иосиф насчитывает всего около 4000 ессеев на всю страну; во-вторых, сам их образ жизни фактически изолировал их от общественно-политической и религиозной борьбы в основных центрах страны. Не удивительно, что новозаветные авторы не обратили на них внимания.

Аргумент, по которому они не писали о ессеях из «сочувствия» к ним, представляется неубедительным: трудно представить себе, зачем бы они стали скрывать название той религиозной группы, взгляды которой соответствовали их взглядам или даже совпадали с ними. Интересы пропаганды должны были толкать их на прямо противоположный путь.

Если изобразить отношение ессейства и первоначального христианства в терминах родства, то, как нам кажется, эти два явления следует признать находящимися в отношениях братьев, а не отца и сына или деда и внука. Сами же события, о которых повествуется в новозаветных книгах, не нашли в кумранских документах никакого отражения, в них выразился лишь самый дух эпохи — бурной, мятущейся и напряженной.

«УЧИТЕЛЬ ПРАВЕДНОСТИ» — КТО ОН?

В кумранских документах не назван никто из новозаветных персонажей — не упоминается ни Иисус Христос, ни Иоанн Креститель, ни кто-либо из апостолов. Говорится зато об одной личности, сообщения о которой вызвали ожесточенные споры между исследователями и породили целую литературу.

В опубликованных до настоящего времени кумранских рукописях по меньшей мере полтора десятка раз говорится о некоем существе, имя которого не названо и который обозначен довольно загадочным термином «учитель праведности»; наряду с ним фигурирует некий нечестивый жрец — непримиримый и жестокий враг Учителя праведности. Все сообщения об этих двух личностях весьма туманны, так что по ряду вопросов, связанных с ними, можно лишь строить догадки.

Попытаемся сформулировать то, что можно считать в отношении Учителя праведности прямо вытекающим из кумранских документов. Он был жрецом или священником; он наставлял своих учеников в законе, вел их к «спасению от дня суда», эта миссия была поручена ему богом. Деятельность Учителя праведности навлекла на него преследования со стороны нечестивого жреца. В конце концов учитель погиб, а после его смерти среди учеников произошел раскол. Оставшиеся верными своему учителю ждут его второго пришествия «в последние дни», когда воскреснут в телесном образе все умершие и наступит окончательный расчет для злых и добрых, праведных и нечестивых.

Как было сказано выше, многое в истолковании текстов, относящихся к Учителю праведности, спорно и не поддается уверенному решению.

Есть даже такое мнение, что в них говорится не об одном учителе, а о двух или даже о трех: один был ветхозаветный Неемия, другой—современник Кумрана, а третий должен еще прийти в будущем. Советский исследователь кумранских открытий И. Амусин с полным основанием считает этот взгляд необоснованным и исходит из того, что кумранитами признавался один Учитель праведности. Спорят в научной литературе и по таким вопросам: считался ли Учитель праведности у кумранитов только пророком или спасителем, облеченным божественной миссией? Ожидали ли они его возвращения и если да, то считали ли они, что он воскреснет в индивидуальном порядке или вместе со всеми остальными людьми «в последние дни»? Считали ли кумраниты веру в Учителя праведности условием спасения? Сама биография Учителя тоже остается весьма темной; непонятно даже, умер ли он своей смертью или был казнен, хотя, впрочем, факт преследований, которым он подвергался, не ставится под сомнение. И само собой разумеется, остается неясной сама личность Учителя праведности, как и личность его антипода — нечестивого жреца, исторические ли это персонажи или мифические, а если они существо-

вали в действительности, то с кем из известных исторических деятелей их можно отождествить? В нерешенности последнего вопроса кроется источник особенно ожесточенных споров.

Первое впечатление от опубликованных текстов было таково, что в найденных документах наконец-то содержатся внебиблейские подтверждения исторического существования Иисуса Христа. Аналогия Учителя праведности и Иисуса Христа прямо напрашивается. И здесь и там фигурирует великая личность, избранная богом для спасения людей при помощи их наставления на путь истинный; в обоих случаях Учитель подвергается преследованиям нечестивых врагов бога и истины, погибает, но его миссия этим не кончается — он явится вновь. В обоих случаях верные приверженцы Учителя ждут его второго пришествия; они составляют общину, члены которой связаны новыми нормами морали и поведения, новой внутренней дисциплиной. Имеются, конечно, и расхождения между обоими вариантами, но они не так существенны, чтобы исключить возможность их происхождения из искажений и изменений, которым подвергалась легенда при передаче из уст в уста. Некоторые зарубежные авторы с самого начала прямо отождествили Учителя праведности с Иисусом Христом. Если это отождествление оказалось бы правильным, то новозаветные сообщения получили бы веское историческое подтверждение.

Но такого подтверждения не получилось. Самый тщательный анализ документов, в которых содержатся сообщения об Учителе праведности, показал, что эти документы относятся ко времени не позже середины I в. до н. э. А ведь Новый завет датирует жизнь Иисуса Христа первой третью I в. н. э.! Следовательно, записи об Учителе праведности были сделаны примерно за сто лет до того времени, к которому Библия относит смерть Иисуса Христа. Значит, в кумранских документах речь идет не о нем, а о каком-то другом персонаже, биография которого во многом напоминает изложенную в евангелиях биографию Иисуса Христа.

Получается, что за двести лет до того времени, к которому легенда относит жизнь Иисуса Христа, были уже какие-то другие «христы», биография которых в основном и главном совпадает с его биографией. Одни из них могли существовать и в действительности, другие могли быть порождением фантазии — во всяком случае, для того времени сама фигура Мессии, Христа, сверхъестественного героя, принесшего себя в жертву ради блага людей и заслуживающего поэтому всяческого преклонения, была весьма популярна в широких массах.

Когда христианские богословы увидели, какой оборот принимает такое истолкование личности Учителя праведности, они предприняли немедленное отступление: ничего-де общего у этого ессейского Учителя с основателем христианства нет и не может быть, так как Иисус Христос был личностью совершенно уникальной и ни до него, ни после него не могло быть никого подобного ему. Так кончились попытки найти в кумранских материалах об Учителе праведности подтверждение исторического существования Иисуса Христа.

Нельзя не упомянуть в этой связи еще об одной гипотезе, связывающей Христа с Учителем праведности,— она фигурирует в книге американского протестантского богослова Эптона Эвинга «Ессейский Христос». Хотя эта книга и снабжена благонамеренным заголовком «Восстановление образа исторического Иисуса», но вряд ли многие идеологи христианства согласятся с концепцией ее автора.

Эвинг отмечает большое количество совпадений в евангелиях и в кумранских документах — как по общей атмосфере, господствующей здесь и там, так нередко по терминологии, по манере выражения. Пытаясь решить вопрос об источнике таких совпадений, он намечает две возможности:

1. Авторы евангелий просто заимствовали из кумранских документов не только их общий идейный дух, не только отдельные лозунги и выражения, но и материал, включенный ими в биографию Иисуса.

2. Сам Иисус был членом кумранской общины, при этом самым активным и одаренным из кумранских «братьев»; исполненный стремлением к деятельности, он «был инспирирован божественным или иным источником к тому, чтобы счесть себя воплощением Учителя праведности, в котором должно исполниться пророчество».

Второе из указанных решений означает, что Иисус Христос, сочтя и назвав себя воплощением погибшего за двести лет до него Учителя праведности, повторил его жизненный путь вплоть до мученической смерти. И как раз это решение представляется Эвингу наиболее подходящим. Особенно его привлекает в нем то, что оно, как он считает, устраняет противоположные идеологические лагери. Оно, пишет он, «в равной мере благоприятствует историчности Иисуса и соответствует требованиям всеобъемлющего подхода к истине». Эвинг считает, что такое объяснение подходит и верующим и неверующим — и тем, кто рассматривает Иисуса как пророка, и тем, для кого он — сын бога...

Как ни расценивать стремления американского богослова угодить «и нашим и вашим», ясно, что в его решении лишний раз обнаруживалась возможность отождествления Учителя праведности с Христом. Что же касается предположения, что мифический основатель христианства выступал в роли живого воплощения ессейского Учителя праведности, то доказать его все же оказывается невозможным. Такое предположение могло бы считаться хоть в какой-то мере правдоподобным лишь в том случае, если бы Иисус Христос действительно существовал когда-нибудь. Но это-то и нуждается в доказательстве.

Существуют различные гипотезы о личности Учителя праведности. Одни из них исходят из того, что в основе сообщений о нем лежит миф и что самой этой личности в действительности не существовало. Авторы других гипотез считают, что в основе сообщений лежат воспоминания о действительно существовавшем персонаже. Если принять это предположение, то открывается поле для гипотез по вопросу о том, кто же был этой загадочной личностью. Их существует большое количество. Некоторые из них отождествляют Учителя праведности с деятелями V и III вв. до н. э.— Ездрой, Неемией, Захарией, Онием и другими. Иные ищут Учителя праведности во II в. до н. э. и подставляют под него имена Матафии Маккавея, его сына Иуды, Элеазара, ессея Иуды. Немало кандидатов в Учителя праведности обнаруживается учеными и в I в. до н. э. И наконец, выдвигается гипотеза, отождествляющая Учителя праведности если не с Иисусом Христом, то хоть с Иоанном Крестителем. Хронологические возражения и здесь остаются в силе, но для апологетов версия с Иоанном Крестителем казалась одно время настолько заманчивой, что они всячески старались «обезвредить» хронологические противопоказания.

Потом все же было замечено, что этот вариант не менее невыгоден для христианской догматики, чем отождествление Учителя праведности с Иисусом Христом. Ведь ни в одном евангелии не говорится о связи Иоанна или Иисуса с какой-то определенной организацией, а об ессеях в Новом завете вообще нет ни малейшего упоминания. Значит, если отождествлять Учителя праведности с кем-нибудь из библейских персонажей, то придется признать, что евангелия скрыли их связь с нелегальными организациями в Иудее того времени и вообще о чем-то рассказали, а об остальном умолчали. Помимо того, при таком отождествлении возникновение христианства пришлось бы отнести почти на целое столетие назад, а это означало бы крушение всего «исторического» построения, закреп-

ленного в церковной традиции. Да и евангелия прямо относят деятельность Иоанна Крестителя и Иисуса Христа к царствованию Тиберия, которое, как точно известно, продолжалось с 14 по 37 г. н. э. В конце концов даже богословское крыло археологов отказалось от отождествления Учителя праведности с тем или иным евангельским персонажем.

И все же соблазн использовать эту фигуру кумранских документов для подтверждения историчности евангелий очень велик. В последние годы наиболее распространенной версией в вопросе об отношении основателей христианства к кумранитам является утверждение, что между теми и другими должна была быть более или менее тесная связь и что, в частности, Иоанн Креститель, вероятно, сам происходил «из круга ессеев». Перечисляются всевозможные черты сходства в окружении и обстановке, в нравах, в поведении. Иоанн жил в пустыне, Кумран тоже находился в Иудейской пустыне. Он вел аскетический образ жизни, питался «акридами», то есть по одному варианту — саранчой, по другому — рожками; похоже на то, что он не был женат и вообще воздерживался от общения с женщинами. Нравы кумранитов были такие же. Иоанн крестил всех, кого можно было, в воде; систематические ритуальные омовения были одним из важнейших элементов культа у кумранитов. Короче говоря, все, по мнению церковных археологов, ведет к тому, что Иоанн был тесно связан с общинами ессеев.

Французский патер Жан Даниелу идет еще дальше в этом вопросе и строит гипотезу о том, что Иоанн Креститель получил воспитание у ессеев. Он основывает ее на достаточно произвольных доводах: известно, мол, что общины ессеев, состоящие из одних мужчин, могли поддерживать свою численность только за счет вербовки со стороны — в особенности за счет приема на воспитание мальчиков; «возможно также, что родители мальчика Иоанна отдали его на воспитание жителям Кумрана, как родители юного Расина отдали его на воспитание монахам Пор-Рояля». Есть очень темный намек на этот счет в евангелии от Луки: «Младенец же (имеется в виду Иоанн. — *И. К.*) возрастал и укреплялся духом; и был в пустыне до дня своего явления Израилю». Нельзя сказать, чтобы этот текст мог служить убедительным аргументом в пользу гипотезы Даниелу. А других нет.

В сообщении Иосифа Флавия об ессеях есть глухое указание на «законодателя», который был у них в таком почитании, что ни под какими пытками они не соглашались хулить

его имя. До кумранских находок вопрос, кто был этим «законодателем», не находил никакого решения. Высказывались мнения, по которым Флавий имел здесь в виду не кого иного, как Моисея. Это, конечно, совершенно неосновательно. Если ессеев подвергали пыткам иудеи, то никак невозможно допустить, чтобы они требовали от них возведения хулы на Моисея. Что же касается римлян, то в исторических материалах нет никаких сведений, которые говорили бы о том, что они когда бы то ни было обращались к такому далекому от жизни «академическому» сюжету, как личность Моисея, требуя от его почитателей отречения от него. В свете данных об Учителе праведности можно предположить, что у Флавия речь идет именно о нем. Если так, то и вообще никакой особенной сенсации в упоминаниях кумранских документов об Учителе праведности нет — они только проливают некоторый, не очень щедрый свет на этот темный текст Иосифа Флавия.

В общем, данные об Учителе праведности еще раз иллюстрируют положение Энгельса: «С тех пор, как для народа Израиля наступили в этом мире тяжкие времена, начиная с обложения данью ассирийцами и вавилонянами и вплоть до порабощения селевкидами, следовательно, от Исаии до Даниила, всякий раз во время бедствия предсказывается появление спасителя». Об этих спасителях — исторических или мифических личностях — складывались легенды, в которых и тогда уже, сразу после их появления, бывало трудно, если не невозможно, отличить истину от вымысла. Одной из них была ессейская легенда об Учителе праведности; такой же была возникшая немного позже легенда об Иисусе Христе.

Вновь открытые рукописи и проблема происхождения библейских книг

ИУДЕЙСКО-ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Историю Библии исследует научная дисциплина, именуемая исторической библейской критикой; она возникла еще в XVII в., и ее основателем считается знаменитый философ Б. Спиноза. Долгое время она оперировала почти исключительно методами филологического и общеисторического анализа. Б. Спиноза, Ж. Астрюк, Ю. Велльгаузен в отношении Ветхого завета, Д. Штраус, Б. Бауэр и их последователи в отношении Нового завета создали историческую схему происхождения библейских книг, почти не пользуясь археологическими материалами, так как этих материалов в их время было еще очень мало.

Теперь, после того как в ряде стран средиземноморского бассейна открыты многочисленные древние рукописи, как библейские, так хотя и небиблейские, но имеющие к Библии некоторое отношение, в религиозной и близкой к ней буржуазной литературе все громче звучат заявления о том, что археология опрокинула «гиперкритические построения рационалистов» и что она поставляет все больше материала для подтверждения церковной и раввинской традиции в вопросе о происхождении Библии.

Чтобы быть в состоянии

проверить, насколько истинны эти утверждения, нужно предварительно выяснить содержание указанной иудейско-христианской традиции и те выводы относительно происхождения Библии, к которым пришла историческая библейская критика.

Мы можем оставить в стороне учение церковно-раввинской традиции о богодухновенности библейских книг. Напомним в связи с этим, что в начале нашей книги мы условились не касаться того, что связано с чудесами и вообще с миром сверхъестественного; понятие же богодухновенности, без всякого сомнения, относится именно к этому несуществующему миру. Рассмотрим те элементы религиозной традиции, которые претендуют на историческое освещение событий.

Авторы богословских сочинений, как иудейские, так и принадлежащие к различным вероисповеданиям христианства, избегают конкретного разговора о происхождении различных книг Ветхого завета, в особенности первых пяти. Сложность их положения заключается в том, что во многих местах Библии совершенно недвусмысленно говорится о Моисее как авторе Пятикнижия, между тем как мало-мальски правдоподобно обосновать Моисеево авторство в отношении Пятикнижия совершенно невозможно.

Еще в начале нашего столетия богословы позволяли себе настаивать на том, что единоличным автором Пятикнижия был Моисей. Высказывая эту точку зрения в 1902 г., православный богослов П. А. Юнгеров аргументировал ее тем, что «согласно приведенным библейским свидетельствам иудейское и христианское церковное предание всегда признавало Моисея писателем всего Пятикнижия». В 1906 г. библейская комиссия католической церкви дала разъяснение, по которому Моисей при написании Пятикнижия мог использовать уже существовавшие к этому времени документы, а также и устную традицию, и что, помимо этого, у него могли работать люди, «которые писали отдельные части текста под его руководством и в согласии с ним».

В настоящее время богословы ищут новых возможностей для маневрирования в этом вопросе. В книге «Ветхий завет сегодня», изданной в 1958 г., немецкий богослов Отмар Шиллинг всячески старается затуманить вопрос о роли Моисея в создании Пятикнижия; этого он достигает при помощи усиленного подчеркивания того значения, которое имела в сочинении библейских книг устная традиция. «Вначале,— говорит он,— вообще было не написанное, но сказанное»; «устное есть первичный элемент Писания, и только впоследствии библей-

ские деятели либо сами, либо через других, своих учеников, записали соответствующие слова, сообщения и распоряжения, создав из них книжные свитки». Здесь уже авторство Моисея и других библейских персонажей, ранее бесспорно считавшихся авторами тех или иных книг, превращается в нечто неопределенное и проблематичное.

Отвлечемся, однако, от тех маневров, которые предпринимаются теперь богословами в поисках выхода из конфузного положения, и посмотрим, как решался вопрос, например, тем же Юнгеровым в согласии с ортодоксальным церковным учением. По этому учению, как выше было сказано, Пятикнижие написано Моисеем, книга Иисуса Навина — самим Иисусом Навином, книга Судей и Руфь — пророком Самуилом. Богослов отмечает, что Самуилу же иудейско-христианская традиция приписывает авторство I—II книг Царств, но он позволяет себе не согласиться с этим и считает, что указанные книги написаны «пророком, жившим по разделении царств» и лишь использовавшим записи пророков Самуила, Нафана и Гада. Царя Давида Юнгеров считает автором примерно половины псалмов, остальные же могли быть, по его мнению, написаны в разное время, но полностью в стиле и в манере того же Давида. Царю Соломону приписывается авторство носящих его имя Притчей, Песни Песней и Екклезиаста. В отношении остальных книг Ветхого завета утверждается, что они написаны теми лицами, именами которых названы: книгу Исаии написал Исаия, книгу Даниила — Даниил и т. д.

История книг Нового завета выглядит, по церковному учению, проще и определеннее. Вся она укладывается в рамки одного столетия, точней даже,— одной лишь второй половины I в. н. э. С другой датировкой церковь не может согласиться, ибо авторство новозаветных книг приписывается ею либо ученикам Христа (апостолам), либо ученикам последних.

По этой версии, евангелия написаны двумя апостолами — Матфеем и Иоанном, учеником апостола Павла Лукой и апостола Петра — Марком; это могло произойти не позже 60—70 гг. I в. Из 21 Послания 14 приписываются апостолу Павлу, который, по церковным преданиям, погиб около 66 г., остальные, также приписываемые апостолам, могли появиться лишь примерно в то же время. Автором Деяний апостолов считается евангелист Лука, и они датируются примерно 70-ми годами. Наконец, самым последним по времени новозаветным произведением церковь считает Апокалипсис, написанный будто бы апостолом и евангелистом Иоанном в начале 90-х годов.

КАК ОНА ВЫГЛЯДИТ В СВЕТЕ НАУЧНОЙ КРИТИКИ

В результате трехсотлетней деятельности ученых в области исторической библейской критики и в свете выводов этой научной дисциплины церковные построения в отношении происхождения библейских книг потерпели полное крушение. Это относится прежде всего к вопросу о Пятикнижии и о Моисее в качестве его автора.

Укажем лишь на одно обстоятельство — даже его одного достаточно для показа несостоятельности церковно-синагогального учения. П. А. Юнгеров датирует жизнь Моисея 1600—1480 гг. до н. э.—это значит, что именно к XVI в. до н. э. он относит написание Пятикнижия. В предыдущем изложении мы видели, что есть и более поздние варианты датировки Моисеевой жизни и деятельности — вплоть до XIII в. до н. э. Но ни в XVI, ни в XIII в. до н. э. у израильтян еще не было письменности, так что никакой письменный документ в это время у них появиться не мог.

До сих пор не найдено ни одного древнееврейского письменного памятника, который был бы исполнен иероглифами или клинописью. Есть все основания полагать, что израильтяне впервые овладели письменностью весьма поздно, но

зато в более совершенной ее форме — в начале I тысячелетия до н. э. они позаимствовали у финикиян буквенный алфавит и звуковое письмо. Сами финикияне незадолго до этого сделали это свое всемирно-историческое изобретение; во всяком случае, самые древние из известных теперь их письменных памятников — надгробные надписи Ахирама, Шафатбаала, Азарбаала и другие — датируются большинством специалистов периодом не позже XI в. до н. э. Таким образом, вообще не может быть речи о появлении какого бы то ни было элемента Библии в период, к которому даже по самому позднему варианту относят существование Моисея. Правда, здесь можно сослаться на то, что до появления письменности у израильтян соответствующие библейские элементы долгое время существовали в устном предании. Это, несомненно, верно, но никоим образом не спасает церковно-синагогальное учение о Моисее, который якобы собственноручно записал всю Тору.

О несостоятельности этого учения свидетельствует еще одно совершенно очевидное обстоятельство. Пятикнижие устанавливает большое количество предписаний, регламентирующих всю общественную и личную жизнь израильтян — там масса запрещений и рекомендаций, относящихся к пище, одежде, работе, досугу, семейной жизни, общественным взаимоотношениям и т. д. В книгах, следующих за Пятикнижием, отражена жизнь израильского общества, как вытекает из церковно-синагогальной традиции, в течение следовавших за Пятикнижием столетий. Казалось бы, в них должно было быть изображено, как израильтяне выполняли закон Моисея, там должны были фигурировать многочисленные ссылки на этот закон, весь строй жизни должен был соответствовать порядкам, обрисованным в Пятикнижии. Между тем, как это ни странно, во всех последующих ветхозаветных книгах изображена совсем иная жизнь, чем в Пятикнижии,— на более примитивном уровне общественного развития; до книги пророка Иезекииля нет даже упоминаний о законе Моисея и о том строе, который им предусматривается. Ясно, что Моисеево Пятикнижие на самом деле появилось не раньше, а позже большинства книг пророков.

Приведем еще один пример, показывающий, как нельзя доверяться указаниям церковников на авторство ветхозаветных книг.

В книге Исаии явственно обнаруживаются три пласта, относящихся к различным историческим периодам. Вплоть до главы XXXIX включительно идет текст, в основном относя-

щийся к концу VIII в. до н. э.,— в библейской критике он получил название «Первоисаии»; остальные 28 глав относятся к периоду вавилонского плена и после него — на 150—250 лет позже того времени, когда был написан Первоисаия. Понятно, что приписывать авторство всей этой книги одному человеку, будь он Исаия или кто бы то ни было другой, невозможно.

Не менее несостоятельной оказалась богословская традиция и в отношении происхождения книг Нового завета.

Если бы Послания появились позже евангелий, то в них были бы ссылки на евангельские тексты, на приводимые в этих текстах «подлинные» высказывания Иисуса Христа, на факты биографии Христа, рассказанной в евангелиях. Это соображение тем более важно, что в Посланиях содержится полемика между их авторами и вообще деятелями раннего христианства по ряду важных вероисповедных вопросов; нет никакого сомнения, что, если участвующие в этой полемике авторы Посланий были бы в состоянии ссылаться на слова Христа, они безусловно использовали бы этот козырь и обильно цитировали бы соответствующие евангельские места. Но они этого не делают, что можно объяснить лишь тем, что в то время, когда они писали свои произведения, евангелий еще просто не было.

Ни в Посланиях, ни в Апокалипсисе не приводятся факты биографии Иисуса Христа. Если бы их авторы знали уже евангелия, они, вероятно, ссылались бы на эти факты, которые сравнительно подробно там описаны. Это еще один аргумент в пользу того, что евангелия написаны позже Посланий и Апокалипсиса.

Совершенно непохоже на то, что действительными авторами новозаветных книг являются те люди, на которых настаивает церковная традиция. Все книги Нового завета написаны на греческом языке, и хотя церковники нередко высказывают предположение, что евангелие от Матфея переведено на греческий с первоначального арамейского текста, доказать это невозможно, так как никто никогда такого текста не видел. В содержании новозаветных книг имеется много географических и иных ошибок, свидетельствующих о том, что их авторы не знали условий жизни в Палестине,—ни ее географического положения, ни быта и нравов ее населения. Если эти авторы и были евреями, то уж во всяком случае жили они не в Палестине, а в одной из стран диаспоры — может быть в Малой Азии или в Египте. Стало быть, это вовсе не «апостолы» и не ученики их, которые, по церковной версии, исходили Палестину вдоль и поперек — больше того, родились там и провели всю жизнь.

Действительная картина происхождения книг Библии в свете филологического и общеисторического анализа выглядит совсем по-иному, чем учит церковь и синагога. Укажем здесь самым кратким образом основные ее элементы.

До IX—VIII вв. до н. э. никаких библейских книг не существовало, была лишь устная традиция и, видимо, были уж написаны некоторые, дошедшие до нас только по названиям книги, использованные потом авторами Библии: «Книга войн Яхве», «Книга доблестного» и, может быть, некоторые другие. В IX или VIII в. до н. э. в южном еврейском царстве (Иудее) появилось произведение, которое теперь историки условно именуют Яхвистом. В это же время или несколькими десятилетиями позже в северном царстве (Израиль) появилась книга, фигурирующая теперь в библеистике под названием Элохиста. После того как в 722 г. северное царство было разрушено ассириянами, Иудея унаследовала его идеологический документ — книгу Элохиста; неизвестным редактором она была соединена с книгой Яхвиста, причем параллельные по содержанию тексты были сплетены вместе, так что получились лежащие рядом различные варианты, во многих случаях противоречащие один другому. В 621 г. в Иудейском царстве, очевидно по заказу царя Иосии, была написана новая книга, составившая впоследствии основу современного Второзакония. Уже находясь в вавилонском плену, группа еврейских жрецов написала новую книгу, которую библеисты называют Жреческим кодексом. В середине V в. до н. э. жрец Ездра обнародовал ее в Иерусалиме и, по всей вероятности, соединив эту книгу с Яхвистом, Элохистом и Второзаконием, создал комплект Пятикнижия. Таким образом, Пятикнижие в целом появилось лишь через тысячу лет после того времени, к которому традиция относит существование его мнимого автора — Моисея.

В те же столетия, что шло формирование Пятикнижия, появлялись постепенно и книги Пророков, и остальные книги Ветхого завета. Самые древние из них — книги Амоса, Осии, Михея и Первоисаия — относятся ко второй половине VIII в. до н. э., самая поздняя — книга Даниила — появилась около 165 г. до н. э. Таким образом, ветхозаветные книги создавались на протяжении ряда столетий в различных исторических условиях.

Что касается их авторов, то, как правило, это было не те люди, которых традиция считает таковыми. Нет, например, никаких оснований приписывать Давиду авторство Псалмов и книг Царств, или Иисусу Навину — книги, обозначенной его именем. Последний, кстати сказать, представляет собой столь

же мифическую личность, как и Моисей. Назвать, однако, по именам действительных авторов ветхозаветных книг мы не можем — нет материала, на основании которого можно было бы это сделать.

Подлинная история происхождения новозаветных книг тоже не совпадает с той, которую отстаивает церковь. Книга, якобы появившаяся позже всех — Апокалипсис,— на самом деле оказывается первой по времени своего возникновения; Апокалипсис написан во второй половине 68 г. н. э. или, может быть, в первой половине 69 г. В начале II в. появились некоторые из Посланий. Ко второй четверти II в. относятся евангелия и остальные Послания. В середине II в. были написаны Деяния апостолов. Из евангелий первым по времени своего появления считается евангелие от Марка, за ним идут евангелия, приписываемые Матфею и Луке, наконец, последним по времени считается евангелие от Иоанна. Большинство новозаветных произведений неоднократно переделывалось, дополнялось и изменялось в течение первых двух веков существования христианства.

Книги Нового завета все псевдонимы, так как лица, которых церковь считает их авторами, в действительности не существовали. Как и Христос, его апостолы — порождение религиозной фантазии. Настоящие имена авторов новозаветных книг исторической науке пока остаются неизвестными. Может быть, когда-нибудь находка новых материалов и документов приоткроет завесу тайны над тем, кто в действительности написал книги Нового завета.

ЧТО ЗДЕСЬ МОЖЕТ ДАТЬ АРХЕОЛОГИЯ?

Могут ли археологические исследования дать материал для установления того, когда и кем написаны те или иные библейские книги или их отдельные части? Можно представить различные гипотетические случаи и возможности

этого рода. Попробуем наметить несколько таких вариантов.

Допустим, что найдена рукопись, которая признана одним из оригиналов той или иной библейской книги или обрывком, фрагментом такого оригинала. Это была бы неслыханная удача: такая находка открыла бы возможность точной датировки самого произведения и облегчила бы установление его автора. Если бы найденная рукопись оказалась даже не оригиналом, а копией, близкой по времени к оригиналу, то и это было бы очень большой удачей.

Допустим далее, что найдены древние документы, в которых содержатся указания на ту или иную библейскую книгу или даже сведения о времени ее появления и ее авторе. Исходя из датировки найденного документа, можно установить, что во всяком случае в эпоху, к которой он относится, данная книга уже существовала; а если его показания внушают доверие, то они дают прямые основания для конкретного решения вопроса о происхождении этой книги. Наименьшее, что можно извлечь из данной находки, это terminus ante guem[1] — дату, когда данная библейская книга уже существовала, так что она появилась раньше этой даты.

Возможен случай, когда, наоборот, найденный документ, который по всем обстоятельствам дела должен был обязательно касаться данной библейской книги и, если не подробно говорить о ней, то по меньшей мере упоминать,— ни одним словом, ни намеком не говорит и не упоминает. В этом случае есть основания считать, что в то время, к которому относится найденный документ, соответствующей библейской книги еще не было, она еще не была написана. Если все в описываемом случае достаточно надежно и убедительно, то мы получаем здесь так называемый terminus post quem[2] — дату, после которой могла появиться интересующая нас библейская книга.

Допустим, наконец, что в найденном археологическом памятнике оказались тексты или изображения, которые не имеют никакой формальной связи с Библией, но по своему содержанию весьма близки к некоторым библейским текстам и образам или даже тождественны с ними. Такое явление может быть объяснено лишь тем, что либо авторы соответствующей библейской книги использовали в качестве материала данный археологический памятник, либо, наоборот, здесь налицо заимствование из Библии. Исследование всех обстоятельств

[1] Срок, до которого (*латинск.*).
[2] Срок, после которого (*латинск.*).

может дать возможность установить, кто в данном случае у кого позаимствовал. Если это удалось установить и если определение характера и датировка найденного памятника не вызывают особых сомнений, то открываются возможности для плодотворных выводов, относящихся к происхождению соответствующего библейского текста.

Во всех этих случаях археологический материал вносил бы свою лепту в выяснение вопроса о происхождении библейских книг. Поскольку дело касается картины, начертанной исторической библейской критикой, этот материал мог бы либо подтвердить эту картину, либо внести в нее более или менее существенные поправки, либо вовсе ее опровергнуть. Посмотрим, что получилось на самом деле.

Как известно, в древности материалом для письма служили, помимо глиняных пластинок, еще папирус и пергамент. Для библейских рукописей глиняные пластинки, видимо, не употреблялись — в Иудее этот материал для письма был в меньшем употреблении, чем в соседних Вавилонии и Ассирии. Во всяком случае, до нас не дошла ни одна библейская рукопись на глиняных табличках. В Египте наиболее часто применявшимся материалом для письма был папирус. По берегам Нила и на побережье Красного моря были тогда большие заросли тростника, ставшего впоследствии известным под греческим названием папируса. Стебель растения разрезался вдоль на узкие и тонкие полосы, которые размачивались, складывались в два слоя и склеивались под сильным давлением. После сушки образовавшийся плоский лист тщательно полировали, и его можно было использовать для письма. Если не считать огромного количества надписей на стенах зданий, на постаментах статуй и т. д., то вся древнеегипетская литература создавалась исключительно на папирусе; им начали широко пользоваться в этих целях еще в III тысячелетии до н. э.

При всех усилиях, которые применялись для придания долговечности этому материалу, он все же довольно легко подвергался порче. Только исключительно сухой климат Египта обеспечивал длительную сохраняемость папирусных рукописей, и именно поэтому до нас дошло в удовлетворительном виде такое большое количество египетских папирусов. Климат Палестины в этом отношении значительно менее благоприятен, поэтому там основным материалом для письма издавна стал пергамент, то есть особым образом обработанная кожа козы, теленка, барана или осла. Она размягчалась в специальном растворе извести, после чего с нее соскабливали шерсть и ос-

тавшиеся частицы жира и мяса, потом полировали ее пемзой. Так же, как и папирус, пергамент склеивали в длину, получая таким способом довольно большую площадь для заполнения письменами. Старинные еврейские рукописи Библии почти все исполнены на пергаменте. Некоторые же библейские рукописи, преимущественно на греческом языке, найденные в Египте, начертаны на папирусе. В отдельных случаях вместо пергамента употреблялись тонкие медные листы, также сворачивавшиеся в свитки.

Листы пергамента и папируса со сделанными на них письменами прикреплялись своими концами к двум палкам; весь лист навертывался на левую палку, для чтения его постепенно перематывали на правую, так как текст писали справа налево. Прочитав очередной столбец, его навертывали на правую палку и развертывали свиток дальше.

На рубеже нашей эры появилась новая форма книги — так называемый кодекс; это некоторое подобие наших современных книг. Листы папируса или пергамента разрезывались на равные куски, которые складывались вдвое и вкладывались друг в друга, так что получалась более или менее толстая тетрадь, которую впоследствии научились одевать в твердый переплет. Кодекс имел ряд преимуществ перед свитком — он был прочней, с ним было значительно легче обращаться.

Итак, какие из древнейших рукописей Нового завета — свитков или кодексов, на пергаменте или на папирусе — дошли до нашего времени и что дало их исследование?

ДРЕВНЕЙШИЕ БИБЛЕЙСКИЕ РУКОПИСИ

Наиболее древними из сохранившихся более или менее полных экземпляров Библии являются рукописи Александрийская, Ватиканская и Синайская. Каждая из них содержит полностью или почти полностью оба Завета и даже с некоторыми дополнениями,

которые в канон церковью не включены. В Александрийскую входят, помимо Ветхого и Нового заветов, два послания Климента Римского, не связанные с Библией. В Ватиканской рукописи не хватает нескольких библейских посланий. В Синайской рукописи, помимо книг Ветхого и Нового заветов, имеются еще не входящие в Библию Послание Варнавы и «Пастырь» Гермы. Все три рукописи — кодексы, исполненные на пергаменте, датируются они второй половиной IV в. н. э. Язык кодексов — греческий. Ветхий завет дан в переводе «70 толковников».

Каждый из перечисленных кодексов имеет сложную и интересную историю, которая известна нам далеко не полностью.

Меньше всего известно о Ватиканском кодексе — в частности, неясно, как и откуда этот памятник попал около 1475 г. в Ватикан. Когда Наполеон I в конце XVIII в. овладел Римом, он увез Ватиканский кодекс во Францию, но потом документ вернулся обратно. Об Александрийском кодексе известно, что в 1628 г. константинопольский патриарх Кирилл Лукарис подарил его английскому королю Карлу I. Большой интерес представляет история Синайского кодекса.

В 1844 г. немецкий ученый Константин Тишендорф посетил находящийся на Синайской горе монастырь святой Екатерины. Занимаясь в монастырской библиотеке, он случайно заметил в мусорной корзине куски пергамента, предназначенные для сожжения в печи. Стоило ему только вытащить один из них, как он сразу понял, что имеет дело с очень древней рукописью Библии. В корзине было всего 129 листов, которые не составляли цельного комплекта. С большим трудом, всякими правдами и неправдами, Тишендорфу удалось часть из них (43 листа) увезти с собой в Лейпциг. С этого времени ученого буквально преследовала мысль о том, что надо во что бы то ни стало найти остальные листы библейского комплекта. Путешествовать в те времена на Синай было не так легко. Помимо трудностей самого передвижения — морем, потом по суше на мулах или верблюдах,— были еще трудности, вытекавшие из необходимости получить в каждом случае разрешение от турецкого правительства, которому тогда принадлежали эти места, и от церковных властей православного константинопольского патриарха. Но ученый был настойчив. В 1853 г. он совершил второе путешествие на Синай, на этот раз безуспешное: ни получить оставленные ранее листы, ни найти недостающие ему не удалось: по неизвестным причинам невежествен-

ные и упрямые монахи были на этот раз особенно несговорчивы.

Через шесть лет, в 1859 г., Тишендорф в третий раз появился в монастыре, и теперь уж ему удалось найти путь к сердцу «отца эконома». С таинственным видом тот привел его в свою келью и вынул завернутый в красное сукно сверток. Развернув его, Тишендорф не смог удержать крика радости и изумления: перед ним лежали не только те листы библейской рукописи, которые 15 лет тому назад ему отказались отдать, но и все остальные, к ней относящиеся. Очевидно, за эти годы монахи поняли, что им нет смысла использовать вместо топлива ценные древние манускрипты...

Ученый взмолился, чтобы ему продали рукопись. Монастырское начальство заявило, что святыню оно продавать не может, но готово подарить ее благочестивому русскому царю. Казалось бы, что вопрос решается к всеобщему удовлетворению и что Тишендорф может взять на себя миссию увоза рукописи в Европу и передачи ее царскому правительству. Тем не менее канитель переговоров этим только начиналась, продлилась она еще целых десять лет. Дело в том, что ответом на «подарок» должен был быть встречный дар от русского правительства, и как раз о размерах этого встречного подарка долго не могли договориться. Наконец в 1869 г. соглашение было достигнуто, монахи приняли «подарок» в размере 9 тысяч рублей золотом — это была по тем временам довольно солидная сумма.

Так Тишендорф получил возможность пустить в научный обиход один из древнейших манускриптов Ветхого и Нового заветов. Вскоре он издал эту рукопись. Теперь Синайский кодекс хранится в Британском музее, а те 43 листа, которые Тишендорфу удалось приобрести в свою первую поездку, находятся в музее Лейпцига.

К немного более позднему времени, чем Синайский и указанные выше другие кодексы, относится так называемый палимпсест Ефрема Сирина. Его история тоже довольно необычна.

У средневековых монастырских писцов было обыкновение использовать для письма валявшиеся в кладовых древние пергаментные свитки. Прежний текст тщательно смывался или стирался, после чего можно было на пергаменте писать то, что представлялось переписчикам более ценным, чем ранее начертанное. Таким образом погибло большое количество произведений древней литературы, но достигалась немалая экономия.

ибо пергамент был дорог. Свитки с текстами, написанными поверх уничтоженных древних письмен, получили наименование палимпсестов, что буквально значит по-гречески — снова стертое. Так как, однако, далеко не всегда удавалось полностью уничтожить следы старых письмен, то многие древние тексты удалось впоследствии восстановить. Тогда из-под богословских сочинений средневековых схоластов вновь проступали произведения Тита Ливия, Эвклида и других древних авторов. Подобное произошло и в том случае, о котором мы рассказываем.

В XII или XIII в. некий безвестный писец в библиотеке одного из парижских монастырей получил заказ — написать на пергаменте сочинения христианского богослова Ефрема Сирина. Вместо того чтобы платить деньги за новый пергамент, он взял старую Библию, старательно стер весь ее текст и использовал очистившийся пергамент как ему было выгодно. Лишь в конце XVII в.— в это время свиток находился в Парижской национальной библиотеке — было замечено, что под писаниями Ефрема Сирина просвечивает рукопись значительно большей ценности. Принялись реставрировать ее, но делали это так неумело, что чуть не загубили окончательно: во многих местах рукопись стала протираться. Только уже в XIX в. тому же Тишендорфу, который открыл Синайский кодекс, удалось восстановить древний манускрипт. Оказалось, что он относится к первой половине V в. и содержит большое количество отрывков из Ветхого завета, а также примерно две трети Нового завета.

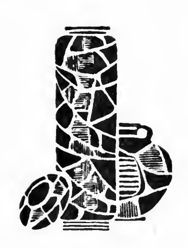
Описанные наиболее древние из сохранившихся рукописей Библии выполнены на греческом языке. Как обстоит дело с ветхозаветными рукописями древнееврейского текста Библии?

К середине нашего века наиболее древние из сохранившихся экземпляров древнееврейской Библии были сравнительно «молодыми» по своему происхождению. В Британском музее имеется обрывок кодекса книг Пророков, относящийся к 895 г. н. э. В Ленинградской публичной библиотеке хранятся две более полные ветхозаветные рукописи почти такой же древности, как рукопись Британского музея. Одна из них относится к 916 г. н. э. и заключает в себе книги Пророков, во второй, датируемой 1008 г. н. э., содержится весь текст Ветхого завета; в международном научном обиходе она носит название Ленинградского кодекса — «Codex Leningradensis».

То обстоятельство, что древнееврейских рукописей Библии

сохранилось значительно меньше, чем греческих, объясняется в известной мере деятельностью так называемых масоретов. На протяжении всего раннего Средневековья над еврейским текстом Библии упорно и систематически работали ученые раввины, редактировавшие его и приводившие текст в соответствие с тем экземпляром, который был признан образцовым и священным. Копировались с абсолютной точностью все его особенности: не только самый текст, но и его расположение, размеры столбцов и колонок, количество строк, слов и букв в каждой строке, форма самих букв до мельчайших деталей; даже случайные помарки на полях и в самом тексте автоматически переносились в остальные экземпляры, и им придавалось впоследствии особое, таинственное значение. Так появилась масоретская Библия, которая теперь находится в употреблении у верующих иудаистов. Все экземпляры Ветхого завета, которые в чем бы то ни было — в крупном или мелочах — не соответствовали масоретскому оригиналу, строго и категорически предписывалось сжигать во избежание тяжелых наказаний не только на том, но и на этом свете. Не удивительно, что до последнего времени не было известно ни одного экземпляра немасоретской или домасоретской Библии. Варварские действия раввинов лишили таким способом науку больших возможностей в области историко-библейского исследования.

И еще одно обстоятельство обусловило скудость источников этого рода. В иудаизме есть обычай, по которому приходящие в ветхость рукописи Библии должны быть похоронены в земле. Делается это торжественным и организованным образом, так что для церемонии похорон собирается сразу большое количество рукописей. До того, пока не набралось достаточное их количество, вышедшие из употребления манускрипты хранятся в специальных кладовых при больших синагогах — в так называемых генизах. В результате регулярного проведения церемонии библейских похорон погибло громадное количество старинных рукописей. Но в одном случае этот обычай неожиданно оказался полезным для науки. Мы расскажем об этом случае в связи с материалом следующего раздела.



ЧТО НАЙДЕНО С КОНЦА XIX В. ДО НАШИХ ДНЕЙ?

В 1896 г. началась перестройка каранмской сннагогн в Канре. В ходе работ была открыта стариниая гениза, вход в которую был в среднне века замурован; очевидно, имуществу сниагогн грозила какая-то опасность и руководнтелн иудейской общииы ие нашлн другого способа обеспечеиия непрнкосиовеииостн своего священиого инвентаря. Такнм образом, большое количество старых бнблейских рукописей н их фрагментов спаслось от захороненнй в земле и в конце XIX в. предстало взорам ученых. Замуроваииая кладовая оказалась иастоящей сокровищницей, содержащей около 200 тысяч обрывков большего илн меньшего размера н даже цельных рукописей. И все же во всей этой массе старого пергамента не нашлось каиоиических библейских рукописей древнее тех, о которых мы выше говорили.

В иачале века была сделана находка, которая в иекотором смысле явилась провозвестннцей открытия богатейших сокровнщ Кумрана. В 1902 г. аиглнчаннн Нэш приобрел в Егнпте фрагмент папнрусной еврейской рукопнсн, о датировке которой ученые не могут прийти к единому миенню до сегодняшнего дня: оиа колеблется между II в. до н. э.

и III в. н. э. Во всяком случае папирус относится к временам, отстоящим недалеко от начала нашей эры. По своему содержанию он довольно беден — десять заповедей из текста Второзакония и известная иудейская молитва «Слушай, Израиль». Сам по себе этот текст не представляет особого интереса, так как он совпадает с соответствующими каноническими текстами. Все значение этого документа заключается в его палеографических особенностях и прежде всего в том шрифте, которым он написан. В дальнейшем, после открытия кумранских рукописей, именно сличение «почерков» папируса Нэша и кумранских рукописей дало возможность с самого начала установить большую древность последних.

Некоторые любители древних рукописей в разных странах собрали большие и интересные коллекции. В ряде случаев они еще не полностью разобраны и изучены. Постепенная публикация документов из этих коллекций вводит в научный обиход все новые материалы.

Англичанин Честер Битти скупил в 1931 г. большую часть клада папирусов, найденного местными жителями вблизи Гермополя в Египте; то, что из этого клада не попало к Честеру Битти, оказалось потом хранящимся в двух американских университетах — Пристонском и Мичиганском. Большинство папирусов представляет собой греческие рукописи тех или иных библейских книг. В коллекции Честера Битти имеется часть книги Бытия, относящаяся к IV в. н. э., часть той же книги, относящаяся к III в., часть книг Чисел и Второзакония, датируемых началом IV в., часть книги Исаии от III в., два маленьких отрывка из книги пророка Иеремии, датируемых II в.; есть отрывки рукописей и из Иезекииля, Даниила, Эсфири, Екклезиаста, тоже относящиеся к III и IV вв. Представлены в коллекции Честера Битти и новозаветные книги: в разрозненных листах имеются части канонических евангелий и Деяний, а также посланий Павла. Все новозаветные документы коллекции Честера Битти датируются III в. н. э., евангельские же фрагменты — первой половиной III в.

В 1935 г. была опубликована еще более сенсационная находка. Из библиотеки Джона Райлендса в Манчестере Ч. Х. Робертсом был извлечен клочок папируса размером около 9 сантиметров в длину и меньше 6 см в ширину, исписанный греческими письменами. Это оказались семь стихов из XVIII главы евангелия от Иоанна. То, что текст написан на обеих сторонах, свидетельствует о принадлежности данного обрывка не свитку, а кодексу. Что же касается датировки его,

то разногласия между учеными по этому вопросу ограничиваются рамками весьма незначительного времени. В общем, датировка колеблется в пределах 125—150 гг. н. э. До сих пор это самый древний из когда бы то ни было найденных фрагментов Нового завета.

С 1954 г. стали публиковаться папирусы и пергаменты из библиотеки швейцарца Бодмера близ Женевы, до сих пор их опубликовано около двух десятков. Некоторые из них не имеют отношения к Библии, например папирус, известный под названием Бодмер I, содержит часть Илиады, Бодмер IV — комедию древнегреческого драматурга Менандра. Большинство публикаций Бодмера относится, однако, к Библии. Три рукописи на коптском языке, датируемые IV в. н. э., содержат ряд фрагментов ветхозаветных книг. Папирус Бодмер III, относящийся тоже к IV в., содержит несколько глав книги Бытия и евангелие от Иоанна. В пергаменте Бодмер VI от IV или V в. дано двадцать с лишним глав Притчей Соломона. Бодмер VII содержит новозаветное послание Иуды; Бодмер VIII — два новозаветных послания Петра. Обе последних рукописи относятся к III в. В папирусе Бодмер IX (IV в.) мы находим несколько псалмов на греческом языке, Бодмер XVII содержит новозаветные Деяния и семь посланий; это сравнительно поздний памятник — он относится к VI—VII вв.

Особое значение имеют бодмеровские папирусы, нумеруемые цифрами II, XIV и XV. Все они относятся примерно к концу II — началу III в., обычно их датируют круглым числом — 200 г. н. э. Опубликованный в 1956 г. папирус Бодмер II содержит на 108 страницах первые четырнадцать глав евангелия от Иоанна. Рукопись хорошо сохранилась, она очень четко выполнена и совершенно не выцвела, так что текст легко читается. Другие два кодекса содержат фрагменты евангелий от Луки и от Иоанна.

Некоторые из бодмеровских рукописей представляют собой не канонические, а апокрифические произведения — об апокрифах речь еще впереди.

Посмотрим, что дают для выяснения вопроса о происхождении библейских книг кумранские находки.

В огромном количестве найденных там фрагментов древних рукописей занимают немалое место книги Ветхого завета и комментарии на эти книги — так называемые мидраши. За исключением книги Эсфири, среди разбросанного и систематизированного материала оказались в цельном виде или в обрывках все канонические книги Ветхого завета. Некоторые

из них представлены во многих экземплярах. В одной только IV пещере, как сообщает И. Д. Амусин, были обнаружены 14 экземпляров Второзакония, 10 — книги Псалмов, 8 — комплекта малых Пророков; все это, конечно, не цельные экземпляры, а более или менее поврежденные и неполные. В других пещерах найдено также большое количество ветхозаветных рукописей и их остатков.

Датировка кумранских документов, в том числе и найденных там библейских рукописей, была вначале предметом ожесточенных споров, но теперь подавляющее большинство ученых пришло к общей точке зрения по этому вопросу: рукописи пещер Кумрана захоронены не позже 68 г. н. э. Что же касается даты их написания, то самые ранние относятся к концу III в. до н. э., самые поздние — конечно, не моложе 60-х гг. н. э. Все они, стало быть, содержат домасоретский текст Ветхого завета.

Особое значение кумранских ветхозаветных рукописей заключается в том, что мы теперь можем сравнивать масоретский текст Ветхого завета с домасоретским. Мы можем видеть, как бесцеремонно во многих случаях обращались масореты со «священным» и «неприкосновенным» текстом Библии. Разночтений — колоссальное количество. Есть сообщения о том, что по одной только книге Исаии их насчитывается около 5000. А всего, как признает немецкий богослов Отмар Шиллинг, можно насчитать около 50 тысяч случаев, когда в свете кумранских текстов в масоретской Библии обнаруживаются неточные и ошибочно сформулированные тексты. Правда, он пытается пройтись по этому вопросу в тоне легкой иронии и утверждать, что разночтения касаются мелочей и несущественных деталей.

Вот, например, какое разночтение соглашается признать богослов. В книге Исаии сказано от имени бога: «...я не слышу, ваши руки полны крови». В кумранской рукописи к этому еще добавлено: «...и ваши пальцы в грехах». Искажения вероучения, указывает Шиллинг, здесь нет, тем более что в другом месте той же книги Исаии сказано: «...руки ваши осквернены кровью и персты ваши беззаконием». В другом случае разница обнаруживается в том, что в одном варианте бог именуется Яхве Саваоф, в другом к этому прибавляется еще и Адонай. И еще около десятка случаев приводит Шиллинг, делая вид, что он не замечает других разночтений, в отличие от указанных им, имеющих существенное значение.

Возьмем место из Второзакония (XXXII, 43), где по грече-

скому переводу, воспроизведенному и в русском издании Библии, содержится призыв «ко всем ангелам божиим» поклониться богу Яхве. В кумранских текстах это место выглядит совсем по-иному: призыв поклониться богу Израиля обращен не ко всем ангелам, а ко «всем богам». Обращаемся к древнееврейскому масоретскому тексту — там эти слова, оказывается, вообще выпущены. Картина достаточно ясная: переводчики Ветхого завета на греческий язык рассудили, что здесь уж очень наглядно сказывается многобожие древнего иудаизма, и решили превращением «всех богов» во «всех ангелов» замаскировать это конфузное обстоятельство. А масореты действовали еще более радикально — просто выбросили это место. О таких фактах богословы предпочитают умалчивать.

В общем, кумранские ветхозаветные канонические тексты не дают никаких оснований к пересмотру сложившейся в науке картины происхождения библейских книг Ветхого завета.

А как обстоит в этом отношении дело с Новым заветом?

Представляется довольно многозначительным то, что ни одна из найденных в Кумране рукописей не содержит ни одного отрывка — тем более ни одного цельного произведения, которые относились бы к Новому завету. Это столь существенный факт, что над ним стоит подумать.

Если бы была верна церковная традиция, по которой основная часть Нового завета написана в середине I века н. э., то к тому времени, когда были запрятаны кумранские рукописи, то есть к 68—69 гг., новозаветные книги уже должны были быть в обращении. Можно возразить на это, что в те времена книга была редким до уникальности явлением, и если даже евангелия и послания и были написаны к 60-м гг., то в очень небольшом количестве экземпляров, так что кумранские ессеи могли и не иметь ни одного из них. Это возражение не выглядит достаточно весомым.

Ессеи были религиозно-политической партией. Независимо от того, признавать ли их родство с первоначальным христианством — а для нас это родство не вызывает сомнений,— повторяем, независимо от этого, нельзя отрицать, что религиозные проблемы и религиозные движения Иудеи того времени должны были стоять в центре их внимания. Если исходить из церковной традиции, то надо представить себе довольно странную картину. В двух десятках километров от Кумрана — в Иерусалиме,— тридцать с лишним лет тому назад трагиче-

ски и величественно завершилась деятельность основателя мощного религиозного движения, всколыхнувшего широкие массы населения Иудеи. Его ученики и последователи развернули активнейшую проповедь этого учения и быстро завербовали большое количество приверженцев. Они изложили новое вероучение в ряде книг, которые послужили его основными документами. И оказывается, что религиозная община, находящаяся всего в нескольких часах ходьбы от самого центра движения, ничего не знает о нем и не имеет представления о его вероисповедных документах. Правдоподобно ли это?

Ессеи относились с большим уважением к книге, у них была хорошо поставлена служба переписки книг — ведь среди развалин Кумрана найдены и остатки специального помещения, предназначенного для этой работы. Само богатство найденной теперь кумранской библиотеки свидетельствует о том, в каком ходу у них были книги. И при всем этом библиотека Кумрана не содержит ни малейшего следа ни одной из новозаветных книг, ни одного фрагмента, который относился бы к какой-нибудь из них. Трудно представить себе, чтобы это имело случайные причины.

Библиотека Вади-Мураббa'ата была захоронена через полстолетия после кумранской — около 135 г. н. э. Но и там мы не обнаруживаем никаких элементов новозаветной литературы. Казалось бы, за эти десятилетия книги Нового завета, если бы они появились в то время, к которому их приурочивают церковники, должны были получить уже известное распространение. Но этого почему-то не видно. Можно отсюда сделать вывод, что в 30-х гг. II в. новозаветные произведения представляли собой еще новинку и были поэтому сравнительно редки. Можно, правда, привести и соображения другого порядка. К этому времени размежевание религиозных направлений должно было достичь большей определенности, чем это было раньше, христианство уже с достаточной определенностью отмежевалось от иудаизма. Это должно было неминуемо сопровождаться обострением борьбы между иудаизмом в целом и отдельными его сектами, с одной стороны, и вновь возникшей религией, с другой стороны. Члены мураббa'атской общины могли быть так враждебно настроены в отношении новой религии, чтобы бойкотировать ее литературу и считать греховным ее хранение. Но при всех этих вариантах никаких аргументов в пользу раннего появления новозаветных книг ни Мураббa'ата, ни Кумран не дают.

НИЧЕГО НЕОЖИДАННОГО!

По сравнению с другими произведениями древней литературы новозаветные и частично ветхозаветные книги находятся в особо благоприятном положении: имеющихся рукописей очень много, и они стоят во времени значительно ближе к оригиналам, чем чуть ли не все остальные древние литературные памятники, которые нам известны.

Количество дошедших до нас рукописей Нового завета сравнительно велико, их всего около 4200. Большинство их содержит отдельные новозаветные книги и их фрагменты, только 53 дают полностью весь Новый завет. Написанных на греческом языке евангелий дошло до нас свыше 2500 — правда, из них старше тысячи лет — только 40. Помимо греческих, имеется довольно большое количество рукописей латинских и других переводов. Для сравнения приведем количество сохранившихся рукописей произведений некоторых древних авторов: от Еврипида дошло до нашего времени лишь 2 рукописи, от «Анналов» Тацита — 1, от Платона — 11, Эсхила — 50, Виргилия и Софокла — около 100.

Сравнение оказывается в пользу новозаветных книг и в вопросе о том времени, которое отделяет имеющиеся рукописи

от оригиналов. Полезно вспомнить, сколько времени отделяет дошедшие до нас рукописи некоторых других древних произведений от их оригиналов. Это время составит для произведений Юлия Цезаря — 900 лет, Платона — 1300, Эсхила — 1500, а Гомера — даже 2000. Мы уже видели, что с новозаветными книгами в этом отношении дело обстоит много лучше.

В рукописях Ветхого завета надо рассматривать отдельно греческие и древнееврейские. Что касается первых, то довольно ранние их экземпляры содержатся в Синайском и других кодексах IV в. Некоторые наиболее поздние ветхозаветные книги (Даниила, Екклезиаст) имеют в них свои копии, отстоящие во времени от оригинала на 500—600 лет. Еврейские рукописи Ветхого завета были до последнего времени представлены копиями весьма позднего происхождения. Изменили положение кумранские находки. Интервал, отделяющий копии почти всех древнееврейских ветхозаветных книг от их оригиналов, уменьшился на целое тысячелетие, а по некоторым книгам стал рекордно малым. Найден, например, отрывок из Екклезиаста, датируемый 200—150 гг. до н. э. Если учесть, что эта ветхозаветная книга вряд ли появилась раньше III в. до н. э., то станет ясно, что найденная рукопись моложе оригинала всего примерно на одно столетие. Так же обстоит дело и с найденными отрывками книги Даниила, оригинал которой появился, вероятно, на несколько десятилетий позже Екклезиаста.

В некоторых случаях можно думать, что мы имеем дело чуть ли не с одними из самых первых копий библейской книги. Например, найденный в Кумране фрагмент книги Левит написан таким архаическим шрифтом, что можно датировать рукопись VI в. до н. э. Эту датировку нельзя, однако, считать окончательной, так как известно, что во второй половине II в. до н. э. существовало обыкновение писать по возможности древним шрифтом, и не исключено поэтому, что шрифт данной рукописи искусственно архаизирован.

Что же касается оригиналов библейских книг, то их нет и сейчас, как не было и сто лет назад. Удивляться этому не приходится, ибо это вполне обычное явление для произведений древней литературы. Никаких сверхсенсаций не произошло, несмотря на все успехи библейской археологии.

Не произошло и ничего такого, что заставило бы пересматривать выводы библейской критики относительно времени и обстоятельств появления библейских книг — как по Ветхому, так и по Новому заветам. Надежды апологетов церковно-

синагогальной традиции в этом отношении совершенно не оправдались.

Сделанные в последние десятилетия открытия новозаветных рукописей могут побудить к пересмотру установившейся в науке концепции лишь в отношении времени появления евангелия от Иоанна. Точнее сказать, речь может идти о том, не следует ли его считать появившимся раньше других евангелий. Известно, что до сих пор оно считалось самым последним по времени своего появления. Между тем теперь самый древний из имеющихся в нашем распоряжении евангельских фрагментов — папирус Райлендса — относится именно к евангелию от Иоанна. Можно, правда, предполагать, что когда-нибудь найдутся еще более древние фрагменты, содержащие отрывки из других евангелий. Но если оставаться на почве того, что уже есть, а не того, что может быть когда-нибудь в будущем найдено, то надо признать, что при создавшемся положении внимание приковывается именно к евангелию от Иоанна, как одному из наиболее древних, притом одному из наиболее распространенных в первые века нашей эры. Может быть, не случайно и то обстоятельство, что следующий по времени новозаветный фрагмент Бодмер II также содержит евангелие от Иоанна. Дальнейшие исследования, а также возможные новые открытия прольют дополнительный свет на этот вопрос. Но если и подтвердится приоритет евангелия от Иоанна, то особой радости апологетам церковной традиции это все-таки не доставит.

По церковному учению, самым древним из евангелий является как раз не Иоанново, а Матфеево — никакого подтверждения этого учения здесь нет. С другой стороны, установление наибольшей древности евангелия от Иоанна хорошо укладывается в ту схему происхождения образа Христа, которая сложилась в научной литературе.

Вначале возникло представление о Христе-боге, а потом это туманное представление стало обрастать чертами Иисуса-человека. В ходе этого процесса легенда стала наполняться конкретными человеческими чертами, фантазия создавала все новые «факты» биографии человека Иисуса. В евангелии от Иоанна господствует атмосфера, характерная для концепции «бог Христос», там еще нет той подробно разработанной биографии Иисуса-человека, которую мы находим в других евангелиях. Вполне закономерно выглядит предположение, что это новозаветное произведение является связующим звеном между Апокалипсисом и ранними посланиями, с одной

стороны, и синоптическими евангелиями, с другой. Тем не менее, этот вопрос еще нельзя считать решенным — окончательное его выяснение требует новых исследований и, может быть, новых археологических открытий.

С Ветхим заветом в отношении датировки составляющих его книг дело обстоит так же, как с Новым: нет таких открытий, которые заставляли бы пересмотреть установившуюся в науке концепцию в пользу церковно-синагогальной традиции. Основные выводы «школы Велльгаузена», как называют богословы господствующее направление в библейской критике, стоят теперь еще более незыблемо, чем это было когда-нибудь в прошлом.

Само собой разумеется, что анализ найденных новых рукописей важен не только с точки зрения их датировки, а и по содержанию. Особенно важно установить, в какой мере текст этих рукописей совпадает с каноническим. Во многих случаях это дает возможность выяснить некоторые черты эволюции самого текста, его изменение в ходе истории религии и в процессе той общественной борьбы, с которой связана эта история.

Для апологетов религии это щекотливый вопрос. Им куда больше улыбается подход к библейскому тексту как незыблемому в силу своей богодухновенности. До последнего времени они постоянно твердили о «неповрежденности» книг Библии и о том, что к каждому тексту их следует поэтому относиться с полным доверием. Теперь оставаться на этой позиции стало невозможно, настолько очевидны расхождения между различными рукописями одних и тех же книг — не только разночтения, но во многих случаях и прямые противоречия. Немецкому богослову Отмару Шиллингу приходится поэтому с явным сокрушением признать совершенно очевидное положение: «Текстуальная неповрежденность библейских сочинений не могла быть обеспечена в ходе столетий». Что же, значит, судьба «священных» книг такова же, как и любых человеческих произведений? А если это так, то нет никаких гарантий того, что то или другое место Библии не является продуктом «поврежденности». Опасная для церкви концепция!

Богослов пытается найти здесь выход в утверждении, что сам смысл библейских учений остался неизменным, несмотря на то что менялся текст. «Не может быть никаких сомнений в том, что вопреки этому (текстуальной поврежденности.— *И. К.*) догматическое содержание вероучения осталось неповрежденным».

Тему «догматической неповрежденности» ему лучше было бы не затрагивать. Как во вновь найденных рукописях, так и в давно известных канонических текстах Библии содержится огромное количество не только разногласящих, но и противоречащих друг другу заявлений и утверждений, причем эти противоречия идут по линии именно «догматической», то есть собственно вероисповедной. Единой, более или менее последовательной догматики в Библии никогда и не содержалось, она была сочинена богословами иудейской и христианской религий в значительно более поздние времена, причем различными группировками этих богословов сочинена по-разному, что является до сих пор предметом острых разногласий между разными вероисповеданиями и сектами христианства, между разными группировками в иудаизме. Что же касается «текстуальной неповрежденности», то, как мы видели выше, теперь на ней не настаивают и сами богословы,— настолько очевиден тот факт, что библейский текст претерпел колоссальное количество всевозможных изменений за время своего существования.

Дело, однако, не только в «повреждении» текста Ветхого завета на протяжении последних двух тысячелетий, а и в том, что уже на самых ранних ступенях существования ветхозаветного текста он не был в разных копиях единым, а содержал большое количество разночтений.

Изучение вновь находимых и публикуемых рукописей Нового завета тоже позволяет обнаружить тот несомненный факт, что новозаветный текст претерпевал многочисленные изменения до того, как он был канонизирован в твердо закрепленном виде. Раньше это было известно из высказываний некоторых древних авторов, например из такого заявления, обращенного к христианам римским писателем Цельсом около 180 г. н. э.: «Вы трижды и четырежды переделываете запись евангелия». Теперь, после того как появилась возможность сличать многие найденные рукописи евангелий и остальных новозаветных книг, это утверждение Цельса обрело твердую почву фактических доказательств. Действительно, в первые столетия христианства его «священные» книги подвергались многократной переделке. Важным подтверждением этого являются и находимые в довольно большом количестве апокрифические произведения Нового завета.

Впрочем, об апокрифах и подобных им произведениях Библии следует поговорить особо.

НЕКАНОНИЧЕСКИЕ И АПОКРИФИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ

Кииги Ветхого и Нового заветов, безоговорочио приимаемые церковью в качестве богодухиовеииых, включены в каиои, то есть комплект, освященный авторитетом церкви твердый список. Если бы Писаиие было действительио «свящеииым», то, помимо иего, ие было бы ничего похожего, его «каиоиичиость» была бы твердо зафиксироваиа с самого иачала и иичто бы в этом отиошении не конкурировало с вошедшими в него киигами и текстами. Между тем дело обстоит ие так. Помимо каиоиических книг, имеется большое количество ие только некаиоиических, ио и прямо отвергаемых в качестве ложиых, еретических, «апокрифических» книг, которые и по содержаиию, и по форме мало чем отличаются от каиоиических, так что вопрос о том, какие киига следует считать иастолько богодухиовеииыми, что оии заслуживают включеиия в каиои, а какие, иаоборот, ие заслуживают этого, был в свое время предметом ожесточеииых споров среди руководителей церкви и сииагоги.

Иудейский каиои Ветхого завета был устаиовлен в коице I в. и. э. Определенному решению этого вопроса предшествовали ожесточенные споры

между раввинами. Выдвигались возражения против канонизации книг Иезекииля, Екклезиаста, Песни Песней, Притчей Соломоновых, Есфири. Образовались группировки, боровшиеся между собой. Особенно враждовали две раввинские школы: Шамая и Гиллеля. В конце концов был принят тот канон, который действует теперь, причем исход споров определился соотношением сил борющихся группировок.

Видимо, в это же время были признаны неканоническими такие книги Ветхого завета, как Товит, Иудифь, III и IV Ездры и другие, а также ряд отрывков из канонических книг. Было предпринято систематическое уничтожение всех рукописей и отрывков, признанных неканоническими. Надо полагать, что именно поэтому фактически ни одна из них не сохранилась на древнееврейском языке. Правда, в это время они уже существовали в греческом переводе, и именно в этом виде они дошли до нашего времени. Но то обстоятельство, что этих книг не существует на древнееврейском языке, побудило христианскую церковь не включать их в канон. Протестантизм считает эти библейские книги и тексты просто апокрифическими и не имеющими отношения к «священному писанию». Православная церковь признает их хотя и неканоническими, но все же «душеполезными» и публикует их в своих изданиях Библии. Католическая же церковь относится к ним еще более благосклонно и считает их каноническими второго порядка (девтероканоническими).

До некоторого времени не было известно ни одной рукописи неканонических книг Ветхого завета на древнееврейском языке. Наиболее сенсационной находкой каирской генизы — выше мы уже говорили об открытии этого клада — явилась древнееврейская рукопись неканонической книги Иисуса сына Сирахова. Значение этой находки заключается в том, что доказано действительное существование в древности еврейских подлинников неканонических книг.

Помимо неканонических книг Ветхого завета, существует большое количество ветхозаветных апокрифов — вероятно, их общее количество исчисляется сотнями. Большинство из них не дошло до нас, так как было уничтожено раввинами. К ветхозаветным апокрифам относятся книги, известные под названиями: Малое Бытие, или книга Юбилеев, Житие Адама и Евы, Апокалипсис Моисея, книга Еноха, Завещание двенадцати патриархов и др. Существует также серия книг, именуемых Сивиллиными,— по имени мифической пророчицы Сивиллы. Содержание ветхозаветных апокрифов соответствует в

общем основным нормам иудейского благочестия; в частности, Сивиллины книги имеют своим предметом главным образом сроки и обстоятельства грядущего пришествия Мессии.

Находки последних десятилетий в некоторой мере пополнили имеющийся фонд ветхозаветных апокрифов, так, например, в кумранских пещерах были обнаружены рукописи книг Юбилеев и Еноха и фрагменты ряда других. Может быть, дальнейшие публикации откроют перед нами еще ряд подобных находок.

Канон Нового завета в настоящее время точно определен и ограничен 27 книгами. Установлен он был, однако, не сразу. Еще в IV в. шли споры между христианскими церковниками по вопросу о каноничности тех или иных книг Нового завета. Как выглядел новозаветный канон к началу III в., показала одна находка, сделанная около 1740 г. известным итальянским историком того времени, библиотекарем моденского герцога, Лодовико Муратори.

Разбирая архив амвросиевской библиотеки в Милане, Муратори неожиданно наткнулся в одной рукописи VIII в. на листок папируса явно древнего происхождения. Вчитавшись в него, он понял, что это написанное на очень плохом латинском языке перечисление книг Нового завета с некоторыми комментариями. Ряд признаков дал возможность установить, что папирус относится примерно к 200 г. н. э. По сравнению с современным каноном Нового завета в нем кое-чего не хватало, кое-что было лишним. Из посланий, приписываемых Павлу, там нет Послания к евреям, не указаны также послания Иакова и Петра, зато говорится об Апокалипсисе Петра, которого нет в современном каноне. Начало и конец документа не сохранились, но, по-видимому, ничего нового в этих не сохранившихся элементах текста не было. Некоторые обороты речи и выражения дают ученым основание считать, что фрагмент, найденный Муратори, был первоначально написан по-гречески и лишь потом переведен на латинский язык.

Ряд документов более позднего происхождения, чем фрагмент Муратори, тоже оперирует списком новозаветных канонических книг, не полностью совпадающих с современным церковным каноном. Живший в начале IV в. церковный историк Евсевий делит все книги Нового завета на те, которые приняты всеми христианами, и те, которые некоторыми отвергаются. К числу последних он относит ряд посланий апостольских, которые теперь числятся в каноне. А Лаодикейский церковный

собор 363 г. в зафиксированном им каноне не упоминает Апокалипсиса. Вопрос о включении этой книги в новозаветный канон вызывал споры и сомнения даже в значительно более поздние времена. Так, например, Мартин Лютер оспаривал богодухновенность этой книги еще в XVI в.

Оказывается, таким образом, что божественное происхождение и вытекающая из него непогрешимость тех или иных книг Ветхого и Нового заветов вовсе не представляет собой чего-то бесспорного и очевидного. С точки зрения религиозной веры, представляется вообще непонятным, почему бог так запутал этот вопрос и обрек людей на сомнения и полемику в попытках его решения. Казалось бы, божественная истина должна сиять таким ярким и определенным светом, чтобы не вызывать ни у кого сомнений в своей подлинности. Но этого почему-то нет!

Вернемся, однако, к вопросу о новозаветных апокрифах. Их было очень много — вероятно, больше сотни. Часть из них дошла до нас, некоторые известны только по названиям, а кое-какие из тех, что до сих пор были известны лишь по названиям, в результате сравнительно недавних открытий предстали перед нами, что называется, в натуре. Известны апокрифические евангелия от Варнавы, от Иуды, от Марии, от Варфоломея, от Петра, от Евы, от Египтян и т. д. В 1935 г. в Египте был найден отрывок из евангелия, которое до сих пор никому не было известно и название которого до сих пор не установлено; по имени опубликовавшего его ученого оно называется папирусом Эджертона. Много сохранилось апокрифических посланий и деяний. К последним относятся Деяния Петра, Фомы, Фаддея, а также Деяния Павла и Феклы. Немало было и апокрифических апокалипсисов. Почему одни из этого рода произведений попали в канон, а другие оказались низвергнутыми в разряд апокрифов,—это определялось в каждом случае соотношением сил разных, боровшихся в раннем христианстве, группировок и степенью популярности того или другого документа в наиболее влиятельных общинах. Для науки же находки древних рукописей апокрифических произведений Нового завета не менее важны, чем находки рукописей канонических книг. Так как апокрифические произведения старательно уничтожались ревнителями благочестия, то понятно, что их осталось мало и каждый случай находки такой рукописи представляет собой большое событие.

В 1886 г. в Ахмиме (Египет) несколько апокрифических документов были найдены в гробнице одного монаха; там ока-

зался, между прочим, фрагмеит апокрифического еваигелия Петра. Через иесколько лет после этого был найдеи знамеиитый клад рукописей в Оксиринхе — тоже в Египте. Английские учеиые Греифел и Хаит в 1897 г. нашли там большое количество греческих папирусов с текстами ряда литературиых произведений древиости. Среди иих оказался текст, содержавший так иазываемые Логии, или Речеиия Иисуса Христа, до тех пор ие известиые и ие фигурирующие в еваигелиях; таких изречеиий, приписываемых Иисусу, там было 14. Помимо них, в Оксириихских иаходках оказался и фрагмент из неизвестного евангелия II в.

Еще больший иитерес у исследователей вызвало открытие клада рукописей в райоие Хеиобоскиоиа — в том же Египте. В 1945 г. у подиожия горы Джебель эль-Тариф на левом берегу Нила крестьяие, рывшие землю, натолкнулись на искусствениую пещеру, в которой стоял сравиительио хорошо сохранившийся ящик. Раскрыв его, феллахи обиаружили 13 папирусиых кииг — кодексов. Находка далеко ие сразу стала достояиием гласиости. Только через два года сведеиия о ией проиикли в печать, после чего рукописи иачали публиковаться. Считается, что тайиик был оборудован одиим из первых христианских моиастырей в начале IV в. н. э.; как известно, впервые христиаиские моиастыри были оргаиизоваиы имеино в Египте. В иастоящее время 12 из иайдеиных кодексов, а также часть трииадцатого иаходятся в одиом из каирских музеев, а другая часть этого трииадцатого приiадлежит одиому швейцарскому ииституту.

Найдеиные древние киигi содержат ие только христианские религиозные тексты; там есть и произведеиия довольио иеопределеииого религиозиого иаправлеиия, связаниые скорей с иекоторыми поздиими формами аитичной идеалистической философии, чем с христиаиством. Нас в данном случае интересуют содержащиеся в иих апокрифические евангельские произведения. Среди иих имеются еваигелие от Фомы, еваигелие от Филиппа, еваигелие Истииы и другие. Все оии написаиы иа коптском языке.

Мы ие будем подробио остаиавливаться иа содержаиии хеиобоскиоиских апокрифов и на их отличии от каиоиических иовозаветиых произведеиий. Укажем лишь, что общий дух и характер этих произведеиий иосит иа себе отпечаток так называемого гиостицизма. Это было религиозио-философское учение, которое в первых веках нашей эры развилось как в иедрах христиаиства, так и вие его, причем представляло со-

бой серьезную опасность для ортодоксального христианства. Слово «гностицизм» происходит от «гнозис», что значит—«знание»; приверженцы этого учения считали, что лишь им доступно высшее знание, и в этом отношении вступали в прямую конкуренцию с клиром ранних христианских общин. Бога они представляли себе в мистически-туманном образе Логоса — «Слова», которое настолько возвышенно и так далеко от мира изменной материи, что непосредственно с этим миром соприкасаться не может. Между Логосом и материальным миром общение может происходить только через посредников — «эонов», одним из которых был якобы Иисус Христос. Вполне очевидна та большая разница, которая существует между учениями гностицизма и ортодоксального христианства. Следует в то же время отметить, что в некоторых канонических новозаветных произведениях влияние гностицизма сказалось довольно явным образом. Особенно оно заметно в евангелии от Иоанна, которое начинается чисто гностической формулой: «В начале было Слово... и Слово было Бог». Известный немецкий исследователь Артур Древс считал, что христианство вообще произошло из гностицизма.

Хенобоскионские находки показали нам одно из ответвлений раннехристианской литературы, исключенное деятелями церкви из узаконенного ими канона. Эти находки дали еще один штрих для характеристики той разноголосицы и того многообразия, которые царили в священных книгах христианства первых веков его существования.

Мы подходим, таким образом, к концу нашего обзора того, что дают для истории библейских книг найденные археологами древние рукописи. Оснований к тому, чтобы пересматривать установленную наукой картину происхождения Библии, совершенно не оказывается. Выглядят поэтому в достаточной мере беспочвенными заявления ряда современных зарубежных библеистов о том, что «гиперкритицизм» в отношении церковной традиции происхождения Библии в результате археологических открытий последних десятилетий потерпел якобы поражение. Для примера разберем высказывания этого рода, принадлежащие одному из крупнейших современных археологов-библеистов В. Ф. Олбрайту.

ОЛБРАЙТ И ЖУПЕЛ ГИПЕРКРИТИЦИЗМА

Термии «гиперкритицизм» имеет весьма неопределеиный смысл: при желании им можно окрестить любую концепцию, в том числе и резоиио критикующую ту или другую традицию или точку зреиия. Для апологетической библеистики понятие гиперкритицизма стало своего рода жупелом, при помощи которого можио пугать всех, кто пытается критически подойти к традиционио-религиозиой точке зреиия. Найти граиицу между вполие обосноваииой трезвой критикой и «чересчур-критицизмом» — не всегда легко. Есть поэтому возможиость зачислить любую критическую концепцию в разряд «гипер», стараясь этим дискредитировать ее. Пользуется жупелом гиперкритицизма и В. Олбрайт.

В отношеиии Нового завета он именует гиперкритическими теории тюбиигеиской богословской школы Баура и школы голландских исследователей конца прошлого века, возглавлявшейся Ломаном и Ван-Маиеиом. Этим теориям, заявляет Олбрайт, археологические открытия иаиесли coup de grace — последний удар. Такое заявлеиие никак нельзя признать обоснованным.

Какие именно взгляды тюбингенской и голландской школ Олбрайт находит опровергну-

тыми? Он сообщает об этом. Первая признавала, что «меньше полудюжины книг Нового завета были написаны в первом столетии нашей эры, а евангелие от Иоанна — во второй половине II в.». Что же касается голландцев, то они «отвергают аутентичность всех Павловых посланий, которые они также относят ко II в. н. э. Олбрайт констатирует, что «датировка евангелия от Иоанна первой половиной второго столетия остается популярной в радикальных кругах библеистов до последнего времени». В качестве противовеса этим концепциям он выставляет взгляды некоторых современных библеистов, сложившиеся «под влиянием новых находок». Оказывается, эти находки дают материал в подтверждение точки зрения Ч. Торрея, по которой евангелие от Иоанна «есть перевод арамейского текста, написанного незадолго до 70-го года». Найден, что ли, этот арамейский текст или хоть самый маленький его обрывок? Нет, ничего подобного не найдено, и взгляды Торрея остаются такими же беспочвенными предположениями, какими они были в начале XX столетия.

Ударом по новозаветной критике Олбрайт считает и то, что «некоторые радикальные ученые, например Эрвин Гуднаф, теперь рассматривают евангелие от Иоанна как самое раннее». Речь идет, таким образом, всего лишь о признании приоритета евангелия от Иоанна относительно остальных трех. Не такой уж это сокрушительный удар! Во-первых, приоритет Иоаннова евангелия еще не доказан. Во-вторых, если он даже и будет доказан, это не поколеблет основных положений классической новозаветной критики, которые заключаются в том, что евангелия были написаны не раньше II в. н. э., притом позже большинства посланий. И ни одно из открытий, сделанных в последние или предшествующие им десятилетия, не опровергает этого.

Наконец, последний аргумент, который призван, по-видимому, быть решающим. В том же, богатом публикациями 1935 г. Х. И. Белл и Т. С. Скит опубликовали хранящийся в Британском музее «большой папирусный фрагмент, содержащий маленькую часть повествования о жизни Христа, которое основано на всех четырех евангелиях, включая Иоанна. Автор трактует свои источники значительно более свободно, чем считалось допустимым позднейшими гармонизаторами вроде Татиана, писавшего в конце II в.». До сих пор была известна Гармония (свод, обобщение) четырех евангелий, составителем которой считается Татиан. Вновь опубликованный «маленький обрывок большого фрагмента» датируется не второй

половиной II в. как Татианова Гармония, а первой. Но те выводы, которые делает из этого Олбрайт, отсюда не вытекают.

Если опубликованный отрывок действительно является Гармонией четырех евангелий, то он может свидетельствовать о том, что к моменту его составления они уже существовали и пользовались большей популярностью, чем другие. К середине II в. н. э. они, видимо, в самом деле существовали, чего новозаветная критика не отрицает. Но нельзя быть уверенным в том, что фрагмент, о котором идет речь, относится к сочинению, представляющему собой обобщение канонических евангелий, а не самостоятельное, до сих пор остававшееся неизвестным и не вошедшее в канон евангелие. Не свидетельствует ли обнаруженная его автором и констатируемая Олбрайтом «свобода от своих источников», что мы имеем здесь дело с самостоятельным произведением, источниками которого была та же устная традиция, которой питались и авторы канонических евангелий?!

Особый интерес представляют те приемы, при помощи которых Олбрайт изображает торжество традиции над гиперкритицизмом в отношении происхождения Ветхого завета.

Полвека тому назад, говорит он, некоторые европейские ученые «всерьез собирались датировать композицию значительной части еврейской Библии раннеримской эпохой!». К этому Олбрайт добавляет: «Как бы ни казалась такая идея чрезмерно гротескной, можно еще добавить, что были в то время известные ученые, которые датировали части глав и даже целые главы Ветхого завета I в. до н. э.» Американский археолог не называет здесь по именам сторонников критикуемой им столь ярко гиперкритической точки зрения. И похоже на то, что в одном случае он напрасно бьет в победные литавры, а в другом — победил противника, которого в действительности не существует.

Если говорить о композиции Ветхого завета в смысле утверждения канона, то не может быть никаких сомнений в том, что это утверждение имело место не раньше I в. н. э. и скорей всего в конце этого века, иначе говоря, даже не в раннеримскую, а в позднеримскую эпоху. Что отдельные главы тех или иных книг или части этих глав могли быть вставлены в ветхозаветные книги очень поздно — в частности, в I в. н. э.,— никем и ничем не опровергнуто. Впрочем, нам не известно, чтобы кто-нибудь высказал конкретные предположения на этот счет в отношении определенных фрагментов ветхозаветных

книг, поэтому мы и предположили выше, что Олбрайт выступает против несуществующего противника.

Посрамление гиперкритицизма достигается им еще по одной линии. Речь идет о тех литературных памятниках глубокой древности, которые, будучи несравненно более ранними, чем все библейские книги, обнаруживают все же замечательное сходство с ними.

Раскопки в Рас-Шамре обнаружили ряд древнеханаанских литературных памятников, близких по своему содержанию и даже по форме изложения к ряду ветхозаветных текстов — в частности, к псалмам. Между тем эти памятники должны датироваться периодом, во всяком случае не позже II тысячелетия до н. э. Такое же положение зафиксировано в отношении Притч Соломоновых: ряд египетских и шумерских памятников III тысячелетия прямо предвосхищает содержание и форму этой библейской книги. Отсюда делается вывод о том, что Псалмы и Притчи имеют значительно более древнее происхождение, чем это считает библейская критика. «Не остается,— считает Олбрайт,— оснований отвергать Давидову дату для таких Псалмов; в то же время становится невероятным, что некоторые из них происходят позже IV в. и во времена Макавеев, датировка же II и начала I в. до н. э. вообще невозможна». Нелогичность такого вывода бросается в глаза.

Вряд ли кто-либо когда-нибудь отрицал, что многие мотивы и сюжеты ряда библейских книг, написанных сравнительно поздно, имеют весьма древнее происхождение. В течение не только столетий, но даже тысячелетий они существовали в устной традиции до того, как были зафиксированы в определенном письменном документе. Помимо того, был и более прямой путь проникновения древних элементов в позже возникавшие библейские книги: авторы последних могли в некоторых случаях просто воспользоваться теми или иными древними произведениями в качестве материала, черпая оттуда и идеи и сюжеты отдельных повествований. Но это никак не снимает того факта, что сами по себе соответствующие библейские книги фиксировались и монтировались в те поздние даты, которые установила для них историческая наука. Обнаруживающиеся во многих случаях заимствования из более древних источников, сделанные библейскими авторами, свидетельствуют не против гиперкритики, а против церковно-синагогальной традиции.

Интересно, что когда Олбрайт подходит к общим выводам и пытается набросать суммарную картину происхождения

ветхозаветных книг, он оставляет в стороне свою борьбу с ветряными мельницами гиперкритицизма и рисует картину, находящуюся в довольно удовлетворительном соответствии с выводами библейской критики. На основании «внешних данных, извлекаемых из археологических открытий во всех странах вокруг Палестины, особенно Египта, Сирии, Месопотамии и Малой Азии, комбинируя эти данные с другими находками, включающими показания культурных взаимоотношений», американский археолог дает такую общую картину происхождения Ветхого завета: «Евреи принесли с собой с их первоначальной месопотамской родины священные космогонические легенды. К этим древним легендам, передававшимся словесно на протяжении бесчисленных столетий, прибавились поэтические повествования патриархов, которые постепенно отлились в форму прозаической саги, в которой они и сохранились в еврейской Библии. Потом появились потрясающие рассказы об исходе и странствованиях, имевшие хождение в прозе и поэзии вместе с учением и установлениями Моисея. Собранные вместе в различных компиляциях документы Моисеева века постепенно сформировали единую коллекцию, которая была укомплектована в приблизительно современном виде перед Реставрацией в конце VI в. до н. э. Содержание нашего Пятикнижия вообще много древней, чем та дата, когда оно было, наконец, издано». Можно согласиться со всем, что здесь сказано Олбрайтом, за исключением заявления о «Моисеевом веке», никак не мотивированного и не вытекающего из всего хода изложения.

В дальнейшем Олбрайт также неоднократно сдабривает научное освещение вопроса выпадами против гиперкритицизма и реверансами в сторону «Моисеева характера традиций Пятикнижия». Он настаивает на невмещающемся в его же схему «первоначальном ядре Моисеевой традиции» и тут же под дымовой завесой этих благочестивых оговорок сообщает научный материал, в свете которого «Моисеева традиция» оказывается потерявшей всякую реальность.

Вот что Олбрайт говорит о Второзаконии, которое, как известно, религиозная традиция считает неотъемлемой частью Пятикнижия: «Древнее ядро израильской Торы принимало современные формы по мере того, как обрастало новыми частями. В начале прибавилась большая историческая компиляция, сделанная так называемым Девтерономистом, глубоко религиозным ученым, который, вероятно, жил в конце VII в. до н. э. Этот автор собрал значительное количество материала,

начиная с книги Второзакония (позже передвинутой из этой коллекции и включенной в Пятикнижие, к которому она фактически принадлежит и по своему содержанию) и кончая IV книгой Царств». Значит, уж во всяком случае Второзаконие не относится к «Моисееву веку» и написано оно неизвестным автором конца VII в., а никак не Моисеем, который мог жить в XV или самое позднее, в XIII в.! Заклинания против гиперкритицизма здесь явно недействительны — налицо у самого заклинателя концепция, вполне определенно расходящаяся с церковно-синагогальной традицией. Олбрайт ведет историческую нить формирования Ветхого завета еще дальше. Через два столетия после деятельности Девтерономиста, по его мнению, «была создана компиляция Хрониста, содержащая первую и вторую книги Хроник и книги Ездры и Неемии». Таким образом, и Олбрайт не находит возможным ломать ту схему возникновения ветхозаветной части Библии, которая была создана усилиями нескольких поколений ученых; археологические открытия не дают для этого оснований ни ему, ни кому бы то ни было.

История происхождения библейских книг, раскрытая наукой, не только остается непоколебленной, но с каждым новым археологическим открытием становится все более обоснованной и убедительной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для иудаизма и всех ответвлений христианства Библия как была, так и остается «священным писанием», наиболее авторитетным догматическим, культовым и морально-этическим документом. Это, настойчиво твердят богословы на протяжении тысячелетий, не человеческое произведение, а боговдохновенная (у русских богословов обычно применяется формула — богодухновенная) книга, продиктованная земным авторам самим богом или одной из его «ипостасей» — святым духом. Она содержит в себе поэтому наивысшую непогрешимую мудрость, святость, красоту и все вообще мыслимые совершенства. Не только религиозные деятели, но и политики и светские идеологи современной буржуазии не жалеют самых пышных слов для ее прославления и возвеличения.

Церковники и буржуазные политики постоянно расписываются в своей преданности и любви к Библии. Небезызвестный Джон Фостер Даллес утверждал, что «Библия есть величайшая из всех книг» и что она сыграла важнейшую роль во всей истории США. Даллес находил в ней руководство по американскому образу жизни, он считал ее символом американизма. По мнению французского католического богослова

Даниеля-Ропа, как и многих других богословов и богословствующих философов-идеалистов, вся цивилизация, точней сказать, современная «западная цивилизация», основана на Библии. Этот автор ссылается и на «глубокое высказывание» поэта Поля Валери о том, что «западная цивилизация базируется на трех основаниях: греческом разуме, римском порядке и иудейско-христианском духе». Третье же «основание» и есть не что иное, как Библия, и это — главное основание, ибо «без нее Запад не был бы тем, что он есть».

Ту же точку зрения выражает лидер идеалистической философской школы экзистенциализма Карл Ясперс. Проблема Библии, говорит он, есть «проблема западных стран», и вопрос о том, «что будет с библейской религией, есть вопрос жизни и смерти западной цивилизации». На этом основании Ясперс ратует «за библейскую религию» — этим лозунгом озаглавлен один из основных разделов его книги «Философская вера». Он требует философствования только на библейской основе. Больше того, он утверждает, что иначе и не бывает: «Мы философствуем из библейской религии и получаем здесь незаменимую истину»; «Библия и библейская религия есть основа нашего философствования, постоянный ориентир и источник незаменимого содержания». А как же быть с тем фактом, что многие вполне «западные» философы мыслили не столько по Библии, сколько против Библии? На это у Ясперса есть заранее приготовленный ответ — не очень вразумительный, но абсолютно категорический: «Западное философствование — всегда с Библией, даже тогда, когда оно против нее борется». Поэтому еще и еще раз «содержание Библии не может быть для нас заменено никакой другой книгой».

Ясперс предвидит весьма серьезные изменения в идеологии общества, он говорит о неизбежности такой радикальной перестройки людей «до последнего индивидуума», какой история никогда до сих пор не знала, причем эта перестройка коснется прежде всего «религиозных форм достоверности». Но должно ли человечество в ходе этой перестройки потерять «вечную истину библейской религии»? Ни в коем случае, «невозможно даже представить себе, что́ можно поставить на ее место». Во всяком случае, не философию, ибо философия не может дать человеку того, что ему дает религия», и к тому же «философские учения держатся в народе через религиозную веру». Поэтому «философия оставляет для религии свободное пространство», и в этом пространстве должна царствовать Библия как совершенное воплощение религиозной веры. По-

этому «философия вступается за библейскую религию».

Действительно, идеалистическая философия заступается теперь за Библию и библейскую религию самым активным образом. И не только философия. В мире существуют могущественные силы и группы, заинтересованные в широчайшем распространении Библии среди народных масс и в том, чтобы всеми средствами поддерживать ее репутацию как священнейшей книги, как Книги Книг.

Для чего это делается, в чьих интересах?

* * *

Религия претендует на то, чтобы управлять всеми сторонами жизни человека, а стало быть, и человеческого общества в целом. Книга, признаваемая священной сотнями миллионов, должна их каким-то образом ориентировать в основных вопросах личного и общественного поведения. Если Библия является, как ее аттестуют идеологи иудейско-христианских религий, Книгой Жизни, то она должна указывать почитающим ее правильный выбор жизненного пути.

И действительно, апологеты библейских религий не удовлетворяются ее ролью как вероисповедного культового документа. Они оперируют понятием «библейского мировоззрения», охватывающим все стороны идеологии современного человека и указывающим ему, в частности, путь, по которому он должен идти в своей общественной жизни и деятельности. В этом смысле Библия приобретает значение своего рода политической платформы. О таком вполне актуальном значении и использовании Книги Книг свидетельствует хотя бы тот факт, что писания клерикальных публицистов нашего времени постоянно оперируют понятием «библейского пути» спасения человеческого рода от всех социальных неустройств.

Для каждой исторической эпохи, для каждого общества на любой ступени его развития самым насущным и важным является вопрос, каковы пути дальнейшего развития, каковы судьбы данного общества и классов, его составляющих. Эта решающая для каждого общества проблема приобрела особую остроту в наши дни.

Человечество пришло к такому положению, когда жизнь властно требует новых путей, связанных с коренной реконструкцией всех общественных отношений. В мире уже существует новая, социалистическая система, воплощающая эти пути и открывающая перед человечеством грандиозные перспек-

тивы процветания и благоденствия. Одновременное и параллельное существование социалистической и капиталистической систем с исключительной ясностью свидетельствует о том, что человечество стоит перед выбором пути своего дальнейшего развития. Народы мира кровно заинтересованы в том, чтобы борьба двух систем приняла характер не военного столкновения, грозящего населению земного шара неисчислимо катастрофическими последствиями, а мирного соревнования — прежде всего на научно-техническом и экономическом поприще. Это соревнование не может, однако, ограничиться технико-экономической областью человеческой жизни и деятельности. А идеологическим узловым пунктом всестороннего соревнования двух мировых систем является борьба мировоззрений. Вполне понятно, что решающий момент этой борьбы разыгрывается вокруг вопроса о дальнейших путях общественного развития.

Основным элементом идеологии «библейского пути» является положение о том, что существование ветхозаветного Яхве и новозаветной Троицы гарантирует справедливость и правильность всех мировых порядков, а если чего-нибудь и не хватает в идиллической картине управляемого Провидением мира, то опять-таки существование старого Яхве вкупе со всей Троицей обеспечивает неизбежное грядущее исправление всех социальных зол. Современные богословы, как иудейские, так и христианские, изображают именно бога гарантом справедливого общественного порядка. Что это означает в применении к реальной общественной действительности?

Гарантируемая богом социальная справедливость, которую человечество должно найти на библейском пути, означает не что иное, как закрепленный на веки вечные капитализм. Пышная словесность, которой расписывается вполне угодный богу библейский путь, призвана скрыть то очевидное обстоятельство, что он просто никуда не ведет, ибо ориентирует на ликвидацию социального зла в **потустороннем мире** с тем, чтобы **на земле** все оставалось по-прежнему.

Не следует, однако, думать, что идеологи библейского пути сводят его только к чаянию загробного воздаяния и к пассивному ожиданию второго пришествия Спасителя. Они выдвигают перед верующими и более актуальные задачи, вытекающие из библейского мировоззрения. В общем, эти задачи, если отвлечься от специфически богословской церковной терминологии, в которой они формулируются, заключаются в поддержании современного капиталистического статус-кво

(существующего положения). Библия используется при этом для того, чтобы доказать, с одной стороны, соответствие капиталистических порядков ее общественному идеалу и, с другой стороны, наличие в ней программы такого усовершенствования этих порядков, при котором они просто не будут отличаться от условий царствия небесного.

Понятно, чем прельщает буржуазных идеологов библейский путь: он совершенно безопасен для капиталистического строя и для тех классовых группировок, которые при капитализме составляют вершину общественной пирамиды. Но, конечно, ни один проповедник не сможет объяснить, почему теперь, в итоге почти двух тысячелетий широчайшего распространения, а в ряде стран—фактического господства библейской религии,— приходится ставить вопрос о спасении человечества. Казалось бы, идя по совершенно спасительному библейскому пути, человечество должно было давно уже прийти к идеальному общественному строю!

Это один из тех проклятых вопросов, на которые ни один церковник и богослов не может дать мало-мальски вразумительного ответа. Не могут они, впрочем, членораздельно объяснить и само содержание того социального учения, которое предлагают верующим извлекать из Библии.

Туманный, но вполне благочестиво звучащий лозунг библейского пути нужен современным эксплуататорским классам и их церковной агентуре для прикрытия их основной цели — не выпускать из своих рук господство над народными массами. Библия необходима в качестве непререкаемого авторитета для масс. «Без авторитета,— говорит Карл Ясперс,— невозможна никакая человеческая жизнь». Массам нельзя предоставить возможность жить и мыслить, как они сами хотят. То, что церкви претендуют на руководство народами, имеет под собой, как считает Ясперс, вполне реальные основания, эта претензия должна быть признана обоснованной. «Церкви видят необходимость руководства массами, необходимость общепринятых картин действительности, необходимость упорядоченной традиции. Их претензия на всеохватывающую истинность предполагает контроль над действиями отдельного человека и руководство его общественной деятельностью». По существу, как видим, просвещенный мыслитель середины XX в. не прочь воскресить теократический идеал средневековья, ему мерещится церковное руководство не только над «картинами действительности», не только в абстрактно-идеологической области, но и в практике, в общественной жизни. Ясперс вся-

чески поддерживает претензии церковников на руководство. И Библия, по его мнению, есть лучшее орудие обоснования этих претензий. «Авторитет,— говорит он,— есть не только... руководство через институты и их представителей — духовенство, но также через почтение и доверчивое прислушивание к руководству духом великого прошлого — трехтысячелетней давности». Поскольку люди верят Библии, надо это полностью использовать: ведь «здесь люди ожидают увидеть истину»! Чего же больше нужно?!

Особенно ценна, утверждает американский теолог Осборн, содержащаяся в Библии «идея руководства». Там, правда, речь идет о божьем руководстве человеком, а не о руководстве одних людей другими. Но на это Осборн призывает не обращать внимания, ибо главное — то, что сама идея руководства есть христианская идея, идущая из Библии. А эта идея представляет большую ценность для американского и всякого иного империализма.

Пикантно звучит в устах Осборна признание того, что американская пропаганда «идеи руководства» исходит вовсе не из библейских учений, а из куда более практических причин и соображений. «Можно допустить,— говорит он,— что главным фактором в доктрине руководства были скорей «укусы необходимости», чем особое проникновение в Библию». Но использование Библии дает возможность маскировать требования своекорыстной империалистической необходимости, придавая им возвышенный и облагороженный религией вид: в Библии «руководство проповедуется, изучение ее различными группами (мужчины, женщины, молодежь, церковные коллективы) заставляет людей относиться к вопросу серьезно...». Это уже весьма ценно для тех, кто претендует на «руководство» всем человечеством. Тем более, что само это несознательное человечество почему-то не чувствует никакой необходимости в американском руководстве... С плохо разыгранной наивностью Осборн жалуется: «Европейцы теперь не знают эту доктрину («доктрину руководства».— *И. К.*) под ее именем, они не видят и ценности включения этой идеи в их документы. Американец не может понять этого отвращения». И именно на Библию Осборн возлагает часть своих надежд: она поможет преодолеть отвращение европейцев к американскому «руководству».

Итак, нужно, чтобы Библия была авторитетна в широких народных массах,— только тогда она может играть существенную роль в борьбе реакционных сил старого мира за со-

хранение своего господства. Но какими средствами можно поддерживать ее авторитет, когда в ходе научного и культурного развития человечества «священная» книга иудаизма и христианства поставлена на ее действительное место в ряду не менее и не более священных книг всех других религий? На чем основывают апологеты Библии свои утверждения о ее высочайшей авторитетности, о ее вечном и непреходящем значении? Их традиционная аргументация по этому вопросу может быть сведена к следующим пунктам:

1) Происхождение Библии — сверхъестественное, ее источник — божественное откровение, данное людям.

2) В Библии содержится высочайшая мудрость, с которой не могут сравниться никакие достижения человеческого разума, никакие завоевания науки.

3) Библия оказывает на людей облагораживающее воздействие содержащимся в ней сводом правил нравственного поведения и своими художественными красотами.

К этим давно пребывающим в обращении доводам идеологи религии систематически прибегают и теперь. Они не могут, однако, не видеть того, что в наше время на той ступени, которой достигло сегодня человеческое знание и умение, вся эта аргументация оказывается до неприличия слабой.

Рассмотрим каждый из перечисленных «доводов» по отдельности.

* * *

Для критической мысли само понятие богодухновенности во все времена должно было представляться неубедительным и странным. Основная его слабость заключается в том, что оно никак не может быть доказано и обосновано. Ссылка на то, что такая-то книга является богодухновенной и потому — абсолютно авторитетной, сама нуждается в доказательстве своей истинности. В самом деле, почему я должен считать, что богодухновенна именно Библия, а не «Слово о полку Игореве»? Здесь приходится просто слепо довериться какой-то группе богословов и проповедников; но почему им нужно верить и почему именно этой группе, а не любой другой?

Такого рода размышления и раньше смущали самых верующих людей. Но положение в этом отношении стало все больше усложняться по мере того, как рационалистическая, филологическая и историческая критика Библии разбиралась в этом религиозном документе все конкретнее и глубже. Цер-

ковникам становилось все более трудно оставаться на позициях общего решения вопроса о безусловной богодухновенности Библии, ибо обнаруживались факты, которые никак не могут быть примирены с этим решением.

Непонятной оказалась пестрота стиля различных библейских книг. Почему, в самом деле, дух божий должен был в книге Исайи говорить изысканным языком, «высоким штилем», в книге Иеремии — грубым и шероховатым языком малообразованного деревенского жителя, в книге Иезекииля — как взвинченный экзальтированный истерик, в Песни Песней — как поэт-лирик, в евангелии от Луки — как почти бесстрастный объективный повествователь, а в Апокалипсисе — как фантаст с мрачным и зловещим воображением? Уж несравненно логичней и правдоподобней было бы предположить, что все библейские произведения носят на себе печать индивидуальности их земных авторов и что, следовательно, богодухновенность не должна распространяться, по меньшей мере, на язык и стиль этих произведений. На это приходится пойти с тем большей необходимостью, что, например, греческий язык, на котором написаны книги Нового завета, признан специалистами весьма несовершенным и грубым, с большим количеством грамматических ошибок. Само собой разумеется, что приписать Всеведущему плохое знание греческого или какого-нибудь другого языка — совершенно невозможно. Надо искать другой выход.

Положение еще больше осложняется, когда возникает вопрос о внутренней непоследовательности и противоречивости содержания Библии, о наличии в ней огромного множества несуразиц и внутренних противоречий, массы географических, исторических и подобных им ошибок. Чем больше таких ошибок и противоречий обнаруживалось в библейских книгах, тем сложней оказывалась проблема богодухновенности «священного писания». Перед богословами стоит исключительно трудная, по существу неразрешимая проблема такого объяснения этого конфузного положения, при котором, с одной стороны, можно было бы не отрицать совершенно очевидные факты, а с другой стороны, не пострадала бы богодухновенность.

Наиболее «дешевым» способом отделаться от докучных и опасных вопросов, связанных с богодухновенностью всех странных до нелепости библейских казусов, является ссылка на ошибки, сделанные переводчиками и переписчиками. Но ссылки на переводчиков не спасают дела. В большинстве случаев нетрудно доказать, что перевод здесь ни при чем, ибо данная нелепость наличествует в самом содержании Библии

и фигурирует как в древнееврейском тексте, так и в греческом переводе «70 толковников» и в латинской Вульгате. Утверждать же, что виноваты переписчики, наделавшие ошибок, — опасно для авторитета «священного писания». Так как эти «ошибки переписчиков» фигурируют в самых древних из дошедших до нас рукописей Библии, то стоять на такой точке зрения — значит давать возможность сомневаться в подлинности любого библейского текста, подозревая его в том, что он явился продуктом ошибки переписчиков. Поэтому церковники сравнительно редко прибегают к аргументу «от переписчиков» и, наоборот, стараются обычно оставлять в тени вопрос об их деятельности даже тогда, когда те или иные их ошибки или намеренные искажения, например вставки или, наоборот, сокращения текста, раскрываются библейской критикой.

К тому же главная беда и главное затруднение заключаются не столько в отдельных разночтениях и противоречиях, содержащихся в библейском тексте, сколько во всем его содержании. Ведь никак нельзя свалить ни на переводчиков, ни на переписчиков фантастичность и предельную примитивность повествования книги Бытия о сотворении мира и человека, вопиющую безнравственность многих библейских поучений и рассказов, человекоподобность библейского бога. Приходится искать благовидное объяснение каждому такому неприличному случаю.

Некоторые возможности маневрирования в этом вопросе теологи нашли в концепции так называемого невербального откровения, по которой богодухновенны лишь идеи, содержащиеся в Библии, а словесное выражение этих идей принадлежит земным авторам. Крайним выражением этой точки зрения является признание того, что сами сюжеты библейских мифов и повествований должны быть отнесены за счет людей, писавших библейские книги, а богодухновенными надо считать лишь общие идеи; в каждом, мол, случае из божественного источника происходит лишь «мораль сей басни», а сама басня сочинена баснописцем и имеет, стало быть, не божественное, а человеческое происхождение. При таком решении вопроса, кстати говоря, ни одно библейское повествование не может претендовать на историческую достоверность.

Что же тогда остается от богодухновенности? Она оказывается таким же мифом, как те, которые в изобилии наличествуют на страницах Библии. Особенно ясным делается этот факт в свете разбора вопроса о пресловутой мудрости, якобы заключающейся в библейских книгах.

* * *

Если бы действительно Библия содержала в себе ту невиданную удивительную мудрость, о которой так любят распространяться иудейско-христианские проповедники, то это, конечно, было бы важнейшим аргументом в пользу ее авторитетности и величайшей ценности для человечества. Это в большой степени компенсировало бы и указанные выше, мягко выражаясь, слабые места учения о ее богодухновенности. В самом деле, если книга учит людей величайшей мудрости, то, может быть, не так уж существенно, что ее происхождение оказывается не небесным, а земным, не божественным, а человеческим?!

Под мудростью следует, очевидно, понимать прежде всего то, что учит людей истине, что дает им глубокое проникновение в сущность явлений природы и общества, что просвещает человека относительно его самого и всех других людей, относительно истории возникновения и развития природы, человека и общества. Короче говоря, речь идет о той картине мира, которую Библия раскрывает перед человеком, читающим ее и относящимся с доверием к тому, что она ему сообщает.

Можно ли, однако, найти в Библии такую картину мира? При всей противоречивости и пестроте библейских повествований, а также и идей, которые могут быть выводимы из этих повествований, в этой пестрейшей мозаике библейских текстов можно все же найти некие ведущие нити, дающие обобщающую картину. В Библии действительно можно вычитать какую-то общую картину мира, и в этом смысле ее современные апологеты имеют некоторые основания говорить о «библейском мировоззрении». Правда, они вкладывают в это понятие то содержание, которое им нужно и выгодно; очень часто это содержание идет вразрез с действительным содержанием библейских легенд и поучений; еще чаще то или иное современное толкование библейской картины мира согласуется с одними библейскими текстами и противоречит другим, что совсем не удивительно, если иметь в виду вообще характерную для смысла библейских книг противоречивость. Но нам нужно сейчас отвлечься от всевозможных толкований и кривотолкований смысла Библии и рассмотреть этот смысл таким, каким он выглядит в самих библейских текстах.

Общеизвестно содержание космологических, космогонических, антропологических и им подобных библейских легенд. Записывая аналогичные легенды у народов Океании, Австралии, Южной Америки и т. д., этнографы и фольклористы не ищут в них никакой особой мудрости. Они изучают их при

помощи специфических приемов своей науки, подвергают их анализу с точки зрения лингвистической, литературно-формальной, сравнительно-этнографической, религиозно-исторической. В огромнейшем количестве всевозможных мифов и сказок, записанных у различных народов земного шара, оказалось очень много общего по содержанию и даже по форме с библейскими легендами; знаменитый английский этнограф Дж. Фрэзер потратил немало усилий на установление параллелей и аналогий между произведениями фольклора современных отсталых народов и библейскими сюжетами. Культурный и умственный уровень тех и других легенд вполне сравним, а в ряде случаев здесь можно констатировать сходство, близкое к тождеству. И в этом нет ничего удивительного, ибо библейские представления о мире складывались в тот период, когда народ, являвшийся их автором, стоял примерно на той же ступени культурного и умственного развития, что и те народы, у которых в наше время записываются соответствующие сказания.

Правда, в течение почти целого тысячелетия, на протяжении которого постепенно появлялись различные книги Ветхого завета, знания людей о природе росли и развивались, так что в начале нашей эры, когда стали появляться книги Нового завета, очень многое в ветхозаветной картине мира должно было уже представляться примитивным и устаревшим. Но оно было к этому времени окружено ореолом святости, освящено репутацией богодухновенности и непогрешимости, так что критике не подлежало и вошло поэтому в неприкосновенном виде в священные книги как иудаизма, так и христианства.

В данном случае произошло то, что обычно бывает с отжившими, ставшими уже анахронизмом, идеологическими явлениями, искусственно законсервированными при помощи религиозных предписаний: мертвое реакционное содержание отжившей идеологии держит в плену общественное сознание, которое под влиянием прогресса производительных сил, успехов развития материальной и духовной культуры уже переросло этот старый, канонизированный религиозными предписаниями уровень. «Мертвые повелевают» — так называется один из романов испанского писателя Бласко Ибаньеса; в этом названии ярко выражена та идея, что традиции и нормы, созданные предшествующими поколениями давно умерших людей, тяготеют над сознанием живых.

Ветхозаветная картина мира была анахронизмом уже в период возникновения христианства, ибо развитие культуры и, в частности, науки античного мира выработало к этому

времени иесравнеино более близкие к истине представления. Но иаряду с лиииеи наукн и матерналнзма, в борьбе с иеи шла лииия религии и ндеалнзма, унаследовавшая содержание предшествующнх ступеией релнгиозио-мифологического мышлення. Складывавшнеся соцнальиые отношення н условия классовой борьбы определяли, какне нменно мифы, какне релнгиозно-фаитастическне представления прошлого имелн нанбольшие шаисы иа то, чтобы в ходе развитня религиозной идеологнн уцелеть и лншь подвергнуться нзвестным измененням в соответствни с новой социальио-нсторической обстановкой.

Снстема мифологнческих представлений Ветхого завета в начале нашей эры давала подходящнй материал для построения иовой релнгнозно-мифологической системы, в которой иаходили свое выраженне надежды и чаяиия угнетенных масс Рнмской имперни, потерявших перспективу улучшення своего положеиня средствами реальиой классовой борьбы. Ветхозаветиая картнна мира была воспринята виовь возникшей релнгней как ее основанне н нсходный пункт. Бог Яхве-Саваоф оказался одним нз нпостасей Троицы, миф о грехе Адама и Евы получил свое продолжеине в учеини об Иисусе Христе, пожертвовавшем собой для того, чтобы сиять с человечества проклятие первородиого греха и тем спасти его. Ветхозаветиый же иудейский месснаннзм дал пнщу для мифа о Христе — Мессии. В Новом завете ветхозаветиая картина мира оказалась полностью сохраненной и лишь подвергшейся ряду изменеинй.

С того времени мннуло два тысячелетия, в теченне которых человечество прошло гнгантский путь техинческого, соцнально-экономнческого н культурного развнтня. Бнблейская картнна мнра выглядит в свете нтогов этого развнтня не более близкой к нстнне, чем та картина мира, которую можно найтн в мифологин древинх греков и римлян, ииков н майя, современных папуасов н аборигенов Австралин. Отстаивание «библейского мировоззрения» идеологами империалистнческой буржуазин стимулнруется отнюдь не стремлением к истнне, а шкурнническимн, корыстнымн интересами эксплуататорских классов.

И те же ннтересы побуждают апологетов «бнблейского мировоззрения» находнть в Бнблии божественно-возвышенную фнлософню нстории, истнниую концепцию всемнрно-исторического процесса. Действнтельно, Бнблня дает своего рода концепцию историческго процесса. Можио ли ее, одиако, принимать всерьез как учение, дающее возможиость людям понять

смысл истории, прошлое, настоящее и будущее человеческого общества? И может быть, именно в ней заключается пресловутая библейская мудрость?

Одно лишь изложение библейской концепции исторического процесса, если освободить это изложение от специфически богословской фразеологии, в состоянии возбудить недоумение: неужели можно всерьез принимать эту сумбурно-фантастическую конструкцию, возникшую в общественном сознании людей периода разложения первобытно-общинного строя и последовавшей за ним рабовладельческой формации?!

Напомним основные элементы этой конструкции, как она выглядит в христианстве: первородный грех Адама и Евы — исходный момент исторического процесса и первопричина всех зол на земле; гибель богочеловека Христа во искупление этого греха и во спасение человечества; необходимость его второго пришествия и окончательного, страшного суда, по приговору которого праведники обретут вечное блаженство, а грешники уйдут в ад на вечные мучения, чем и завершится всемирно-исторический процесс...

Фантастическая и до последней степени примитивная концепция природы сочетается в Библии с не менее фантастическим учением об историческом процессе. То, что современные проповедники религии важно именуют библейским мировоззрением, оказывается набором мифов, которые мыслящий человек XX столетия может рассматривать лишь как беспомощный лепет периода детства человеческого рода.

* * *

В апреле 1959 г. глава немецкой лютеранской церкви архиепископ Дибелиус опубликовал в печати открытое письмо главе правительства Германской Демократической Республики О. Гротеволю, содержавшее полемику против призыва Гротеволя вести атеистическую пропаганду. Основным аргументом Дибелиуса была при этом апелляция к библейской этике.

Само собой разумеется, Дибелиус категорически отвергает нравственные критерии коммунистической этики. Больше того, он отвергает любую мораль, происходящую не из божественного источника. «Что́ хорошо и что́ дурно, нравственно и безнравственно, — определяет сам живой бог, никакой человек, никакое движение, никакой класс и никакое мировоззрение. Масштабом нравственности являются 10 заповедей и учение Евангелия. Новые 10 заповедей, устанавливаемые людьми, ни-

когда не будут приняты христианами». Важно для протестантского, да и для всякого иного богослова, чтобы мораль имела сверхъестественную, религиозную санкцию, чтобы она была не просто моралью, а библейской моралью. Но для того чтобы библейская мораль могла быть поставлена принципиально выше любой другой религиозной или светской морали, нужно признание богооткровенного сверхъестественного происхождения самой Библии. Этика 10 заповедей только в том случае может считаться уникальной и играть, так сказать, вне конкурса, если будет обеспечено признание того, что ее получил на горе Синай праотец наш Моисей из рук самого Яхве, что эти божеские руки выгравировали ее заповеди на двух каменных скрижалях и т. д. А это, в свою очередь, значит, что отбрасывать мифологическую часть Библии, сводя всю религию к этике, невозможно, ибо тогда ничего не остается ни от религии, ни от религиозной этики.

Но если даже оставить в стороне вопрос об источнике библейской этики и рассматривать последнюю просто как некий свод правил нравственного поведения, то положение тех апологетов Библии, которые признают за этим сводом высочайшую ценность, отнюдь не станет легче. Беда в том, что доказать эту ценность в высшей степени трудно, если не вовсе невозможно.

В Библии содержится ряд таких этических норм, которые звучат как будто весьма «благородно». Запрещение убийства, кражи, развратного поведения — все это, казалось бы, заслуживает безоговорочной поддержки и самой высокой оценки. Но дело вовсе не так просто, как его хотят изобразить проповедники библейской морали. На каждое из приведенных выше запрещений в Библии имеется и разрешение. Помимо того, можно к каждой библейской заповеди привести ярчайшие примеры ее грубейшего нарушения наиболее почтенными библейскими персонажами, вплоть до самого бога.

Нет ни одного человеческого деяния, которого нельзя было бы осудить на основании Библии. С другой стороны, нельзя себе представить ни одного поступка, которого нельзя было бы на основании той же Библии не только оправдать, но и возвести в добродетель, освятить его, как проявление угодного богу поведения. Ибо в Библии нет единого этического учения, нет какой-то определенной системы морали.

С одной стороны — «не убий», с другой — многочисленные предписания и наставления к беспощадному истреблению людей. «Не укради»— и боговы инструкции своему избранному

народу, как обокрасть египтян, как грабить народы Ханаана. «Не прелюбодействуй» — и образцы полной сексуальной разнузданности самых почтенных персонажей. Проповедь мира — и «не мир пришел я принести, но меч». Наставления о необходимости трудиться — и труд как проклятие за первородный грех. Призывы к бережливости — и «не собирайте себе сокровищ на земле», «не заботьтесь о том, что вам есть и что пить». На всякое запрещение — разрешение, на всякое проклятие — благословение, на всякое назидание — контрназидание, на всякое наставление—указания о том, что не нужно ему следовать. Французский атеист начала прошлого века Сильвен Марешаль характеризовал Библию как «литературный хаос, где как попало перемешаны добро и зло, красивое и посредственное, целомудренные картины, чувственные изображения, суровая мораль, распущенность и даже поругание нравов».

Атеисты прошлого и, в частности, французские материалисты и просветители XVIII в. нередко именовали Библию учебником безнравственности. Тот же Марешаль писал о ней: «Книга, с первых же строк которой прелюбодеяние в самом деле предлагается христианским женщинам в качестве образца поведения; книга... которая проповедует и защищает пренебрежение детей к своей матери, оставление детьми своих отцов; книга, отсоветующая отдавать последний долг мертвым; эта адская книга, которая под видом нового блага возвещает людям не мир, а войну; эта опасная книга, в которой столько же нелепого, сколько безнравственного». В других местах он ее называет «грязной и кровавой книгой», «ужасной книгой, каждая строка которой вызывает потоки крови и желчи». Такие же характеристики можно видеть и у Гольбаха, и у Дидро, и у Вольтера. Последний, например, писал о библейских книгах как о «памятниках самого разнузданного безумия и самого гнусного разврата».

В этих высказываниях великих вольнодумцев прошлого много истины, но это не вся истина. Считать Библию книгой, просто лишенной этических взглядов, — значит придерживаться упрощенного взгляда, главный недостаток которого заключается в его неисторичности. В Библии есть своя этика, и даже не одна, а несколько. Образцы поведения библейских персонажей, выглядящие совершенно безнравственно для нашего времени, полностью соответствовали морали той исторической эпохи, когда легенды об этих персонажах возникли. Это не безнравственность, это нравственность определенной исторической эпохи или даже ряда эпох.

Библейские книги возникали и редактировались на протяжении целого тысячелетия, в течение которого менялись общественные порядки, а вместе с ними менялись и представления о том, что нравственно и что безнравственно; в Библии постепенно отражались эти последовательно возникавшие морально-этические представления. Помимо того, как известно, в ряде библейских книг фигурируют записи текстов, значительно более древних, чем сами эти книги, и относящихся еще к периоду родового быта. В общем, таким образом, Библия должна была последовательно выразить морально-этические нормы, характерные для родового общества, для стадии его разложения, для эпохи возникновения, расцвета и гибели рабовладельческого строя. И хотя господствующей моралью каждого общества является мораль господствующего класса, но существуют в каждую эпоху и морально-этические взгляды угнетенного класса, а также неосновных классовых группировок, существующих в данном обществе. Когда мы имеем дело с определенным историческим памятником, принадлежащим одному автору или группе авторов одной исторической эпохи, то там сравнительно нетрудно дать анализ морально-этических взглядов автора или авторов. В случае же с Библией задача несравненно сложней, так как в ней мы имеем дело с наслоениями идеологии ряда исторических эпох и различных классовых группировок в каждую из этих эпох. Важно при этом отметить, что морально-этические нормы, возникшие в одно время, наполнялись другим реальным содержанием в последующие времена.

Сами по себе моральные нормы и запреты, взятые в их общем словесном выражении, могут совпадать в различных и даже противоположных идеологиях. Но ведь главное заключается не в словесной формулировке того или иного положения или предписания, а в его реальном содержании! А содержание библейских заповедей решительно чуждо нашему времени, так как порождено совсем другими историческими условиями. Многие нормы библейской морали прямо противоположны тому духу, в котором практика классовой борьбы воспитывает трудящихся капиталистических стран. Содержание библейской морали в целом противоположно моральному кодексу борца за социализм и коммунизм, пропагандируемому коммунистическими и рабочими партиями. Многие нормы библейской морали вообще не имеют никакого смысла для нашего времени — например, всевозможные пищевые запреты или санитарно-гигиенические предписания, основанные на естественно-

научных представлениях бронзового века. Остается, таким образом, возможность выборочного использования библейской морали. Скажем, заповедь «не убий» должна быть сохранена, а заповедь «не вари козленка в молоке его матери» — отброшена. Но этот путь неприемлем и невозможен прежде всего для самой религии.

С религиозной точки зрения, в Библии не может быть ничего неправильного, отжившего, подлежащего упразднению и забвению; в ней все богодухновенно и свято. Либералы и модернисты, предлагающие очистить Библию от того, что им не нравится в ней, по существу отступают от религиозной точки зрения и становятся на путь эклектического сочетания религиозного и светского, естественного и сверхъестественного, исторического и «вечного». Отобрать из Библии одно и оставить другое — значит отказаться от ее трактовки как священной книги и подходить к ней, как к любому другому литературному произведению, в котором одни элементы признаются заслуживающими одобрения и распространения, другие осуждаются как несостоятельные и, может быть, даже вредные.

Вылавливание в Библии отдельных, «подходящих» для нашего времени моральных норм — абсолютно бесплодное и по существу бессмысленное занятие. Прописные моральные истины не только десяти заповедей, но и, например, Притч Соломоновых настолько плоски, настолько бессодержательны в своей абстрактности, что подобные им мы можем найти в сотнях других источников и памятников как религиозных, так и светских. В перечень этих памятников войдут и законы Хаммурапи, и древнеегипетское поучение Амен-эм-Опе, и Веды, и религиозно-философское наследие Конфуция и Лао-Тзе, и многое другое. Единственным основанием для того, чтобы на первое место поставить Библию и признать именно ее тем источником морали, в котором нуждается современное человечество, могут быть признаны только ее божественная сущность и столь же божественное происхождение. Но мы видели выше, чего стоят эти дежурные фразы библейской апологетики. К тому же. и здесь налицо образчик логики порочного круга: божественность Библии состоит в «возвышенности» ее морали, а возвышенность основывается на божественности. Не получается, таким образом, реабилитации Библии в качестве священной книги и при помощи ссылок на ее этическое значение.

Есть еще, правда, у апологетов Библии возможность опереться на те художественные красоты, которые в ней содержатся. Этот вопрос заслуживает рассмотрения.

На протяжении свыше тысячелетия в библейских книгах находило свое выражение народное творчество как древних евреев, так и ряда других народов средиземноморского бассейна. В ту эпоху все общественное сознание было проникнуто религиозной фантастикой. Художественное творчество народов неминуемо выливалось в мифологические и религиозные сюжеты. Библия воплотила в себе народное творчество ряда племен и других этнических образований, неустанно работавшее в течение тысячелетия. Могло ли случиться, чтобы в ней не нашел своего выражения народный художественный гений, который создавал шедевры искусства на всех ступенях человеческой истории? Конечно нет!

В Библии есть немало страниц высокой художественной ценности. Они могут доставлять нам такое же эстетическое наслаждение, как и любые другие равноценные им древнеэпические тексты. Однако из этого ни в коей мере не вытекает их божественность, «священность»: не признаем же мы священными произведениями ни Илиаду с Одиссеей, ни произведения русского народного эпоса, как и эпоса любого другого народа!

* * *

Апологетика Библии, как священной книги, потерпела крах по всем направлениям. Самым широким массам во всем мире становится все более ясно, что этот сборник «богодухновенных» произведений по своей сущности ничем не отличается от многих других, столь же «священных» книг всех других религий и что все в нем — не божественное, не сверхъестественное, а вполне человеческое. В этих условиях делается ставка на доказательство того, что истинна библейская картина исторического процесса, что библейские повествования, до недавнего времени расценивавшиеся как легенды и даже мифы, в свете археологических данных оказываются верными и исторически точными.

Если бы это было даже так, то все равно не спасало бы репутацию Библии как божественной и священной книги. Разве мало существует древних исторических произведений, сообщающих достоверные данные о том, что происходило в те времена на свете. Если бы даже можно было поставить Библию в этом отношении на одну доску, допустим, с сочинениями Фукидида и Тацита, то и это ни в коей мере не могло бы восстановить тот ореол божественности, который был для нее со-

здан на протяженни тысячелетий: Тацит был хороший историк, но на божественность он претендовать не может...

Шумиха, поднятая в последние годы в буржуазно-церковной прессе вокруг вопроса об археологических открытиях, принесших якобы экстраординарные и сенсационные подтверждения Библии, оказалась, как и следовало ожидать, пустопорожней болтовней, рассчитанной на легковерных людей. Одни из библейских легенд предстали перед нами в свете новых археологических материалов как имеющие под собой довольно серьезные исторические основания, другие — как лишенные исторического значения и приближающиеся в этом отношении к мифам. Так ведь обстоит дело не только с Библией, но и с любым другим произведением человеческого духа, дошедшим до нас из времен глубокой древности. Разве не то же можно сказать об индуистской Махабхарате, германской Эдде, буддийской Трипитаке и даже таких произведениях, не имеющих непосредственного религиозного значения, как Илиада и Одиссея?!

Но ведь так получается, что Библия становится в один ряд со священными книгами других религий! И больше того — в один ряд с вовсе не религиозными книгами! Ну, что же делать, именно так и получается. Она и стоит в этом ряду — ничем не хуже их, но и не лучше.

Археологические работы в «библейских» странах продолжаются с неослабевающей силой. Можно надеяться на то, что они дадут еще немалое количество интересных открытий, которые прольют свет на остававшиеся до сих пор темными страницы древней истории. В одном только невозможно и нет надобности сомневаться: ни одно археологическое, ни какое бы то ни было другое открытие никогда не даст никаких материалов для выводов о непогрешимости и безошибочности Библии, о ее божественном происхождении и богодухновенности. Ибо все, что создано обществом в любой области человеческой деятельности, будь то техника или живопись, литература или религия,—все это — земное, человеческое, в худшем случае лишь изуродованное и искаженное религиозно-мистической фантазией.

С тем большим интересом мы будем ждать появления новых материалов об археологических работах, связанных с историческим содержанием Библии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. И. Д. Амусии. Рукописи Мертвого моря. М., 1960.
2. В. Л. Бузескул. Открытия XIX и иач. XX вв. в области истории древиего мира. I. Восток. Петроград, 1923.
3. А. П. Каждан. Новые рукописи, открытые иа побережье Мертвого моря.— «Вопросы истории религии и атеизма», т. 4, 1956.
4. С. И. Ковалев и М. М. Кубланов. Находки в Иудейской пустыие. М., 1960.
5. Г. М. Лифшиц. Кумраиские рукописи. Минск, 1959.
6. Я. А. Леицмаи. Происхождеиие христиаиства. М., 1958.
7. А. Б. Раиович. Очерк истории древиееврейской религии. М., 1937.
8. А. Б. Раиович. О ранием христианстве. М., 1959.
9. Р. И. Рубинштейн. Новые археологические открытия в Египте. М., 1962.
10. К. Б. Старкова. Новая литература о рукописях из окрестностей Мертвого моря. — «Вестник Древией Истории», 1958, №1.
11. Ю. П. Фраицев. У истоков религии и свободомыслия. М.—Л., 1959.
12. W. F. Albright. From the Stone Age to Christianity, 7 ed., N. Y., 1957.
13. U. C. Ewing. The Essene Christ. N. Y., 1961.
14. J. Finegan. Light from the Ancient Past, 2 ed., N. Y., 1959.
15. N. Glueck. Rivers in the Desert. N. Y., 1959.
16. H. Gressmanh. Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament, 2 Aufl., Leipzig, 1926—1927.
17. L. H. Grollenberg. Atlas of the Bible. N. Y., 1956.
18. A. Jirku. Ausgrabungen in Palestina-Syrien, Halle, 1956.
19. G. L. Harding. The Antiquities of Jordan. N. Y., 1959.
20. W. Keller. Und die Bibel hat doch Recht. Düsseldorf, 12 Aufl., 1958.
21. K. M. Kenyon. Digging in Jericho. London, 1957.
22. E. Kirschbaum. The Tombs of St. Peter and St. Paul. N. Y., 1959.
23. Z. Kosidowski. Opowies'zi o bibliyne iskry. Warszawa, 1963.
24. G. Mendenhall. The Hebrew Conquest of Palestine. — "Biblical Archaeologyst", v. XXV, № 3, sept. 1962.
25. P. Montet. L'Egipte et la Bible. Paris, 1959.

26. M. N o t h. Die Welt der Alten Testament. Berlin, 1957.
27. I. N i k o l u s s i. Hat die Bibel Recht? Insburck, 1957.
28. G. F. O w e n. Archaeology and The Bible. N. Y., 1961.
29. H. H. R o w l e y. The Old Testament and Modern study. Oxford, 1961.
30. T. S c h w e g l e r. Die biblische Urgeschichte. München, 1960.
31. Y. T o m p s o n. Archaeology and the New Testament. Michigan, 1960.
32. H. F. V o s. An Introduction to Bible Archaeology. Chicago, 1956.
33. G. E. W r i g h t. Biblical Archaeology. Philadelphia-London, 1957.
34. The Bible and the Ancient Near East. Essays in Honor of W. F. Albright, ed. by G. E. W r i g h t. N. Y., 1961.
35. L. W o o l e y. Exavations at Ur. N. Y., 1955.

СОДЕРЖАНИЕ

Иосиф Аронович Крывелев

РАСКОПКИ В «БИБЛЕЙСКИХ» СТРАНАХ

Редактор **М. Г. Пожидаева**

Худ. ред. **В. В. Щукина**

Тех. ред. **В. А. Авдеева**

Корректор **В. А. Черенкова**

Сд. в наб. 1/XII-64 г. Подп. к печ. 29/III-65 г. Формат бум $60\times84^{1}/_{16}$. Физ. печ. л. 20,0+16 вклеек. Уч.-изд. л. 20,6. Изд. инд. НЛ-148. А03969. Тираж 40 600 экз. Цена 79 коп. в переплете. Тем. план 1965 г. № 73.

■

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати, г. Электросталь Московской области, Школьная, 25. Заказ 363.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, д. 13/15, издательство «Советская Россия».

79 коп.